

ISSN 1857-2685 (Print)
e-ISSN 2345-1149 (PDF)

Русь

2024. Том 75

Общественная ассоциация «Русь»
Национальный исследовательский
Томский государственный университет

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первонерарха Русской православной церкви
заграницей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

международный исторический журнал

Русьны

2024. № 75

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинёв, Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

**With the Blessing of His Eminence Laurus,
First Hierarch of the Russian Orthodox Church Abroad,
Metropolitan of Eastern America and New York**

International Historical Journal

RUSIN

2024. Nr. 75

Association "Rus" (Chişinău, Moldova)

National Research
Tomsk State University (Tomsk, Russia)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Сергей Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Ответственный секретарь

Никита Глущенко

Томский государственный университет (Россия)

Богдан Боднарюк

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Василий Зиновьев

Томский государственный университет (Россия)

Анна Плишкова

Пряшевский университет (Словакия)

Зоя Резанова

Томский государственный университет (Россия)

Николай Руссев

Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака (Молдова)

Игорь Силантьев

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Россия)

Вячеслав Содоль

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Николай Тельнов

Академия наук Молдовы (Молдова)

Александр Черкасов

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований
(США)

Михайло Чучко

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Роман Шапка

(Канада)

Пётр Шорников

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Михайло Фейса

Нови-Садский университет (Сербия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Sergey Sulyak

St. Petersburg State University (Russia)

Executive Editor

Nikita Glushchenko

Tomsk State University (Russia)

Bogdan Bodnaryuk

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Vasiliy Zinoviev

Tomsk State University (Russia)

Anna Plišková

University of Preshov (Slovakia)

Zoya Rezanova

Tomsk State University (Russia)

Nikolay Russev

Grigoriy Tsamblak Taraclia State University (Moldova)

Igor Silantev

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)

Veacheslav Sodol'

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Nicolai Telnov

Academy of Sciences of Moldova (Moldova)

Aleksandr Cherkasov

International Network Center for Fundamental and Applied Research (USA)

Mykhaylo Chuchko

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Roman Shapka

(Canada)

Petr Shornikov

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Mikhajlo Fejsa

University of Novy Sad (Serbia)

СОДЕРЖАНИЕ

Страница редактора	9
--------------------------	---

История

Пашин С.С.

Шляхетское население юга Галицкой земли в XV в.	14
--	----

Грябан В.В.

Неопубліковане листування славістів Ватрослава Ягича та Євгенія Козака з фондів наукової бібліотеки Чернівецького університету і Національної та університетської бібліотеки в Загребі	37
--	----

Зиновьев В.П., Суляк С.Г., Семенов Ю.В.

Межэтническое разделение труда в Волынской губернии по данным переписи 1897 г.	72
---	----

Сушко А.В., Петин Д.И.

Борьба за красную Галицию в советском Омске (1920 г.)	89
---	----

Лингвистика и язык

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.

Библейские имена и русинская «формула невозможного»	105
---	-----

Пекунова И.С.

Происхождение одной восточнославянской редакции текста Книги деяний апостольских (еще раз к вопросу о языковой избыточности)	130
--	-----

Бекасова Е.Н.

Лингвистические аспекты прений Андрея Курбского с Иваном IV	150
---	-----

Руднев Д.В.

Польские императивные конструкции в русском деловом языке Петровской эпохи	166
--	-----

Курьянович А.В., Серебренникова Е.А.

Картины мира славянских народов: особенности представления в современном лингводидактическом дискурсе	188
---	-----

Алешина О.С., Мишина В.С., Филь Ю.В.

Семантика неполноты действия в русском, украинском и английском языках	212
--	-----

Ясинская М.В.

Специфика языкового ландшафта словенцев в Италии (долины рек Торре и Натизоне)	233
--	-----

Резанова З.И., Владимирова В.Е., Махмудов У.Р.

Языковая символизация перцептивного опыта (славянско-тюркские соответствия)	248
--	------------

Дронова Л.П.

Лексика общеприцательной оценки в русинском языке (историко-культурный аспект)	263
---	------------

Толстик С.А.

Понятие «ссора» в истории русинского языка	275
---	------------

Антропология

Пилипенко Г.П., Борисов С.А.

Вариативность антропонимов в составе эпитафий на языках миноритарных сообществ Боснии и Герцеговины	297
--	------------

Социология и политология

Иванкова К.С.

Межкультурные особенности восприятия аффективных видео (русско-польские соответствия)	319
--	------------

Саболова Д.

Новообразования политической сферы в интернет-пространстве	334
---	------------

CONTENT

Editorial	9
------------------------	----------

History

Pashin S.S.

The szlachta of the south of Halych land in the 15th century	14
---	-----------

Hryaban V.

The unpublished correspondence between Slavists Vatroslav Yagić and Evgeniy Kozak from the collections of Chernivtsi University Research Library and the National and University Library in Zagreb	37
---	-----------

Zinoviev V.P., Sulyak S.G., Semenov J.V.

Interethnic division of labor in Volhynia according to the 1897 census	72
---	-----------

Sushko A.V., Petin D.I.

The struggle for Red Galicia in Soviet Omsk (1920)	89
---	-----------

Linguistics and Language

Mokienko V.M., Nikitina T.G.

Biblical names and the Rusin "formula for the impossible"	105
--	------------

Pekunova I.S.

The origin of one East Slavic edition of the text of the Book of Acts of the Apostles (linguistic redundancy reviewed)	130
---	------------

Bekasova E.N.

The linguistic aspects of Andrei Kurbsky's debate with Ivan IV	150
---	------------

Rudnev D.V.

Polish imperative constructions in the Russian business language of the Petrine era*	166
---	------------

Kurjanovich A.V., Serebrennikova E.A.

Pictures of the world of Slavic peoples: Specificity of representation in modern linguodidactic discourse	188
--	------------

Aleshina O.S., Mishina V.S., Fil. Y.V.

Semantics of incomplete action in Russian, Ukrainian, and English	212
--	------------

Yasinskaya M.V.

The specificity of the linguistic landscape of the Slovenes in Italy (the Torre and Natizone valleys)	233
--	------------

<i>Rezanova Z.I., Vladimirova V.E., Makhmudov U.R.</i>	
Language symbolization of sensory perceptions	
(Slavic-Turkic correspondences)	248

<i>Dronova L.P.</i>	
Lexis of general negative evaluation in the Rusin language (a historical and cultural aspect)	263

<i>Tolstik S.A.</i>	
The concept <i>ssora</i> in the history of the Rusin language	275

Anthropology

<i>Pilipenko G.P., Borisov S.A.</i>	
The variability of anthroponyms in epitaphs in the minority languages of Bosnia and Herzegovina	297

Sociology and Political Science

<i>Ivankova K.S.</i>	
Cross-cultural specificity of perception of affective videos (Russian-Polish correspondences)	319

<i>Sabolova D.</i>	
Political neologisms in the Internet	334

УВАЖАЕМЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ, АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА!

В данный выпуск журнала, наряду с другими материалами, включена серия статей, проблематика которых обсуждалась на юбилейной X конференции «Славянские языки в условиях современных вызовов», которая была проведена Национальным исследовательским Томским государственным университетом в партнёрстве с журналом «Русин».

Представители разных национальных научных традиций представили свои работы, посвящённые истории и современному состоянию славянских языков в широком социокультурном контексте.

Как и в прошлые годы, в статьях выпуска раскрывается, наряду с фрагментами истории и современного состояния русинского языка, широкий спектр проблем славянского этноязыкового единства и разнообразия.

Фрагменты языковой картины мира русинов через призму лексико-фразеологического фонда языка представлены в статьях В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной, Л.П. Дроновой, С.А. Толстик. Принципы формирования особого семантического комплекса (формула невозможного) русинской паремиологии охарактеризованы В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной с опорой на ассоциативные смыслы библейских имён. Смысловые трансформации праславянской семантики при формировании лексико-семантического поля отрицательной оценки проанализированы Л.П. Дроновой. Своеобразной конкретизацией теоретических положений, сформулированных в статье Л.П. Дроновой, является проведённый С.А. Толстик анализ лексико-семантической группы «ссора» в истории русинского языка.

Сравнительно-сопоставительная славистическая проблематика представлена исследованиями, проведёнными на основе разной методологии. С использованием классических методов функционально-семантического анализа О.С. Алешина с соавторами выявляют общность и своеобразие выражения семантики неполноты действия в русском, украинском и английском языках. Две статьи представляют сравнительные исследования, выполненные в рамках психолингвистической парадигмы с использованием экспериментальных методов сбора материала и приёмов статистической обработки результатов. З.И. Резанова с соавторами доказывают влияние этноязыковых различий на осознание роли перцептивного опыта в формировании

лексической семантики представителями славянской и тюркской лингвокультур. К.С. Иванкова охарактеризовала соответствия и различия в оценках аффективных видео представителями русского и польского этнокультурных сообществ. На методологической основе современного дискурс-анализа А.В. Курьянович и Е.А. Серебренниковой выявлены аспекты единства и своеобразия картины мира, формируемой в лингводидактическом дискурсе нескольких славянских этнокультур.

Статьи данного выпуска являются ярким свидетельством того, что современные славистические исследования активно обогащаются новой междисциплинарной методологией, а их авторы привлекают новые источники данных, что позволяет сформировать новый уровень доказательности выводов. В статье Г.П. Пилипенко и С.А. Борисова на основе анализа эпиграфий, своеобразных образцов наивного письма, выявлены диалектные черты исходных говоров первых переселенцев Боснии и Герцеговины. М.В. Ясинская представляет доказательства присутствия словенцев в языковом ландшафте долины рек Торре и Натизоне в Италии. Своеобразно соотносится с данными исследованиями работа И.С. Пекуновой, в которой на основе применения методов сопоставительного фонетического (акцентологического) анализа определено происхождение одной восточнославянской редакции текста Книги деяний апостольских.

Влияние социокультурного контекста на формирование новаций в лексическом строе языка объединяет обращённые к разным историческим эпохам в развитии двух славянских языков работы Д.В. Руднева и Д. Саболовой. Д.В. Руднев характеризует польские императивные конструкции в деловом языке петровской эпохи, Д. Саболова – новообразования политической сферы в интернет-пространстве в современном словацком языке. Большая часть статей представляет результаты анализа систем языков или частных дискурсов в их составе. Лингвоперсонологическая проблематика представлена статьёй Е.Н. Бекасовой, в которой охарактеризован лингвистический аспект переписки Андрея Курбского с Иваном IV.

Полагаем, что данный выпуск весьма репрезентативно представляет многообразие исследуемых аспектов славянских языков, в том числе русинского языка, в их современном состоянии и исторической перспективе, с учетом внутриязыковых и социокультурных детерминаций, с привлечением широкого спектра собственно лингвистических и междисциплинарных методов анализа и репрезентативных источников. Вследствие этого статьи данного выпуска адресованы не только славистам, но и специалистам, разрабатывающим общие проблемы дискурс-анализа, экспериментальной психолингвистики,

лингвистического источниковедения, компаративистики, семантики, лексикологии, других частных лингвистических направлений.

Программный и организационный комитеты конференции «Славянские языки в условиях современных вызовов» выражают благодарность редколлегии журнала «Русин» за длительное плодотворное сотрудничество, а также всем участникам конференции за создание атмосферы научного поиска и плодотворных дискуссий на конференции 2024 г. и приглашают к дальнейшему сотрудничеству славистов, изучающих историю и современное состояние языков в широком социокультурном контексте с использованием традиционных и новейших собственно лингвистических и междисциплинарных методов.

*З.И. Резанова, профессор,
доктор филологических наук, профессор кафедры
общей, компьютерной и когнитивной лингвистики
филологического факультета
Томского государственного университета;
С.Г. Суляк,
главный редактор*

DEAR MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD, AUTHORS AND READERS OF THE JOURNAL!

This issue of *Rusin*, together with other materials, contains a series of articles based on the reports of the 10th Conference *Slavic Languages: Responding to New Challenges* held by the National Research Tomsk State University in partnership with *Rusin International Journal*. Representatives of various national academic traditions presented their works on the history and current state of Slavic languages in a broad socio-cultural context.

As in previous years, the articles in this issue reveal, along with fragments of the history and current state of the Rusin language, a wide range of problems of Slavic ethnolinguistic unity and diversity.

Fragments of the linguistic picture of the world of the Rusins through the prism of the lexis and phraseology are presented in the articles by Valerii M. Mokienko and Tatiana G. Nikitina, Liubov P. Dronova, and Svetlana A. Tolstik. Mokienko and Nikitina describe the principles of formation of a special semantic complex (the formula for the impossible) of Rusin paremiology, based on the associative meanings of biblical names. Dronova analyzes semantic transformations of Proto-Slavic semantics in the formation of the lexical and semantic field of negative evaluation. Tolstik uses the theoretical provisions from Dronova's research to provide a practical analysis of the lexical and semantic group "ssora" in the history of the Rusin language.

Comparative approaches to Slavic problems are represented by studies on the basis of different methodologies. Using classical methods of the functional-semantic analysis, Yulia V. Fil et al. reveal the common and unique features in expressing the semantics of incompleteness of action in Russian, Ukrainian, and English. The comparative studies in other two articles are carried out within the framework of the psycholinguistic paradigm using experimental methods of collecting data and statistical processing of results. Zoya I. Rezanova et al. prove the influence of ethnolinguistic differences on the awareness of the role of sensory perceptions in the formation of lexical semantics by representatives of Slavic and Turkic linguacultures. Ksenia S. Ivankova focuses on correspondences and differences in the assessments of affective videos by representatives of the Russian and Polish ethnocultural communities. Anna V. Kurjanovich and Elena A. Serebrennikova use modern discourse analysis to identify the aspects of unity and uniqueness of the picture of the world formed in the linguadidactic discourse of several Slavic ethnocultures.

This issue is a clear indication that modern Slavic studies are actively enriched by new interdisciplinary methodology and new sources of data, which allows for a new level of argumentativeness. Gleb P. Pilipenko

and Sergej A. Borisov analyze epitaphs as unique examples of naive writing to identify dialectal features of the first settlers' original dialects in Bosnia and Herzegovina. Maria V. Yasinskaya presents evidence of the presence of Slovenes in the linguistic landscape of the Torre and Natisone river valleys in Italy. Irina S. Pekunova uses the comparative phonetic (accentological) analysis to determine the origin of one East Slavic edition of the Book of Acts of the Apostles.

The influence of the socio-cultural context on the formation of innovations in the lexical structure of the language is discussed in the articles by Dmitriy V. Rudnev and Drahomira Sabolova, who address different historical eras in the development of two Slavic languages. Rudnev writes about Polish imperative constructions in the business language of the Petrine era, while Sabolova focuses on new formations of the political sphere in the Internet in the modern Slovak language. Most of the articles are based on the analysis of language systems or private discourses in their composition. Lingvopersonal issues are presented by Elena N. Bekasova, who touches upon the linguistic aspect of the correspondence of Andrei Kurbsky with Ivan IV.

We believe that this issue is quite representative of the diversity of the studied aspects of Slavic languages, including the Rusin language, in their current state and historical perspective, taking into account intralinguistic and socio-cultural determinations, with the involvement of a wide range of linguistic and interdisciplinary methods of analysis and representative sources. As a result, the articles of this issue may be of interest not only for Slavists, but also for specialists in general problems of discourse analysis, experimental psycholinguistics, linguistic source studies, comparative studies, semantics, lexicology, and other linguistic areas.

The program and organizing committees of the conference *Slavic Languages: Responding to New Challenges* express their gratitude to the editorial board of Rusin International Journal for long-term fruitful cooperation, as well as to all conference participants for creating an atmosphere of research and fruitful discussions at the conference in 2024. They invite to further cooperation the Slavists who study the history and current state of languages in a broad sociocultural context using traditional and newest linguistic and interdisciplinary methods.

Zoya I. Rezanova,
Professor, Doctor of Philology,
Head of the Department of General,
Computer and Cognitive Linguistics,
Faculty of Philology, Tomsk State University;
Sergey G. Sulyak,
Editor-in-Chief

УДК 94(438)"13":323.31(045)
UDC
DOI: 10.17223/18572685/75/2

Шляхетское население юга Галицкой земли в XV в.

С.С. Пашин

Тюменский государственный университет
Россия, 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, 23
E-mail: pashin-s@yandex.ru

Авторское резюме

Статья посвящена шляхте юга Галицкой земли в XV в. (Восточная Галичина, ныне южные районы Ивано-Франковской области Украины). Эта пограничная территория в XV в. была известна как Покутье. Автор изучил происхождение, родственные связи и материальное положение шляхетских родов, которые владели сёлами в Покутье. Князь Владислав Опольский в 1370-е гг. и особенно король Владислав-Ягайло на рубеже XV–XVI вв., раздавая земельные пожалования, стремились укрепить две линии обороны на границе с Молдавией – на левых берегах верхнего Прута и его притока Черемоша, а также увеличить шляхетское население Покутья. Сёла обычно получали шляхтичи русинского происхождения. Благодаря пожалованиям польских властей отдельные шляхтичи стали можновладцами, однако большинство из них владело одним или двумя небольшими сёлами. Эти шляхтичи погибли в ходе польско-молдавской войны 1431–1433 гг. Сыновья Ягайла передали лишившиеся владельцев сёла галицким можновладцам и, в меньшей степени, не укоренившимся в Червонной Руси уроженцам Польши. Как следствие, с 1440-х гг. большая часть шляхетского населения Покутья представлена вассалами Бучацких и Прокопов. Во время военных конфликтов вассалы вливались в отряды своих патронов, поэтому территория Покутья оказывалась беззащитной перед внешней угрозой.

Ключевые слова: галицкие шляхтичи, генеалогия, XV в., Покутье

The szlachta of the south of Halych land in the 15th century

Sergey S. Pashin

Tyumen State University

23 Lenin Street, Tyumen, 625003, Russia

E-mail: pashin-s@yandex.ru

Abstract

The article focuses on the szlachta (nobility) of the south of Halych land in the 15th century (Eastern Galicia, now the southern districts of the Ivano-Frankivsk region of Ukraine). This border territory in the 15th century was known as Pokuttia. The author has studied the origin, family ties and financial situation of the gentry families who owned villages in Pokuttia. Prince Vladislaus of Opole in the 1370s and especially King Władysław Jogaila in the late 15th – early 16th centuries distributed land grants to strengthen two lines of defense on the border with Moldova – on the left banks of the Upper Prut and its tributary Cheremosh, as well as to increase the gentry population of Pokuttia. The villages were usually given to noblemen of Rusinian origin. Due to grants from the Polish authorities, some noblemen became magnates, but most of them owned one or two small villages. These noblemen died during the Polish-Moldovian war of 1431–1433. Jogaila's sons handed over the ownerless villages to the Galician magnates and, to a lesser extent, to the natives of Poland who had not taken root in Red Rus. As a result, since the 1440s, the majority of the szlachta in Pokuttia were represented by the vassals of the Buczacki and Prokops. During military conflicts, these nobles joined the detachments of their patrons, so the territory of Pokuttia became defenseless against external threats.

Keywords: Galician szlachta, genealogy, 15th century, Pokuttia

История галицкой шляхты, или шляхты Галицкой земли, в период «польского средневековья» (XIV–XV вв.) – тема, к которой, в силу разных причин, редко обращались российские и зарубежные историки. Как правило, это были специалисты по генеалогии. Они убедительно показали, что самым плодотворным способом изучения галицкой шляхты является историко-генеалогическое исследование всех местных шляхетских семейств. К сожалению, как нередко бывает в исторической науке, в данном случае теория заметно опережает практику: вся литература о галицкой шляхте XIV–XV вв. ограничивается

книгами польских генеалогов П. Домбковского (1928 г.) [11] и Л. Выростека (1932 г.) [18]. Содержание обеих книг сводится к нескольким десяткам обычно кратких и практически не связанных между собой очерков об отдельных галицких шляхетских родах. Мы предлагаем иной, на наш взгляд, более перспективный историко-географический подход: через анализ состава шляхетского населения на территории того или иного микрорегиона Галицкой земли, с учетом специфики микрорегиона и выявлением общих закономерностей развития галицкой шляхты.

Покутье. Фрагмент карты Ивано-Франковской области. Источник: Большая Советская энциклопедия. М., 1972. Т. 10. Вкладка между стр. 32 и 33

Замысел этой статьи возник в процессе подготовки нашей статьи о галицких шляхтичах-изменниках [2]. Мы обратили внимание на то, что из 24 шляхтичей, перешедших в 1509 г. на сторону молдавского господаря Богдана III, как минимум 11 были жителями трёх сёл (Березов, Мышин и Косов) из Покутья – спорной территории на юге Галицкой земли Русского воеводства Польши, на границе с Молдавией. Источники XV в. называли Покутьем (Pocuzce, Rokucze) междуречье верхнего Прута и его правого притока Черемоша. На правом берегу Черемоша начиналась принадлежавшая в XV–XVI вв. Молдавии Северная Буковина (ныне Черновицкая область Украины). Естественным оказалось наше желание выявить и изучить (насколько позволяют источники) всё шляхетское население Покутья в XV в.

Уже в ходе написания статьи выяснилось, что с покутскими сёлами в той или иной степени были связаны практически все шляхтичи, вла-

девшие в XV в. сёлами вдоль *левого* берега Прута. Так окончательно определилась территория настоящего исследования – на карте она выглядит как лежащая на боку «груша» протяженностью примерно 75 км с запада на восток, от Делятина до Снятына, и 40–45 км – с севера на юг, от Коломыи до поселка Верховина, площадью около 2 тыс. км². В XV–XVI вв. это были населенные пункты на юге Коломыйского и Снятынского поветов, а ныне – юг Надворнянского и Коломыйского районов и весь Косовский район Ивано-Франковской области Украины.

Прокопы и их вассалы

Первым достоверным землевладельцем на территории Покутья был Вахно Тептюх с Тысменицы (ныне городка в 7 км от Ивано-Франковска) – родоначальник самого богатого в XV в. галицкого рода русинского происхождения. В феврале 1367 г. король Казимир Великий пожаловал пану Вахно два соляных источника «в горах» Коломыйского повета: Новицу и Утроп (ныне село Уторопы Косовского района) [13: 202–203].

Старший сын Вахна Васько Тяптюкович в 1375 г. был пожалован управлявшим Червонной Русью князем Владиславом Опольским, при условии службы двумя копьями и двумя лучниками, селом Стрелищи в Жидачовском повете будущей Львовской земли и сёлами Вербиж и Микитинцы – в Коломыйском повете [4: 12–13]. Микитинцы граничат с Уторопами. Растянувшийся со временем на 7 км, по обоим берегам рек Лючка и Соповка, вплоть до правого берега Прута, Вербиж ныне разделен на два села Коломыйского района: Верхний и Нижний Вербиж.

Васька Тяптюковича не раз щедро одаривал и Владислав-Ягайло, однако в рамках данной статьи уместно ограничиться анализом содержания жалованной грамоты 1416 г. Согласно ей, король подтвердил пану Васько жалованную грамоту Опольского 1373 г. боярину Ходько Лоевичу [4: 9–10] (село Гвоздец куплено Тяптюковичем после смерти Лоевича) и упомянутый привилей 1375 г., а, кроме того, пожаловал 18 сёл и пустошей в Жидачовском, Коломыйском, Галицком и Снятынском поветах. За подобную королевскую щедрость пожалованному и его потомкам предстоит служить шестью копьями и шестью лучниками [4: 38–40].

Приглядимся к прежним и новым владениям Васька Тяптюковича в Коломыйском и Снятынском поветах. Они представляли собой две обширные волости. Одна волость находилась в самом центре Покутья, она раскинулась примерно на 15 км с севера на юг, в бассейнах впадавших в Соповку рек Пистынька и Лючка (от правого берега Прута,

напротив Коломыи, до Карпатских предгорий), и около 8 км – с запада на восток. В 1416 г. на этой территории находились граничившие друг с другом сёла Вербиж и Ключев (ныне Великий Ключев), в 10 км от них – Микитинцы, а также четыре пустоши: Мышин, Стопчатов, Уторопы и Пистынь. К концу XV в. все пустоши превратились в сёла.

Вторая волость – на левобережье Прута – была более компактной, но и более населённой. Она начиналась 16 км северо-восточнее Коломыи и в том же направлении занимала довольно широкую полосу длиной до 12 км. В 1416 г. в волость входили сёла Гвоздец, Остапковцы, Рогиня, Вербовцы, пустошь Сороки и, видимо, не существующая ныне Каменка. Особняком, около 10 км западнее Снятына, стояли друг против друга два снятынских села: Орелец – на левом берегу Прута и Видинов – на правом. Рядом с ними должно было располагаться исчезнувшее позднее село Бережаны (Brzezani). Ягайлово пожалование 1416 г. превратило Васька Тяптюковича в крупнейшего землевладельца Покутья и всего Коломыйского повета.

Умершему бездетным в начале 1420-х гг. пану Васько наследовал его младший брат Прокоп. Не позднее ноября 1439 г. он стал первым шляхтичем, занявшим почетный, но не имевший реального значения земский уряд галицкого подстолего [6: 71; 17: 60]. Это был знак его вхождения в элиту червонорусской шляхты и перехода в католичество. На страницах галицких земских книг он чаще всего упоминается как «Procop(ius) de Strzelcze» – косвенное указание на то, что шляхтич предпочитал жить в Стрелищах, населенном пункте на территории Жидачовского повета. Два-три принадлежавших ему села расположились севернее Галича, однако большая часть владений находилась в Коломыйском повете.

Умерший в 1448–1453 гг. Прокоп имел двух сыновей и двух дочерей: Софию – жену Петра с Мышлятичей [6: 355] и Маргариту – супругу коломыйского шляхтича и соседа Яна Пшецлавского [6: 378]. Младший сын Прокопа, Михаил Прокопович, наследовал Стрелищи с близлежащими сёлами и превратился в львовского (жидачовского) шляхтича. Он умер бездетным после 1466 г. [6: 309].

Все его владения наследовал старший брат, который в галицких земских книгах выступает как Ян Прокопович, или Ян Прокоп с Гвоздеца, реже – Ян с Гвоздеца. После смерти Михаила он становится одним из самых крупных землевладельцев Восточной Галичины. Из фамильного прозвания видно, что, в отличие от младшего брата, Ян Прокоп проживал в беспокойном Коломыйском повете: скорее всего, не в Гвоздеце, а в соседней хорошо укрепленной крепости (oppido) Остапковцы, в которой на средства пана Яна в 1475 г. был построен (и будет содержаться) костел Благовещения Девы Марии [5: 182–184].

Судя по хорошо сохранившейся печати оригинала документа, род Прокопов, в отличие от подавляющего большинства галицких родов русинского происхождения, принадлежал к гербу Корчак, а не Сас. В 1470 или 1471 г. Ян Прокоп занял низший земский уряд галицкого подчашего [17: 52], а умер в феврале – апреле 1485 г. [8: 197, 200].

Наследовавший ему единственный сын Андрей Прокоп(ович) не позднее 1494 г. женился на Беате Бучацкой, получив внушительные 400 гривен приданого. 800 гривен вена были записаны не на жидачовских и галицких владениях и даже не на всех коломыйских сёлах: в венной записи упомянуты только разделившийся на Большой и Малый Гвоздец, Остапковцы, Сороки и три снятынских села [8: 229]. Полностью игнорируется хорошо освоенная к концу XV в. Вербижско-Ключевская волость в Покутье.

Скорее всего, это связано с тем, что если не все, то хотя бы предгорные сёла волости на временной или постоянной основе раздавались шляхтичам-вассалам Прокопов – тем, кого в Червонной Руси XV в. часто на немецкий манер называли манами. Связанные с семейством Прокопов примеры такого рода неоднократно встречаются в галицких земских книгах, причем это всегда выписки из коломыйских актов – в реальной жизни таких записей было гораздо больше.

Например, в июне 1482 г. Ян Прокоп, заняв у шляхтича Лучки, «держателя Пистыни», и его жены Ганнуши 100 злотых, заложил им село Пистынь, «кроме трёх людей с дворищами, которых держит шляхтич Иванко из Стопчатова» [8: 185]. Этот Ивашко (Иванко) был сыном Микулы Ладомировича, которому еще отец Яна Прокопа «навечно даровал» село Стопчатов со всеми правами, «за исключением службы» (*excepto servicio*). В феврале 1485 г. Ян Прокоп пожаловал «Иванко, сыну Микулы», это село на дедичном праве и освободил его «*de servicio ac vassalacione alias szmansthwa*» [8: 195].

Или возьмём случай с почти равнинным Мышиным. Еще в июле 1482 г. Ян Прокоп закладывал село за 100 коп грошей и две гривны Олексе Переросльскому, а 15 лет спустя, в апреле 1497 г., селом владел шляхтич Иван Мышинский – скорее всего, настоящий или бывший *ман* [8: 185, 274].

Иванко, Яцко и Васько Мышинские, перешедшие в 1509 г. на сторону Богдана III и в 1510 г. амнистированные Сигизмундом I, должны быть родичами пана Ивана. Семеро прощённых по тому же королевскому указу Березовских никогда не были вассалами Прокопов или каких-либо других шляхтичей, однако оказались почти соседями Мышинских: их сёла Верхний и Нижний Березов раскинулись по берегам той же речки Лючка, причем Нижний Березов находился всего в 10 км от Мышина [2: 14, 15, 24, 25].

Что касается Андрея Прокопа, то, породнившись с самым могущественным семейством Галицкой земли и Подолии, он превзошёл своего отца и в 1519 г. занял уряд галицкого подстолего – как и его дед Прокоп. После смерти не позднее марта 1522 г. не имевшего сыновей Андрея род Прокопов извёлся, а его земли достались Буцацким (семье вдовы Беаты) [17: 61].

Колы

Родословие Колов XIV–XV вв. было реконструировано еще А. Бонецким [10: 344–347]. Второстепенные упущения известного польского генеалога связаны с тем, что он не имел возможности использовать данные протоколов галицкого земского суда 1476–1497 гг. В рамках нашей статьи уместно ограничиться рассмотрением членов семейства, которые имели прямое или косвенное отношение к югу Галицкой земли.

Родоначальником Колов был переселившийся на Львовщину во времена Казимира Великого Миколай Далавский. Благодаря имени этого польского шляхтича появилось фамильное прозвание Колов, а королевские пожалования превратили Колов в видных львовских землевладельцев.

Переселившийся в будущую Галицкую землю на рубеже XIV–XV вв., кажется, единственный сын пана Миколая Ян Кола положил начало галицкому роду Колов. После введения в 1435 г. в Червонной Руси польского права Ян Кола занял уряд галицкого земского судьи, в 1437 г. стал каштеляном, т. е. главой шляхетского самоуправления Галицкой земли, однако в 1438 г. погиб в борьбе с ордынцами.

По разделу 1443 г. трое сыновей каштеляна от второй жены (три Яна) получили шесть сёл на севере Галицкого повета. Двое сыновей от первой жены, став владельцами шести сёл близ Коломыи и села Хлебычин (ныне Лесной Хлебычин) Галицкого повета, сразу произвели раздел между собой. Старшему брату Клименту были уступлены сёла вдоль левого берега Прута: Шапоровцы (ныне Шепаровцы), Корнич и половина Перерыва, а младший брат Ян получил три села в Покутье: Сопов, Печенежин и Ключев (ныне Малый Ключев), к западу от Вербижско-Ключевской волости Прокопов, а также вторую половину села Перерыв и весь Хлебычин [6: 118]. Умершему вскоре Клименту наследовали сыновья Станислав, Томаш и Ян.

Младший брат Климента Ян в 1455 г. стал галицким подстолием и умер бездетным в 1468 г. [17: 60]. В том же году его племянники поделили его владения с другим дядей – старшим сыном второй жены каштеляна Яна Колы, галицким подкоморием Яном (старшим). Если говорить о коломыйских сёлах Колов, то пан подкоморий по

разделу получил Сопов, а его племянники – Печенежин, Ключев и половину Перерыва [6: 321]. Забегая вперед, отметим, что примерно в это же время умерли бездетными Ян средний и Ян младший, так что на рубеже 1460–1470-х гг. подкоморий Ян оказался единственным оставшимся в живых сыном каштеляна Яна и главой рода Колов.

Будучи старшим в роде, Ян предъявил около 20 имевшихся у Колов грамот на земельные владения в Львовской и Галицкой землях во время проведения люстрации заложенных королевских имений 1469 г. [20: 30–32(В)]. Ограничимся грамотами о коломыйских сёлах. Самым ранним документом была грамота князя Владислава Опольского о пожаловании Сопова и галицкого Хлебычина, с обязанностью службы копьем и двумя лучниками [20: 32(В)]. В одной из жалованных грамот Владислава-Ягайло упоминаются Шапоровцы и Корнич, а также три села в Галицком повете, включая Далеюв (ныне Делиево) – село под Галичем, из-за которого Ян Кола в грамотах начала XV в. на староукраинском языке звался Колой «Далюевським» [3: 74], а большинство членов рода в записях XV в. – Колами с Далеюва. В ягайловой грамоте говорилось о службе двумя копьями и двумя лучниками. Еще две грамоты – с записью 300 гривен на селе Перерыв – скорее всего, были выданы от имени Владислава Варненчика [20: 30–31(В)].

Подкоморий Ян умер в 1472 г. [17: 55]. В феврале 1473 г. у Колов произошел повторный раздел владений умершего в 1468 г. бездетного подстолего Яна. Его участниками были сыновья подкомория Павел и Ян, с одной стороны, и их кузены, сыновья Климента Станислав, Томаш и Ян – с другой. Никаких неожиданностей не произошло: Павел и Ян остались владельцами Сопова, а трое сыновей Климента сохранили за собой Печенежин, Ключев и половину Перерыва, а также были объявлены владельцами граничившего с Соповым села Койданцы (ныне Кийданцы) – видимо, недавно основанного на пустоши поселения [6: 352–353].

Из поколения внуков каштеляна Яна Колы самым успешным и уважаемым был Павел Кола, который успел побывать галицким подкоморием (1482–1494), галицким каштеляном (1494–1502) и, наконец, подольским воеводой (1502–1509) [17: 43, 55]. По итогам раздела 1487 г. с родными братьями он до самой смерти оставался единственным владельцем Сопова, однако постоянно проживал в Далеюве и мало интересовался делами в Коломыйском повете [8: 206, 219]. В 1515 г. в Сопове было восемь ланов осаженной и два лана пустующей земли [20: 173].

В 1487–1489 гг. разделились и двое оставшихся в живых кузенов Павла. Они были тесно связаны с Коломыйским поветом и в конце

1470–1490-х гг. обычно назывались не Колами, а Шапоровскими. По условиям окончательного раздела старший из сыновей Климента Колы, Станислав Шапоровский, остался владельцем граничивших друг с другом сёл Корнич и Перерыв восточнее Коломыи, однако предпочитал жить в более северном Хлебычине. Его младший брат Ян Шапоровский стал владельцем Шапоровцев, Ключева, Печенежина и, видимо, Койданцев [8: 182, 193, 207, 211, 216]. В конце XV в. он остался единственным представителем рода Колов, которого можно назвать коломыйским шляхтичем (но не жителем Покутья).

Суда по описаниям жалованных грамот в люстрации 1469 г., в львовских и галицких сёлах Колов должно проживать около 10 вассалов. Один такой ман упоминается в коломыйской записи 1469 г. Согласно ей, подстолий Ян Кола при жизни записал 60 гривен на пустоши Юрьевцы (между сёлами Матеевцы и Перерыв) шляхтичу Якову Островскому за его службы. Сверх того, Островскому разрешено заложить пруд на речке Коломыка, предоставлены дворище, две сеножати, поле и другие уголья [6: 325].

Бучацкие

Генеалогия «некоронованных властителей Подолии» Бучацких в XIV–XV вв. хорошо изучена в трудах А. Бонецкого и современного киевского историка В.В. Михайловского [1: 117–174; 9: 215–221]. Мы будем рассматривать Бучацких только как землевладельцев юга Галицкой земли. В данном контексте их история начинается в 1436 г., когда король Владислав Варненчик заложил Коломыйское и Снятынское староства младшему из трех сыновей Михаила Абданца, Михаилу Мужило – будущему каменецкому каштеляну (1460–1466), подольскому воеводе (1466–1471) и в течение 35 лет – коломыйскому и снятынскому старосте (1436–1471) [1: 120; 9: 220].

Материалы люстраций 1560-х гг. не только называют все сёла этих староств, но и поименно перечисляют каждого жителя любого города и села. Что касается XV в., то мы располагаем только случайными упоминаниями отдельных сёл и осознаем, что со временем численность населения староств заметно выросла.

В 1457 г. Михаил Мужило утверждал в галицком суде, что на Снятын, Коломыю, «тянувшие» к ним сёла, а также на мыта, у него есть королевские грамоты с записью в общей сложности 7000 гривен [6: 253]. В люстрации заложенных королевских имений 1469 г. упоминаются более скромные суммы – порядка 4 000 гривен, включая четыре грамоты с записью 750 гривен на Банилове и Замостье [20: 43–44, 65(В)]. Эти два села, а также не упомянутое в люстрации село Милеево, растянулись на 10 км вдоль западного берега Черемоша

(ныне в Черновицкой области). Еще в 1452 г. Михаил Мужило пытался избавиться от них путем обмена с Андреем Кошчем из Санджишова, но потерпел неудачу [6: 218]. Ранее конца XV в. все правобережье Черемоша оказалось под контролем Молдавии.

В люстрации 1469 г. упоминается и грамота с записью 70 гривен на сёлах Luboczko и Залучье [20: 44(B)]. Находившееся на правом берегу Прута (напротив Перерыва и Матеевцев) Залучье было самым западным держанием Бучацких на территории Покутья. На левом берегу Прута, 5 км восточнее, располагалась принадлежавшая Михаилу Мужило крепость Борщов [6: 221, 230].

Кроме Михаила Мужило, сёла около Снятына держал и его племянник Яков Бучацкий. В 1469 г. он представил шесть грамот с общей записью 520 гривен на сёлах Карлов (ныне Прутовка, восточнее Видинова) на правом берегу Прута и Поток (ныне Поточек) и Будилов – на левом [20: 39(B)].

Следует помнить, что Бучацкие распоряжались как заложенными королевскими имениями, так и дедичными сёлами. Названия некоторых таких сёл иногда встречаются на страницах галицких земских книг. К примеру, между коломыйском селом Олешков и снятынским селом Орелец (владение Прокопов) находился самый западный населенный пункт Снятынского повета – село Любковцы. Михаил Мужило в 1450 г. и его сын Михаил в 1479 г. закладывали его за 100 гривен [6: 202; 8: 180–181]. Последний в мае 1471 г. – сразу после смерти отца – закладывал за 70 гривен «bona sua hereditaria» Княже – пограничное село в низовьях Черемоша [6: 343]. Рядом с Черемошем было и село Рожнов, на реке Рыбница, между Косовым и Джуровым. В 1452 г. Михаил Мужило закладывал его своему зятю Андрею Фредро за 500 гривен [6: 214]. Упомянутый как свидетель в коломыйской записи от 27 мая 1480 г. Сенько Трушкович с Рожнова вполне мог быть вассалом Бучацких [8: 184].

Как и у прочих можновладцев, у Михаила Мужило были свои вассалы, которым раздавались за их службу – «perpetuis temporibus» или с записью определенной суммы – сёла в различных поветах Галицкой земли: Теребовльском (1449 г.), Галицком (1453, 1465 гг.) [6: 196, 222, 301]. Особого внимания заслуживает впервые упомянутый как свидетель в 1462 г. Франчек из Джурова – еще одного села на реке Рыбница, между Рожновым и Рудниками. В январе 1465 г. Мужило заложил это снятынское село за 200 коп грошей «nobili Franczek familiari suo dilecto». Франчек и его наследники будут владеть селом вплоть до полной уплаты им 200 коп [6: 280, 301].

Этой награды Михаилу Мужило, видимо, показалось мало, и в декабре того же 1465 г. он заложил пану Франчку и его наследникам пустошь

Волчковцы (*villam suam Wolczuyowcze vastitatem seu desertatem alias pusthynya in distr. Snyathin.*). Речь идёт о местности рядом с Джуровым. Франчек может призвать на пустошь кметов и получать с них доходы. Волчковцы входят в состав Снятынского староства, поэтому, в случае его выкупа королем, Мужило обещает Франчку уплату 50 гривен [6: 306]. Дальнейшая судьба держателей Джурова неизвестна.

У умершего в 1471 г. Михаила Мужило было двое сыновей. Младший сын Михаил наследовал Снятынское староство, в 1485–1492 гг. занимал высокий уряд галицкого каштеляна и умер бездетным в 1492 г. [17: 43]. Снятынское староство получили его племянники, сыновья старшего брата Давида – тестя известного нам Андрея Прокопа. Ставший в 1471 г. коломыйским старостой Давид пользовался большим авторитетом среди местного шляхетства: он успел побыть каменецким стольником (1466–1473), галицким подкоморием (1474–1480) и, наконец, подольским воеводой (1480–1485) [1: 122–123]. Одного перечисления должностей братьев достаточно, чтобы понять, что территория Коломыйского и Снятынского поветов не была в центре их внимания.

Умерший в 1485 г. Давид Бучацкий оставил трёх сыновей и трёх дочерей. Сыновья Давида – держатели Коломыйского и Снятынского староств, родные нераздельные братья Михаил, Станислав и Ян – упоминаются в трёх записях 1488 и 1495 гг. [8: 215–216, 230, 318]. Запись галицкого земского суда от 24 апреля 1497 г. содержит фрагмент грамоты короля Яна Ольбрахта, в которой средний из братьев, «Станислав Мужило, дедич Бучача», назван снятынским и коломыйским старостой [8: 273]. Михаила и Яна, скорее всего, уже не было в живых. Вскоре умирает и Станислав, причем все три брата не оставили потомства. Ветвь Михаила Мужило пресеклась. В 1512 г. в качестве держателей Снятынского и Коломыйского староств выступали две дочери воеводы Давида Бучацкого (жена Андрея Прокопа Беата и Анна Гологорская) и две внучки, дочери покойной дочери Екатерины Олесской [9: 221].

Кирдеи

Кирдеи XV в. известны, прежде всего, как влиятельные волинские, подольские, белзские и львовские землевладельцы, а также тербовольские старосты [10: 41–46]. С югом Галицкой земли был связан только самый младший из четырёх сыновей первого подольского старосты Грицка Кирдеевича – умерший в начале 1440-х г. львовский хорунжий Сигизмунд [17: 109]. Галицкие земские книги обычно называли хорунжего и его сыновей не Кирдеями, а «с Войнилова», по дедичному селу западнее Галича.

В 1440-е гг. сыновья Сигизмунда распоряжались дедичными сёлами в Львовском и Галицком поветах, а также пятью заложенными Владиславом-Ягайло и Варненчиком снятынскими сёлами. Три села – Микулинцы, Русов и Подвысокое (ныне, соответственно, в границах Снятына, 7 и 10 км севернее города) – находились на левобережье Прута, а Куты и Рыбное – «in Rosucze», а точнее, вдоль левого берега Черемоша, на самой границе с Молдавией. Братья не появлялись в этих краях и предпочитали закладывать сёла на левобережье Прута (фактически сдавать в аренду) различным шляхтичам и даже мещанам [6: 125, 157, 165, 193, 211–212]. В 1480-е гг. держателями Микулинцев были снятынские войты [8: 187]. Куты и Рыбное братья продали Яну Одровонжу: в 1469 г. будущий подольский и русский воевода предъявил на эти сёла четыре грамоты Ягайла и Варненчика с общей записью 610 гривен [20: 39(B)].

Список шляхтичей Снятынского и Галицкого поветов от 29 июня 1427 г. открывали Тодорек с Рожнова, Илья и Балюта с Кутов и Иван с Рыбного [19: 191]. Последующее исчезновение этих жителей Покутья, скорее всего, связано с польско-молдавской войной 1431–1433 гг. [3: 120–125]. Самое активное участие в этой в целом успешной для поляков войне приняли Буцацкие и Кирдеи. Наградой для них были лишившиеся своих владельцев села по берегам Рыбницы и Черемоша.

Делятинские-Турецкие-Ланчинские

История Делятинских-Турецких-Ланчинских ведёт свое начало от жалованной грамоты 1400 г. короля Владислава-Ягайло Стецко и Ивашко Неговецким – судя по первоначальному фамильному прозвищу, выходцам из села Неговцы, 35 км на запад от Галича.

Семь пожалованных братьям сёл и не имевшее жителей Авполе сформировали две довольно большие волости [16: 368]. Первая волость состояла из Делятина, Ланчина и Саджавки (ныне все три села в Надворнянском районе). Она простиралась на 15 км с запада на восток, вдоль левого берега Прута, и заканчивалась 18 км западнее Коломыи. Четыре села второй волости – Хватовцы (ныне Фатовец), Турка, Ясинки и Чернеево (ныне Ценява, 5 км северо-восточнее Коломыи) – занимали широкую полосу с севера на юг длиной 9 км.

«Пан Стецько Далатински (Стьцко Далятинський)» упоминается среди «сведцев» двух грамот галицких старост на староукраинском языке 1404 и 1409 гг. [3: 68, 74]. Затем братья Стецко и Ивашко de Dzelatyn появились в списке шляхтичей Коломыйского повета от 29 июня 1427 г. [19: 193]. Ивашко Делятинский второй и последний раз упоминается в записи галицкого градского суда в октябре 1440 г.: он

не явился на заседание суда по требованию истца Ивашка Грабовецкого [6: 431]. Стецко Делятинский в феврале–марте 1448 г. трижды не являлся на заседания земского суда по требованиям Франциска Милованского. Тяжба между шляхтичами велась из-за коня [6: 175, 177, 179].

В грамоте от 3 марта 1463 г. и записи галицкого городского суда от 24 марта 1464 г. упоминается не явившийся в суд Костько Делятинский – представитель следующего поколения рода. Из дефектной записи можно понять, что шляхтич Павел Зачек требовал, чтобы Костько доказал свои права на Хватовцы и еще какое-то село, но так и не добился желаемого – по крайней мере, к весне 1464 г. [6: 455]. Истец мог ссылаться на дошедшую до нас в оригинале жалованную грамоту князя Свидригайла Ольгердовича, выданную в Коломые 3 сентября 1424 г. Согласно грамоте, младший брат Владислава-Ягайло записал 50 коп грошей «слуге нашему Юркови Козеняти на своемъ селе на Хватовцехъ» [3: 102]. Дальнейшая судьба Юрка и Павла неизвестна.

Не знавший о ягайловой грамоте 1400 г. и списках галицкой шляхты 1427 г. львовский историк права и генеалог П. Домбковский писал об Ивашко (1440 г.) и Стецко (1448 г.) Делятинских и вероятном сыне Ивашка Костько (1463–1464). Скудная информация галицких судебных книг позволила ему высказать осторожное предположение, что «существовали определенные кровные связи между Делятинскими и Турецкими с Турки» [11: 106–107, 204].

Л. Выростек, опираясь именно на грамоту 1400 г., писал о том, что потомки Ивашка и Стецка Делятинских разделились на три ветви, осевшие в Делятине, Ланчине и Турке [18: 97–98]. Из Делятинских историку был известен только Мелешко, судившийся в 1443 г. из-за скота с поверенным львовского католического архиепископа [6: 117].

Следует отметить, что еще П. Домбковский указывал, что здесь мы имеем дело с банальной опiskeй: поверенный иерарха судился с жителем не Делятина (Delatin, Delathin), а Детятин (Dethatin, Dethathin, ныне Дитятин) – граничившего с архиепископским селом Быбло села на севере Галицкой земли. От себя добавим, что тяжба между жителями Детятин и поверенным архиепископа продолжалась более двух лет, и Мелешко, подобно другим детятинцам, не назван с определением «nobilis» [6: 90, 91, 107, 108, 117].

Что касается Делятинских, то Костько записей 1463–1464 гг. оказался последним шляхтичем с этим фамильным прозванием. В записях 1469 и 1474 гг. он выступает как Костько с Турки (de Turka). В первом случае он судился с шляхтичем – слугой соседа Яна Колы, а во втором – вместе с младшими братьями Романом и Ивашко был

свидетелем купли-продажи снятынського села Рудники [6: 322, 358].

Во время проведения люстрации 1469 г. Costh Thureczky представил «грамоту подтверждения русской грамоты, переведенной с русского на латынь, нынешнего пана короля, (вместе) с первоначальной грамотой», на села «Турка, Делятино и другие» [20: 41(B)]. Последнее упоминание Костька Турецкого (Costhco Tureczky) датируется маем 1480 г. Он был одним из свидетелей соглашения между Романом Княждворским и его зятем – держателем Педиковцев Грицко Креховецким [8: 184].

Роман Турецкий известен как свидетель коломыйской записи 1485 г., однако эта запись – всего лишь копия сделки, заключенной в феврале 1453 г. [8: 200].

Самый младший из братьев, Ивашко, в мае 1472 г. получил 90 гривен приданого за женой Марушей, дочерью Юхна Сулатицкого. 180 гривен вена были записаны на доставшейся ему части Турки и всем селе Хватовцы [6: 346].

Следующее поколение Турецких представлено только сыновьями Ивашка. В январе 1492 г. сын Ивашка Яков за 40 гривен заложил Михаилу Желиборскому доставшуюся ему по разделу с неназванными братьями часть села Саджавка [8: 222]. В апреле 1495 г. тот же Желиборский передавал в управление галицкому земскому судье и соседу Турецких Яну Балинскому bona sua Делятин [8: 230]. Миколай Турецкий, который получил в ноябре 1516 г. от короля Сигизмунда I новое подтверждение грамоты 1400 г., мог быть как сыном или племянником, так и младшим братом Якова Турецкого [15: 147].

По-видимому, можно согласиться с Л. Выростеком, что Ланчинские были одной из ветвей Делятинских. Хотя, строго говоря, основанием для этой гипотезы служит только ягайлова грамота 1400 г. Родоначальник Ланчинских Максим известен с марта 1463 г.: он вместе с женой Настей – видимо, урождённой Переросльской – закладывал свою часть села Переросль за восемь гривен Олексе Переросльскому [6: 447]. При проведении люстрации 1469 г. Maximko de Lancznie предъявил четыре королевские грамоты с общей записью 220 гривен на bonis Косов(о) (ныне село Старый Косов, 8 км от пограничного Черемоша) [20: 41(B)].

Впервые Косов появился в снятынській жалованной грамоте Свидригайла от 31 августа 1424 г. «Возревше есмо на верную службу нашего верно(го) слуги на имя Максима инако Влада Драгосиновича», князь даровал ему «село на имя Косово с монастырем на реце на Рыбници оу волости Снятинской», а на (Черном) Черемоше – «две поляне Березово а Жабье» (ныне райцентр Верховина), с обязанностью службы копьём и двумя «стрелци» [3: 99–100]. Адресат грамоты

последний раз упоминается как Vlad Koschowski в списке шляхтичей Галицкого (? – С.П.) повета от 28 июня 1427 г. [19: 184].

В марте 1470 г. Максим дал Ивашко Шумлянскому 50 гривен приданого за своей дочерью Федькой [6: 333], в июле 1482 г. разрешил сыну Стефану записать его жене Марии, «иначе Маруше», 200 гривен вена на половине Ланчина, месяц спустя купил за 194 гривны у Грицка Креховецкого село Педиковцы (ныне Пядики, рядом с Ценявой) [8: 186, 188].

В феврале 1486 г., вскоре после смерти единственного сына, Максим, по-видимому, находясь при смерти, передал опеку над всеми своими владениями «in territoriis Colomiensi et Pokucze», вплоть до достижения совершеннолетия его внуками, зятю Ивашко Шумлянскому [8: 204].

К апрелю 1495 г. в живых не осталось ни Максима Ланчинского, ни Ивашка Шумлянського, поэтому опеку над несовершеннолетним сыном Стефана Ланчинского Василем осуществляет сын Ивашка Шумлянського Вацлав. Игнорирование в записях 1486 и 1495 гг. Турецких отнюдь не свидетельствует в пользу гипотезы об их родстве с Ланчинскими.

Василю Ланчинскому принадлежали разделенные 20 км дедичные сёла Ланчин и Педиковцы и расположенное в 30 км от Педиковцев и еще дальше – от Ланчина заложенное королевское имение Косов. В распоряжении опекуна – стадо из 22 лошадей, 16 коров, 20 сви-ней, а также 13 ульев. На содержание Василя Ланчинского его кузен Шумлянський должен ежегодно давать 20 злотых [8: 230].

Из королевских указов известно, что в 1519 г. сын Вацлава Шумлянського Марк выкупил у родного брата Станислава его половину части Косова. В 1523 г. тот же Марк получил от короля разрешение выкупить у своей тётки Балицкой ее часть Косова, что и было сделано в 1527 г.: Марк приобрёл часть Косова у «Маргариты Ланчинской, супруги Сенька Балицкого» – судя по фамилии, шляхтича из Жидачовского повета [14: 240, 305; 15: 202]. Напрашивается вывод, что после смерти бездетного Василя род Ланчинских извёлся, а принадлежавшие ему сёла наследовала сестра Маргарита, вышедшая замуж за Сенька Балицкого.

Жаковские

Восточнее Саджавки находилось село Ивановцы (ныне Ивановка на левом берегу Прута). В 1469 г. уроженец Польши Пётр Жаковский предъявил грамоту с записью на этом королевском селе 100 гривен [20: 33(В)]. В 1465 г. родные братья, нераздельные дедичи Петр и Ян Жаковские за 200 гривен продали Яну Прокоп(ович)у граничившее

с Видиновым село Рудники, «in Pokucze in distr. Snyathin.», на реке Рыбница, 4 км от Черемоша. По условиям сделки братьям следовало передать покупателю все «privilegium et literas Regales», т. е. Рудники были королевским пожалованием. 200 гривен – большие деньги даже для можновладца Яна Прокопа, поэтому он расплатился с Петром Жаковским в несколько этапов, в 1466 и 1474 гг. [6: 302, 307, 358]. Записи об этих выплатах – единственные упоминания Жаковских в галицких земских книгах. По-видимому, они ещё в конце 1460-х гг. покинули пределы Галицкой земли. Согласно налоговому реестру 1515 г., в Ивановцах было 4,5 ланов земли [20: 172].

Княждворские

Список шляхты Коломыйского повета 1427 г. после Делятинских продолжают братья Андрейко и Роман Княждворские [19: 193] – по селу Княждвор на правом берегу Прута, около 10 км от Коломыи. Андрейко после 1427 г. исчезает, а Роман упоминается в записях галицких судебных книг 1435, 1458, 1461, 1464, 1466, 1469, 1474, 1475 и 1482 гг. В последнем случае, строго говоря, приведена копия сделанной в Коломые записи от 27 мая 1480 г. Простые арифметические подсчеты показывают, что имеющему в 1480 г. юную дочь на выданье Роману должно быть более 70 лет [8: 184]. Впрочем, нельзя исключать, что мы имеем дело с двумя Романами: отцом и сыном, или дядей и племянником.

Запись 1435 г. говорит о Романах с Марковцев, запись 1458 г. – о Романах Княждворском с Марковцов [6: 2, 437]. Речь идёт о селе Марковцы, в 10 км от Ивано-Франковска и 35 км севернее Княждвора. Княждворские могли быть как обычными шляхтичами из села Марковцы, так и потомками непривилегированных военных слуг галицких князей, пожалованными Княжим двором уже польскими властями и через это проникшими в ряды шляхетства. В любом случае Марковцы в 1463–1464 гг. были проданы Романом за весомые 200 гривен соседу Петру Угерницкому [6: 282, 294, 309]. Куда ушли деньги от продажи села – остается загадкой.

В 1460–1470-е гг. Роман неоднократно появляется в соседней Коломые (но не в Галиче) в качестве свидетеля заключения различных сделок или судебного заседателя [6: 271, 325, 358, 375]. Последнее упоминание Романа связано с его участием в очень необычной сделке, заключенной 27 мая 1480 г.: Роман взял в долг у своего зятя Грицка Креховецкого 60 гривен и одновременно объявил о передаче ему приданого (тоже 60 гривен) за дочь Рухной. На практике никаких денег он не давал, а с согласия жены Думны уступил зятю

половину Княждвора. Грицко будет распоряжаться этой половиной села вплоть до уплаты Романом 120 гривен, а пока сделал на ней венную запись в 120 гривен жене Рухне [8: 184]. Со смертью Романа род Княждворских извёлся.

Проживавший в родовом селе (ныне около Ивано-Франковска) Грицко Креховецкий не позднее января 1487 г. женился вторым браком на дочери покойного жидачовского шляхтича Фёдора Чолганского Олене [8: 207]. В 1515 г. в Княждворе было четыре лана осаженой и две – пустующей земли, мельница и 200 овец [20: 172]. Иначе говоря, Роман Княждворский при жизни был землевладельцем средней руки.

Владельцы Добеславцев

Русин Борис с Добеславцев (ныне Дебеславцы), рядом с Залучьем Буцацких, 8 км на юго-восток от Коломыи, первый и последний раз упоминается в списке шляхтичей Коломыйского повета 1427 г. [19: 193]. Кроме братьев Княждворских, это единственный владелец села на правом берегу Прута в данном списке.

Какое-то время после Бориса селом владел некий Пётр Зеленый, а после смерти этого бездетного шляхтича ему наследовал дальний родственник – уроженец Польши Марк Яниковский. В 1453 г. Марк продал Добеславцы за 200 гривен шляхтичу русинского происхождения из Галицкого повета Дмитру Подвербецкому, а сам за те же 200 гривен получил в залог от каменецкого каштеляна и старосты Теодорика Буцацкого село Вербов (около Подгайцев) и в течение нескольких десятилетий был держателем этого села [6: 222, 230, 231, 234, 266, 295, 345].

Что касается Добеславцев, то в 1460–1470-е гг. этим селом владели сыновья Дмитра Федько и Лука, а также их племянник Ян [6: 275, 334]. По итогам семейного раздела 1479 г. Ян стал единственным владельцем Добеславцев [8: 181]. Во время проведения люстрации 1469 г. Ян Подвербецкий представил подтвержденную здравствующим королем «грамоту вечного дарения древнего пана короля» – явно Владислава-Ягайло, с условием службы тремя лучниками, на Семаковцы – село напротив Добеславцев, только на левом берегу Прута, рядом с крепостью Борщов Буцацких [20: 57(В)]. В 1427 г. этим селом владел Сенько Семаковский – едва ли родственник Подвербецких [19: 193].

Следует иметь в виду, что и в 1450–1470-е гг., и позднее, вплоть до начала 1490-х гг., все Подвербецкие проживали в дедичных Подвербцах и близлежащих сёлах Галицкого повета (около города Тлумач), примерно в 35–40 км от Семаковцев и Добеславцев, поэтому даже

Яна можно причислить к коломыйским шляхтичам только с большой долей условности.

В налоговом реестре 1515 г. Добеславцы и близлежащие Матеевцы (на левом берегу Прута) составили пару коломыйских сёл, которые «funditus desert.», т. е. полностью обезлюдели [20: 173].

Пшецлавские

В списке коломыйских шляхтичей 1427 г. упоминаются шляхтичи русинского происхождения Охрим и Юрий с Тулукова [19: 193]. 26 лет спустя, в феврале 1453 г., мы видим компактную волость в 18–22 км восточнее Коломыи, на границе с сёлами Снятынского повета. В её состав входили крепость Заб(о)лотов (ныне посёлок городского типа) и сёла Тулуков и Олешков вдоль левого берега Прута и село Ильинцы – на правом, напротив Заболотова. Указанными крепостью и сёлами, а также несколькими сёлами на севере Снятынского повета владел Павел Пшецлавский. В 1453 г. этот уроженец Польши, находясь в преклонном возрасте, совершил семейный раздел между сыном и тремя дочерьми. Сыну Яну достались Ильинцы и львовское село Подъярков. Жена галицкого шляхтича Яна Зажецкого Барбара получила Тулуков и Олешков, супруге перемышльского шляхтича Клеофаса с М(о)лодовичей Софии досталась крепость Заблотов, а жена Миколая Германовского (другого уроженца Перемышльской земли) Екатерина стала владелицей сёл Окно, Чернятин(цы) и Поддолга на севере Снятынского повета [8: 200].

В люстрации 1469 г. упоминается безымянный Przeczslawsky – скорее всего, Ян, а не Павел. Он предъявил четыре грамоты. Первым документом было «подтверждение русской грамоты» князя Владислава Опольского – ее должен был получить предок упомянутых выше Охрима и Юрия. Две королевские грамоты следует связать с именем Владислава-Ягайло. В одной грамоте говорилось о пожаловании Ильинцев, в другой – о селе Окно. Каждое пожалование сопровождалось требованием военной службы одним копьём и двумя лучниками. Четвертая грамота содержала запись 100 гривен на сёлах Задубровцы (15 км севернее Заболотова) и Олешков [20: 58(B)].

Такого рода пожалованиями польские власти, скорее всего, хотели создать надёжное прикрытие участков границы вдоль реки Прут. Как показали дальнейшие события, эти планы во второй половине XV в. потерпели неудачу. Все потомки Павла Пшецлавского не смогли стать полновластными хозяевами унаследованных земель. Овдовевшая ранее марта 1473 г. Екатерина уступила все свои три села брату Яну и, кажется, перестала быть коломыйским землевладельцем [8: 199–200].

Примерно в это же время Барбара заложила Тулуков и Олешков

разным шляхтичам [6: 343–344, 353]. Оба села в 1479 г. выкупил супруг третьей сестры, Софии [8: 179, 183]. На первых порах Клеофас с Млодовичей стремился закрепиться в Галицкой земле, в 1473–1489 гг. он даже занимал земский уряд снятынского войскового [6: 370; 8: 180, 190, 262], однако почти все полученные в качестве приданого Софии деньги были потрачены на покупку перемышльских сёл, а в 1485 г. пан Клеофас оказался в затруднительном материальном положении после того, как дал 400 злотых приданого за своей дочерью Анной перемышльскому можновладцу русинского происхождения Яну-Грицко Быбельскому [7: 44, 272]. В 1508 г. успевшая овдоветь «Анна Грицкова», благодаря соответствующей венной записи, была одним из самых крупных перемышльских налогоплательщиков и землевладельцев [20: 112], однако ее отцу пришлось расстаться с большинством, если не со всеми коломыйскими владениями.

Единственный сын Клеофаса и Софии, Михаил Клеофас, в одной записи 1502 г. перемышльского земского суда именовался «дедичем Заблотова, Дмошичей и Трушовичей», но реально он распоряжался только перемышльскими сёлами [7: 549].

Не сумел собрать Заблотовскую волость и Ян Пшецлавский. В марте 1475 г. он женился на Маргарите – сестре ближайшего соседа, уже известного нам Яна Прокопа [6: 378], однако умер ранее февраля 1476 г. [8: 166]. Запись галицкого земского суда характеризовала усопшего как Яна Пшецлавского с Заблотова.

Ян Прокоп, воспользовавшись соседством и ссылаясь на запись со 100 гривнами приданого за Маргаритой, потребовал выплатить сестре подобающее вено и под этим предлогом вывез из владений покойного шурина весь скот – лошадей, коров, свиней и т. д. Недовольные этим две сестры Яна Пшецлавского начали тяжбу против Яна Прокопа, но потерпели неудачу. Ян Прокоп на какое-то время установил контроль и над земельными владениями Яна Пшецлавского [8: 166].

Подведем итоги. В XV в. немногочисленное шляхетское население юга Галицкой земли проживало по берегам верхнего Прута, Соповки, Лючки, Пистыньки, Рыбницы, а также вдоль левого берега Черемоша. В истории шляхты этого микрорегиона в XV в. можно выделить два периода: до и после польско-молдавской войны 1431–1433 гг. До 1431 г. большинство шляхетского населения Покутья и левого берега Прута было представлено лояльными польским властям мелкими землевладельцами русинского происхождения. Пожалованные здешними сёлами братья Тяптюковичи (родоначальники Прокопов) и Ян Кола до войны едва ли успели обзавестись заметным количеством вассалов.

Практически все шляхтичи-русины погибли в начале войны. Согласно Я. Длугошу, войско молдавского господаря Александра в 1431 г. опустошило окрестности Снятына, Галича и Каменца и захватило огромную добычу – «как людей, так и скот». Только решительные действия братьев Буцацких позволили нанести поражение противнику и отбить полон [12: 54]. В награду за эту победу Буцацкие получили в залог Коломыйское и Снятынское староства, а также несколько покутских сёл на дедичном праве.

Владислав Варненчик и, по-видимому, Казимир Ягеллончик за различные заслуги пожаловали или заложили сёла в галицком пограничье Кирдеям и уроженцам Польши. И те и другие не укоренились на новом месте, поэтому к концу XV в. большинство шляхетского населения Покутья составляли вассалы породнившихся Буцацких и Прокопов.

В 1509 г., во время похода на Червонную Русь господаря Богдана III, эти вассалы, скорее всего, находились в отрядах своих патронов. Оказавшиеся на пути возвращавшегося домой молдавского войска шляхтичи русинского происхождения Мышинские, Березовские и переселившийся в Косов Сенько Балицкий в тот момент, возможно, были единственными проживавшими в Покутье землевладельцами.

Список сокращений

AGZ – Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z Archiwum tak zwanego bernardyńskiego we Lwowie.

MRPS – Matricularium Regni Poloniae Summaria, excussis codicibus, qui in Chartophylacio Maximo Varsoviensi asservantur / Ad. T. Wierzbowski.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михайловський В. Еластична спільнота. Подільська шляхта в другій половині XIV – 70-роках XVI ст. Київ: Темпора, 2012. XXII, 450 с., іл.

2. Пашин С.С. Семь шляхетских родов Галицкой земли XV века: генеалогический комментарий к указу 1510 г. короля Сигизмунда I об амнистии шляхтичей-изменников // Русин. 2023. № 72. С. 11–29.

3. Южнорусские грамоты / собр. В. Розовым. Киев: Типография Киево-Печерской Успенской Лавры, 1917. Т. 1. 176, 75, IX с.

4. AGZ. We Lwowie: Z drukarni narodowej W. Manieckiego, 1875. T. V / wyd. O. Pietruski, X. Liske. VI, 293 s.

5. AGZ. We Lwowie: Z drukarni narodowej W. Manieckiego, 1876. T. VI / wyd. O. Pietruski, X. Liske. VI, 302 s.

6. AGZ. We Lwowie: Z I. Związkowej drukarni, 1887. T. XII / wyd. O. Pietruski, X. Liske. XIV, 551 s.
7. AGZ. We Lwowie: Z drukarni E. Winiarza we Lwowie, 1903. T. XVIII / wyd. A. Prochaska. XLIII, 701 s.
8. AGZ. We Lwowie: Z drukarni E. Winiarza we Lwowie, 1906. T. XIX / wyd. A. Prochaska. XXXIV, 855 s.
9. *Boniecki A.* Herbarz polski. Wiadomości historyczno-genealogiczne o rodach szlacheckich. Warszawa: Skład główny Gebethner i Wolff w Warszawie Warszawa, 1900. T. II. 397 s.
10. *Boniecki A.* Herbarz polski. Wiadomości historyczno-genealogiczne o rodach szlacheckich. Warszawa: Skład główny Gebethner i Wolff w Warszawie Warszawa, 1907. T. X. 391, IV s.
11. *Dąbkowski P.* Zwierciadło szlacheckie. Lwów: Wschód. Wydawnictwo do dziejów i kultury ziem wschodnich Rzeczypospolitej Polskiej, 1928. IV, 216 s.
12. *Długosz J.* Roczniki, czyli Kroniki sławnego Królestwa Polskiego / red. J. Wyrozumski. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN, 2009. Ks. 11–12. 407 s.
13. Kodeks dyplomatyczny małopolski / wyd. F. Piekosiński. W Krakowie: W drukarni "Czasu" Fr. Kluczyckiego i sp., 1887. T. III. XXXII, 431 s.
14. MRPS. Varsoviae: Typis officinae C. Kowalewski, 1910. Pars IV. Vol. 1. VII, 479 p.
15. MRPS. Varsoviae: Typis officinae C. Kowalewski, 1912. Pars IV. Vol. 2. 477 p.
16. MRPS. Varsoviae: Typis officinae C. Kowalewski, 1915. Pars IV. Vol. 3. 440 p.
17. *Przyboś K.* Urzędnicy województwa ruskiego XIV–XVIII wieku (ziemie halicka, lwowska, przemyska, sanocka). Spicy. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1987. 415 s.
18. *Wyrostek L.* Ród Dragów-Sasów na Węgrzech i Rusi Halickiej. Kraków: Nakładem Polskiego towarzystwa heraldycznego, 1932. 192 s.
19. Z Jana Zamoyskiego inwentarza archiwum koronnego. Materiały do dziejów Rusi i Litwy w XV wieku / Oor. O. Halecki // Archiwum komisji historycznej. Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności Skład główny w księgarni G. Gebethnera i sp. w Krakowie, Gebethnera i Wolffa w Warszawie, 1919. T. XII. Cz. I. S. 146–218.
20. *Źródła dziejowe.* Warszawa: Warszawska Drukarnia Estetyczna, 1902. T. XVIII. Cz. I / Ziemia ruska. Ruś Czerwona / opis. przez A. Jabłonowskiego. 252, XVIII, 72, 66 (B) s.

REFERENCES

1. Mikhaylovskiy, V. (2012) *Elastichna spilnota. Podil's'ka shlyakhta v drugi polovini XIV – 70-rokakh XVI st.* [Elastic community. The Podolian szlachta from the mid-14th through the 70s of the 16th century]. Kyiv: Tempora.

2. Pashin, S.S. (2023) Seven noble families of Galicia in the 15th century: A genealogical commentary on the decree of King Sigismund I of 1510 on the amnesty of traitor nobles. *Rusin*. 72. pp. 11–29 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/72/2

3. Rozov, V. (ed.) (1917) *Yuzhnorusskie gramoty* [South Russian Charters]. Vol. 1. Kyiv: Kiev-Pechersk Dormition Lavra.

4. Pietruski, O. & Liske, X. (eds) (1875) AGZ. Vol. 5. Lwów: Z drukarni narodowej W. Manieckiego.

5. Pietruski, O. & Liske, X. (eds) (1876) AGZ. Vol. 6. Lwów: Z drukarni narodowej W. Manieckiego.

6. Pietruski, O. & Liske, X. (eds) (1887) AGZ. Vol. 12. Lwów: Z I. Związkowej drukarni.

7. Prochaska, A. (ed.) (1903) AGZ. Vol. 18. Lwów: Z drukarni E. Winiarza we Lwowie.

8. Prochaska, A. (ed.) (1906) AGZ. Vol. 19. Lwów: Z drukarni E. Winiarza we Lwowie.

9. Boniecki, A. (1900) *Herbarz polski. Wiadomości historyczno-genealogiczne o rodach szlacheckich*. Vol. 2. Warszawa: Skład główny Gebethner i Wolff w Warszawie.

10. Boniecki, A. (1907) *Herbarz polski. Wiadomości historyczno-genealogiczne o rodach szlacheckich*. Vol. 10. Warszawa: Skład główny Gebethner i Wolff w Warszawie.

11. Dąbkowski, P. (1928) *Zwierciadło szlacheckie*. Lwów: Wschód. Wydawnictwo do dziejów i kultury ziem wschodnich Rzeczypospolitej Polskiej.

12. Długosz, J. (2009) *Roczniki, czyli Kroniki sławnego Królestwa Polskiego*. Vols 11–12. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN.

13. Piekosiński, F. (ed.) (1887) *Kodeks dyplomatyczny małopolski*. Vol. 3. Kraków: W drukarni "Czasu" Fr. Kluczyckiego i sp.

14. Wierzbowski, T. (ed.) (1910) *MRPS*. Part IV. Vol. 1. Varsoviae: Typis officinae C. Kowalewski.

15. Wierzbowski, T. (ed.) (1912) *MRPS*. Part IV. Vol. 2. Varsoviae: Typis officinae C. Kowalewski.

16. Wierzbowski, T. (ed.) (1915) *MRPS*. Part IV. Vol. 3. Varsoviae: Typis officinae C. Kowalewski.

17. Przyboś, K. (1987) *Urzędnicy województwa ruskiego XIV–XVIII wieku (ziemie halicka, lwowska, przemyska, sanocka)*. *Spisy*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.

18. Wyrostek, L. (1932) *Ród Dragów-Sasów na Węgrzech i Rusi Halickiej*. Kraków: Nakładem Polskiego towarzystwa heraldycznego.

19. Halecki, O. (ed.) (1919) Z Jana Zamoyskiego inwentarza archiwum koronnego. Materiały do dziejów Rusi i Litwy w XV wieku. *Archiwum komisji historycznej*. 12(1). pp. 146–218.

20. Jabłonowski, A. (ed.) (1902) *Źródła dziejowe*. Vol. 18(1). Warszawa: Warszawska Drukarnia Estetyczna.

Пашин Сергей Станиславович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Тюменского государственного университета (Россия).

Sergey S. Pashin – Tyumen State University (Russia).

E-mail: pashin-s@yandex.ru

УДК 94(477.85)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/75/3

Неопубліковане листування славістів Ватрослава Ягича та Євгенія Козака з фондів наукової бібліотеки Чернівецького університету і Національної та університетської бібліотеки в Загребі*

В.В. Грябан

Віденський університет

Австрія, 1010, м. Відень, Університетсрінг, 1

E-mail: viktoria.hryaban@univie.ac.at

Авторське резюме

Пропонована стаття є дослідженням неопублікованого листування двох відомих в Австро-Угорщині славістів кінця XIX – початку XX ст.: Ватрослава Ягича (1838–1923) та ректора Чернівецького університету, професора кафедри церковнослов'янської мови, священника-русофіла Євгенія Козака (1857–1933). На відміну від архіву В. Ягича, який зберігся у колекції рукописів Національної та університетської бібліотеки в Загребі і великою мірою вже опрацьований, епістолярна спадщина Є. Козака була лише нещодавно виявлена у фондах наукової бібліотеки Чернівецького університету. Як з'ясувалося, епістолярний архів вченого з Чернівців зберігся лише частково і був досі невідомим для широкого кола науковців. Це листування поєднує кореспонденцію як ділового, так і особистого характеру. Дане дослідження є продовженням студій про життя та діяльність проф. Є. Козака, оприлюднених у 2023 р.

Ключові слова: Ватрослав Ягич, Євгеній Козак, Віденський університет, Чернівецький університет, Австро-Угорщина, історія славістики, священник-русофіл

* Дослідження було цілком здійснено за фінансової підтримки Австрійського Наукового Фонду (FWF) (номер гранту I 5309).

Неопубликованная переписка славистов – Ватрослава Ягича и Евгения Козака из фондов научной библиотеки Черновицкого университета и Национальной и университетской библиотеки в Загребе *

В.В. Грябан

Венский университет

Австрия, 1010, г. Вена, Университэтсринг, 1

E-mail: viktoria.hryaban@univie.ac.at

Авторское резюме

Исследована неопубликованная переписка двух известных в Австро-Венгрии славистов конца XIX – начала XX в.: Ватрослава Ягича (1838–1923) и ректора Черновицкого университета, профессора церковнославянского языка, священника-русофила Евгения Козака (1857–1933). В отличие от архива В. Ягича, сохранившегося в коллекции рукописей Национальной и университетской библиотеки в Загребе и во многом уже изученного, эпистолярное наследие Е. Козака было только недавно обнаружено в фондах научной библиотеки Черновицкого университета. Как выяснилось, эпистолярный архив ученого из Черновцов сохранился лишь частично и до сих пор неизвестен широкому кругу исследователей. Эта переписка объединяет корреспонденцию как делового, так и личного характера. Данное исследование является продолжением работы о жизни и деятельности проф. Е. Козака, опубликованной в 2023 г.

Ключевые слова: Ватрослав Ягич, Евгений Козак, Венский университет, Черновицкий университет, Австро-Венгрия, история славистики, священник-русофил

The unpublished correspondence between Slavists Vatroslav Yagić and Evgeniy Kozak from the collections of Chernivtsi University Research

* Дослідження було цілком здійснено за фінансової підтримки Австрійського Наукового Фонду (FWF) (номер гранту I 5309).

Library and the National and University Library in Zagreb*

Viktoriya Hryaban

Vienna University

1 Universitätsring, Vienna, 1010, Austria

E-mail: viktorija.hryaban@univie.ac.at

Abstract

This article studies the unpublished correspondence of two prominent Slavists in Austria-Hungary from the late 19th – early 20th centuries: Vatroslav Jagić (1838–1923) and the Rector of Chernivtsi University, Professor of Church Slavonic, a Russophile priest, Evgeniy Kozak (1857–1933). Unlike the Jagić archive, preserved in the collection of manuscripts of the National and University Library in Zagreb, which has already been researched, Kozak's epistolary was only recently discovered in the collections of the Research Library of Chernivtsi University. As it turned out, Kozak's epistolary archive is preserved only partially and is still unknown to a wide range of researchers. This correspondence combines business and personal letters. This study continues the research on Kozak's life and work, published in 2023.

Keywords: Vatroslav Jagić, Evgeniy Kozak, University of Vienna, Chernivtsi University, Austria-Hungary, history of Slavonic studies, Russophile priest

Видатний славіст Ватрослав Ягич (1838–1923) залишив по собі не тільки велику кількість наукових праць з проблем слов'янського мовознавства, але і значну за обсягами епістолярну спадщину. На жаль, не вся кореспонденція вченого була опублікована, що надалі зумовлює актуальність її вивчення та введення до наукового обігу. Певний внесок щодо цього вже зробили деякі вчені, які частково дослідили листування Ватрослава Ягича з українськими науковцями. Присутні окремі праці, присвячені дослідженню кореспонденції віденського славіста з Олександром Потебнею, Степаном Смаль-Стоцьким, Зеноном Кузелею, Іваном Панькевичем, Іваном Зілінським, Кирилом Студинським, Іваном Велигорським, Євгеном Перфецьким, Іларіоном Свенціцьким, проте найбільше студій охоплює листування з Іваном Франком [4: 4–9; 5: 4; 6: 78–90; 10: 165–185; 11: 79–112;

* The research has been entirely supported by the Austrian Science Foundation (FWF) (Grant Number I 5309).

18: 521, 524–528; 19: 317–327; 21; 22; 47: 201; 53: 111; 66: 75–111; 68: 67–90; 69; 78].

У дослідженні листування В. Ягича з іншими українськими славістами ще є, на жаль, чимало білих плям. Зокрема, для широкого загалу продовжує залишатися цілком невідомою кореспонденція вченого з буковинським славістом, професором та ректором Чернівецького університету [62], архіпресвітером, сенатором Румунського сенату, д-ром Євгенієм Козаком (1857–1933), який провадив слов'янські студії під керівництвом В. Ягича у Віденському університеті та перебував зі своїм наставником в тісному контакті аж до періоду Першої світової війни. І хоча okazіонально листування Є. Козака з В. Ягичем згадується в публікації О. Кравченюка «С. Смаль-Стоцький і Ватрослав Ягич» у контексті кореспонденції між Е. Калужняцьким та В. Ягичем (стосовно С. Смаль-Стоцького) та згадується один лист Є. Козака до В. Ягича (з приводу смерті Е. Калужняцького в 1914 р.), епістолярний дискурс цих діячів залишається нерозкритим [19: 324, 326]. Певним кроком щодо заповнення даної прогалини стала публікація витримок з окремих листів В. Ягича до Є. Козака в рамках дослідження біографії останнього в публікації М. Чучко та В. Грябан «Життя та діяльність Євгенія Козака (1857–1933), відомого славіста, ректора Чернівецького університету, архіпресвітера-ставрофора, професора» [56: 83–137]. Пропонована стаття ставить за мету оприлюднення та коментування всього корпусу цього листування, яке має важливу цінність для більш чіткого окреслення кола спілкування та наукової співпраці між славістами Австро-Угорщини з метою вивчення історії становлення славістики як науки в рамках певних наукових шкіл.

Кореспонденція між Є. Козаком та В. Ягичем, яка збереглася в колекції рукописів Національної та університетської бібліотеки у Загребі та фондах бібліотеки Чернівецького національного університету, охоплює період 1889–1915 рр. Серед оригіналів представлено 17 рукописів листів Ватрослава Ягича, надісланих Євгенію Козаку, та 4 листи Є. Козака, адресованих В. Ягичу. Всі листи написані німецькою мовою та підписані авторами. Почерк кореспонденції Ягича дещо нерозбірливий, деякі слова і прізвища (можливо через вірогідну перлюстрацію) містять скорочення.

У свою чергу листи Є. Козака до В. Ягича написано чітким розбірливим почерком. Більшість рукописів містять чітку вказівку дати та місця написання [32–43]. До датованих листів належать рукописи з архіву Є. Козака [25] під номерами:

N60 Kirnberg a.d M. 27.07.1889.

N61 Abbazia 7 August 1890.

N62 Abbazia d. 5 Aug. 1891.

- N63 11. Aug. 1891.
N64 16 Aug. 1891.
N65 24.3.1896.
N66 Wien, 28 April 1896.
N67 Abbazia 19 August 1899
N69 Wien 19.12.1903.
N70 Abbazia 24 Juli 1904.
N71 Wien 29 Dez. 1906.
N73 Payerbach, 15.07.1914.
N74 Payerbach, 23.07.1914.
N78 без дати.
N79 без дати.

На одному з листів В. Ягича відсутній рік, а на трьох інших – повне датування. Проте зі змісту можна визначити вірогідний час їхнього написання. [43; 44]. Це рукописи із вищевказаної збірки під номерами:

- N76 без дати (вірогідно літо 1891. – В.Г.).
N77 22.08 без року (вірогідно 1891. – В.Г.) [43; 44].

Листи Є. Козака з архіву В. Ягича у колекції рукописів Національної та університетської бібліотеки в Загребі представлені чотирма датованими рукописами із чіткою вказівкою місця написання. На трьох з них зазначено повну адресу:

- Czernowitz, 11. Juli 1914, Dreifaltigkeitsgasse 34 a.
Salzburg, 15. Juli 1915 Lesselgasse 10, Part. links.
Salzburg, 26. Juli 1915.
Salzburg, 22. September 1915, Lesselgasse 10 [73–76].

Розглянувши зміст листування, можна помітити, що ведеться воно дружнім та доброзичливим стилем, однак з чітким дотриманням субординації. При детальнішому аналізі листів можна чітко простежити їхню тематику, де поряд з приватними та побутовими проблемами, обговорюються питання публікацій наукових праць, коректури і перекладу статей, загалом стратегії розвитку славістики як науки. В окремих листах В. Ягича на адресу Козака проглядається менторська підтримка та похвала, проте у деяких чітко виражено керівний тон. У кореспонденції з боку В. Ягича майже завжди присутня стриманість висловлювань щодо соціально-політичних питань та, до певної міри, навіть прихованість інформації.

Низка листів В. Ягича до Є. Козака стосуються комплектування бібліотеки «Слов'янського семінару» у Відні, де останній був першим бібліотекарем [81: 4]. Створено її було з ініціативи В. Ягича, який зайняв кафедру славістики у Віденському університеті в 1886 р., після виходу на пенсію Ф. Міклошича [79: 2]. За твердженням Івана Франка, його попередник вів «по-старомодному і зовсім не дбав о спеціальну

слов'янську бібліотеку, а в разі потреби позичав слухачам для їх праць свої власні книжки, коли їх не було в віденських публічних бібліотеках <...>. І знов показалося, що прикінці ученої кар'єри Міклошичевої столиця Австрії стояла геть позаду щодо студій слов'янських поза іншими столицями, особливо російськими» [54: 8–9].

Як і Ф. Міклошич, проф. В. Ягич був людиною широких енциклопедичних знань і прагнув перетворити Відень у центр європейської славістики [5: 4]. При цьому, за словами П. Барвінської, він «опирався на концепцію, яку розвинув ще в Петербурзі та Берліні. На його думку, перш за все, потрібно було розширити визначене поняття славістики, яке б не обмежувалось тільки «науковим плеканням мов», а охоплювало б також літературу та деякі допоміжні дисципліни, передусім історію» [1: 280].

Слід зауважити, що з приходом до Віденського університету професора Ватрослава Ягича ним було створено Слов'янський семінар, на основі якого пізніше було створено Інститут славістики. Також при семінарі він започаткував фахову бібліотеку [5: 4].

Сучасник В. Ягича І. Франко стверджував, що той «вельми розширив обсяг викладів і семінарських студій, вводячи крім граматики, історію літератури, старинності, і т. і.» [54: 9]. За словами О. Кравченюка, керований Ягичем «семінар слов'янської філології став справжнім світовим центром цієї науки. Бажанням кожного студента славістики, з якої країни він не походив би, було вчитись під керівництвом Ягича, владики слов'янства» [18: 521].

Серед учнів Ягича в Слов'янському семінарі був і буковинець Євгеній Козак. Про залучення останнього до роботи як бібліотекаря над поповненням фондів Слов'янського семінару літературою зі славістики свідчать листи проф. В. Ягича до Є. Козака від 5 й 16 серпня 1891 р. та два листи без дати, які, виходячи з їхнього змісту, очевидно, теж були написані в цей період. У цьому листуванні прослідковується жвавий інтерес В. Ягича до книг з бібліотеки свого попередника – славіста Ф. Міклошича, який помер у березні 1891 р. Зокрема, у листі від 5 серпня 1891 р. В. Ягич, запитуючи Є. Козака про долю книгозбірні свого попередника на кафедрі славістики, писав: «Хотілося б дізнатися, яка ситуація з книжковою спадщиною Міклошича? Чи відібрала вже собі Придворна бібліотека? Чи Ви вже домовилися про передачу книжок? Чи пан Міклошич¹ досі відсутній? Що стане з рештою? Дещо хотів взяти Сперанський², який зараз перебуває в Аббації. Напишіть мені все, що про це знаєте» [34].

У другому листі, датованому 16 серпня 1891 р. вже йде мова про те, що В. Ягич зініціював купівлю до бібліотеки семінару великої кількості праць з книгозбірні Ф. Міклошича. Реалізацію цієї відпо-

відальної справи Ягич поклав на Козака, даючи йому в цьому листі відповідні вказівки: «Добре, що ви вже передали до семінару книги зі спадщини Міклошича. Тільки одне мені незрозуміло. Ви дійсно продали антиквару книги про Кирила та Мефодія і чи не відібрали нам деякі, типу Рачка³, Воронова⁴? Це було б надзвичайно шкода. Я думаю, що ціна в 800 гульденів для решти цілком розумна, і пропоную вам погодитися, якщо продавець книг дійсно заплатить. При хорошому фінансовому становищі нашого семінару можна було купити набагато більше, але найнеобхідніше, я думаю, ми таки дістали. Чи не могли б ви якнайшвидше скласти детальний рахунок-фактуру, і я домовлюся, щоб Штадль надіслав п. Міклошичу гроші» [36].

У листі з Аббації, в якому відсутня дата, але вірогідно, як слідує з його змісту, він був написаний у серпні 1891 р., проф. В. Ягич писав до свого учня: «...Я прошу Вас надіслати мені список робіт, збережених для мене з маєтку Міклошича, щоб я міг запропонувати ціни та через Штадля заплатити. Мені приємно, що фон Міклошич позбувся всього за <...> (нерозбірливо. – В.Г.) помірно короткий час і, загалом, за досить пристойними цінами» [45].

Про подальші розрахунки зі спадкоємцем Міклошича за книги йдеться у другому недатованому листі Ягича до Козака, який він написав йому, судячи з тексту, наприкінці серпня на початку вересня 1891 р. В листі він дає вказівку щодо невизначених цін на окремі фоліанти та інформує про замовлену ним книжкову шафу для бібліотеки, зазначаючи: «Ціни, які не були зазначені, прошу заповнити на свій розсуд. Потім Штадль повинен сплатити суму пану Міклошичу. У будь-якому випадку переконайтеся, що все це не перевищить суму в 20 гульденів, тому що це не вартує більшого. Єдину цінність становлять, власне, "Албанські студії" Хана. Час мого літнього перебування добігає кінця, ймовірно, ми повернемося до Відня в кінці наступного тижня, оскільки я планую їхати до Росії 25 вересня. Я написав інспектору будівлі про книжкові шафи. Сподіваюся, ми отримаємо їх цієї осені» [44].

У своїх спогадах, В. Ягич пізніше так згадував про роботу Є. Козака в книгозбірні семінару: «В перші роки (свої роботи. – В.Г.) мав значну допомогу від першого бібліотекаря нашого семінару Євгенія Козака, який дуже ретельно заносив книги в інвентарну книгу та алфавітний каталог, а також дбав, щоб книги не виносили з інституту і точно повертали» [15: 138–139].

Є. Козак належав до школи славістики В. Ягича, з якої вийшла ціла плеяда відомих славістів. Як пізніше відзначав І. Франко: «В протягу тих 10 літ, відколи кафедру віденську займає проф. Ягич, із його школи вийшов цілий ряд талановитих учених, як ось покійний Облак (по-

мер торік яко доцент у Граці), Іванов (болгарин), Джорджевич (серб), Стоянович (серб), Козак (буковинський русин), Вондрак (чех), Решетар (хорват). Два останні габілітувалися на виклади слов'янські у Відні, головню для граматики. Тепер прибуває ще новий доцент, д-р Мурко, що викладатиме головню історію літератури і то середньої та новішої доби» [54: 9]. Окрім перелічених славістів, до кола близьких колег Є. Козака належали такі відомі вчені як Ф. Пастрнек⁵ та М. Сперанський [36; 39]. З обома дослідниками Козак працював над переписуванням двох слов'янських Псалтирів (Болонського та Погодинського списків) під керівництвом В. Ягича. Цікаво, що останній у своїх спогадах, описуючи роботу над згаданими рукописами, пригадував у 1921 р.: «Отримавши у Відні два головних слов'янських тексти Псалтиря, Болонський та Петроградський, і мені довелося взятися за те, щоб точно переписати їх, літеру за літерою, рядок за рядком, з усіма скороченнями, точно так, як у оригіналі. У цій кропіткій і дуже масштабній роботі мені на допомогу прийшли мої молоді приятелі, які тоді мене оточували на семінарі як помічники та слухачі. З великою вдячністю за їхню допомогу я згадую їх усіх по порядку; це був Фр. Пастрнек (нині професор у Празі), Євг. Козак (згодом професор у Чернівцях; де зараз не знаю), М.Н. Сперанський (пізніше професор у Москві, живе там і сьогодні 5/6. 1921), особливо мені відданий молодий белградець Чорчевич (який помер у молодому віці), розумний болгарин Матов (він теж помер надто рано для науки) і Манол Іванов, болгарин із Пирдопи (він теж помер). Їхня робота, над якою я також працював, контролював і, наскільки мені вистачало часу, порівнював з оригіналами» [15: 209].

Характерно, що ще 1906 р., в листі від 29 грудня, В. Ягич, намагаючись відновити весь перелік осіб, яким слід би було подякувати за опрацювання згаданих вище джерел, звернувся саме до Є. Козака, щоби той йому в цьому допоміг: «Я звертаюся до Вас з проханням. Згадайте минулі роки, коли ви були в колі Пастрнека, Сперанського і деяких інших панів працювали над копіями двох псалтирів (Болонського і Погодінського) в семінарі слов'янської філології. Я знаю, що ви тоді робили компіляцію про участь окремих панів. Тепер нарешті дійшло до того, що я змушений згадати ті часи, щоб висловити належну подяку всім, хто допомагав <...> (нерозбірливо. – В.Г.). На мій подив і жаль, незважаючи на мої старання пошуки, я більше не можу знайти нічого в семінарі, де я думав, що знайду записи про це. Можливо, вони десь зберігаються, і я не можу знайти їх зараз, або, можливо, вони зникли кілька років тому, коли я прибирав це місце.

З вашої свіжої пам'яті, я б хотів, хоча б приблизно визначити такі дані:

1. У яких роках ті рукописи були у нас у Відні?

2. Що раніше переписували Болонський чи Погодінський?

3. Хто ще брав участь у роботі, крім вас, Пастрнека, Сперанського, Джорджіорі та мене?

Я можу добре рорізнити почерк вашої руки, потім Пастрнека, Сперанського та Джорджіорі. Але я думаю, що там все-таки були задіяні кілька інших панів, наприклад Матов.

Буду дуже Вам зобов'язаний, якщо допоможете моїй слабкій пам'яті, наскільки це можливо» [41]. Пізніше, в листуванні з Є. Козаком, Ф. Пастрнек з теплом згадував часи, спільно проведені в слов'янському семінарі у Відні. У 1903 р., дякуючи за надісланий примірник щойно виданої праці Є. Козака «Написи з Буковини», чеський славіст писав своєму молодшому колезі: «Я прочитаю її з великим інтересом і з теплою згадаю роки, які ми провели в постійному спілкуванні в Слов'янському семінарі у Відні» [39].

Окремі листи Ягича до Козака також свідчать, що окрім наукової роботи керівник слов'янського семінару, під час своєї відсутності у Відні, доручав своєму учню виконання організаційно-адміністративних питань, використовуючи його як особистого асистента. Наприклад, вказівки такого характеру як передача фінансових документів, завірених прохань, пересилка книг. Про це, зокрема, йдеться в листах Ягича до Козака від 27 липня 1889 р., 7 серпня 1890 р., 5 серпня 1891 р., 11 серпня 1891 р. [32–35]. У окремих листах йдеться про виконання окремих доручень приватного характеру. До прикладу, у листі від 11 серпня 1891 р. В. Ягич просив Є. Козака купити в музичній крамниці та відіслати в Аббацію ноти для своєї доньки [35].

В 1899 р. Є. Козак не без сприяння В. Ягича почав працювати екстраординарним професором на кафедрі церковно-слов'янської мови та літератури на теологічному факультеті у Чернівецькому університеті, де зайнявся організацією церковно-археологічного музею Буковинської митрополії [15: 154, 284]. В кореспонденції, яка велася між Ягичем і Козаком, в цей період привертає увагу лист Ягича з Аббації від 19 серпня 1899 р., адресованому д-ру Є. Козаку (що мешкав тоді в Чернівцях на вул. Ремера, 5), в якому міститься згадка про розвиток цієї музейної установи. Схвально поставившись до роботи по розбудові музею своїм учнем, який планував наповнювати його фонди середньовічними слов'янськими грамотами і книгами з території колишніх придунайських князівств, В. Ягич писав Є. Козаку, що «ідея побудови церковно-археологічного музею, багатьом буде очевидно і вам не бракуватиме підтримки з усіх боків. Можливо, з часом вам вдасться зберегти деякі фрагменти слов'янського середньовіччя з трьох країн і зробити їх доступними для наукових досліджень. Я тут нещодавно почув (від проф. Сперанського) – ми теж у газетах

читали, це, що якийсь Яцимирський⁶ із Москви привозив до Москви деякі речі зі своїх подорожей по молдо-валаських країнах (не знаю, чи й Буковини), поки його нещодавно не спіймали *in facto flagranti* в Бухаресті. Одну таку людину, це пан у Росії, якого я (і, напевно, ви теж) знаєте. Є лише один засіб від таких випадків – розумна концентрація в поєднанні з хорошим наглядом» [38].

Докладно роботу Козака з організації та комплектування церковного музею, який був відкритий з благословіння митрополита Аркадія 20 червня 1899 р. в одному з корпусів митрополичої резиденції (пресвітерії), висвітлюють документи Чернівецького державного обласного архіву, опубліковані циркуляри Буковинської митрополії, що спеціально стосувалися цих питань та матеріали тогочасної місцевої преси [8: 230; 60: 26]. Документи засвідчують, що перед офіційним відкриттям музею Є. Козак попередньо провів дослідницько-пошукову роботу вартих уваги пам'яток слов'янської церковної книжності та інших богослужбових предметів, що зберігалися в церквах та монастирях Буковини. Циркуляром консисторії Козак був призначений головою консисторської комісії по відборі предметів з культових споруд краю для створення майбутньої експозиції церковного музею [8: 229–230]. Проф. Козаком також було розроблено проект статуту музею, який пізніше був затверджений консисторією та Міністерством освіти та культів у 1902 р. [7: 86–87; 48: 302].

Варто відзначити, що після створення музею, консисторія окремим циркуляром від 24 вересня 1899 р. надалі забороняла передавати цінні церковні речі приватним колекціонерам, а наказувала священикам віддавати їх до новоствореної церковної музейної установи. Пізніше цей циркуляр підтверджувався консисторією у 1902 та 1908 рр. [58: 71].

Комплектуючи музейну колекцію, лише з монастиря Путна 27 серпня 1902 р. Козак відібрав з бібліотеки монастиря 110 позицій найменувань. А у вересні цього ж року, знову відвідавши монастир Путна, склав окремий список середньовічних грамот на 268 позицій. У 1904 р. зусиллями Козака було поповнено фонди музею новими надходженнями, зокрема переданими священиками до фондів рідкісних слов'янських книг з церков Путильщини [48: 301–304].

Збираючи давні книги, Козак фіксував також давні нотатки, зроблені на сторінках манускриптів, які зберігалися в монастирях Путна, Радівці, Сучевиця [72: 257].

У пресі повідомлялося про активну краєзнавчу роботу Є. Козака. Зокрема, будучи влітку 1903 р. разом з урядовим радником архітектором К. Ромшторфером в м. Сучава, професор Чернівецького університету д-р Є. Козак взяв участь у засіданні «Сучавського музейного товари-

ства». Як писала «Чернівецька щоденна газета» у номері за 2 липня, що там він виступив з доповіддю, яку присутні представники місцевої міської інтелігенції вислухали з великим зацікавленням. За словами кореспондента, проф. Козак розповів про написи на каменях в Сучаві, які задокументували добрий відрізок історії міста. Він навів також зовсім нові історичні факти і спростував на підставі представлених написів (демонстрація яких часто викликала у певних колах незадоволення) комбінації Шмідта, Вікенгаузера та Урекія. Його виступ, що тривав біля двох годин, викликав бурхливі оплески публіки [63: 4].

Комплектуванням та консультуванням церковного музею Козак займався і після виходу на пенсію. Зокрема у 1930 р. проф. Козак продовжував виступати у консисторських актах головним експертом у справі закупівлі старих книжок для Єпархіального музею з різних культових споруд Буковини, які передавалися до музейних фондів місцевими священиками [7: 204–235].

Завдяки подвижницькій діяльності проф. Козака у справі формування колекцій Єпархіального музею було зібрано та описано велику кількість грамот, рукописних та друкованих церковних книг, давніх богослужбових предметів, які становлять велику культурно-історичну цінність. Значну частину цього зібраного матеріалу, зокрема збірку написів, викарбуваних на каменях, що містилися в монастирях та церквах краю, вчений опублікував у першому томі «Написи з Буковини. Епіграфічні дослідження з джерелознавства регіональної та церковної історії. Частина I: Написи на камені», що побачив світ у 1903 р. у Відні [70].

Як зазначає в опублікованому після смерті Є. Козака некролозі румунський історик і публіцист з Буковини Николай Гремада, після публікації першого тому написів д-р Є. Козак почав збирати на Буковині написи на дзвонах, іконах, хрестах із дерева та металу, потирах церковних, епітрахілях, аїрах та антимінсах, стінописах в церквах і монастирях і, нарешті, записи в старовинних рукописах і друкованих книжках [65: 566]. Ці матеріали вчений планував видати у двох наступних томах. Роботу над продовженням дослідження засвідчує його активне листування з цього приводу із парафіяльними священиками з Заставни, Кіцманя та інших поселень [27; 28], інженером Буковинської митрополії Гуго фон Рецорі⁷ [26], власниками маєтків на Буковині, у яких зберігалися приватні архіви та бібліотеки місцевих аристократичних родин (Васильків, Костіних, Флондорів, Поповичів-Нікуліц, Ільських-Стирча) [29–31].

Зокрема, листуючись з Козаком, настоятель парафії св. Миколая у м. Заставна⁸ у листі від 24 травня 1930 р. інформував чернівецького дослідника про напис на ктиторському портреті священика Кіфи зі старої дерев'яної церкви м.Заставна, побудованої у 1774 р. У листі

подаються дані про зміст вотивного напису та зроблена спроба настоятелем ідентифікувати з поміж переліку священослужителів храму за період 1763–1802 рр., не названого в написі сина ієрея Кіфи⁹, який разом з батьком виступив співзасновником церкви [27].

У листі відповіді до Є. Козака священника-адміністратора кіцманської парафії св. Миколая Олександра Ісара від 8 травня 1930 р. надіслано окремі виписки з метричних книг за період 1800–1830 рр. Адміністратор зауважив, що він «не в змозі розповісти вашій високій пречесності про запитувані вами речі, окрім як 1806–1818 рр. отець Теодор Продан¹⁰ виконував тут функції на посаді пароха с. Суховерхова, в Козмень це відомо тільки так, що був вікарієм в 1818–1824 рр.». Оскільки, на жаль, не зберігся лист запит Є. Козака до о. Ісара, можемо припустити, що зацікавленість колишнім священником Проданом виникла у професора у зв'язку з залишеними тим написами у церкві м. Кіцмань [28; 59: 89].

У листі інженера Гуго фон Рецорі від 6 квітня 1930 р., архітектор митрополії інформував професора Козака про наявність у церкві м. Ватра Дорна дошки із чорного мармуру, оздобленої написом, який за необхідності обіцяв замалювати [26].

Ще однією проблемою, яка знайшла докладне відображення у листуванні В. Ягича та Є. Козака стало релігійне та політичне життя на Буковині кінця XIX ст. Варто відзначити, що з приходом в 1896 р. на митрополічу кафедру в Чернівцях Аркадія (Чуперковича), ситуація в Чернівецькій архієпархії Буковинсько-Далматинської митрополії щодо реалізації прагнення українців здобути в церковній сфері рівні права з румунами, стала змінюватися на користь перших, з огляду на позицію владики. До архієпископської консисторії увійшли два священники українці О. Манастирський та Г. Ганицький, а генеральним вікарієм призначено І. Филиповича. Тоді ж на теологічному факультеті Чернівецького університету професорські посади зайняли також два українські священники – кафедру церковнослов'янської мови та літератури посів д-р Є. Козак, а кафедру практичного богослов'я – Д. Єремійчук, колишній катехит гімназії [12: 365; 13: 77]. Всі ці поступки на користь українців у церковній сфері викликали негативну реакцію румунських радикалів, які у пресі та в публічних нападках ганьбили митрополита Аркадія, що йшов на окремі поступки українцям. У контексті зростання українсько-румунського суперництва призначення священників-українців професорами теологічного факультету стали розглядатися румунськими радикалами як додатковий крок проти традиційно домінуючого становища румунів у Православній церкві на Буковині [2: 179; 61: 4]. Особливо радикально проти владики були налаштовані румунські студенти-теологи, які били митрополиту вікна

та погрожували вчинити над ним фізичну розправу [12: 365–366]. Так, за свідченням священика д-ра К.Богатирця, коли Буковинсько-Далматинський владика прибув, щоби відбутися до Відня на засідання Палати панів, румунські студенти «закидали його гнилими яйцями за те, що він обіцяв рутенам однакові права з румунами і через це зробився зрадником румунської справи» [2: 180–180]. З іншого боку радикально налаштовані народовці на чолі з депутатами Є. Пігуляком та М. Васильком почали вимагати від митрополита піти на подальші поступки українцям в церковному питанні, а саме розділити Чернівецьку архієпархію Буковинсько-Далматинської митрополії на румунську – Радівецьку єпархію та українську – Кіцманську, про що подали меморандум і намагалися його просунути в органах влади [12: 366–368]. В свою чергу проти таких радикальних кроків виступили буковинські священики русофільської орієнтації, які обмежилися поданням владиці та австрійській владі «Меморіалу» з 12 пунктів, виступивши проти поділу архієпархії, обмежившись наданням рівних прав з румунами, мовними проблемами в парафіях та реорганізацією призначення священиків на місця служби. В числі інших 66 кліриків цей документ підписав також священики д-р Є. Козак, його батько А. Козак та середній брат О. Козак [2: 180–182; 24: 7–14].

Відголосок тих подій знаходимо в листі проф. В. Ягича з Аббації від 19 серпня 1899 р., адресованому д-ру Є. Козаку в Чернівці за адресою: вул. Ремера, 5, у якому він писав своєму учню і колезі: «Шановний пане професоре! Оскільки я не зміг собі пояснити, як так сталося, що я не отримав від вас жодних новин, тому я побоювався, що ваші бажання в певному відношенні не були реалізовані. Тепер мені приємно почути, що справа розвивається тим курсом, яким вона була спрямована. Я бажаю вам, у чому я не сумніваюся, з огляду на вашу благородну ревність, найкращих успіхів у вашій новій діяльності. Наберіться спочатку терпіння до нових колег і молоді! Будь-яка нова річ, якою б гарною вона не була задумана, спочатку викликає недовіру, і від людини як носія дуже залежить, щоб ставлення людей змінилося, щоб недовіра зникла, а доброзичливість людини також до самої речі пристосувалась. Коли я прочитав щось у газетах про демонстрацію, яка нібито була спрямована проти митрополита¹¹, я побоювався, що, можливо, рутени (в оригіналі Ruthenen. Надалі вживається на означення буковинських українців. – В.Л.) тому причина. Сподіваюся, мої побоювання були абсолютно безпідставними. Коли я прочитав щось у газетах про демонстрацію, яка нібито була спрямована проти їхнього митрополита, я побоювався, що ця поступка, зроблена рутенам, могла її породити. Сподіваюсь, мої побоювання були абсолютно марними. Тому я сподіваюся, що з часом не тільки русинська, але й румунська

молодь переконається в важливості церковнослов'янської мови. У будь-якому разі ваше ім'я буде тісно пов'язане з цим новим поворотом подій на краще в історії культури країни» [38].

Після смерті Е. Калужняцького¹² в 1914 р. постало питання про його наукову спадщину, що знайшло відгук у листуванні Є. Козака з В. Ягичем.

Принагідно нагадаємо, що славіст Е. Калужняцький очолював кафедру порівняльної філології слов'янських мов в Чернівецькому університеті ще з часу його відкриття в 1875 р. Він також до 1877 р. та упродовж 1883–1885 рр. паралельно посідав місце професора кафедри української мови, яку лише в березні 1885 р. очолив д-р С. Смаль-Стоцький¹³ [46: 496]. Саме під керівництвом проф. Е. Калужняцького Є. Козак, навчаючись у 1879–1880 та 1884–1886 рр. на філософському факультеті в Чернівецькому університеті, опановував порівняльну слов'янську філологію [77: 48]. Більше того впродовж багатьох років вони були соратниками по організованій місцевими русофілами москвофільській «Народній Раді» [64: 2] та разом із сім'ями брали активну участь в соціально-культурному житті міста. Особливо Е. Калужняцький цінував свого колегу по університету як фахового славіста. До прикладу, у своєму листі до В. Ягича, з приводу підготовки «Енциклопедії слов'янської філології», Е. Калужняцький навіть рекомендував Є. Козака як можливого автора статті про українську мову [19: 323]. Отож, коли 3 липня 1914 р. внаслідок важкої хвороби професор Е. Калужняцький помер в Чернівцях [67: 6], Є. Козак сповістив В. Ягича про смерть вчителя і колеги у листі від 11 липня 1914 р., повідомляючи деталі цієї важкої втрати для них обох: «На жаль, професора Калужняцького, цього доброго, характерного вченого, вже немає серед живих. Всю зиму хворів (плеврит з мокротами) і з листопада по березень не викладав. Згодом, на нашу радість, він одужав, відновив лекції і прочитав останню лекцію в середу, 1 липня. Оскільки він також страждав від закупорення артерій і коли мокроти відновилися, у нього раптово проявилася серцева недостатність, і душа його відійшла в п'ятницю о 3:47 до вечора.

Траур за ним у місті й університеті був загальний і з глибоким сумом, бо він був одним із його наукових світил і був їхнім старійшиною. Його оплакували навіть політичні опоненти, оскільки особистих ворогів він не мав. Але навіть цього разу знайшлися серед них такі, які не поважаючи жакливу серйозність смерті і, позбавлені будь-якого пієтету до наукових переконань покійного, спеціально замовили картку (небіжчика. – *В.Г.*), видану від родини фонетичним правописом, з вірою в те, що це вже є доказом того, що колишній переконаний борець проти фонетичного правопису у рутенській мові помер його

прихильником! Те ж саме зробили з покійним Петрушевичем¹⁴ у Львові 6 місяців тому!

У померлого залишилася вдова та дві дорослі дочки¹⁵. Одразу після отримання вашого листа я висловив їм від імені пана надвірного радника найглибші співчуття, за що пані надвірного радника зворушено і тепло подякувала.

Для мене буде справою честі написати некролог для Архіву, але не раніше серпня, оскільки я зараз дуже зайнятий експертизами та оглядом спадщини померлого» [73].

Показово, що на похоронах Калужняцького, які відбулися 7 липня, крім ректора університету д-ра Фріша¹⁶, з останніми словами вдячності від колег і учнів виступив також його постійний опонент у справі фонетичного правопису професор С. Смаль-Стоцький, який, очевидно, мав причетність до друку фонетикою посмертної картки небіжчика [71: 5].

Звістка про раптову смерть Е. Калужняцького серйозно стурбувала В. Ягича, оскільки той незадовго до смерті готував до друку розділ про кириличне письмо у румунів до редактованої ним енциклопедії¹⁷, а також переймався питанням, хто ж посяде після нього кафедру славістики в Чернівцях, оскільки не було обумовлено наступника.

Торкаючись питання неопублікованих праць Е. Калужняцького Є. Козак інформував В. Ягича: «Вчора у спадку я знайшов лише оригінал німецькомовного рукопису «Кирилиця у румунів», який вдова охоче надішле до пана надвірного радника. Я додаю маленьку книжечку Барбулеску, яка, безсумнівно, походить із бібліотеки надвірного радника.

Як мені точно відомо зі слів покійного, позаяк я постійно розмовляв з ним про хід його роботи, – він ще хворим виправив російський переклад своєї розвідки, зініційований Перфецьким, і наказав мені надіслати його Шахматову, який у свою чергу передав Соболевському. Додано було 17 фотографій у якості додатків і разом стільки ж негативів. Як казав мені покійний приблизно за тиждень до смерті, проф. Соболев (скорочено Соболевський. – В.Г.), якого потім просив зробити 1 та 2 виправлення та (за станом здоров'я), лише третій перегляд зарезервував, відповів (я не знайшов цього листа досьогодні), що переклад професора часто був неправильний і він не може нести за це відповідальність. На це надвірний радник знову попросив його в листі, надісланому через кілька місяців, люб'язно подбати про виправлення в самому тексті, уникнувши згадки про свою фізичну недієздатність. Це лише ті факти, які я знаю з останніх слів Кал. (скорочено Калужняцький. – В.Г.), тому професор Соб. (скорочено Соболевський. – В.Г.) повинен повідомити пану надвірному раднику подальшу інформацію.

Також в спадку є й друге дослідження «Церковнослов'янська мова у румунів», напевно, призначене для енциклопедії, але ще в цілком незавершеному стані, нотатки та папірці. Я перегляну цей великий матеріал упродовж наступних кількох днів, а потім доповім пану надвірному раднику, що можна з ним зробити, оскільки було б прикро, якби чесна праця покійного не була чи не змогла би бути оцінена.

Я також знайшов другу частину статті «Про святкування сонцестояння у зах-гал. русинів» оригінал німецькомовного рукопису. Чи вже коректура для Архіву зроблена, чи вже вона, можливо, опублікована тим часом» [73].

У своїй відповіді Є. Козаку В. Ягич просить того посприяти отриманню від вдови Е. Калужняцького оригіналу тексту на німецькій мові, зауважуючи у листі: «Я хотів би щиро подякувати вам за ваше приємне посередництво та інформацію щодо трактату Калужняцького. Я очікую і, можливо, повторюю прохання, щоб дружина надвірного радника надала мені німецький рукописний оригінал праці, оскільки я хотів би туди глянути для можливого виправлення рос. (скорочення. – В.Г.) тексту. Я також не зовсім погоджуюсь з рос. <...> (нерозбірливо. – В.Г.) перекладом німецького оригіналу Перфецького¹⁸. Він читав мені свій переклад кілька годин, і я вказував йому на багато невідповідностей, які він обіцяв виправити, але, можливо, не зробив. Наразі не знаю, чи доставив Соболевкий¹⁹ виправлений ним текст до друкарні в Петербурзі, але сподіваюся дізнатися найближчими днями» [42].

А у наступному листі від 23 липня 1914 р. В. Ягич, подякувавши Козаку за вже отримані матеріали, звертався до нього з проханням щодо перегляду коректури румунських цитат у тексті Е. Калужняцького: «Я глибоко вдячний вам за те, що ви надіслали мені оригінал покійного автора. Після оригіналу я також зміг досить добре провести корекцію, яка прийшла до мене майже одночасно з оригіналом. З перекладу Перфецького я бачив, що Калужняцький його прочитав і <...> (нерозбірливо. – В.Г.) виправив. Проте залишилися ще деякі невідповідності чи неточності, які мені довелося виправляти в коректурі. Але навіть зараз я хотів би попросити вас дозволити мені подати вам виправлення щодо румунських цитат. Ймовірно, це станеться не найближчим часом, оскільки тепер у текст потрібно вставляти гранки, а друк займає багато часу. Адже це, мабуть, припало б на відпусткові місяці і не знаю, чи дійде мій лист до Вас у Чернівці в серпні чи вересні?» [43].

Говорячи про подальшу долю бібліотеки та архіву покійного Е. Калужняцького, варто зауважити, що під час Першої світової війни, його книгозбірня з цінними виданнями, зокрема слов'янськими рукописами та стародруками потрапили до Росії. Вдова вченого Ольга Калужняцька²⁰ продала бібліотеку чоловіка О. Багрію з експедиції

імператорської археологічної комісії на чолі з академіком архітектури П. Покришкіним, що побувала на Буковині в 1916–1917 рр. Влітку 1917 р. П. Покришкін відправив до Петрограду два пакети та ящик з рукописними книгами Е. Калужняцького, які були закуплені для Академії²¹ [17: 637; 23: 419].

Смерть Е. Калужняцького спричинила, як вже було зазначено, обговорення в академічних колах питання про його наступника на посаді професора порівняльної філології слов'янських мов в Чернівецькому університеті, яку впродовж 40 років покійний займав. Оскільки, як згадував у своїх мемуарах В. Ягич, ще з перших років його роботи у Відні, жодна вакантна посада славістики, в жодному університеті Дунайської монархії, не була заповнена без врахування його думки. Зокрема, за спогадами В. Ягича, Є. Козак теж свого часу посів місце на теологічному факультеті в Чернівецькому університеті не без його сприяння, заручившись підтримкою керівника секції, чеського історика, згодом міністра, проф. А. Резека (1853–1909) [15: 154, 284].

З огляду на це обговоренню питання про наступника Е. Калужняцького було приділено чимало уваги й у листуванні В. Ягича та Є. Козака. У вже згаданому листі від 11 липня 1914 р. Є. Козак питав поради свого ментора щодо заповнення вакантного місця професора славістики. При цьому Є. Козак перелічував важливі критерії для майбутнього кандидата, констатуючи: «Але тепер, шановний пане надвірний раднику, найважливіше питання. – Надв. рад. Кал.²² не хотів турбуватися про свого наступника, оскільки не бажав молодих, здебільшого малозабезпечених людей, протиставляти гіркій реальності, що доведеться довго чекати на працевлаштування, враховуючи невелику кількість викладацьких посад в Австрії. Перевірку цього погляду на правильність, я залишаю відкритим. Проте декан філософського факультету²³ вже питав мене у необов'язковому порядку про наступника Калужняцького. Гадаю і можу припустити, що отримаю офіційний запит на початку наступного семестру. Оскільки я точно не знаю молоде покоління, дозволю собі запитати, кого, чи які сили рекомендував би найпочесніший пан надвірний радник як найбільш гідні?

Національність з-поміж нас слов'ян, яку, можливо, хтось хотів би зберегти, на мій погляд, тут не є вирішальним чинником, а лише гідність, заснована на науковій діяльності. Тут, в нашому університеті і в нашому маленькому краї, вже не потребують більше політиків, а спокійну, науково активну людину, яка може і не належати до рутенів. Кал. (скорочено Калужняцький. – В.Г.) боявся єврея як свого наступника. Він не сказав, кого мав на увазі.

У поточному семестрі Стоцький нарешті відновив свої лекції після багатьох семестрів, через те, що Палата представників не засідала,

він подав пропозицію на факультет, на заміщення своєї кафедри, доктора філ. Сімовича, який ще надто молодий, не подав докторської роботи. Факультет одноголосно даний запит відхилив. Цей молодий чоловік так само є політичною гарячою головою та людиною малого такту. У нас тут більше нікого немає. Зайняття кафедри порівняльної славістики тут, якщо також і на Заході не знайдеться відповідних кандидатів, займе багато часу, і факультету доведеться брати виконуючих обов'язки. Стоцький чи я були б у такому випадку взяті до уваги.

Враховуючи ситуацію, описану вище, я був би надзвичайно вдячний високоповажному пану надвірному раднику, якби пан надвірний радник був так люб'язний та надав мені будь-які вказівки щодо можливої, виходячи з інтересів науки, пропозиції» [73].

У своїй відповіді від 15 липня 1914 р., адресованій Є. Козаку з Пайєрбаха, В. Ягич перелічує вірогідні кандидатури на місце покійного професора славістики, дійшовши висновку, що кращої за нього (Є. Козака) кандидатури годі знайти, пише: «Я буду дуже радий, якщо ваш філософський факультет емансипується від старанних прагнень См.-Ст.²⁴ (скорочено Смаль-Стоцький. – В.Г.). Він чинить великий гріх, вносячи політику в граматику! Що стосується заміщення кафедри Калужняцького, то я наразі не знаю нікого, хто міг би представляти цю кафедру краще за Вас, шановний колего. Звісно, я не знаю, чи відповідало б це вашим намірам. Хіба Львів та Краків не виховали славістів? Можливо, когось із Києва можна розглядати, хоча про покликання з Росії наразі важко думати. У будь-якому випадку, здібним славістом був би д-р Нахтігаль²⁵, нині в Граці, але не думаю, що він буде схильний їхати до Чернівців» [42].

У наступному листі В. Ягича з Пайєрбаха від 23 липня 1914 р., написаному Є. Козаку, стає зрозуміло, що професор церковнослов'янської мови не збирається переходити на кафедру славістики і питання про її заповнення й надалі залишалося відкритим. Зважаючи на цю обставину, В. Ягич дав характеристику потенційним кандидатам на це місце, відверто пишучи йому: «Щодо заповнення кафедри, я знаю кандидата, який, на жаль, є євреєм, але в іншому був би компетентним більше як лінгвіст. Це був би наш приват-доцент д-р Йокль²⁶, який більш-менш володіє всіма слов'янськими мовами, демонструє гарну наукову школу, лише як славіст він себе <...> (нерозбірливо. – В.Г.) мало проявив. Але якщо Траутман²⁷ у Празі, може бути компаративістом й славістом, то може бути і Йокль. Я не знаю нікого, хто міг би порівнятися з ним у його широких знаннях. Мені він також подобається як людина. Жаль, що єврей! (так зазначено в тексті оригіналу. – В.Г.). Політично він був би абсолютно неупереджений. У будь-якому випадку він був би незрівнянно ефективнішим за Копко²⁸, який у наших очах себе

не зарекомендував і проявив себе як неприємний кар'єрист...» [43].

Часом випробувань стала в житті Є. Козака та його сім'ї Перша світова війна. Після того як Австро-Угорщина оголосила війну Сербії 28 липня 1914 р., за кілька днів до оголошення 6 серпня війни Росії, на Буковині почалися планові арешти та депортація вглиб країни за раніше складеними австрійською жандармерією та поліцією списками неблагонадійних, русофільськи налаштованих буковинців, серед яких значне число становили православні священики-москвофіли. За свідченням настоятеля парафії в Садгорі під Чернівцями, екзарха Д. Кисель-Киселевського, активного діяча москвофільського руху, протоієрей проф. Є. Козак потрапивши до цих списків теж в ті дні зазнав репресій, будучи відправлений з сім'єю із Чернівців до Зальцбурга [52: 49–50].

Перебуваючи у Зальцбурзі, Є. Козак потрапив у складне становище через хворобу старшої доньки Наталії, яка дорогою захворіла. У пошуках коштів, необхідних на її лікування, професор звертався до різних установ, у тому числі до православного релігійного фонду Буковини, а також знайомих та друзів. Однак його спроби виявилися марними. З останньою надією на допомогу Є. Козак написав своєму давньому другу та колезі В. Ягичу. В листі від 15 липня 1915 р. він писав йому із Зальцбурга, з розпачем описуючи свою ситуацію: «Прошу мені вибачити, що досі не писав, але психічна депресія, від якої я страждаю, є чимось жахливим. Невдовзі після прибуття моєї родини до Зальцбурга, моя старша 20-річна донька 2 січня захворіла на запалення черевної порожнини (*pyosalpinx bilat.*) внаслідок застуди, яку вона підхопила під час інтернування (в неопалюваному вагоні), страждає вже протягом шести з половиною місяців від жахливого болю і є прикутою до ліжка. Лікар уже знижує плечима, а бідолашна, мабуть, марно бореться зі смертю. Але тут, у чужому краї, я не можу також допомогти собі фінансово. Евакуаційну виплату, належну мені і моїй сім'ї, яку виплачували всім сім'ям службовців-біженців, я не отримав через те, що мене ніби-то ще перед початком війни було вислано на Захід. Так само підтримку з боку Буковинського православного релігійного фонду, про яку я просив через хворобу доньки, мені не надали. На Батьківщині всіх наших родичів і знайомих, які могли б мені допомогти, частково вислали, частково вони самі втекли, тому ми не маємо від них жодних звісток.

У цій моїй біді, викликаний тяжкою хворобою моєї доньки, я з довірою звертаюся до доброго серця шановного надвірного радника з найщирішим проханням допомогти нам до кінця війни в обмін на борговий вексель на 500–600 тис. крон, – цю суму я виплачу після війни чи то одразу, чи частинами, з великою подякою. Моя дружина

також готова оформити вексель, щоби наш дорогий надвірний радник мав запевнення з усіх боків.

Якщо у шановного пана надвірного радника немає на руках такої суми готівкою, то це також можна зробити двома частинами. Я вже заборгував лікареві понад 350 тис., аптеці – 200 тис., і моєї зарплати, яка так чи інакше підлягає відрахуванням, ледве вистачає, щоб покрити найнеобхідніші витрати сім'ї на чужині, де військова ситуація скоро зрівняється з ситуацією у Відні. Крім усього цього, моя донька мала бути 12 червня прооперована і ми робили все можливе, щоби дитина вижила. Але тільки Богу відомо, що буде далі. Зараз я нездатний до серйозної праці. Буквально рік тому вирваний шумом війни від моєї роботи над буковинськими документами та проти своєї волі опинившись тут, перебуваю зараз у страху та невпевненості за свою родину, а тепер вже з дружиною сьомий місяць день і ніч виконуємо функції з медичного догляду, але це ми робимо з радістю, тільки б наша донька була живою.

Тому я ще раз звертаюся з палким проханням і впевнений, що шановний пан надвірний радник допоможе мені в моєму розпачі» [74].

Як видно з наступного листа Є. Козака В. Ягич, незважаючи на складні умови воєнного часу, пішов на зустріч і таки надав йому фінансову допомогу у скруті без будь-яких додаткових умов²⁹. Дякуючи за допомогу, 26 липня 1915 р. Є. Козак писав йому із Зальцбурга: «Вчора я отримав поштовим переказом суму 300 тис. і поспішаю висловити глибоку подяку шановному пану надвірному раднику. Це значно полегшує нашу ситуацію. Якщо шановний пан надвірний радник буде досить люб'язний допомогти нам із залишками, які ми просили, то ми сподіваємося, що зможемо розплатитися з нашими боргами перед лікарем і аптекою. На звернення надсилаємо боргове зобов'язання на попередню суму 300 тис. і замінимо його наступним, щойно найшановніший пан надвірний радник зможе надіслати нам решту суми.

Глибокошановний пане надвірний раднику, ще раз висловлюю нашу глибоку подяку за вашу доброзичливість, а також прийміть найкращі побажання від вашого завжди вдячного та відданого студента» [75].

Останнього листа із Зальцбурга Є. Козак написав йому 22 вересня 1915 р. Переймаючись станом смертельно хворої доньки та від'їздом сина до Відня, він, дякуючи за підтримку, знову прохає допомогти коштами: «Прошу не сердитися, якщо я деякий час не писав, тому що не мав змоги. Виклики, через які ми проходимо, надто високі: стан нашої бідолашної доньки погіршується з кожним днем, замість того, щоб покращуватись. Вже два тижні як набрякли її ноги і три дні – як нирки. Пильнуємо її вдень і вночі. Минулої середи вона пройшла

таїнство Єлеосвячення, потім сповідь і Причастя. Все інше віддаємо в руки та милість Бога, який буде милостивим!

На початку серпня було запрошено на консультацію доцента доктора Адлера (з клініки надвірного радника Шанти) із Відня, який тут тимчасово перебував, і з того часу ми готові до найгіршого. Я щиро прошу вибачення у вельмишановного пана надвірного радника, якщо в цій моїй надзвичайній ситуації я знову звертаюся до доброти пана надвірного радника і прошу, чи була би можливість для найшановнішого пана надвірного радника передати мені 250 до 300 тис. Крім витрат на хворобу, додається ще поїздка сина до Відня, щоб він вчасно міг вступити на навчання...» [76].

З інших джерел відомо, що, незважаючи на всі спроби вилікувати доньку і потрачені на це кошти, вона померла у Зальцбурзі у 1915 р. Повернутися з родиною до Чернівців Є. Козак отримав можливість лише у вересні 1918 р., а у червні 1925 р. батькам вдалося переховати Наталію Козак в родинному гробівці на цвинтарі в Чернівцях [14: 156; 83: 2].

У цілому, листування Є. Козака з В. Ягичем в період інтернування чернівецького професора до Зальцбурга в роки Першої світової війни носить виразно приватний характер і є підтвердженням їхніх давніх глибоких дружніх зв'язків, які виходили далеко за межі лише наукових інтересів.

Підсумовуючи аналіз епістолярної спадщини В. Ягича та Є. Козака, можна стверджувати, що з метою зміцнення наукової бази при слов'янському семінарі В. Ягич ініціював створення фахової бібліотеки, де Є. Козак, який був тоді студентом, став її першим бібліотекарем. Робота з наповнення книгозбірні новими книгами, зокрема з бібліотеки покійного Ф. Міклошича, знайшла певне відображення в листуванні В. Ягича та Є. Козака. Чимало листів висвітлюють безпосередню діяльність Є. Козака в рамках керованого Ягичем слов'янського семінару, окреслюють коло його контактів з іншими славістами та тематику славістичних студій під керівництвом віденського метра.

Повернувшись після навчання з Відня на Буковину, д-р Є. Козак як клірик Буковинської митрополії та професор Чернівецького університету доклав чимало зусиль до розбудови та поповнення церковно-археологічного музею. Збагачуючи музейну колекцію цінними предметами культу з церков та монастирів краю, дослідник водночас проводив збір, систематизацію та публікацію матеріалів зі слов'янської палеографії, які частково видав у першому томі нарисів з Буковини. Ця подвижницька робота вченого, спрямована на збереження та популяризацію церковних раритетів Буковинської

митрополії так само знайшла відображення у листуванні з В. Ягичем та іншими кореспондентами Є. Козака.

Напередодні початку Першої світової війни у листуванні професорів-славистів з Відня і Чернівців знайшло відображення робота над статтями до «Енциклопедії слов'янської філології», а також проблема загострення політичного протистояння в середовищі філологів Чернівецького університету після смерті проф. Е. Калужняцького на фоні появи вакансії на кафедрі порівняльної філології слов'янських мов.

Загалом, як засвідчує наявне листування того періоду, упродовж багатьох років віденський професор-славист В. Ягич і чернівецький дослідник Є. Козак, підтримуючи тісні особисті дружні стосунки, залишалися одностудцями не лише у науковій сфері, але і у суспільно-політичних орієнтирах. Проте попри всі спроби цих вчених-славистів зосередитися лише на наукових аспектах філології, їм так і не вдалося позбулися певної політичної заангажованості.

Примітки

1. Йдеться про спадкоємця Ф. Міклошича.

2. Сперанський М. Н. (1863–1938) – російський філолог, фольклорист та візантиніст, проф. Московського університету. Колега Є. Козака по «слов'янському семінару». У архіві М. Сперанського у Санкт-Петербурзі збереглося фото Є. Козака з дарчим надписом: «Дорогому Михаилу Несторовичу на добрую память отъ дра Евг. А. Козака» [20: 127; 49: 5 об.].

3. Рачки Франьо (1828–1894) – хорватський історик та політичний діяч. Випускник Віденського університету. Фундатор хорватської археографії. Видав велику кількість документів з історії південних слов'ян. Автор двотомної праці «Життя та діяльність св. Кирила і Мефодія» [80], про яку, очевидно, згадано в листі.

4. Воронов О. Д. (1838–1883) – російський історик, проф. Київської духовної академії. Автор праці «Найголовніші джерела для історії Св. Кирила та Мефодія» (Київ, 1887) [3].

5. Пастрнек Франтішек (1853–1940) – чеський філолог, професор Віденського університету.

6. Йдеться про російського філолога слависта О. Яцимирського (1873–1925), який збирав на території Румунії середньовічні писемні пам'ятки, описував їх та публікував. Найбільш повним їх виданням є праця «Славянскія и русскія рукописи румынскихъ библиотекъ», видана в Санкт-Петербурзі у 1905 р.

7. Архітектор Гуго фон Рецорі (1876–1942) був у 1922–1931 рр.

на службі в бюро будівництва з питань архітектури Буковинського православного релігійного фонду одночасно проводив роботи з технічних питань при єпархіальній раді Митрополії Буковини. Автор 26 акварелей із зображенням церков та монастирів Буковини, частина з яких нині зберігаються в Чернівецькому обласному художньому музеї [9: 68; 59: 38, 131].

8. З щорічника Буковинської архієпархії дізнаємося, що настоятелем в той час там був протопресвітер ставрофор Іларіон Іванович [59: 96–97].

9. Означений ктиторийський портрет нині знаходиться в експозиції Чернівецького обласного художнього музею. На цьому портреті, що зображує фундатора старої заставнянської церкви ієрея Кіфу в нижній частині зберігся, згаданий вище вотивний надпис слов'янською мовою кирилицею наступного змісту: «за воінства інъператорици екатарини алєззєвни всєя росииб задоизволеніємъ преосвященънаго архієпископа дософея, сєй священоєрей отць кифа вифундоваль церьковъ сию заставянскую измалованомъ изовсемъ дела спране рукъ своихъ заотпущєніє греховъ изъсиномъ своимъ священнимъ» [55: 26]. Відповідно до сучасних досліджень, згаданий у підписі на іконі священноієрей Кіфа ідентифікується із згаданим в документах заставнянським священиком Никифором Єремійович. А зазначений в написі співзасновник храму, ім'я якого на портреті не згадане, є син отця Кіфи, відомий з документів як священик в Заставні Никифор Никифорович [57: 277].

10. Є. Козак був ініціатором спорудження каплиці на могилі родича Теодора Продана протоієрея Василя Продана в Лашківці, який був засновником товариства «Руської Бєсїди» в Чернівцях [50: 231].

11. Йдеться про митрополита Буковини і Далмації Аркадія (в миру Олександра Чуперковича) (1823–1902), який був архієреєм в 1896–1902 рр.

12. Еміль Калужняцький (1845–1914) – вчений славіст, русофіл, надвірний радник, професор Чернівецького університету (1875–1914). У 1886–1887 декан філософського факультету, а 1889–1890 рр. ректор університету [77: 34].

13. Починаючи з 1887 р. між Е. Калужняцьким (якого підтримували В. Ягич і Є. Козак) та С. Смаль-Стоцьким, який з 1885 р. очолював кафедру української мови університету в Чернівцях, розгорілася непримиренна дискусія щодо урегулювання української орфографії. Калужняцький та його прибічники віддавали перевагу етимології, а Смаль-Стоцький фонетиці [19: 324]. Останній дотримувався переконання про розвиток української мови як самостійної, а не похідної від давньоруської [46: 500].

14. Антоній Петрушевич (1821–1913) – церковний та політичний

діяч москвофільського напрямку, український історик, мовознавець, дослідник історії Галичини, греко-католицький священник.

15. Дочки Еміля та Ольги Калужняцьких Ірена та Лілі.

16. Професор, доктор права Ганс фон Фріш (1875–1941), ректор Чернівецького університету в 1913–1914 рр.

17. Йдеться про підготовлену до друку Е.Калужняцьким працю «Кирилівське письмо у румунів», заплановану для публікації у випуску 4.2 «Енциклопедії слов'янської філології» в 1915 р. [16].

18. Перфецький Євген Юліанович (псевдонім Віктор Домонтович) (1884–1947) – професор, історик-славіст.

19. Соболевський Олексій Іванович (1857– 1929) – російський філолог-славіст, палеограф і фольклорист, академік Петербурзької академії наук.

20. Калужняцька Ольга (1859–1940) – вдова надвірного радника, проф. Е. Калужняцького [82: 6].

21. Нині колекція знаходяться в бібліотеці Академії наук в Санкт-Петербурзі.

22. Скорочення: Надвірний радник Калужняцький.

23. Декан філософського факультету проф. Йосип Племель (1873–1967), математик, академік Словенської академії наук.

24. Мається на увазі проф. С. Смаль-Стоцький. щодо позиції якого стосовно української мови у В. Ягича були відмінні погляди. Хоча треба відзначити, що позиція В. Ягича стосовно питання української мови і народу не були категорично однозначними і відзначалася суперечливістю суджень [22]. У цьому питанні його ідейними прихильниками були професори-русофіли з Чернівців Е. Калужняцький та Є. Козак.

25. Райко Нахтігаль (1877–1958) – словенський філолог, учень Ягича, дослідник старослов'янської мови писемності, порівняльної граматики.

26. Норберт Йокл (1877 – ймовірно 1942) – австрійський албанолог.

27. Траутман Райнгольд (1883–1951) – німецький славіст. Проводив дослідження слов'янських мов в Німеччині.

28. Копко Петро Максимович (1886–1923) – український філолог, отримав ступінь доктора філології під приводом відомого славіста Ватрослава Ягича, доцент Харківського університету.

29. Емпатія В. Ягича до ситуації Є. Козака була пов'язана, очевидно, з пережитою хворобою та смертю його власної доньки під час викладання в Одесі [51: 52].

ЛІТЕРАТУРА

1. *Барвінська П.І.* Ватрослав Ягіч та інституалізація фаху «східноєвропейська історія» у Віденському університеті // Записки історичного факультету. Вип. 19. Одеса, 2008. С. 278–285.
2. *Богатырец К.* История Буковинской епархии // Библиотека журнала «Русин». 2015. № 1. С. 29–343.
3. *Воронов А.Д.* Главнейшие источники для истории свв. Кирилла и Мефодия. Киев: Тип. В. Давыденко, 1877. II, II, 332, XX, II, [2] с.
4. *Галик В.* Иван Франко і Ватрослав Ягич: історіографія та джерельна база проблеми // Актуальні питання гуманітарних наук. 2014. Вип. 8. С. 4–9.
5. *Горак Р., Горак І.* Дисертація // Українське літературознавство. Збірник наукових праць. Львів, 2008. Вип. 70. С. 3–34.
6. *Олександр Опанасович Потебня.* Ювілейний збірник до 125-річчя з дня народження. Київ, 1962. С. 78–90.
7. Державний архів Чернівецької області (далі ДАЧО). Ф. 320. Митрополія Буковини. Оп. 1. Спр. 7310. Матеріали по організації Єпархіального музею і придбанні для нього експонатів, ремонту приміщень та інше (Регламент, листування, кошториси, опис експонатів) 1904–1940. 331 арк.
8. ДАЧО. Ф. 320. Митрополія Буковини. Оп. 3. Спр. 1682. Доповідні записки священників церковних приходів про передачу ними релігійних книг історичного характеру до Єпархіального музею Буковини за 1867–1903. 237 арк.
9. ДАЧО. Ф. 320. Митрополія Буковини. Оп. 3. Спр. 3585. Справа про призначення виплати пенсії архітектору релігійного фонду Буковини Резорі Гюго. 1901–1936. 89 арк.
10. *Дзендзелівський Й.* Листи українських учених до Ватрослава Ягича // Зборник Матице српске за славистику. Нови Сад, 1991. Књ. 41. С. 165–185.
11. *Дзендзелівський Й.* Листи Є. Перфецького до В. Ягича // Зборник Матице српске за славистику. Нови Сад, 2002. К. 61. С. 79–112.
12. *Добржанський О.* Національний рух українців Буковини другої половини ХІХ – початку ХХ ст. Чернівці: Золоті литаври, 1999. 574 с.
13. *Жуковський А.* Історія Буковини. Ч. II: Після 1774 р. Чернівці: Час, 1994. 223 с.
14. *Змагання за українську державність на Буковині (1914–1921 рр.).* Документи і матеріали/ О.В. *Добржанський*, В.П. *Старик*. Чернівці: Чернівецька обласна друкарня, 2009. 512 с.
15. *Јагић В.* Спомени мојега живота. II. Део (г. 1880–1923). Београд: Издање Задужбине д-ра Николе Крстћа, 1934. 355 р.
16. *Калужняцкий Е.И.* Кирилловское письмо у румын // Энциклопедія славянської філології. 1915. Вып. 4.2. 342 с.
17. *Корогодина М.* Обзор рукописного собрания Эмиля Калужняцкого в Библиотеке Российской академии наук // Wielkie powroty: tom rozpraw międzynarodowej konferencji naukowej «Wielkie powroty. O dziełach sztuki,

zbiorach bibliotecznych, archiwalnych i świętościach polskiego prawosławia utraconych i wywiezionych w czasie I i II Wojen Światowych, 15–17 października 2021 roku Monaster Św. Onufrego Wielkiego w Jabłecznej». Jabłeczna, 2021. S. 635–662.

18. *Кравченко О.* До історії взаємин українських науковців з чужиною // Записки товариства імені Шевченка: вид-во, присвяч. науці і письменству укр.-рус. народу. Львів : Накладом Т-ва імені Шевченка. Т. 205: У пошуках історичної правди = In Search of Historical Truth : зб. на пошану Миколи Чубатого, 1889–1975 / ред.: Г. Лужницький, Я. Падох. Нью-Йорк [та ін.]: [б.в.]. 1987. С. 509–537.

19. *Кравченко О. С.* Смаль-Стоцький і Ватрослав Ягич // Записки товариства імені Шевченка. Львів, 1996. Т. 212. С. 317–327.

20. *Кузьмина В.Д.* М.Н. Сперанский как славист // Славянские литературы. V международный съезд славистов. Доклады советской делегации (София, сентябрь 1963). М., 1963. С. 125–152.

21. *Маньковська Т.О.* Проблеми лінгвоукраїністики в науковій спадщині В. Ягича. Тернопіль, 2007. 228 с.

22. *Маньковська Т.О.* Проблеми лінгвоукраїністики в науковій спадщині В. Ягича: автореф. дис. ... канд. філол. наук. Київ, 2005. 20 с.

23. *Медведева М.В., Мусин А.Е., Александрович В.С.* По следам ученой поездки П.П. Покрышкина в 1916–1917 гг.: К 100-летию Буковинской экспедиции Археологической комиссии и Академии наук // Археологические вести. Вып. 23. СПб., 2017. С. 415–421.

24. Мъморіаль буковинского православного духовенства русской народности. Черновцы: Печатня Г. Чопа въ Черновцахъ, 1899. 16 с.

25. Наукова бібліотека Чернівецького національного університету ім. Ю. Федьковича. Відділ рідкісної книги. 90. Ін. 364642. Рукопис з архіву Козака Є. (в двох папках). Папка Nr. 1 – Briefe 1–80.

26. Наукова бібліотека Чернівецького національного університету ім. Ю. Федьковича. Відділ рідкісної книги. 90. Ін. 364642. Рукопис з архіву Козака Є. (в двох папках). Папка Nr. 1 – Briefe 1 80. Brief Nr. 43 von 6. April 1930.

27. Наукова бібліотека Чернівецького національного університету ім. Ю. Федьковича. Відділ рідкісної книги. 90. Ін. 364642. Рукопис з архіву Козака Є. (в двох папках). Папка Nr. 1 – Briefe 1 80. Brief Nr. 44 von 24. V. 1930.

28. Наукова бібліотека Чернівецького національного університету ім. Ю. Федьковича. Відділ рідкісної книги. 90. Ін. 364642. Рукопис з архіву Козака Є. (в двох папках). Папка Nr. 1 – Briefe 1 80. Brief Nr. 47 von 8. V. 1930.

29. Наукова бібліотека Чернівецького національного університету ім. Ю. Федьковича. Відділ рідкісної книги. 90. Ін. 364642. Рукопис з архіву Козака Є. (в двох папках). Папка Nr. 1 – Briefe 1 80. Brief Nr. 50 von 15/II. 1931.

30. Наукова бібліотека Чернівецького національного університету

- ім. Ю. Федьковича. Відділ рідкісної книги. 90. Ін. 364642. Рукопис з архіву Козака Є. (в двох папках). Папка Nr. 1 – Briefe 1 80. Brief Nr. 53 von 5. April 1932.
31. Наукова бібліотека Чернівецького національного університету ім. Ю. Федьковича. Відділ рідкісної книги. 90. Ін. 364642. Рукопис з архіву Козака Є. (в двох папках). Папка Nr. 1 – Briefe 1 80. Brief Nr. 54 von 5. April 1932.
32. Наукова бібліотека Чернівецького національного університету ім. Ю. Федьковича. Відділ рідкісної книги. 90. Ін. 364642. Рукопис з архіву Козака Є. (в двох папках). Папка Nr. 1 – Briefe 1–80. Brief Nr. 60 von 27.07.1889.
33. Наукова бібліотека Чернівецького національного університету ім. Ю. Федьковича. Відділ рідкісної книги. 90. Ін. 364642. Рукопис з архіву Козака Є. (в двох папках). Папка Nr. 1 – Briefe 1–80. Brief Nr. 61 von 7 Aug. 1890.
34. Наукова бібліотека Чернівецького національного університету ім. Ю. Федьковича. Відділ рідкісної книги. 90. Ін. 364642. Рукопис з архіву Козака Є. (в двох папках). Папка Nr. 1 – Briefe 1–80. Brief Nr. 62 von 5. August 1891.
35. Наукова бібліотека Чернівецького національного університету ім. Ю. Федьковича. Відділ рідкісної книги. 90. Ін. 364642. Рукопис з архіву Козака Є. (в двох папках). Папка Nr. 1 – Briefe 1–80. Brief Nr. 63 von 11 Aug. 1891.
36. Наукова бібліотека Чернівецького національного університету ім. Ю. Федьковича. Відділ рідкісної книги. 90. Ін. 364642. Рукопис з архіву Козака Є. (в двох папках). Папка Nr. 1 – Briefe 1–80. Brief Nr. 64 von 11. August 1891.
37. Наукова бібліотека Чернівецького національного університету ім. Ю. Федьковича. Відділ рідкісної книги. 90. Ін. 364642. Рукопис з архіву Козака Є. (в двох папках). Папка Nr. 1 – Briefe 1–80. Brief Nr. 65 von 23.3.1896.
38. Наукова бібліотека Чернівецького національного університету ім. Ю. Федьковича. Відділ рідкісної книги. 90. Ін. 364642. Рукопис з архіву Козака Є. (в двох папках). Папка Nr. 1 – Briefe 1–80. Brief Nr. 67 von 19 Aug. 1899.
39. Наукова бібліотека Чернівецького національного університету ім. Ю. Федьковича. Відділ рідкісної книги. 90. Ін. 364642. Рукопис з архіву Козака Є. (в двох папках). Папка Nr. 1 – Briefe 1–80. Brief Nr. 68 von 12 Dez. 1903.
40. Наукова бібліотека Чернівецького національного університету ім. Ю. Федьковича. Відділ рідкісної книги. 90. Ін. 364642. Рукопис з архіву Козака Є. (в двох папках). Папка Nr. 1 – Briefe 1–80. Brief Nr. 70 von 24 Juli. 1904.
41. Наукова бібліотека Чернівецького національного університету ім. Ю. Федьковича. Відділ рідкісної книги. 90. Ін. 364642. Рукопис з архіву Козака Є. (в двох папках). Папка Nr. 1 – Briefe 1–80. Brief Nr. 71 von 29 Dez. 1906.
42. Наукова бібліотека Чернівецького національного університету ім. Ю. Федьковича. Відділ рідкісної книги. 90. Ін. 364642. Рукопис з архіву Козака Є. (в двох папках). Папка Nr. 1 – Briefe 1–80. Brief Nr. 73 von 15 Juli 1914.
43. Наукова бібліотека Чернівецького національного університету

- ім. Ю. Федьковича. Відділ рідкісної книги. 90. Ін. 364642. Рукопис з архіву Козака Є. (в двох папках). Папка Nr. 1 – Briefe 1–80. Brief Nr. 74 von 23 Juli 1914.
44. Наукова бібліотека Чернівецького національного університету ім. Ю. Федьковича. Відділ рідкісної книги. 90. Ін. 364642. Рукопис з архіву Козака Є. (в двох папках). Папка Nr. 1 – Briefe 1–80. Brief Nr. 76 ohne Jahr.
45. Наукова бібліотека Чернівецького національного університету ім. Ю. Федьковича. Відділ рідкісної книги. 90. Ін. 364642. Рукопис з архіву Козака Є. (в двох папках). Папка Nr. 1 – Briefe 1–80. Brief Nr. 77 ohne Jahr.
46. *Новосівський І.М.* Чернівецький університет і буковинські українці // Записки наукового товариства імені Шевченка. Т. 205: Історично-філософська секція. Правнична комісія. Ч. 2: У пошуках історичної правди. Збірник на пошану Миколи Чубатого 1889–1975. Нью Йорк; Париж; Сідней; Торонто, 1987. С. 485–508.
47. Письма И.В. Ягича к русским ученым. 1865–1886 / под ред. акад. В.В. Виноградова, Г.П. Блока. М.; Л., 1963. 527 с.
48. *Сандуляк І.* Єпархіальний музей в Чернівцях: виникнення, організація, експозиційний профіль та діяльність наприкінці ХІХ – у першій половині ХХ ст. // Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології. Чернівці, 2017. Т. 1. С. 297–331.
49. Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук. Ф. 172. Оп. 1. Д. 355. Л. 5–5 об.
50. *Старик В.* Козак Євген Авксентійович // *Західно-Українська Народна Республіка 1918–1923. Енциклопедія: До 100-річчя утворення Західно-Української Народної Республіки. Т. 2: 3–О.* Івано-Франківськ: Манускрипт-Львів, 2019. С. 231–232.
51. *Степанов Е.Н.* Развитие научных идей И.В. Ягича в одесской историко-филологической школе // Мова. 2013. № 20. С. 52–67.
52. Талергофський альманахъ. Пропамятная книга австрійскихъ жестокостей, изуверствъ и насилий надъ карпато-русскимъ народомъ во время Всемирной войны 1914–1917 гг.). Вып. 2. Львовъ, 1925. 150 с.
53. *Толстой Н.И.* Переписка И.В. Ягича с русскими филологами в конце 80-х годов ХІХ века // Славяноведение. 2013. № 2. С. 106–113.
54. *Франко І.* Поступ славістики на Віденськiм університеті // Франко І. Зібрання творів: у 50 т. Т. 31: Літературно-критичні праці (1897–1899). Київ, 1981. С. 7–10.
55. Чернівецький художній музей / упоряд. В. Любківська, І. Кіцул. Чернівці: Друк Арт, 2019. 72 с.
56. *Чучко М.К., Грябан В.В.* Життя та діяльність Євгенія Козака (1857–1933), відомого славіста, ректора Чернівецького університету, архіпресвітера-ставрофора, професора // Русин. Международный исторический журнал. 2023. № 72. С. 83–137.

57. Чучко М.К. «И взят Бога на помощь»: соціально-релігійний чинник в житті православного населення північних волостей Молдавського воєводства та австрійської Буковини (епоха пізнього середньовіччя та нового часу). Чернівці: Книги-XXI, 2008. 368 с.

58. Чучко М.К. Православні культові споруди Буковини: Дерев'яні церкви та дзвіниці середини XIV – початку XX століть. 2-е вид., випр. і доп. Чернівці: Букрек, 2011. 188 с.

59. Anuarul Arhiecezei ortodoxe a Bucovinei pe anul 1930. Cernauti, 1930. 151 p.

60. Chirilă G. Evoluția muzeelor și preocupărilor muzeistice până la Primul Război Mondial // Acta Moldaviae Meridionalis. Vaslui, 2004–2006. Nr XXV–XXVII. Vol. 1. P. 11–53.

61. Die Erregung unter der rumänischen Bevölkerung // Bukowiner Post. 1899. 16 April. S. 4.

62. Der neue Universitäts-Rektor // Czernowitzer Allgemeine Zeitung. 1907. 24 Oktober.

63. Der «Suczawaer Museums-Verein» // Czernowitzer Tagblatt. 1903. 2 Juli.

64. Eingesendet // Bukowinaer Post. 1899. 14 November.

65. Grămadă N. Eugen A. Kozak // Codrul Cosminului. Buletinul „Institutului de Istorie și Limbă”, Universitatea din Cernăuți, 1933–1934. Anul VIII. Cernăuți, 1934. P. 566–567.

66. Hamm J. Register der Korrespondenz von Vatroslav Jagić im Besitz der Universitätsbibliothek in Zagreb // Wiener slavistisches Jahrbuch. 1960. Bd. VIII. S. 75–111.

67. Hofrat Professor Dr. Emil Kaluzniacki † // Bukowiner Post. 1914. 5 Juli.

68. Jakóbiec M. Iwan Franko i Vatroslav Jagić // Slavia Orientalis. Warszawa, 1959. R. VIII. Nr 2–3. S. 67–90.

69. Korespondencija Vatroslava Jagića. Knj. 2. Zagreb, 1970. 336 str.

70. Kozak E. Die Inschriften aus der Bukowina. Epigraphische Beiträge zur Quellenkunde der Landes- und Kirchengeschichte. I. Teil: Steininschriften. Mit Textillustrationen. Wien: Selbstverl., 1903. XIV, 214 s.

71. Leichenbegängnis // Czernowitzer Tagblatt. 1914. 8 Juli.

72. Mitric O. Contribuția Bucovinei istorice la valorificarea științifică a cărții vechi // Annales Universitatis Apulensis. Series Historica. 12/II. 2008. P. 255–262.

73. Nacionalna i sveučilišna knjižnica u Zagrebu (Hrvatska, Zagreb), Zbirka rukopisa i starih knjiga (rukopisna građa): Pisma Vatroslavu Jagiću, R 4610b (Kozak Jagiću. 11 Juli 1914).

74. Nacionalna i sveučilišna knjižnica u Zagrebu (Hrvatska, Zagreb), Zbirka rukopisa i starih knjiga (rukopisna građa): Pisma Vatroslavu Jagiću, R 4610b (Kozak Jagiću. 15 Juli 1915).

75. Nacionalna i sveučilišna knjižnica u Zagrebu (Hrvatska, Zagreb), Zbirka rukopisa i starih knjiga (rukopisna građa): Pisma Vatroslavu Jagiću, R 4610b (Kozak Jagiću. 26 Juli 1915).

76. Nacionalna i sveučilišna knjižnica u Zagrebu (Hrvatska, Zagreb), Zbirka rukopisa i starih knjiga (rukopisna građa): Pisma Vatroslavu Jagiću, R 4610b (Kozak Jagiću. 22 September 1915).

77. *Norst A.* Alma Mater Francisco – Josephina. Festschrift zu deren 25-jährigem Bestande. Czernowitz, 1900. 133 s.

78. *Pašpenko J.* Slavist i ѣмперiji. Vatroslav Jagić izmeђu Galicije, Malorusije i Ukrajine. Zagreb, 2010. 71 s.

79. Profesor Jagisz // Kuryer Lwowski 1886. 19 April.

80. *Rački F.* Viek i djelovanje sv. Kyrilla i Methoda. Sv. I. Zagreb, 1857. 420 s. Sv. II. Zagreb, 1859. 337 s.

81. Rectorswahl // Bukowiner Volkszeitung. 1907. 24 Oktober.

82. Todesfälle // Czernowitzer Deutsche Tagespost 1940. 3 März.

83. Ueberfuhrung einer Leiche aus Salzburg // Czernowitzer Allgemeine Zeitung. 1925. 27 Juni.

REFERENCES

1. Barvinska, P.I. (2008) Vatroslav Yagich ta institucionalizatsiya fakhu “skhidnoevropeys'ka istoriya” u Videns'komu universiteti [Vatroslav Jagić and the institutionalization of the specialty “Eastern European history” at the University of Vienna]. *Zapiski istorichnogo fakul'tetu*. 19. pp. 278–285

2. Bogatyrets, K. (2015) Istoriya Bukovinskoy eparkhii [The history of the Bukovina Diocese]. *Biblioteka zhurnalna “Rusin.”* 1. pp. 29–343.

3. Voronov, A.D. (1877) *Glavneyshie istochniki dlya istorii svv. Kirilla i Mefodiya* [The main sources for the history of St. Cyril and Methodius]. Kyiv: Typ. V. Davydenko.

4. Galik, V. (2014) Ivan Franko i Vatroslav Yagich: istoriografiya ta dzherel'na baza problemi [Ivan Franko and Vatroslav Jagić: Historiography and source base of the problem]. *Aktual'ni pitannya gumanitarnikh nauk*. 8. pp. 4–9.

5. Gorak, R. & Gorak, I. (2008) Disertatsiya [Dissertation]. *Ukrains'ke literaturoznavstvo*. 70. pp. 3–34.

6. USSR Institute of Language Studies. (1962) *Oleksandr Opanasovich Potebnya. Yuvileyniy zbirnik do 125-richchya z dnya narodzhennya*. Kyiv: USSR AS. pp. 78–90.

7. The State Archives of the Chernivtsi region (DACHO). *Materiali po organizatsii Eparkhial'nogo muzeyu i pridbanni dlya n'ogo eksponativ, remontu primishchen'ta inshe (Reglament, listuvannya, koshtorisi, opis ekponativ) 1904–1940*. Fund 320. Metropolis of Bukovina. List 1. File 7310.

8. The State Archives of the Chernivtsi region (DACHO). *Dopovidni zapski svyashchenikov tserkovnikh prikhodiv pro peredachu nimi religiyntikh knig istorichnogo kharakteru do Eparkhial'nogo muzeyu Bukovini za 1867–1903*. Fund 320. Metropolis of Bukovina. List 3. File 1682.

9. The State Archives of the Chernivtsi region (DACHO). *Sprava pro pryznachennya viplati pensii arkhitektoru religiyntogo fondu Bukovini Rezori Gyugo*.

1901–1936. 89 ark. Metropolis of Bukovina. List 3. File 3585. 89 ark.

10. Dzendzelivskiy, Y. (1991) Listi ukrains'kikh uchenikh do Vatroslava Yagicha. *Zbornik Matitse srpske za slavistiku*. 41. pp. 165–185.

11. Dzendzelivskiy, Y. (2002) Listi E. Perfets'kogo do V. Yari'cha [Letters of E. Perfetskyi to V. Jagić]. *Zbornik Matitse srpske za slavistiku*. 61. pp. 79–112.

12. Dobrzanskiy, O. (1999) *Natsional'niy ruh ukraintsiv Bukovini drugoi polovini XIX – pochatku XX st.* [The national movement of Bukovyna Ukrainians in the second half of the 19th and early 20th centuries]. Chernivtsi: Zoloti litavri.

13. Zhukovskiy, A. (1994) *Istoriya Bukovini* [History of Bukovina.]. Vol. II. Chernivtsi: Chas.

14. Dobrzanskiy, O.V. & Starik, V.P. (2009) *Zmagannya za ukrains'ku derzhavnist' na Bukovini (1914–1921 rr.)*. *Dokumenti i materialy* [The Competition for Ukrainian Statehood in Bukovina (1914–1921). Documents and materials]. Chernivtsi: Chernivets'ka oblasna drukarnya.

15. Jagić, V. (1934) *Spomeni mojega zhivota. II. Deo (g. 1880–1923)*. Beograd: Izdaje Zaduzhbine d-ra Nikole Krstića.

16. Kaluzhnyatskiy, E.I. (1915) Kirillovskoe pis'mo u rumyn. In: Jagić, I.V. (ed) *Entsiklopediya slavyanskoj filologii* [Encyclopedia of Slavic Philology]. Vol. 4(2). Petrograd: Imperial Academy of Sciences.

17. Korogodina, M. (2021) Obzor rukopisnogo sobraniya Emilya Kaluzhnyatskogo v Biblioteke Rossiyskoy akademii nauk [The manuscript collection of Emil Kaluzhnyatsky in the Library of the Russian Academy of Sciences]. *Wielkie powroty. O dziełach sztuki, zbiorach bibliotecznych, archiwalnych i świętościach polskiego prawosławia utraconych i wywiezionych w czasie I i II Wojen Światowych*. Monaster Św. Onufrego Wielkiego w Jabłecznej, October 15–17, 2021. Proc. of the International Conference. Jabłeczna. pp. 635–662.

18. Kravchenyuk, O. (1987) Do istorii vzaemin ukrains'kikh naukovtsiv z chuzhinoyu [Before the history of the interaction of Ukrainian scientists with foreigners]. *Zapiski tovaristva imeni Shevchenka*. 205. pp. 509–537.

19. Kravchenyuk, O. (1996) S. Smal'stots'kiy i Vatroslav Yagich. *Zapiski tovaristva imeni Shevchenka*. 212. pp. 317–327.

20. Kuzmina, V.D. (1963) M.N. Speranskiy kak slavist [M.N. Speransky as a Slavist]. *Slavyanskije literatury* [Slavic Literatures]. Proc. of the International Congress. Sofia, September, 1963. Moscow: [s.n.]. pp. 125–152.

21. Mankovska, T.O. (2007) *Problemi lingvoukrainistiki v naukovi spadshchini V. Yagicha* [Problems of linguo-Ukrainian studies in the scientific heritage of V. Jagić]. Ternopil: [s.n.].

22. Mankovska, T.O. (2005) *Problemi lingvoukrainistiki v naukovi spadshchini V. Yagicha* [Problems of linguo-Ukrainian studies in the scientific heritage of V. Jagić]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kyiv.

23. Medvedeva, M.V., Musin, A.E. & Aleksandrovich, V.S. (2017) Po sledam uchenoy poezdki P.P. Pokryshkina v 1916–1917 gg.: K 100-letiyu Buko-

vinskoy ekspeditsii Arkheologicheskoy komissii i Akademii nauk [Following P.P. Pokryshkin's scientific expedition in 1916–1917: On the 100th anniversary of the Bukovina expedition of the Archaeological Commission and the Academy of Sciences]. *Arkheologicheskie vesti*. 23. pp. 415–421.

24. Anon. (1899) *Mmorial bukovinskogo pravoslavnogo dukhovenstva russkoy narodnosti*. Chernivtsi: Pechatnya G. Chopa v Chernovtsakh“.

25. The Research Library of Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University. The Rare Book Department. 90. In. 364642. Manuscript from the E. Kozak Archive (in two folders). Folder No. 1 – Letters 1–80.

26. The Research Library of Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University. The Rare Book Department. 90. In. 364642. Manuscript from the E. Kozak Archive (in two folders). Folder No. 1 – Letters 1–80. Letter Nr. 43 of April 6, 1930.

27. The Research Library of Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University. The Rare Book Department. 90. In. 364642. Manuscript from the E. Kozak Archive (in two folders). Folder No. 1 – Letters 1–80. Letter Nr. 44 of May 24, 1930.

28. The Research Library of Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University. The Rare Book Department. 90. In. 364642. Manuscript from the E. Kozak Archive (in two folders). Folder No. 1 – Letters 1–80. Letter Nr. 47 of May 8, 1930.

29. The Research Library of Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University. The Rare Book Department. 90. In. 364642. Manuscript from the E. Kozak Archive (in two folders). Folder No. 1 – Letters 1–80. Letter Nr. 50 of 15. II. 1931.

30. The Research Library of Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University. The Rare Book Department. 90. In. 364642. Manuscript from the E. Kozak Archive (in two folders). Folder No. 1 – Letters 1–80. Letter Nr. 53 von April 5, 1932.

31. The Research Library of Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University. The Rare Book Department. 90. In. 364642. Manuscript from the E. Kozak Archive (in two folders). Folder No. 1 – Letters 1–80. Letter Nr. 54 von April 5, 1932.

32. The Research Library of Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University. The Rare Book Department. 90. In. 364642. Manuscript from the E. Kozak Archive (in two folders). Folder No. 1 – Letters 1–80. Letter Nr. 60 of July 27, 1889.

33. The Research Library of Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University. The Rare Book Department. 90. In. 364642. Manuscript from the E. Kozak Archive (in two folders). Folder No. 1 – Letters 1–80. Letter Nr. 61 of August 7, 1890.

34. The Research Library of Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University. The Rare Book Department. 90. In. 364642. Manuscript from the E. Kozak Archive (in two folders). Folder No. 1 – Letters 1–80. Letter Nr. 62 of August 5, 1891.

35. The Research Library of Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University. The Rare Book Department. 90. In. 364642. Manuscript from the E. Kozak Archive (in two folders). Folder No. 1 – Letters 1–80. Letter Nr. 63 of August 11, 1891.

36. The Research Library of Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University. The Rare Book Department. 90. In. 364642. Manuscript from the E. Kozak Archive (in two folders). Folder No. 1 – Letters 1–80. Letter Nr. 64 of August 11, 1891.

37. The Research Library of Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University. The Rare Book Department. 90. In. 364642. Manuscript from the E. Kozak Archive (in two folders). Folder No. 1 – Letters 1–80. Letter Nr. 65 of March 3, 1896.

38. The Research Library of Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University. The Rare Book Department. 90. In. 364642. Manuscript from the E. Kozak Archive (in two folders). Folder No. 1 – Letters 1–80. Letter Nr. 67 of August 19, 1899.

39. The Research Library of Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University. The Rare Book Department. 90. In. 364642. Manuscript from the E. Kozak Archive (in two folders). Folder No. 1 – Letters 1–80. Letter Nr. 68 of December 12, 1903

40. The Research Library of Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University. The Rare Book Department. 90. In. 364642. Manuscript from the E. Kozak Archive (in two folders). Folder No. 1 – Letters 1–80. Letter Nr. 70 of July 24, 1904.

41. The Research Library of Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University. The Rare Book Department. 90. In. 364642. Manuscript from the E. Kozak Archive (in two folders). Folder No. 1 – Letters 1–80. Letter Nr. 71 of December 29, 1906.

42. The Research Library of Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University. The Rare Book Department. 90. In. 364642. Manuscript from the E. Kozak Archive (in two folders). Folder No. 1 – Letters 1–80. Letter 73 of July 15, 1914.

43. The Research Library of Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University. The Rare Book Department. 90. In. 364642. Manuscript from the E. Kozak Archive (in two folders). Folder No. 1 – Letters 1–80. Letter No. 74 of July 23, 1914.

44. The Research Library of Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University. The Rare Book Department. 90. In. 364642. Manuscript from the E. Kozak Archive (in two folders). Folder No. 1 – Letters 1–80. Letter No. 76 (no date).

45. The Research Library of Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University. The Rare Book Department. 90. In. 364642. Manuscript from the E. Kozak Archive (in two folders). Folder No. 1 – Letters 1–80. Letter No. 77 (no date).

46. Novosivskiy, I.M. (1987) Chernivets'kiy universitet i bukovins'ki ukrainsi. *Zapiski naukovoogo tovaristva imeni Shevchenka*. 205. pp. 485–508.

47. Vinogradov, V.V. & Blok, G.P. (eds) (1963) *Pis'ma I.V. Yagicha k russkim uchenym. 1865–1886* [Letters from I.V. Jagić to Russian scientists. 1865–1886]. Moscow; Leningrad: Ukrainian SSR AS.

48. Sandulyak, I. (2017) Eparkhial'niy muzey v Chernivtsyakh: viniknennya, organizatsiya, ekspozitsiyniy profil' ta diyal'nist' naprikinsi XIX – u pershiy polovini XX st. *Pytannja starodavn'oi' ta seredn'ovichnoi' istorii, arheologii' j etnologii'*. 1. pp. 297–331.

49. The St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 172. List 1. File 355. pp. 5-5 ob.

50. Starik, V. (2019) Kozak Evgen Avksentiyovich. In: *Zakhidno-Ukrains'ka Narodna Respublika 1918–1923. Entsiklopediya: Do 100-richchya utvorenniya Zakhidno-Ukrains'koi Narodnoi Respubliki*. Vol. 2. Ivano-Frankivsk: Manuscript-Lviv. pp. 231–232.

51. Stepanov, E.H. (2013) Razvitie nauchnykh idey I.V. Yagicha v odessoy istoriko-filologicheskoy shkole [The development of I.V. Jagić's scientific ideas in the Odessa historical and philological school]. *Mova*. 20. pp. 52–67.

52. The Talergof Committee. (1925) *Talergofskiy al'manakh*. *Propamyatnaya kniga avstriyskikh zhestokostey, izuverstv i nasiliy nad karpato-russkim narodom vo vremya Vsemirnoy vojny 1914–1917 gg.* [Talerhof Almanac. Memorable book of Austrian cruelties, fanaticism and violence against the Carpatho-Rusinian people during World War of 1914–1917]. Vol. 2. Lvov: The Talergof Committee.

53. Tolstoy, N.Y. (2013) Perepiska I.V. Yagicha s russkimi filologami v kontse 80-kh godov XIX veka [Correspondence of I.V. Jagić with Russian philologists in the late 1880s]. *Slavyanovedenie*. 2. pp. 106–113.

54. Franko, I. (1981) *Zibrannya tvoriv: u 50 t.* Vol. 31. Kyiv: [s.n.]. pp. 7–10.

55. Lyubkivska, V. & Kitsul, I. (eds) (2019) *Chernivets'kiy khudozhnii muzey* [The Chernivtsi Art Museum]. Chernivtsi: Druk Art.

56. Chuchko, M.K. & Hryaban, V.V. (2023) The life and work of Professor Eugeniu Kozak (1857–1933), prominent Slavist, Rector of the Chernivtsy University, archpresbyter-stavrophorus. *Rusin*. 72. pp. 83–137 (in Ukrainian). doi: 10.17223/18572685/72/5

57. Chuchko, M.K. (2008) “I vzyat Boga na pomoshch”: sotsial'no-religiyniy chin-nik v zhitti pravoslavnoho naselennya pivnichnikh volostey Moldavskogo voevodstva ta avstriys'koi Bukovini (epokha pizn'ogo seredn'ovichchya ta novogo chasu) [“I took God to help me”: A socio-religious factor in the life of the Orthodox population of the northern volosts of the Moldavian Voivodeship and Austrian Bukovyna (the late Middle Ages and modern times)]. Chernivtsi: Knigi-XXI.

58. Chuchko, M.K. (2011) *Pravoslavni kul'tovi sporudi Bukovini: Derev'anyi ts-erkvi ta dzvinitsi seredini XIV – pochatku XX stolit'* [Orthodox religious buildings of Bukovyna: Wooden churches and belfries of the mid-14th – early 20th centuries]. 2nd ed. Chernivtsi: Bukrek.

59. Anon. (1930) *Anuarul Arhidiecezei ortodoxe a Bucovinei pe anul 1930*. Cernauti: [s.n.].

60. Chirilă, G. (2004–2006) Evoluția muzeelor și preocupărilor muzeistice până la Primul Război Mondial. *Acta Moldaviae Meridionalis*. Nr XXV-XXVII. Vol. 1. pp. 11–53.

61. *Bukowiner Post*. (1899) Die Erregung unter der rumänischen Bevölkerung. 16th April. pp. 4.

62. *Czernowitzer Allgemeine Zeitung*. (1907) Der neue Universitäts-Rektor. 24th October.

63. *Czernowitzer Tagblatt*. (1903) Der “Suczawaer Museums-Verein”. 2nd July.

64. *Bukowiner Post*. (1899) Eingesendet. 14th November.

65. Grămadă, N. (1934) Eugen A. Kozak. Codrul Cosminului. *Buletinul „Institutului de Istorie și Limbă”, Universitatea din Cernăuți, 1933–1934*. VIII. pp. 566–567.

66. Hamm, J. (1960) Register der Korrespondenz von Vatroslav Jagić im Besitz der Universitätsbibliothek in Zagreb. *Wiener slavistisches Jahrbuch*. VIII. pp. 75–111.
67. *Bukowiner Post*. (1914) Hofrat Professor Dr. Emil Kaluzniacki †. 5th July.
68. Jakóbiec, M. (1959) Iwan Franko i Vatroslav Jagić. *Slavia Orientalis*. VIII. Nr 2–3. pp. 67–90.
69. Jagić, I.V. (1970) *Korespondencija Vatroslava Jagića*. Vol. 2. Zagreb: [s.n.].
70. Kozak, E. (1903) *Die Inschriften aus der Bukowina. Epigraphische Beiträge zur Quellenkunde der Landes-und Kirchengeschichte*. Vol. 1. Wien: Selbstverl.
71. *Czernowitzer Tagblatt*. (1914) Leichenbegängnis. 8th July.
72. Mitric O. (2008) Contribuția Bucovinei istorice la valorificarea științifică a cărții vechi. *Annales Universitatis Apulensis. Series Historica*. 12/II. pp. 255–262.
73. National and Secular Library in Zagreb (Croatia, Zagreb). Collection of manuscripts and old books (manuscripts): Letters of Vatroslav Jagić, R 4610b (Kozak to Jagić, July 11, 1914).
74. National and Secular Library in Zagreb (Croatia, Zagreb). Collection of manuscripts and old books (manuscripts): Letters of Vatroslav Jagić, R 4610b (Kozak to Jagić, July 15, 1915).
75. National and Secular Library in Zagreb (Croatia, Zagreb). Collection of manuscripts and old books (manuscripts): Letters of Vatroslav Jagić, R 4610b (Kozak to Jagić, July 26, 1915).
76. National and Secular Library in Zagreb (Croatia, Zagreb). Collection of manuscripts and old books (manuscripts): Letters of Vatroslav Jagić, R 4610b (Kozak to Jagić, September 22, 1915).
77. Norst, A. (1900) *Alma Mater Francisco – Josephina. Festschrift zu deren 25-jährigem Bestande*. Czernowitz: [s.n.].
78. Pašpenko J. (2010) *Slavist i ѳмперiji. Vatroslav Jagić izmeђу Galicije, Malorusije i Ukrajine*. Zagreb: [s.n.].
79. *Kuryer Lwowski*. (1886) Profesor Jagisz. 19th April.
80. Rački, F. (1859) *Viek i djelovanje sv. Kyrilla i Methoda*. Zagreb: [s.n.].
81. *Bukowiner Volkszeitung*. (1907) Rektorswahl. 24th Oktober.
82. *Czernowitzer Deutsche Tagespost*. (1940) Todesfälle. 3rd March.
83. *Czernowitzer Allgemeine Zeitung*. (1925) Ueberfuhrung einer Leiche aus Salzburg. 27th Juny.

Грябан Вікторія Вікторівна – кандидат історичних наук, Ph. Doctor, Віденський університет (Австрія).

Грябан Виктория Викторовна – кандидат исторических наук, Ph. Doctor, Венский университет (Австрия).

Viktoriya V. Hryaban – University of Vienna (Austria).

E-mail: viktoria.hryaban@univie.ac.at

УДК 94(47+477)"19/21"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/75/4

Межэтническое разделение труда в Волынской губернии по данным переписи 1897 г.*

В.П. Зиновьев¹, С.Г. Суляк², Ю.В. Семенов³

^{1,3} Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: vpz@tsu.ru

³ E-mail: semen_sbp@rambler.ru

² Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Авторское резюме

Цель настоящей статьи – выявить наличие феномена межэтнического разделения труда в Волынской губернии. На основе данных переписи 1897 г. доказано, что межэтническое разделение труда, основанное на разных укладах жизнеобеспечения этносов и существенное для восточных регионов империи, для Волынской губернии было явлением незначительным. Перепись 1897 г. учла в губернии всего 2 989 482 чел. населения, в том числе 703 477 самостоятельных лиц и 2 286 005 лиц, живущих за счет их средств. Главным занятием населения губернии являлось земледелие, оно и обеспечивало расширенное воспроизводство рабочей силы: 407 215 (57,9 % от всех занятых в народном хозяйстве) самостоятельных земледельцев обеспечивали себя и 1 812 773 члена семей (иждивенцев) или, другими словами, один кормил еще 4,5 чел. Земледельцы покрывали дефицит кадров в других отраслях производства и в сельской местности, и в городах. Кроме земледелия занимались промышленностью 74 952 (10,7 %) чел., услугами – 63 956 (9,1 %), торговлей – 42 002 (6,0 %), транспортом – 9 195 (1,3 %) чел. В управлении регионом были заняты 5 329 чел., или 0,8 % всех работников; в учреждениях культуры, образования, науки, медицин-

* Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2024-0008.

ского обслуживания – 8 446 чел., или 1,2 %; в исправлении религиозных культов – 6088 чел., или около 0,9 %; в вооружённых силах – 49 793 чел., или 7,1 % всех занятых. К концу XIX в. межэтническое разделение труда населения в Волынской губернии формировалось вследствие политических и экономических факторов. Славянское, тюркское, немецкое население имело схожие структуры занятости с преобладанием земледелия. Слабо интегрировались в городское сообщество немцы, чехи, белорусы. Малороссы, составлявшие 2 095 579 чел., т.е. большинство населения губернии, в городах играли вторые роли, насчитывая 46 060 чел.; или около 20 % горожан. Евреи, ограниченные в возможности заниматься земледелием, составляли половину населения городов, а также были сосредоточены в местечках, не имевших городского статуса, главными занятиями их были ремесла (34,9 %), торговля (32,8 %), услуги (11,7 %), образование и культура (9,7 %). Великорусское население выполняло основные связующие хозяйственные, культурные и управленческие функции.

Ключевые слова: Волынская губерния, межэтническое разделение труда, хозяйственное развитие, русские (великороссы, малороссы и белорусы), евреи, немцы, поляки, чехи

Interethnic division of labor in Volhynia according to the 1897 census*

Vasiliy P. Zinoviev¹, Sergey G. Sulyak², Yuriy V. Semenov³

1, 3 Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

1 E-mail: vpz@tsu.ru

3 E-mail: semen_sbp@rambler.ru

2 St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Abstract

This article aims at identifying the phenomenon of interethnic division of labor in Volhynia. Based on the 1897 census data, the authors prove that though the interethnic division of labor, based on different ways of life support for ethnic groups, was essential

* This research was supported by Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, project No FSWM-2024-0008.

for the eastern regions of the empire, it was an insignificant phenomenon for Volhynia. The 1897 census recorded a total of 2,989,482 people in the province, including 703,477 economically active persons and 2,286,005 persons living at their expense. The main occupation in the province was agriculture, which ensured the expanded reproduction of the workforce: 407,215 (57.9% of all those employed in the national economy) independent farmers provided for themselves and 1,812,773 family members (dependents), or in other words, one fed another 4.5 people. Farmers covered the shortage of personnel in other industries in both rural and urban areas. In addition to agriculture, 74,952 (10.7%) were engaged in industry, 63,956 (9.1%) in services, 42,002 (6.0%) in trade, and 9,195 (1.3%) in transport. 5,329 people or 0.8% of all workers were employed in regional administration, and 8,446 or 1.2 % – in cultural institutions, education, science, and medical care; 6,088 people or about 0.9 % in religious cults, 49,793 people or 7.1% of all employed in the armed forces. By the end of the 19th century, the interethnic division of labor in Volhynia was formed as a result of political and economic factors. The Slavic, Turkic, and German population had similar employment structures, with agriculture predominant. Germans, Czechs, and Belarusians were poorly integrated into the urban community. Little Russians, who made up 2,095,579 people, that is, the majority of the population of the province, played secondary roles in the cities, numbering 46,060 people or about 20% of the city dwellers. Jews, limited in their ability to engage in agriculture, made up half of the population of the cities, and were also concentrated in shtetls that did not have city status; their main occupations were crafts (34.9%), trade (32.8%), services (11.7%), education and culture (9.7%). The Great Russian population performed the main connecting economic, cultural, and administrative functions.

Keywords: Volhynia, interethnic division of labor, economic development, Russians (Great Russians, Little Russians and Belarusians), Jews, Germans, Poles, Czechs

Настоящая статья продолжает анализ межэтнического разделения труда на западе Российской империи в конце XIX в. Начат он статьей авторов по Бессарабской губернии [1]. В статье использована методика Е.В. Карих. Она доказала факт существования межэтнического разделения труда в Сибири. Статистический анализ переписи 1897 г. проведён ею по Тобольской, Томской губерниям, Омскому уезду Акмолинской области, т. е. по той территории, которая относится сейчас к Западной Сибири, по Якутской области [5; 6].

Проведённый нами анализ материалов переписи населения Российской империи 1897 г. по Енисейской, Иркутской губерниям, Забайкальской области подтвердил вывод Е.В. Карих, сделанный на материалах Западной Сибири, о делении населения на скотоводов-

тюрков на юге губерний, пришлых, в основном русских, земледельцев в средней их полосе и охотников и рыболовов эвенков и ненцев в таёжной и арктической зонах [2: 137–141; 3: 40–48; 4: 149–154]. Разрушение традиционных систем жизнеобеспечения у коренных народов Сибири в разных районах края шло в направлении перехода от охоты и скотоводства к земледелию как к более эффективному способу получения средств существования. Цель настоящей статьи – выявить наличие феномена межэтнического разделения труда в западной многонациональной Волынской губернии.

Сведения таблицы № XXII «Распределение населения по группам занятий и по народностям на основании родного языка» по Волынской губернии в обобщённом виде представлены в табл. 1. В таблице также выделены наиболее крупные по численности народы: славянские – русские¹ (великороссы, малороссы и белорусы), поляки, чехи, другие индоевропейские народы – немцы, молдаване, цыгане, французы, литовцы и латыши, тюркский народ – татары, чуваша, башкиры, финские народы – вотяки (удмурты), мордва, черемисы (марийцы) семитский народ – евреи.

Данные в табл. 1 сгруппированы по той же форме, что и по областям и губерниям России для того, чтобы получить сравнимый материал по всей территории империи. Рубрики таблицы XXII «Род занятий населения» из переписи в табл. 1 были укрупнены по той же методике, что и по другим регионам, поскольку для анализа межэтнического разделения труда не требуется столь подробного определения рода занятий населения.

Анализ данных табл. 1 показывает, что в Волынской губернии перепись 1897 г. учла всего 2 989 482 чел. населения, в том числе 703 477 самостоятельных лиц и 2 286 005 лиц, живущих за счёт их средств. Таким образом занятия населения в губернии в целом обеспечивали простое воспроизводство рабочей силы, так как один занятый содержал себя и в среднем 3,25 члена семьи. Города губернии, судя по данным переписи, не обеспечивали воспроизводства населения (233 847 чел., или 7,8 % всего губернского населения), так как самостоятельное население городов губернии насчитывало 103 633 чел., которые обеспечивали 130 214 иждивенца. На одного работающего приходилось 1,3 члена семьи. В сельской местности насчитывалось 2 755 635 чел., в том числе самостоятельного 599 844 чел. и 2 155 635 чел. неработающих членов семей. На одного самостоятельного жителя сел и деревень приходилось 3,6 члена семей [8: 156]. Если же учесть только население губернии, занятое сельским хозяйством, рыболовством и охотой, то соотношение самостоятельного населения и иждивенцев вырастет до 1 к 4,4 [8: 156]. В сельской местности губернии

Таблица 1
Распределение населения Волынской губернии по родному языку и видам занятий по данным переписи 1897 г.

№	Род занятий населения	Население губернии		Население городов		Великороссы		Малороссы	
		Самодельное	Иждивенцы	Самодельное	Иждивенцы	Самодельное	Иждивенцы	Самодельное	Иждивенцы
1-3	Управление	5 329	10 140	2 717	5 077	2 645	4 721	1 685	3 390
4	Военнослужащие	49 793	3 317	2 944	2 365	23 354	2 255	15 708	625
5-8	Служители культа	6 088	15 939	1 009	2 661	1 970	4 447	1 877	4 135
9-12	Образование, наука, культ-тура, медицина	8 446	14 478	3 132	4 952	1774	1 958	1 527	1 359
13	Прислуга	63 956	61 518	14 435	6 752	4 684	2 809	29 980	24 988
14-15	Рантье	16 873	20 759	7 822	4 870	2 886	2 766	4 336	2 845
16	Арестанты	1 639	8	1 594	7	489	1	713	2
17-18	Земледелие и пчеловод-ство	407 215	1 812 773	3 758	13 156	5 376	21 617	333 153	1 566 956
19	Животноводство	5 548	3 251	42	45	86	54	3 751	1 668
20	Лесные промыслы	2 884	6 831	329	647	162	273	1 313	3 099
21	Рыболовство, охота	342	1 059	63	166	38	70	45	175
22-40	Промышленность	74 926	171 789	20 116	41 299	3 786	6 548	19 411	42 330
41-45	Транспорт и связь	9 195	22 525	2 794	6 698	1 641	2 928	3 311	5 789
46-62	Торговля	42 002	132 059	14 329	37 110	1 729	2 361	2 774	4 508
63	Неопределённые занятия	4 725	4 770	1 115	1 409	426	365	2 376	1 395
64	Проституция	89	13	75	9	17	0	21	4
65	Занятия не указаны	4 427	4 166	868	844	359	253	1 576	1 414
Итого		703 477	2 286 005	103 633	130 214	51 409	53 480	432 547	1 663 032

Продолжение табл. 1

№	Белорусы		Поляки		Молдаване		Немцы		Чехи ²	
	Самодетельное	Иждивенцы	Самодетельное	Иждивенцы	Самодетельное	Иждивенцы	Самодетельное	Иждивенцы	Самодетельное	Иждивенцы
1-3	30	39	579	1 375	7	0	31	108	21	54
4	293	9	1 279	273	252	1	521	30	43	21
5-8	13	21	281	478	2	0	20	74	3	16
9-12	15	7	870	778	0	1	366	1 017	55	80
13	85	76	11 688	15 492	2	0	4 065	3 569	610	484
14-15	10	14	3 892	4 603	2	23	439	539	166	177
16	0	0	145	1	2	0	62	0	4	0
17-18	508	1 962	21 604	86178	9	10	29 318	116 016	6 841	13 692
19	24	165	630	688	0	0	890	265	41	17
20	20	21	540	1074	0	0	403	975	9	15
21	0	0	19	52	0	0	2	4	4	0
22-40	142	113	8 275	16 474	2	0	3 380	7 725	1 582	2 640
41-45	76	82	741	1 920	1	0	69	188	75	197
46-62	25	40	1 042	1 588	0	0	240	798	232	486
63	6	1	343	193	0	0	73	50	23	18
64	0	0	9	0	0	0	0	0	2	0
65	8	0	555	443	0	0	179	144	47	15
Итого	1 255	2 539	52 431	131 730	279	35	40 068	131 263	9 758	17 912

№	Евреи		Вотяки, мордва, черемисы		Французы		Татары		Башкиры	
	Самодельное	Иждивенцы	Самодельное	Иждивенцы	Самодельное	Иждивенцы	Самодельное	Иждивенцы	Самодельное	Иждивенцы
1-3	305	1 050	1	1	2	5	7	17	0	0
4	2714	81	578	1	1	3	3 581	3	981	0
5-8	1 917	6 772	0	0	0	0	1	2	0	0
9-12	10 568	9 258	19	0	56	12	10	7	0	0
13	12 751	14 037	3	0	22	6	21	10	0	0
14-15	5 076	9 803	7	0	9	7	33	20	0	0
16	220	4	1	0	0	0	1	0	0	0
17-18	1 329	6 234	1	1	1	5	11	16	0	0
19	124	393	0	0	0	0	0	0	1	0
20	419	1 332	0	0	0	1	0	0	0	0
21	234	758	0	0	0	0	0	0	0	0
22-40	38 231	97 752	7	0	9	6	19	3	0	0
41-45	3 297	11 369	0	0	0	3	4	15	0	0
46-62	35 889	121 977	0	0	0	4	20	12	1	0
63	1472	2 617	0	0	0	0	0	0	0	0
64	40	9	0	0	0	0	0	0	0	0
65	1 692	1 882	0	0	2	0	4	9	0	0
Итого	109 446	285 328	617	3	102	52	3712*	133	983	0

Примечание. * – тептяри – 19, помещики – 9.

Окончание табл. 1

№	Чуваши		Литовцы и латыши		Цыгане	
	Самодель- ное	Иждивенцы	Самодель- ное	Иждивенцы	Самодель- ное	Иждивенцы
1-3	0	0	3	0	0	0
4	302	0	21	2	25	1
5-8	0	0	4	1	0	0
9-12	1	0	7	2	1	1
13	0	0	17	10	0	0
14-15	2	0	2	1	0	0
16	1	0	0	0	1	1
17-18	0	0	27	35	5	10
19	0	0	2	0	0	0
20	0	0	0	0	0	0
21	0	0	0	0	0	0
22-40	1	1	10	2	17	86
41-45	0	0	7	7	19	15
46-62	0	0	5	11	19	83
63	0	0	0	0	1	0
64	0	0	0	0	0	0
65	0	0	0	0	1	0
Итого	307	1	123	121	89	197

Источник подсчёта: [8: 156, 164-235].

осуществлялось расширенное воспроизводство рабочей силы, а в городах был ее дефицит, что характерно для раннеиндустриального времени, когда отхожие промыслы осуществлялись перемещением рабочей силы преимущественно без семей, а жизнь в городах была менее здоровой, чем в сельской местности.

Главным занятием населения губернии являлось земледелие, оно и обеспечивало расширенное воспроизводство рабочей силы: 407 215 (57,9 % от всех занятых в народном хозяйстве) самостоятельных земледельцев обеспечивали себя и 1 812 773 члена семей (иждивенцев) или, другими словами, один кормил ещё 4,5 чел. Для простого воспроизводства достаточно 3 чел., поэтому треть населения деревни была лишней. Земледельцы покрывали дефицит кадров в других отраслях производства и в сельской местности, и в городах.

Жители Волынской губернии, судя по данным табл. 1, кроме земледелия, занимались промышленностью – 74 952 чел. (10,7 %), услугами – 63 956 (9,1 %), торговлей – 42 002 (6,0 %), транспортом – 9 195 чел. (1,3 %). В управлении регионом были заняты 5 329 чел., или 0,8 % всех работников; в учреждениях культуры, образования, науки, медицинского обслуживания – 8 446 чел., или 1,2 %; в исправлении религиозных культов – 6 088 чел., или около 0,9 %; в вооружённых силах – 49 793 чел., или 7,1 % всех занятых. Кроме того, учтены как лица неопределённых занятий 4 725 чел. (0,67 %), не указали род занятий 4 427 чел. или 0,63 % всех занятых. Отдельно зафиксированы 16 873 чел., живущих за счёт казны и частных лиц (2,4 %), и 1 639 чел., находящихся под арестом (0,23 % всех занятых). Животноводство (5 548 чел., или 0,8 %), рыболовство и охота (342 чел., или 0,05 % занятых) в Волынской губернии ни один из народов не назвал основным видом деятельности (см. табл. 1).

В губернии преобладали славянские этносы. Наиболее крупный коренной этнос – малороссы – был занят в основном земледелием: 333 153, или 77,0 % из 432 547 чел., услугами – 29 980 чел. (6,9 %), промышленностью – 19 411 чел. (4,5 %), животноводством – 3 751 чел. (0,9 %), жили на попечении казны и родственников – 4 336 чел. (1,0 %), занимались торговлей – 2 774 чел. (0,6 %), служителями религиозного культа – 1 877 чел. (0,4 % самостоятельного населения). Военнослужащими были 15 708 (3,6 %) малороссов губернии.

Великороссы (51 409, или 7,3 % самостоятельного населения губернии) по сферам деятельности были распределены так: в земледелии – 5 376 чел. (10,5 %), в услужении – 4 684 (9,3 %), в промышленности – 7,5 %, на военной службе – 45,4 %, в торговле – 1 729 (3,4 %), в управлении – 3 786 (5,1 %), на транспорте и связи – 1 641 (3,5 %), в сфере образования, науки, медицины 1 774 чел. (3,5 %) и т.д. Таким образом,

половина великороссов губернии была занята в сфере управления и на военной службе.

Белорусы (1 255 самодеятельных лиц) были заняты преимущественно в земледелии – 508 чел. (40,5 %), на военной службе – 293 (23,3 %), в промышленности – 142 чел. (11,3 %).

В целом русские (великороссы, малороссы и белорусы) составляли 485 211, или 69 % самодеятельных лиц в губернии. Основными их занятиями были земледелие – 339 040 (69,9 %), военная служба – 39 355 (11,1 %), услужение 34 749 (7,2 %) и промышленность – 23 339 (4,8 %).

Поляки были заняты преимущественно в земледелии (21 604 чел. – 41,2 % всех самодеятельных представителей этноса), в услужении (11 688 – 22,3 %), в промышленности (8 275 – 15,8 %), в торговле (1 042 – 2,0 %), на транспорте (741 – 1,4 %) в управлении (579 – 1,1 %) на военной службе (1 279 – 2,4 %) из 52 431 самодеятельного представителя этноса в губернии.

Из других славянских этносов выделялись чехи – 9 758 самодеятельных лиц, они были заняты преимущественно в земледелии – 6 841 (70,1 %), затем в услужении – 610 (6,3 %), в промышленности – 1 583 (16,2 %), на военной службе – 43 (0,4 %), в торговле – 232 (2,4 %).

Немцы (40 068 чел.) были заняты в земледелии – 29 318 чел. (73,2 %), в животноводстве – 890 (2,2 %), в промышленности – 3 380 (8,4 %), на военной службе – 521 (1,3%), в услужении – 4 065 (10,1 %), в сфере культуры и образования – 366 (0,9 %), в торговле – 240 чел. (0,6 %).

Значительную часть населения губернии составляли евреи, вторые по численности после малороссов – 394 774, среди них 109 446 чел. считались самодеятельными. Евреи в основном сосредоточились в ремесле (38 231 чел.), торговле (35 889 чел.), услугах (14 037), образовании, науке, медицине (10 568), транспорте и связи (3 297), на военной службе (2 714), в земледелии (1 329). У евреев было относительно большое число лиц неопределённых занятий или их не указавших – 3 164 чел., более других этносов они занимались проституцией – 49 из 89 лиц по губернии (см. табл. 1). Очевидно, что евреи в черте осёдлости, не имея возможности заниматься земледелием, стремились в другие сферы народного хозяйства и услуги и переживали жёсткую конкуренцию.

Из других индоевропейских народов зафиксировано переписью незначительное число цыган – 89 самодеятельных лиц, которые были заняты на военной службе – 25 чел., в промышленности (ремесле) – 17, в транспорте – 19, в торговле – 19 чел. Отмечены молдаване 279 самодеятельных чел., в т. ч. военных из них – 252, французы – 102

чел. преимущественно в услужении и образовании, видимо гувернёры – 78 чел., латыши и литовцы составили 123 чел., из них занятых на военной службе – 21 чел., земледелием – 27, услугами – 17 чел. и т.д.

Из тюркских народов отмечены турки (говорящие на турецко-османском языке) – 42 чел., из них занятые в промышленности – 23 и на воинской службе – 13 чел. В войсках числились другие тюрки: татары 3 553 из 3 684 чел. в губернии, башкиры – 983, чувашаи – 309, мещеры – 9, тепляры – 19. Точно так же были заняты представители финских народов: вотяки (удмурты) – 98 из 102, мордва – 339 из 375, черемисы (марийцы) 142 из 143 чел. (см. табл. 1).

Особенности профессиональной занятости отразилась и на размещении этносов в губернии. Евреи жили преимущественно в городах, поскольку занимались торговлей, ремёслами, услужением. Евреи официально числились жителями городов на 30,1 % (подсчёт по данным табл. 2). Однако мещанское еврейское население Волыни в 3,3 раза превышало городское. По временным правилам 1882 г. евреям было запрещено, за редким исключением, селиться в сельской местности и приобретать земли, поэтому они жили в местечках – торгово-промышленных поселениях с особым статусом [7. С. 314–321]. Составители же переписи 1897 г. не включили местечки в число городов, а их жителей в число горожан.

Евреи составляли бо́льшую часть горожан Волыни – 50,3 %, или 118 727 из 235 847 чел. городского населения, великороссы, соответственно, составляли 18,8 %, или 44 351 чел., малороссы – 19,5 %, или 46 060 чел., поляки – 7,6 %, или 17 834 чел. Таким образом, население городов Волыни было на 46 % славянским, на 50 % – еврейским. Остальные 4 % составляли тюрки – 1,2 % (вероятно солдаты), немцы – 0,9 % и прочие этносы. Славяне кроме земледелия (главного для себя) занимались торгово-промышленной деятельностью, управлением, образованием, немцы, чехи – преимущественно сельским хозяйством (земледелием), прочие занятия для них не были существенными.

Представляет интерес равномерное размещение войск в Волынской губернии, пограничной с враждебной Австрийской империей: Житомирский уезд – 7 583 чел., Владимиро-Волынский – 2 290, Дубенский – 5 215, Заславльский – 1 998, Ковельский – 4 267, Кременецкий – 6 839, Луцкий – 3 132, Новоград Волынский – 1 839, Овручский – 100, Острожский – 2 303, Ровенский – 5 740, Староконстантиновский – 4 226 чел. Таким образом, войск почти не было только в наиболее отдалённом от границы Овруче. Также равномерно были распределены войска по этническому признаку с преобладанием русских в каждом уезде (см. табл. 1).

Каков был сословный статус представителей основных этносов Во-

лынской губернии дает представление таблица XXIV «Распределение населения по родному языку, сословиям и состояниям» [8: 248–251]. На основании данных таблицы XXIV были выделены сведения о распределении наиболее крупных народов губернии по сословиям (табл. 2). Анализ сведений табл. 2 показывает, что сословная идентичность населения Волынской губернии прямо не зависела от этнической принадлежности, как, например, у инородцев Сибири, только у евреев этнос на 95,4 % совпадал с сословиями мещан (385 526 чел.), купцов (3 322 чел.) и почетных граждан (282 чел.) из 394 774 лиц еврейского этноса (табл. 2). Великороссы, малороссы, немцы, чехи, белорусы, турки, финны числились по большей части крестьянами.

Таблица 2

**Распределение населения Волынской губернии по сословиям
и родному языку по данным переписи 1897 г. (душ обоего пола)**

Народы	Сословие						
	Дворяне	Лица духовного звания	Почётные граждане	Купцы	Мещане	Крестьяне	Войсковые казаки
Все народы, в т. ч.:	47 024	14 955	5 739	3 883	640 210	2 241 062	1 645
Русские	25 877	14 745	5 099	385	154 985	1 994 886	1 644
В т. ч. великороссы	14 951	7 108	2 529	320	24 642	52 445	1 578
В т. ч. малороссы	10 849	7 622	2 553	54	129 973	1 939 162	65
В т. ч. белорусы	77	15	17	11	370	3 279	1
Поляки	20 400	163	264	57	48 752	100 701	1
Чехи	36	16	8	34	1 082	24 303	0
Немцы	333	24	64	77	49 535	109 690	0
Евреи	175	2	282	3 322	385 526	5 063	0
Финны	2	4	1	1	28	669	0
Турки	49	0	1	0	86	4 866	0
В городах	17 035	2 368	1 384	2 690	153 300	53 331	592

Окончание табл. 2

Народы	Сословие				
	Лица, не входящие в названные сословия	Прочие	Иностранцы	Итого в губернии	В городах
Все народы, в т. ч.:	1 538	2 314	30 112	2 989 482	235 847
Русские	1 022	1 877	3 702	2 204 262	90 726
В т. ч. великороссы	450	414	452	104 889	44 351
В т. ч. малороссы	606	1366	3 329	2 095 579	46 060
В т. ч. белорусы	1	2	21	3 794	315
Поляки	299	445	13 079	184 161	17 834
Чехи	3	42	2 147	27 670	985
Немцы	304	663	10 641	171 331	2 009
Евреи	110	91	203	394 774	118 727
Финны	1	13	3	721	422
Тюрки	1	23	52	5 202	2 764
В городах	525	386	1 236		235 847

Источник: [8: 248–251].

Деление населения в переписи произведено по основным занятиям. Однако население губернии, кроме основных занятий, занималось сотнями различных отхожих побочных промыслов. Таблица XXIII «Распределение населения, занимающегося сельским или кочевым хозяйством, рыболовством и охотой по побочным промысловым занятиям» даёт представление о масштабах отхожих и побочных промыслах сельского населения (табл. 3). Данные о промысловых занятиях сгруппированы по отраслям производства и родам деятельности для удобства анализа.

В губернии 2 238 510 чел. жили за счёт аграрных производств, из них 113 818, или 5,1 %, обращались к подсобным промыслам. Преимущественно они были связаны с кустарными промыслами (68 332), транспортом (10 381), строительством (12 533) и лесными промыслами (8 090), кроме того, черными и подёнными работами 16 514 чел. Подсобные занятия скотоводством, охотой и рыболовством, торговлей, услугами не были значимыми.

Можно сделать вывод, что к концу XIX в. межэтническое разделение труда в Волынской губернии было заметным только в отношении евреев. Славянское, тюркское, немецкое население имело схожие

структуры занятости с преобладанием земледелия. Слабо интегрировались в городское сообщество немцы, чехи, белорусы.

Таблица 3

**Распределение сельского населения Волынской губернии
по побочным промыслам по данным переписи 1897 г.**

Побочные промыслы	Самодельных	Членов семей	Итого
Общее число занятых в сельском хозяйстве	415 664	1 822 846	2 238 510
В том числе занимающихся побочными промыслами	64 420	49 398	113 818
Из них:			
Земледелием	1 442	525	1 967
Пчеловодством	2 703	233	3 026
Скотоводством	1 025	2 483	3 508
Лесными промыслами и лесоводством	5 248	2 842	8 090
Рыболовством и промысловой охотой	602	187	789
Горными промыслами	166	49	215
Обрабатывающей промышленностью	32 118	36 214	68 332
Строительством	10 360	2 173	12 533
Транспортом	7 487	2 894	10 381
Торговлей	1 776	679	2 455
Услугами и иными занятиями	1 393	1 419	2 812
Кроме того, черной и подённой работой	7 161	9 353	16 514

Составлено по: [8: 236–246].

Разрушение сословного строя в губернии проявилось прежде всего в том, что 53 331 крестьянин переместился в города. С этим явлением историки хорошо знакомы. Другой поток местных миграций менее известен – перемещение мещан в сельскую местность. Число мещан в Волынской губернии в 4 раза превышало число мещан в городах: 640 210 против 153 300. Прежде всего это евреи – 385 526 мещан в губернии и 118 727 евреев-горожан, малороссы – 129 973 мещанина и 46 060 малороссов-горожан, немцы – 49 535 мещан и всего 2 009 немцев горожан, поляки – 48 752 мещанина и 17 834 поляка горожан. Великорусские население выполняло основные связующие хозяйственные, культурные и управленческие функции, сохраняя традиционное земледелие как ведущее занятие для сельского насе-

ления. Великороссов мешан учтено 24 642, а горожан великороссов – 44 351 чел. Малороссы, составлявшие вместе 2 095 579 чел., т. е. большинство населения губернии, в городах играли вторые роли, насчитывая 46 060 чел., или около 20 % горожан (см. табл. 2). Евреи, сосредоточенные в городах и местечках, играли важную роль в торгово-промышленной жизни, в управлении и культурной сфере региона.

Примечания

1. Интересно, что, согласно переписи, 42 чел. (16 мужчин и 26 женщин), проживающих в уездах губернии (из них – 15 в Дубенском, 21 – в Новгород-Волынском) обозначили свой язык как русинский [8: 86].
2. Большинство носителей чешского языка к тому времени исповедовали православие: 18 323 чел. (9 361 мужчина и 8 962 женщины) [8: 90]. Большую роль в переходе чехов в православие сыграл Е.М. Крыжановский, который с ноября 1883 г. стал членом учебного комитета при Святейшем Синоде. Он изучил постановку религиозного и педагогического дела в чешских колониях Волынской губернии. Летом 1886 г. совершил командировку на Волынь. По этому вопросу Е. Крыжановский составил историческую записку «Чехи на Волыни». Именно он указал на «стремление чехов к православию» [9: 119].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зиновьев В.П., Суляк С.Г.* Межэтническое разделение труда в Бессарабской губернии по данным переписи 1897 г. // Русин. 2023. № 73. С. 133–146. doi: 10.17223/18572685/74/6
2. *Зиновьев В.П.* Межэтническое разделение труда в Енисейской губернии по данным переписи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 137–141. doi: 10.17223/19988613/76/16
3. *Зиновьев В.П.* Межэтническое разделение труда в Иркутской губернии по данным переписи 1897 г. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2022. Т. 40. С. 40–48. doi: 10.26516/2222-9124.2022.40.40
4. *Зиновьев В.П.* Межэтническое разделение труда в Забайкальской области по данным переписи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 149–154. doi: 10.17223/19988613/78/19
5. *Карих Е.В.* Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе её хозяйственного освоения. Томск: Издательство Томского университета, 2004. 232 с.
6. *Карих Е.В.* Этническая структура населения Якутской области в конце XIX века // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 296. С. 92–95.

7. Местечко // Краткая еврейская энциклопедия. Т. 5. Иерусалим, 1990. 457 с. URL: <https://eleven.co.il/jewish-history/new-age-16-18-centuries/12737/> (дата обращения: 18.07.2023).

8. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел под редакцию Н.А. Тройницкого. Т. VIII: Волынская губерния. СПб.: Типография кн. В.И. Мещерского, 1904. 281 с.

9. Суляк С.Г. Е.М. Крыжановский о русинах-униатах Русского Забужья // Русин. 2022. № 70. С. 104–147. doi: 10.17223/18572685/70/7

REFERENCE

1. Zinoviev, V.P. & Sulyak, S.G. (2023) Interethnic division of labor in Bessarabia according to the 1897 census. *Rusin*. 74. pp. 133–146 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/74/6

2. Zinoviev, V.P. (2022) Interethnic division of labor in the Yenisei province according to the 1897 census. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 76. pp. 137–141 (in Russian). doi: 10.17223/19988613/76/16

3. Zinoviev, V.P. (2022) Mezhetnocheskoe razdelenie truda v Irkutskoy gubernii po dannym perepisi 1897 g. [Interethnic division of labor in the Irkutsk province according to the 1897 census]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya istoricheskaya*. 40. pp. 40–48. doi: 10.26516/2222- 9124.2022.40.40

4. Zinoviev, V.P. (2022) Interethnic division of labor in the Transbaikalia region according to the 1897 census. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 149–154 (in Russian). doi: 10.17223/19988613/78/19

5. Karikh, E.V. (2004) *Mezhetnicheskie otnosheniya v Zapadnoy Sibiri v prozesse ee khozyaystvennogo osvoeniya* [Interethnic relations in Western Siberia in the process of its economic development]. Tomsk: Tomsk State University.

6. Karikh, E.V. (2007) Etnicheskaya struktura naseleniya Yakutskoy oblasti v konze XIX veka [The ethnic structure of the population of Yakutia in the late 19th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 296. pp. 92–95.

7. Zand, M. & Oren, I. (eds) (1990) *Kratkaya evreyskaya entsiklopediya* [A Brief Jewish Encyclopedia]. Vol. 5. Ierusalim: Keter. [Online] Available from: <https://eleven.co.il/jewish-history/new-age-16-18-centuries/12737/> (Accessed: 18th July 2023).

8. Troynitsky, N.A. (ed.) (1904) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii, 1897 g.* [The First General Census of the Russian Empire of 1897]. Vol. 8. St. Petersburg: The Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs.

9. Sulyak, S.G. (2022) Evfimy Kryzhanovsky on the Rusins-Uniates of the Russian Zabuzhie. *Rusin*. 70. pp. 104–147 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/70/7

Зиновьев Василий Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Россия).

Vasiliy P. Zinoviev – Tomsk State University (Russia).

E-mail: vpz@tsu.ru

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Семенов Юрий Владимирович – соискатель кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Россия).

Juriy V. Semenov – Tomsk State University (Russia).

E-mail: semen_sbp@rambler.ru

УДК 93/94

UDC

DOI: 10.17223/18572685/75/5

Борьба за красную Галицию в советском Омске (1920 г.)

А.В. Сушко¹, Д.И. Петин²

^{1,2} Омский государственный технический университет

¹ E-mail: alexsushko_1974@mail.ru

² E-mail: dimario86@rambler.ru

Авторское резюме

Проанализирован неизученный в историографии вопрос – мероприятия властей в столице советской Сибири – Омске, связанные с политикой большевистского правительства в отношении уроженцев Галиции в период существования в июле–сентябре 1920 г. Галицийской Социалистической Советской Республики. Один из ключевых сюжетов исследования – создание национального формирования РККА – полка красных галичан из числа тех их, кто оказался в Сибири в статусе военнопленных и беженцев Первой мировой войны. Приведена связь изучаемого вопроса с общей историографией проблемы. Источниковой базой послужили официальные публикации со страниц газеты «Советская Сибирь» по вопросу общественно-политической и военно-мобилизационной работы среди галичан, а также неопубликованные материалы ведомственного делопроизводства политико-просветительского управления Западно-Сибирского военного округа и Омского губернского военного комиссариата, выявленные в фондах Исторического архива Омской области. Принцип системности, проблемно-хронологический, историко-сравнительный и историко-генетический методы составили методологическую основу исследования. Данная теоретическая комбинация позволила максимально подробно проанализировать практику большевистской национальной политики, пропагандистской и военно-мобилизационной работы в Сибири, увязывая её действия и результаты с конкретно-исторической обстановкой эпохи социальных катаклизмов. Сделан вывод о том, что военные неудачи РККА в западном приграничье РСФСР привели к сворачиванию успешного галицкого проекта большевиков в отношении русинов и дальнейшем видении их сквозь призму украинского вопроса. Публикация может представлять интерес для исследователей истории галичан, военной и социальной истории, а также национальной политики РСФСР.

Ключевые слова: национальная политика, Галиция, русины, галичане, украинцы, Гражданская война, советская власть, РККА, Омск

The struggle for Red Galicia in Soviet Omsk (1920)

Alexey V. Sushko¹, Dmitriy I. Petin²

^{1,2} Omsk State Technical University

11 Mira Street, Omsk, 644055, Russia

¹ E-mail: alexsushko_1974@mail.ru

² E-mail: dimario86@rambler.ru

Abstract

The article analyzes an issue that has not been studied in historiography – the actions of the authorities in the capital of Soviet Siberia – Omsk – related to the policy of the Bolshevik government towards the natives of Galicia during the Galician Socialist Soviet Republic in July – September 1920. One of the key plots of the research is the creation of a national formation of the Red Army – a regiment of Red Galicians from those who ended up in Siberia in the status of prisoners of war and refugees of WWI. The study is based on a complex of sources, including official publications in the newspaper *Sovetskaya Sibir'* on the socio-political and military mobilization work among Galicians as well as unpublished materials of the departmental paperwork of the political and educational department of the West Siberian Military District and the Omsk Provincial Military Commissariat, found in the funds of the Historical Archive of the Omsk Region. The principle of systematicity, problem-chronological, historical-comparative, and historical-genetic methods constituted the methodological framework of the study. This theoretical combination allowed a detailed analysis of the practice of Bolshevik national policy, propaganda and military mobilization work in Siberia, linking its actions and results with the specific historical situation of the era of social cataclysms. The authors conclude that the military failures of the Red Army in the western borderlands of the RSFSR led to the curtailment of the successful Galician project of the Bolsheviks in relation to the Rusins and their further vision through the prism of the Ukrainian issue. The publication may be of interest to researchers of the history of Galicians, military and social history, as well as the national politics of the RSFSR.

Keywords: national policy, Galicia, Rusins, Galicians, Ukrainians, Civil War, Soviet power, Red Army, Omsk

В военно-революционную эпоху 1914–1922 гг. одним из острых политических вопросов была идентичность населения Галиции – исторически русских земель Галицкого княжества, в разные эпохи находившихся под контролем Речи Посполитой, империи Габсбургов, Российской империи, Западно-Украинской Народной Республики, Польши и др. От культурной идентичности большинства населения зависела долговременная возможность государств интегрировать Галицию в свой состав. И если идентичность части поляков и евреев Галиции была устойчива, то русины с середины XIX в. едины не были. По оценке заведующего продовольственным отделом военного генерал-губернатора Галиции ротмистра С.И. Данилова, данной в 1915 г., «под влиянием австрийских ухищрений галичане разделились на две группы – старорусскую и украинофильскую» [4: 65–66].

Русинская группа жителей Галиции делала выбор между русинской (признававшей себя частью русского народа) и украинской (признававшей себя особым народом) идентичностями. Уроженцы Галиции проявляли это и на родной земле, и на чужбине (в частности, в Сибири), куда они массово попали в ходе Первой мировой войны в качестве пленных военнослужащих армии Австро-Венгрии. Гражданская война значительно обострила национальный вопрос, приведя к тому, что и в бывшем юго-западном приграничье Российской империи, и на востоке страны шли ожесточённые военно-политические столкновения, где существенную роль играл национальный фактор [17]. Идентичность русинов в контексте событий Русской смуты в Сибири обстоятельно изучена [18–20; 22–24; 30]. Но их пребывание в Советской Сибири после разгрома белых армий частями РККА не исследовано, что отчасти объясняется быстрым вытеснением из дискурса идентичности русинов с заменой ее идентичностью украинцев или галичан.

Цель нашей работы – изучить политику большевиков в отношении уроженцев Галиции в советском Омске в июле–сентябре 1920 г., когда на территории Восточной Галиции существовала Галицийская Социалистическая Советская Республика (ГССР).

Имперские и белогвардейские власти, опираясь на русские исторические корни, поощряли русинскую идентичность, ориентированную на единство с русским народом. До падения монархии в России, находившиеся в плену в Омске галичане массово заявляли о том, что они – русины, и при поддержке политики государства охотно переходили из греко-католицизма в православие [26]. Воевавшим «за единую и неделимую Россию» властям Белой Сибири удалось сформировать карпаторусские части, влившиеся в армию А.В. Колчака. Но от стратегии выживания, основанной на общерусском единстве,

большинство галичан (русинов) в Сибири ушло. Русины, находившиеся тогда в Омске, не желали воевать под знамёнами белых за православную Россию. Чтобы избежать мобилизации в белую армию, называли себя украинцами. Это подтверждают доклады военной контрразведки белых, сообщавшей в мае 1919 г. о русофильской деятельности «Центрального Карпатороссского Совета» в Омске, намеревавшегося «произвести мобилизацию всех галичан, бывших подданных Австро-Венгрии». По данным контрразведчиков, деятели совета «популярности никакой не имеют. Пленные в лагерях, которые до сего времени были аполитическими, в настоящее время, опасаясь быть мобилизованными, все поголовно объявили себя украинцами» (цит. по: [25: 38]). Изменившиеся условия жизни толкали пленных галичан к иной стратегии выживания: отказавшись от русинской идентичности, объявить себя украинцами.

После вступления в Омск частей РККА власти Советской Сибири не выделяли русинов в отдельный народ, причисляя к украинцам. Коммунисты игнорировали идентичность русинов. Здесь показательна публикация в газете «Советская Сибирь» (печатный орган Сибревкома и Сиббюро ЦК РКП(б), действовавший тогда в Омске), где тенденциозно описан национальный состав жителей Галиции. «В этнографическом отношении восточная Галиция населена в большинстве украинцами, западная же в большинстве поляками. По данным статистики, с 1900 г. в 51 уезде восточной Галиции было украинцев 3 055 000, или 64 %, поляков 992 000, или 21 %, и евреев 608 000, или 12,8 % всего населения восточной Галиции. По тем же данным, в Западной Галиции было поляков 2 260 009, или 88 %, евреев 170 000, или 6,6 %, и украинцев 85 500, или 3,4 % населения Западной Галиции» [5]. Игнорирование властями Советской Сибири существования русинов в Галиции объясняется тем, что эта политика проводилась большевиками на Украине и поддерживалась Советским правительством из Москвы. Поэтому первоначально сибирские власти галичан особо не выделяли и их адаптацией к условиям Советской Сибири занимались соответствующие национальные украинские секции советских партийно-государственных структур.

Летом 1920 г. ситуацию изменило текущее положение дел на фронте советско-польской войны, во время которой, Галиция оспаривалась советскими Украиной с Россией, с одной стороны, и Польшей, за которой стояли страны Антанты, с другой. Успехи РККА на фронте (как потом оказалось, временные), заставили изменить большевиков политику в отношении галичан в Сибири, выделив её из украинского вопроса в самостоятельное направление деятельности структур власти.

В ходе Гражданской войны в России большевики активно создавали партийные национальные институты на всех попадавших под их контроль территориях с нерусским населением, таким образом, собирая воедино территории бывшей Российской империи под коммунистической властью. Не стали исключением и Украина с Галицией. В апреле 1920 г. на территории Украинской ССР был создан Галицкий организационный комитет при ЦК КП(б)У. Эта структура имела статус областной партийной организации, при этом обладая представительством в Коминтерне. В кратковременный период существования ГССР (с 15 июля по 23 сентября 1920 г.) на ее территории функционировала Компартия Галиции, проводившая идею интеграции региона с Советской Украиной. При поддержке ВКП(б) и КП(б)У коммунистическая организация Галиции распространяла свою деятельность далеко за пределы Галиции на территории, куда в ходе Первой мировой войны попало значительное число уроженцев этих земель. Летом 1920 г. галицкие бюро активно работали в Москве, Ташкенте, Омске [12]. Сибирь оказалась в числе мест, где велась партийно-государственная политика по украинизации галичан, которые до утверждения советской власти в Сибири в массе считали себя здесь русинами.

«Советская Сибирь» сообщала о приезде в Омск представителя Галицкого оргкомитета, занявшегося в Сибири строительством партийной структуры галичан. В городе прошло собрание, о чем газета сообщала: «7-го июля в Омске состоялось собрание украинцев-галичан, присутствовало около 100 человек. Приехавший из Харькова представитель Галицкого организационного Комитета сделал доклад о развитии политических событий в Галиции с конца 1918 г. до настоящего времени. Обрисовал политику Национальной Рады и Народного Секретариата, недовольство населения их политикой, особенно в области земельной, потом политику диктатора Петрушевича, который запродавал Галицкую армию Деникину, потом оратор коснулся истории перехода некоторых частей 1-й и 2-й Галицкой бригады на сторону поляков». Была принята следующая резолюция: «Заслушав доклад представителя Галицкого организационного Комитета о развитии политических событий в Галиции, мы шлем горячее приветствие героической Российской и Украинской Красной армии и тем Галицким частям, которые самоотверженно борются против нашего смертного врага [–] польских панов и предателя украинских рабочих и крестьян, наймита Антанты – Петлюры. Шлём горячее приветствие Галицкому организационному Комитету, стоящему во главе освободительного движения Галицкого пролетариата и твёрдо заявляем, что все наши силы охотно отдадим для уничтожения панского гнёта, чтобы на его

развалинах построить Советский строй в Галиции. Смерть польской шляхте. Да здравствует Советская власть в Галиции» [9].

По партийной линии реализацией государственной политики в отношении галичан в Сибири занималось специально созданное Галицкое областное бюро при Сиббюро ЦК ВКП(б). После приезда в Омск представителя Галицкого оргкомитета с Украины здесь началась активная идеологическая и организационная работа. Регулярно публикуя летом 1920 г. материалы о той кампании, в ней приняла участие и «Советская Сибирь». Показательно, что до июля 1920 г. теме галичан на страницах издания, как и в политике коммунистов в национальном вопросе в Сибири, не уделялось внимания. Так, ещё в июне 1920 г. газета сообщала о проведении в Омске 10 июня областного совещания чешских, украинских и югославских коммунистов (галичане не были приглашены или же они участвовали в мероприятии в качестве украинцев) [11]. Но уже в июле, в связи со вступлением РККА в Восточную Галицию и образованием ГССР, ситуация в корне изменилась. В период существования этого государственного образования тема галичан и Галиции не сходила со страниц «Советской Сибири». К примеру, издание сообщало, что «по вторникам, средам, четвергам и пятницам еженедельно в Укр.[аинском] рабочем клубе читаются лекции на украинском языке по вопросам советского и партийного строительства. Посещение лекций обязательно для всех галичан партийных, для беспартийных вход свободный» [21].

Мероприятия по консолидации в Омске галичан в тот период стали регулярно проводиться и, соответственно, освещаться в прессе. «Советская Сибирь» извещала читателей, что 25 июля в клубе Карла Либкнехта (бывший коммерческий клуб) состоялся митинг *укр.[раи-нцев] галичан* (курсив в тексте. – Авт.; формулировка показывает направленность советской национальной политики на украинизацию Галиции; слово «русин» и соответствующая идентичность были вычеркнуты из политического лексикона и общественно-политической жизни советского Омска), темы: 1. текущий момент и судьба Галиции; 2. Конгресс III Интернационала и его значение [15]. Позднее, описывая митинг, газета сообщала: «25 июля в клубе имени Карла Либкнехта состоялся митинг галичан. Присутствовало 150 чел. Был заслушан доклад – текущий момент и судьба Галиции. Докладчик сообщил, что Красная армия перешла р.[еку] Збруч и вступила на территорию Галиции. Слушателями это сообщение было принято громкими аплодисментами. Предложенная докладчиком резолюция принимается единогласно:

«Мы, галичане, живущие в Омске, заслушав доклад о текущем моменте и о судьбе Галиции, шлем горячее приветствие Российской

и Украинской Красной армии, которая в кровавой борьбе вступила на галицийскую землю, орошённую кровью бесчисленных жертв польской шляхты. Мы заявляем твёрдую уверенность в том, что только федерация советских республик и победа Красной армии может принести полное освобождение галицийским рабочим и крестьянам. Всех галичан Сибири призываем встать на активную борьбу в рядах галицийских красных частей за освобождение всей Галиции от ига польской буржуазии и её опекунов в лице Антанты и за установление советской власти в Галиции.

Да здравствует победа Красной армии над польскими помещиками!

Да здравствует Советская власть в Галиции!

Да здравствует Советская власть во всем мире!"» [8].

Активность центрального партийного издания Сибири в вопросе о галичанах подтверждала его высокую актуальность для власти.

Созданное в Омске Галицкое бюро вело значительную работу по учету коммунистов-галичан, находившихся в регионе. Впервые «Советская Сибирь» напечатала об этом информацию 15 июля, извещая, что «согласно постановлению Галицкого Бюро при ЦК РКР Галицкое бюро в Омске предлагает всем парт.[ийным] товарищам из Восточной Галиции, не зарегистрировавшимся до сих пор, зарегистрироваться в канцелярии Галицкого Бюро, дом Союзов, комн. 31, с 16 по 19 июля с 3 до 5 часов вечера» [21]. 25 июля в газете вновь разместили информацию об обязательной (пере-)регистрации галичан в партийных органах. Всем коммунистам-галичанам, проживавшим в Омске, предлагалось в трехдневный срок зарегистрироваться в Галбюро, несмотря на то, были ли они уже зарегистрированы или нет. Не зарегистрировавшимся грозило привлечение к ответственности за нарушение дисциплины. Регистрация шла 28–30 июля [10]. Партийному учету галичан уделялось значительное внимание со стороны высшего партийного руководства большевиков, о чем свидетельствовала последняя публикация «Советской Сибири» на эту тему, где читаем: «Согласно постановлению ЦК РКП и отношению Сиббюро РКП от 23 августа Угорком предписывает всем галичанам и русинам в трехдневный срок до 5 сентября зарегистрироваться в галицийской секции РКП для учёта на предстоящую мобилизацию. Угорком Омской организации РКП» [6]. Уникальное для большевистского лексикона упоминание русинов и факт трехкратного объявления (пере-)регистрации коммунистов-галичан свидетельствовали о сильной потребности в таких партийных кадрах.

Острота кадровой проблемы в масштабах государства обусловила решение московского руководства о принудительной мобилизации партийных кадров галичан с периферии. «Советская Сибирь» 11 сен-

тября напечатала решение, по которому «все коммунисты-галичане, проживающие в г. Омске, не работающие на оборону, на железнодорожном и водном транспорте, согласно приказу ЦК, считаются мобилизованными. Предлагается им явиться в порядке партийной дисциплины в галицкое обл. бюро для отправки в Москву, которая последует не позднее 13 сентября. Неявившиеся будут привлечены к ответственности» [14].

Советской власти в Сибири были остро необходимы люди для привлечения к формированию полка красных галичан в Омске. Оно началось в июле 1920 г. вслед за провозглашением ГССР. В военном отношении исполнение работы по формированию названного полка возложили на военного комиссара Западно-Сибирского военного округа. По распоряжению осуществлявшего руководство и контроль над этой деятельностью Главнокомандующего всеми вооружёнными силами республики по Сибири из его штаба 17 июля 1920 г. военному Западно-Сибирского военного округа направили указание: «На основании приказа Главокома в Омске надлежит сформировать стрелковый полк из военнопленных галичан по происхождению. Призыв добровольцев произведут органы управления и партийные организации, после чего передадут в соответствующие Уездвоенкоматы которым надлежит сделать распоряжение. Распоряжение о посылке добровольцев-галичан из Восточно-Сибирского Военного Округа сделано одновременно. О числе прибывающих, с указанием откуда, надлежит доносить еженедельно по субботам. Округу надлежит немедленно обратиться на формирование указанного полка» [3: 1].

В документе обращает на себя внимание ряд аспектов. Во-первых, полк формировали из военнопленных уроженцев Галиции «по происхождению», не уточняя их этническую и религиозную идентичность. Во-вторых, в призыве добровольцев принимали участие как органы управления, так и партийные организации, что свидетельствовало об идеологической основе этой кампании. В-третьих, полк формировался с территории не только Западной, но и Восточной Сибири (т. е. всей Советской Сибири). В-четвертых, вышестоящее руководство большое значение придавало созданию полка, приказывая приступить к формированию «немедленно»; процесс формирования брался под систематический еженедельный контроль. Об экстренности говорит и то, что полк планировали комплектовать по сокращённому штату (2 908 чел.) без миномётной, газовой, батальонных пулемётных команд в уменьшенном составе девяти стрелковых рот и полковой пулемётной команды [3: 2].

В августе в агитацию, направленную на формирование полка красных галичан в Омске, включилась и газета «Советская Сибирь»,

7 августа извещавшая своих читателей, что «в Сибири формируется Галицкая часть для борьбы с польской шляхтой. Поступать добровольцами могут рабочие и крестьяне из Вост. Галиции. Запись добровольцев производится в Галицком областном бюро в Доме Союзов, комн. 31 ежедневно с 11 до 24 и с 4 до 7 ч вечера» [29]. 19 августа газета повторила информацию, уточнив, что полк формируется под эгидой Галицкого областного бюро РКП и «в первых числах сентября должен отправиться на галицкий фронт для борьбы с польскими помещиками» [27]. Последнее объявление о записи в полк газета напечатала 2 сентября, извещая, что «приём добровольцев галичан в Красную часть продолжается только по 10 сентября с.г.; после этого времени приём добровольцев прекращается, и часть будет отправлена в Галицию» [28]. Пропаганду вели и через листовки от имени «Галицкого бюро РКП». Известен пример, связанный со Славгородом (тогда входил в Омскую губернию). Воззвание делало акцент, что полк будет направлен «в Галичину» [1: 3].

По задумке военно-политического руководства РСФСР омский полк красных галичан должен был поддержать строительство новой государственности участием коммунистически ориентированных уроженцев Галиции в вооружённой борьбе с Польшей. Кроме военной цели создания, у полка была и политическая: он должен был стать орудием партии по распространению большевизма среди местного населения. Для этого необходимо было, чтобы личный состав в массе своей активно поддерживал коммунистические идеи. Руководство Западно-Сибирского военного округа рассылало на места предписания: «...обратить внимание на то, чтобы галичане добровольцы принимались лишь только те, которые действительно стоят на платформе Советской Власти» [2: 1].

Галицкое областное бюро при Сиббюро ВКП(б) проводило значительную пропагандистскую работу, направленную на политическое воспитание, привлечение и отбор кандидатов на поступление в полк красных галичан. О характере деятельности галицкой партийной организации в Сибири «Советская Сибирь» сообщала: «Для подготовки партийных работников устроены курсы, которые посещаются 48 товарищами. В июле и августе прочитано лекций на разные темы – 13. Одна лекция прочитана в лагере. На партийных собраниях делаются всеми товарищами по очереди доклады по текущему моменту. Два товарища посланы в областную партийную школу и по губернии для вербовки добровольцев послано 9 агитаторов. Издано 1 500 воззваний, “Интернационал” на украинском языке в 3 000 экземпляров и 5 номеров газеты. Собрано 13 087 руб. в фонд III Интернационала. Разослано 29 библиотек и газеты из Харькова» [7].

Сохранился мандат одного из агитаторов, 31 июля 1920 г., подписанный Омским губернским военным комиссаром. Документ даёт представления о полномочиях агитатора: «Предъявитель сего действительно есть тов. БИЛЕЦКИЙ Лука Уполномоченный Галицкого Областного Бюро РКП(б), которому на основании распоряжения Штаба Западно-Сибирского Военного Округа предоставлено право произвести вербовку галичан для формирования Галицкого красного полка. Вербовку галичан разрешено произвести в районе Петропавловского уезда. Всех завербованных галичан тов. БИЛЕЦКИЙ обязан через Уездвоенкома препроводить в Омск в мое распоряжение, а потому Уездвоенком, Уревком и все Советские учреждения и организации обязуются оказывать ему всевозможное содействие в отношении доставки подвод, переотправки завербованных и удовлетворения довольствием» [2: 3].

Уже при формировании полка его личный состав привлекался для коммунистической пропаганды в Омске среди гражданских выходцев из Галиции. Так, 2 сентября прошло общее собрание красных стрелков галицийского полка. Участники собрания показали полную поддержку большевистских идей о борьбе с капиталом и мировой революции. Принятую резолюцию напечатали в «Советской Сибири»: «Мы, красные стрелки галицийского полка, которые первыми отозвались на призыв галицийской рабоче-крестьянской власти, заслушав доклады тов. Чуры и Яхтуровича о настоящем положении в Галиции про организацию галицийских войсковых частей, шлём горячий привет Галревкому и отдаём все наши силы в его распоряжение для укрепления Советской власти в Галиции, а тем самым и для борьбы с капитализмом всего мира. Да здравствует Советская власть в Галиции! Да здравствует всемирная революция!» [16].

Комплектуя полк, Галицкое бюро вступило в переписку с Политуправлением Западно-Сибирского военного округа по вопросу организации партийно-политической работы и культурно-просветительской деятельности. Парработники из числа галичан о перспективах развития своей работы по украинизации русинов в Сибири сообщали военным:

«1) Литература на украинском (64 % населения Восточной Галиции говорит на украинском языке) языке у нас есть, но в очень малом количестве потому придётся печатать её здесь, ибо получить её в скором времени нельзя; силы литературные у нас есть, дело тормозится отсутствием бумаги. Средства могут быть отпущены Сиб. Обл. Бюро РКП.

2) Культурные силы для ликвидации безграмотности у нас есть (народные учителя) и силы для прочей культурно-просветительской работы также есть.

3) Политработники из галичан для назначения военкомами и политруками имеются в Сибири, есть люди, которые были или есть политруками и военкомами или кончили Курсы для политруков, но они или работают в разных частях Красной Армии или командированы на другую работу, но их при содействии Окрвоенкомата можно отозвать. В настоящее время в самом городе Омске их нет» [3: 3].

Итак, Галицкое областное бюро при Сибирском областном бюро ЦК ВКП(б) в культурном отношении занималось украинизацией уроженцев Галиции, что в то время полностью согласовывалось с политикой большевистских структур в Галиции и на Украине. В сентябре 1920 г. галицкий красный полк был отправлен из Омска, но он уже не мог выполнить отводимой ему коммунистами роли в борьбе за Советскую Галицию. К концу сентября 1920 г. поражения РККА, а вместе с тем и коммунистов в Галиции стало очевидным. Восточная Галиция до 1939 г. входила в состав Польши. ГССР была ликвидирована, и вопрос о работе с галичанами в Сибири разом утратил актуальность. Аргумент тому – прекращение публикационной активности по данному вопросу на страницах «Советской Сибири».

Ключевыми векторами тех кратковременных мероприятий РСФСР в русинском вопросе стали: во-первых, потребность советской государственности Галиции в комплектовании вооружённых сил галичанами и, во-вторых, желание руководства РКП(б), чтобы в регион вернулись его большевистски ориентированные уроженцы, которые стали бы проводниками коммунистических идей на украинском языке в среде местного населения. В решении этих масштабных политических задач так или иначе использовался «общественно болезненный» вопрос военнопленных и беженцев Первой мировой войны – тысячи этих людей, в силу непреодолимых обстоятельств оказавшихся далеко от родных мест, мечтали вернуться назад. Но ход Советско-польской войны перечеркнул все планы. И шедшая среди галичан в Сибири работа, сменив ориентир, стала вестись большевиками в рамках деятельности по украинскому вопросу.

Анализ мнений историков по поводу разделения общественного движения в Галиции на русофилов (русинов) и украинцев проделан М.Э. Клоповой: «...российские исследователи, как правило, рассматривают общерусское и украинское движения как две альтернативы, и, соответственно, одним из основных является вопрос о причинах упадка русофильского направления. В свою очередь, украинские историки изначально трактуют национальное движение восточнославянского населения Австро-Венгрии как украинское, а русофильство рассматривается ими как один из его вариантов, который неизбежно должен был сойти с исторической сцены по мере

складывания зрелого украинского национального самосознания» [13: 375]. Материалы нашего исследования подкрепляют российскую точку зрения. Общерусская альтернатива в Галиции потерпела крах в силу развития революции и Гражданской войны в России, где взяли верх интернационалисты-большевики, отменявшие в стране русскую культуру, как непригодное наследие прошлого, мешавшее строить новое социалистическое общество.

В течение июля–сентября 1920 г. в зависимости от политической ситуации в западном приграничье РСФСР, отношение властей Советской Сибири к идентичности русинов, находившихся здесь, трансформировалось: от игнорирования к обособлению до повторного отрицания. Политическая игра большевиков на проблеме национальной идентичности русинов закономерна: применительно к Галиции Русская революция решала этот вопрос через его обострение. Сказанное иллюстрирует и описанный омский пример. После занятия частями РККА столицы Белой России – Омска – перед советским военно-политическим руководством встал вопрос о действиях в отношении находившихся в крае многочисленных уроженцев Галиции. Рассмотренный пример говорит о мобильности советской пропаганды в национальном вопросе, её способности оперативно подключать к решению вопроса нужные административные ресурсы. Это можно считать успехом, если, к примеру, сравнивать в целом такой опыт разных властей периода Гражданской войны. Галицкий проект большевиков в отношении русинов был эффективнее белогвардейского карпатороссийского.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Новосибирской области. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 47. 1920 г.
2. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 98. 1920 г.
3. ИАОО. Ф. Р-1504. Оп. 1. Д. 29. 1920 г.
4. Данилов С.И. Россия и Галиция. Записка заведывающего продовольственным отделом военного генерал-губернатора Галиции ротмистра С.И. Данилова // Библиотека журнала Русин. 2016. № 2. С. 55–75. doi: 10.17223/23451734/5/5
5. Б.Н. Галиция накануне коммунистической революции // Советская Сибирь. 1920. 25 июля. С. 1.
6. Всем членам коммунистам – галичанам и русинам // Советская Сибирь. 1920. 2 сент. С. 4.
7. Галицийское бюро // Советская Сибирь. 1920. 16 сент. С. 3.

8. Галичане Красной Армии // Советская Сибирь. 1920. 31 июля. № 169. С. 2.
9. Галичане против панов и Петлюры // Советская Сибирь. 1920. 11 июля. С. 3.
10. Извещения // Советская Сибирь. 1920. 25 июля. С. 4.
11. Извещения // Советская Сибирь. 1920. 9 июня. С. 4.
12. К сведению всех галичан // Советская Сибирь. 1920. 14 июля. С. 4.
13. *Клопова М.Э.* Национальные движения восточнославянского населения Галиции XIX–XX вв. в современной русской и украинской историографии // Славянский альманах. 2015. № 1–2. С. 356–377.
14. Коммунистам галичанам // Советская Сибирь. 1920. 11 сент. С. 3.
15. Митинг галичан // Советская Сибирь. 1920. 25 июля. № 164. С. 3.
16. На оба фронта // Советская Сибирь. 1920. 9 сент. № 201. С. 2.
17. *Новиков М.С., Новиков С.В.* Национально-государственные отношения в России в период революций, Гражданской войны и воссоздания государства (Сибирь, Северный Кавказ, Украина) // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2017. № 2. С. 21–24.
18. *Нам И.В., Наумова Н.И.* Историческая память и национально-политическая идентификация русинов. 1914–1920 гг. // Русин. 2015. № 4. С. 126–142. doi: 10.17223/18572685/42/10
19. *Нам И.В., Наумова Н.И., Зиновьева В.И.* Карпаторусский совет и формирование воинских подразделений карпаторусов в Сибири в годы Гражданской войны (1918–1919 гг.) // Русин. 2017. № 3. С. 85–100. doi: 10.17223/18572685/49/6
20. *Нам И.В., Наумова Н.И., Зиновьева В.И.* Организации военнопленных русинов в Сибири и власть: конфликт интересов (1918–1919 гг.) // Русин. 2019. № 57. С. 84–98. doi: 10.17223/18572685/55/7
21. Среди галичан // Советская Сибирь. 1920. 15 июля. С. 4.
22. *Суляк С.Г.* Русины в период Первой мировой войны и Русской Смуты // Русин. 2006. № 1. С. 46–65.
23. *Суляк С.Г.* Русины в истории: прошлое и настоящее // Русин. 2007. № 4. С. 29–56.
24. *Суляк С.Г.* Русинская идентичность (на примере участия галичан в Гражданской войне) // Русин. 2015. № 4. С. 107–125. doi: 10.17223/18572685/42/9
25. *Сушко А.В.* Религиозный фактор в годы Гражданской войны в России (на примере процессов в Омской и Павлодарской епархии) // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 2. С. 34–42. doi: 10.25206/2542-0488-2022-7-2-34-42
26. *Сушко А.В., Петин Д.И.* Борьба за «Подъяремную Русь»: переход в православие военнопленных русинов в Омске (1915–1917) // Русин. 2021. № 65. С. 99–114. doi: 10.17223/18572685/65/6
27. Формирование Галицкого полка // Советская Сибирь. 1920. 19 авг. С. 4.
28. Формирование Галицкой Красной части // Советская Сибирь. 2 сент. 1920. С. 4.

29. Формирование галицкой части // Советская Сибирь. 1920. 7 авг. С. 4.
30. Шевелев Д.Н., Конев К.А. «За Россию и за общее дело славянства»: официальная и проправительственная печать белой Сибири о формировании на ее территории карпаторусских воинских частей // Русин. 2015. № 4. С. 143–167. doi: 10.17223/18572685/42/11

REFERENCES

1. The State Archive of the Novosibirsk Region. Fund D–144. List 1. File 47.
2. The Historical Archive of the Omsk Region (IAOO). Fund R–217. List 1. File 98.
3. The Historical Archive of the Omsk Region (IAOO). Fund R–1504. List 1. File 29.
4. Danilov, S.I. (2016) Rossiya i Galitsiya. Zapiska zavedyvyayushchego prodovol'stvennym otделom voennogo general-gubernatora Galitsii rotmistra S.I. Danilova [Russia and Galicia. A report by S.I. Danilov, Captain of Cavalry, Head of the Food Department of the Military Governor-General of Galicia]. *Biblioteka zhurnala "Rusin"*. 2. pp. 55–75 (in Russian). doi: 10.17223/23451734/5/5
5. B.N. (1920) Galitsiya nakanune kommunisticheskoy revolyutsii [Galicia on the eve of the communist revolution]. *Sovetskaya Sibir'*. 25th July. p. 1.
6. *Sovetskaya Sibir'*. (1920) Vsem chlenam kommunistam – galichanam i rusinam. 2nd September. p. 4.
7. *Sovetskaya Sibir'*. (1920) Galitsiyskoe byuro [Galician Bureau]. 16th September. p. 3.
8. *Sovetskaya Sibir'*. (1920) Galichane Krasnoy Armii [Galicians of the Red Army]. 31st July. p. 2.
9. *Sovetskaya Sibir'*. (1920) Galichane protiv panov i Petlyury [Galicians against the lords and Petliura]. 11th July. p. 3.
10. *Sovetskaya Sibir'*. (1920) Izveshcheniya [Notices]. 25th July. p. 4.
11. *Sovetskaya Sibir'*. (1920) Izveshcheniya [Notices]. 9th June. p. 4.
12. *Sovetskaya Sibir'*. (1920) K svedeniyu vsekh galichan [For the attention of all Galicians]. 14th July. p. 4.
13. Klopova, M.E. (2015) Natsional'nye dvizheniya vostochnoslavyanskogo naseleniya Galitsii XIX–XX vv. v sovremennoy russkoy i ukrainskoy istoriografii [National movements of the East Slavic population of Galicia in the XIX–XX centuries. in modern Russian and Ukrainian historiography]. *Slavyanskiy al'manakh*. 1–2. pp. 356–377.
14. *Sovetskaya Sibir'*. (1920) Kommunistam galichanam [For the Galician communists]. 11th September. p. 3.
15. *Sovetskaya Sibir'*. (1920) Miting galichan [Galichan meeting]. 25th July. p. 3.
16. *Sovetskaya Sibir'*. (1920) Na oba fronta [On both fronts]. 9th September. p. 2.
17. Novikov, M.S. & Novikov, S.V. (2017) Natsional'no-gosudarstvennye

otnosheniya v Rossii v period revolyutsiy, Grazhdanskoy voyny i vossozdaniya gosudarstva (Sibir', Severnyy Kavkaz, Ukraina) [National-state relations in Russia during the revolutions, the Civil War and the restoration of the state (Siberia, North Caucasus, Ukraine)]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. 2. pp. 21–24.

18. Nam, I.V. & Naumova, N.I. (2015) Historical memory and national and political identification of Russians. 1914–1920. *Rusin*. 4. pp. 126–142 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/42/10

19. Nam, I.V., Naumova, N.I. & Zinovieva, V.I. (2017) The Carpathian Council and the formation of military units of the Carpathians in Siberia during the Civil War (1918–1919). *Rusin*. 3. pp. 85–100 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/49/6

20. Nam, I.V., Naumova, N.I. & Zinovieva, V.I. (2019) Organizations of Rusin prisoners of war in Siberia and power: The conflict of interests. *Rusin*. 57. pp. 85–100 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/55/7

21. *Sovetskaya Sibir'*. (1920) Sredi galichan [Among Galicians]. 15th July. p. 4.

22. Sulyak, S.G. (2006) Rusiny v period Pervoy mirovoy voyny i Russkoy Smuty [Russians during the First World War and the Russian Troubles]. *Rusin*. 1. pp. 46–65.

23. Sulyak, S.G. (2007) Rusiny v istorii: proshloe i nastoyashchee [Rusins in history: Past and present]. *Rusin*. 4. pp. 29–56.

24. Sulyak, S.G. (2015) The Rusin identity (a case study of Galicians' participation in the Civil War). *Rusin*. 4. pp. 107–125 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/42/9

25. Sushko, A.V. (2022) Religioznyy faktor v gody Grazhdanskoy voyny v Rossii (na primere protsessov v Omskoy i Pavlodarskoy eparkhii) [The religious factor during the Civil War in Russia (on the example of the processes in the Omsk and Pavlodar dioceses)]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. 7(2). pp. 34–42. doi: 10.25206/2542-0488-2022-7-2-34-42

26. Sushko, A.V. & Petin, D.I. (2021) The Struggle for “The Enslaved Rus”: Conversion of Rusin Prisoners of War to Orthodoxy in Omsk (1915–1917). *Rusin*. 65. pp. 99–114 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/65/6

27. *Sovetskaya Sibir'*. (1920) Formirovanie Galitskogo polka [The Formation of the Galician Regiment]. 19th August. p. 4.

28. *Sovetskaya Sibir'*. (1920) Formirovanie Galitskoy Krasnoy chasti [Formation of the Galician Red Regiment]. 2nd September. p. 4.

29. *Sovetskaya Sibir'*. (1920) Formirovanie Galitskoy chasti [The Formation of the Galician Division]. 7th August. p. 4.

30. Shevelev, D.N. & Konev, K.A. (2015) For Russia and for the Slavdom”: the official and pro-governmental press of the White Siberia on the formation of Carpatho-Russian military units on its territory. *Rusin*. 4. pp. 143–167 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/42/11

Сушко Алексей Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, философии и социальных коммуникаций Омского государственного технического университета (Россия).

Alexey V. Sushko – Omsk State Technical University (Russia).

E-mail: alexsushko_1974@mail.ru

Петин Дмитрий Игоревич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и социальных коммуникаций Омского государственного технического университета (Россия).

Dmitriy I. Petin – Omsk State Technical University (Russia).

E-mail: dimario86@rambler.ru

УДК 81'26

UDC

DOI: 10.17223/18572685/75/6

Библейские имена и русинская «формула невозможного»^{*}

В.М. Мокиенко¹, Т.Г. Никитина²

^{1,2} Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

¹ E-mail: mokienko40@mail.ru

² E-mail: cambala2007@yandex.ru

Авторское резюме

Библейский именослов русинского языка достаточно велик, чтобы стать основой крылатых слов, пословиц и поговорок. Некоторые из них сохраняют свою прямую семантическую привязку к сакральному первоисточнику – таковы, например, *знає го Сятий Петро* и *Не мож служити Бѣгу и Мамоні*. Большинство же таких имён получили региональное осмысление. Таковы имена святых, ставших праностиками, т. е. метеорологическими ориентирами: *на Иля черево ги кобыля*, *На Пётра ледва душа тепла (на Петра уже ледвы душа тепла)*, *Дав Бог Юря, не замерзне куря*, *Не усе в нигілю Петра*. Семантическая переориентация некоторых из них порождена народными представлениями о соответствующих библейских персонажах – ср., например, *Миколай трясє бородѣв*, соответствующее украинскому и русскому фразеологизму *білі мухи літають*, *белые мухи летают*, характеризующему появление первого снега. Иногда такие представления опосредованы фольклорной (например, песенной) традицией – как в случае с оборотом *говорити на бум лазаря*. Еще большее семантическое перевоплощение наблюдается в случаях, когда происходит, в сущности, десакрализация имени в русле народной «смеховой культуры» (М.М. Бахтин). Именно таким путем создаются темпоральные фразеологизмы *На жидѣўські Петра и До жидѣўських Петрув* – ‘никогда’. В словаре Д. Попа к ним приводятся украинские и

^{*} Исследование выполняется за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00252, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете) «Библейское наследие восточнославянских языков в лингвокультурологической и лексикографической интерпретации (Большой русско-белорусско-украинско-русинский словарь библеизмов)».

русские эквиваленты на *Миколи та й ніколи, после дождичка в четверг и дождайся Юрьева дня, когда рак свиснет*. Собственно говоря, все они являются фразеологизмами-оксюморонами, которые П.Г. Богатырев (1962) назвал фольклорной «формулой невозможного». Эта формула встречается в пословицах и поговорках, в сказках и былинах, в народной песне и драме, в заговорах и загадках. В каждом из этих жанров она, естественно, имеет свою эстетическую функцию и художественную специфику. В основе такого «оксюморона в действии» лежит недействительный, абсурдный факт. Особо функциональной, можно сказать, «самодостаточной» является «формула невозможного» в малых формах (simple forms) фольклора. В паремиологии формула невозможного является иронически-шутливой поговоркой, типичным видом народной фразеологии с такими характерными признаками последней, как раздельнооформленность, семантическая слитность (т.е. сводимость к значению 'никогда') и экспрессивность, порожденная неправдоподобным образом. Вот почему фразеологический фонд многих народов изобилует выражениями этого типа. Приводимые русинские темпоральные фразеологизмы с библейскими именами относятся именно к таким паремиологическим универсалиям. Их круг расширяется и за счет оборотов со значением 'никогда', образованных интеграцией иных компонентов: *на сяті нігда* (укр. *як рак у полі свисне*, рус. *после дождичка в четверг*); *за Ференц Йёвшки* (укр. *за царя Тимка, коли земля була тонка*, рус. *при царе Горохе*); *Такі розумняки були ищи за Марії Тирийзії*; укр. *Такі розумняки були ще за царя Тимка*, рус. *Такие умники были еще при царе Горохе*); *коли на горі рак свисне* (укр. *на Миколи та й ніколи*; рус. *на то лето, не на это, а на третий год, когда черт умрет*); русин. *коли ріка удг'орі ся вберне* (укр. *тоді то буде, як ся догори вода оберне*; рус. *в Вознесенье, в оно воскресенье*). Ср. также русинские фразеологизмы близкого типа, образованные по той же универсальной «формуле невозможности»: *Кобы каждый був богатый, ба ко бы бідовов*; *Кобы не жона и діти, лем у к'орчмі бы сидіти*; *Кобы свіня роги мала, та бы світ перевернула*; *Кобы сонце знало, як тяжко робити, оно бы ся измыгало скоро заходити*; *Кобы чиядник знав наперед, стораз бы ся вшиткого варовов*; *Кобы чиядник знав, де впаде, заголовок бы постелив* и под. Русинским поговоркам этого типа предлагается комплексный анализ на фоне сопоставления с другими языками. Затемнённая образность некоторых из них раскрывается и комментируется.

Ключевые слова: русинский язык, паремиология, фразеология, библеизмы с именами собственными, сопоставительная паремиология

Biblical names and the Rusin "formula for the impossible"

Valerii M. Mokienko¹, Tatiana G. Nikitina²

^{1,2} St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

¹ E-mail: mokienko40@mail.ru

² E-mail: cambala2007@yandex.ru

Abstract

The list of biblical names in the Rusin language is large enough to become the basis of winged words, proverbs, and sayings. Some of them retain their direct semantic connection to the sacred source – such, for example, is *znae go Syatyy Petro* and *Ne mozh sluzhiti Bôgu i Mamoni*. Most of these names have received a regional meaning. Such are the names of the saints who became weather lore sayings: *na Ilya cherevo gi kobylya*; *Na Pétra ledva dusha tepla (na Petra uzhe ledvy dusha tepla)*; *Dav Bog Yurya, ne zamerzne kurya*; *Ne use v nirilyu Petra*. The semantic reorientation of some of them comes from popular ideas about the corresponding biblical characters – cf., for example, *Mikolay tryase borodôv*, corresponding to the Ukrainian and Russian phraseological units *bili mukhi litayut'*; *belye mukhi letayut*, relating to the first snow. Sometimes such representations are mediated by folklore (for example, song) tradition – as in the expression *govoriti na bum lazarya*. Even greater semantic reimagining is observed in cases of desacralized names in line with the folk "culture of laughter" (Mikhail Bakhtin). This is the way how the temporal phraseological units *Na zhid'ys'ki Petra* and *Do zhid'ys'kikh Petr'iv* with the meaning 'never' are created. Dmitry Pop's Dictionary contains their Ukrainian and Russian equivalents *na Mikoli ta y nikoli*; *posle dozhdichka v chetverg*; *dozhidaysya Yur'eva dnya*; *kogda rak svísnet*. In fact, they are all oxymoronic phraseological units that Petr Bogatyrev (1962) called the folklore "formula for the impossible", which is found in proverbs, sayings, fairy tales, epics, folk songs and dramas, charms, and riddles. In each of these genres, this formula has its own aesthetic function and artistic specificity. This "oxymoron in action" is based on an invalid, absurd fact. Especially functional, we can say "self-sufficient" is the "formula for the impossible"

* The study is supported by the Russian Science Foundation (Project No. 23-18-00252, implemented at St. Petersburg State University) "The Biblical Heritage of the East Slavic Languages in Linguistic, Cultural and Lexicographic Interpretation (Big Russian-Belarusian-Ukrainian-Rusyn Biblical Dictionary)."

in small (simple) forms of folklore. In paremiology, the formula for the impossible is an ironic and playful saying, being typical of folk phraseology with such characteristics of the latter as fragmentation, semantic cohesion (i.e., reducibility to the meaning 'never'), and expressiveness generated in an implausible manner. That is why the phraseological fund of many nations abounds with expressions of this type. The given Rusin temporal phraseological units with biblical names refer precisely to such paremiological universals. Their scope is also expanding due to phrases with the meaning 'never', formed by the integration of other components: *na syati nirda* (Ukrainian *yak rak u poli svisne*; Russian *posle dozhdichka v chetverg*); *za Ferents Yövshki* (Ukrainian *za tsarya Timka, koli zemlya bula tonka*; Russian *pri tsare Gorokhe*); *Taki rozumnyaki byli ishchi za Marii Tiriyyi* (Ukrainian *Taki rozumnyaki buli shche za tsarya Timka*, Russian *Takie umniki byli eshche pri tsare Gorokhe*); *koli na gori rak svisne* (Ukrainian *na Mikoli ta y nikoli*; Russian *na to leto, ne na eto, a na tretiy god, kogda chert umret*); Rusin *koli rika udgóri sya vberne* (Ukrainian *todi to bude, yak sya dogori voda oberne*). Cf. also Rusin phraseological units of a similar type, formed according to the same universal "formula for the impossible": *Koby kazhdy byv bogatyy, ba ko by bidovov*; *Koby ne zhona i diti, lem u korchmi by sidity*; *Koby svinya rogi mala, ta by svit perevernula*; *Koby sontse znalo, yak tyazhko robity, ono by sya izmygalo skoro zakhodity*; *Koby chilyadnik znay navpered, storaz by sya vshitkogo varovov*; *Koby chilyadnik znay, de vpade, zagolovok by posteliv*. The article offers a comprehensive analysis of Rusin sayings of this type compared with other languages. The obscure imagery of some of them is revealed and commented on.

Keywords: Rusin language, paremiology, phraseology, biblicalisms with proper names, comparative paremiology

Біблейський іменослов русинського мови достатньо велик, чтобы стати основою крилатих слів, прислів'їв і поговорок. Деякі з них зберігають свою пряму семантичну прив'язку до сакральному перводжерелу – такові, наприклад, *знає го Сятий Петро* і *Не мож служити Бѣгу и Мамоні*. Більшість же таких імен отримали регіональне осмислення. Такові імена святих, ставших праностіками, т. е. метеорологічними орієнтирами: *на Иля черево ги кобыля*, *На Пѣтра ледва душа тепла* (на Петра уже ледва душа тепла), *Дав Бог Юря, не замерзне кура*, *Не усе в нигілю Петра*.

Русинська прислів'я *На Иля черево ги кобыля* в словаре Д. Попа визначається з допомогою української і російської пареміологічної паралелі в *Петрівку мухи роблять на панів, а в Спасівку на себе – муха кусает до Ильина дня, питається: после Ильи запасається* [21: 156]. Імплицитно тем самим вона характеризує «сытий» період лета, когда идѣть збор урожая, отчего и животы едоков насыщаются полностью.

Библейское имя *Илья* давно уже попало в официальный список христианских личных имён, восходящих к др.-евр. имени *‘Ēliah* [Элийя, Элийяху] – «Яхве – мой Бог»). В Ветхом Завете это, прежде всего, имя пророка Фесвитянина, т. е. родом из Фесвы в Галааде (3 Цар 17:1). Илия и Моисей, пророк и законодатель, явились Иисусу при его преображении (Мк 9:4 и сл.). Этим именем в Библии также назывались вениамитянин, сын Иерихама, живший в Иерусалиме (1 Пар 8:27), священник из рода Харима [24: 304–395]. Именно имя пророка Фесвитянина с сакральным этимологическим смыслом «Яхве – мой Бог» обрело в славянском языковом сознании особую значимость, обрастая в народной речи многоплановыми коннотациями и порождая многообразные обряды и верования (авт. О.В. Белова) [29, 2: 405–407]. Причина этого – в народном «двоеверии». «В русской православной традиции отчетливо прослеживается отождествление христианских святых с некоторыми языческими божествами, – констатирует В.И. Коваль. – Например, святой Илья воспринимался простым народом как христианское “продолжение” языческого бога Перуна; роль и функции святого Георгия (Георгия-Победоносца) соотносились с культом языческого бога Ярилы; почитание святого Николая или святого Власия – с культом “народного” бога Велеса, святой Параскевы (Параскевы-Пятницы) – с культом богини Мокоши» [10: 17]. Представление об этом культе у русин восходит именно к этому древнему двоеверию. День пророка Илии (*Илія пророка*) здесь приурочен к началу периода жатвы: *Илія (Иля) начинат жниво и кончат літо* – Ильин день начинается жатву и кончает лето, а *Иляшний місяц* – это август. Ср. *докучливый як иляшна муха* – пристал как банный лист [7, 2: 379]. Мифологема же *Илій (Илія)* в русинском языке устойчиво связывается с громом и молнией: *Илій (Иля) ня (тя) бий!* – Разрази меня гром! Гром и молния! [7, 2: 379]. Благодаря таким языческим реминисценциям имя *Илья* активно обогащало фольклор, нередко далеко отходя от исходного сакрального канонического смысла.

Разнообразие таких представлений у русин и украинцев запечатлено в паремиологическом собрании И. Франко [34, 2: 292–293], где под компонентом *Ілля* описываются пословицы и поговорки, так или иначе приуроченные к народному календарю: *До Іллі рій під гилі, а по Іллі рій на гилі* «В часі коло Іллі пчоли роятся»; *Іллі громове свято* «Вірять, що св. Ілля громами завідує і що його празник головна пора громів»; *Лиш до Іллі добрі білі* «Білі – рід грибів гіркого смаку. Вони однаково недобрі по Іллі як і перед Іллею, але по Іллі вже ростуть інші, кращі, то білих ніхто не бере»; *На Іллі новий хліб на столі; Ни запряде до Іллі, то ни буде у млині* «Мова про кукурузу, що до Іллі повинна вже запрясти шульки, а то потім у осені вимерзн»; *Тільки*

до Іллі добрі рої, а по Іллі повісь роя на гилі «Ті, що пізніше вирояться, вже не здужають назбирати собі поживи на зиму і звичайно потім гинуть»; *Як не буде волоти в Іллі, то не буде ся молоти в млині* (*Волоть* – урожай); *На Іллі перший осінній день* «Так міркують у горах, де не раз швидко після Іллі на верхах паде сніг»: *Святий Іля наробит гниля* «Коли в ту пору слюта, то збіжжя зогниє».

Параллелизм таких представлений характерен для всей Восточной Славии. В русской народной речи, например, они весьма дифференцированы, при этом сохраняются те же семантические доминанты, что в русинской, украинской и белорусской «погодной» паремиологии. Здесь также св. Илья, будучи, по народной традиции, повелителем грома и дождя, от которого зависит плодородие и урожай, логично вписался и в соответствующий период народного календаря. Естественно, что День памяти Ильи-пророка приходится на самый разгар лета – 20 июля, т.е., по ст. стилю, на 2 августа [11, 1: 92]. Отсюда – масса пословиц и поговорок на «календарную» тему. Типична, например, уже приводившаяся архангельская пословицная констатация, записанная и в диалектной речи псковичей и уральцев, что с 12 июля (т.е. когда отмечают дни св. Петра и Павла) по 2 августа (т.е. когда отмечают день св. Ильи) дни идут на убыль, а после св. Ильи приближается осень¹:

Павел час убавил, а Илья-пророк и два уволок. Кар. СРГК 4, 573; 5, 200; *Пётр и Павел час убавил, [а] Илья-пророк [на] два уволок.* Пск. (Пытал.), Урал. Кор. 2000, 1, 92; Бир. 1960, 24; *Илья-пророк два часа уволок к ночи, а Пётр и Павел денёк убавил.* Орл. СОГ 10, 26; *Пётр и Павел час ночи прибавил, а Илья-пророк два часа уволок; Пётр и Павел час ночи прибавил, а Илья-пророк два часа дня уволок.* Р. Урал (1976), Твер. СРНГ 46, 183; ТПП 1993, 13; *Первый Спас час припас, Петр и Павел два прибавил, а Илья-пророк три приволок.* Д 2, 41; *Пётр и Павел полдня прибавил, а Илья-пророк и совсем уволок.* Пск. ПОС 26, 88; *Пётр да Павел день убавил, а Илья-пророк два уволок.* Кубан. ППЗК 2000, 69; *Пётр да Павел день уплавил, а Илья-пророк дак и совсем уволок.* Ленингр. (2005). СРНГ 47, 258. < *День уплавить* – о сокращении продолжительности дня; *Пётра-Павел день убавил, а Илья-пророк час уволок.* Пск. ПОС 26, 88; *Пётр-Павел дня убавил, а Илья-пророк и упряжку уволок.* Селигер. Селигер 2017, 7, 364; *Илья-пророк дыру прожѣд, а Петр и Павел ещё поприбавил.* Помор. Мерк. 1997, 16. < Сказано шуточно о прожжённой дыре на одежде. Мерк. 1997, 133; *Петру и Павлу день уноси, а Илья пророк ночь приноси.* Пск. ПОС 26, 88.

Некоторые пословицы прямо характеризуют день св. Ильи как рубеж, разделяющий лето и осень: *На Илью до обеда лето, после*

обеда осень. Д 2, 41. Ср. также: *Илья бараний рог.* Народн. О дне Св. Ильи (2 августа). ДП, 889.

Отсюда – календарные предупреждения о первых холодах, граде и даже появлении льда:

Пётр с колоском, Илья с холодком. Сергеева 2016, 177; *Илья опускает в речку камешек холодный.* Пск. (Пытал.) Кор. 2000, 1, 92. < Примета; *Илья даёт гнилья.* Пск. (Пытал.) Кор. 2000, 1, 92; *Илья принесёт гнилья.* Селигер. Селигер 2004, 2, 180. < О непогоде после Ильина дня; *Придёт Илья, принесёт гнилья.* Д 2, 41; *Твер.* ТПП 1993, 17; *Илья-пророк выбивает градом хлеб у тех, кто обмеряет.* ДП 2, 31; *В Илью Господь ильдинку бросает – холодно.* Пск. (Латгал.). Примета; *После Ильи Бог в воду кидает пуд льда.* Пск. (Кун.) СПП 2001, 131. < *Илья – день св. Ильи (Ильин день) – 2 августа.* СПП 2001, 131; *На Илью Бог в воду лядунку пускает.* Ряз. (Мещ.) Сл. Мещ. 1, 205. < *Лядунка – льдинка; Илья-пророк лединку (ледышинку) пускает (пускает).* Урал. (Яицк.) Мал. 2002, 2, 352. < На Ильин день (02.08) начинается похолодание, и нельзя купаться.

Если до Ильинок можно было ходить, не думая о холодах, ходить легко одетым (ср.: *До Ильи хоть хлыстом захлещи.* Д 2, 41; *До Ильи хоть одним зубом подери.* Д 2, 41), то после них, при таких погодных изменениях необходимо одеваться потеплее:

До Ильи – хоть разденься, после Ильи – в шабур оденься. Д 4, 29.

День св. Ильи также являлся ориентиром полевых работ, особенно окончания жатвы:

Илья-пророк копны считает. Д 2, 41; *Пророк Илья лето кончает, жито зажинает.* Сергеева 2016, 177; *Не скоро Илья – дожду и я.* Брян. СБГ 5, 26. < *Дожать – окончить жатву, дожать до конца; Не сегодня Илья – справлюсь и я.* Пск. (Кр.) СПП 2001, 131; *Дней-то не решето, и не сегодня Илья, справлюсь и я.* Пск. СПП 2001, 129; *Как Илья, так и я.* Сок., 186; *Троица с листом, а Илья с просвирой (на сенокос просвирки).* Сев. Примета. СГРС 7, 298; *Придёт Илья – пройдёт моя гулья, пройдёт Спас – не увидишь моих глаз.* Помор. Мерк. 1997, 127; *Пройдёт Илья – пройдёт моя гулья, пройдёт Спас – не увидишь моих глаз.* Помор. Мерк. 1997, 26.

Как видим, в общем русле такого развития семантики этого имени – и русинская пословица *На Иля черево ги кобыля*. Не случайно также в русинской паремиологии наблюдается и уже отмеченная «переключка» имён св. Ильи и св. Петра: *На Пётра ледва душа тепла (на Петра уже ледвы душа тепла), Дав Бог Юря, не замерзне куря, Не усе в нигілю Петра*.

Семантическая переориентация некоторых из таких русинских паремий порождена народными представлениями о соответствующих библейских персонажах – ср., напр., *Миколай трясе бородѡв*,

соответствующее украинскому и русскому фразеологизму *білі мухи літають*, *белые мухи летают*, характеризующему появление первого снега. Иногда такие представления опосредованы фольклорной (например, песенной) традицией – как в случае с уже упомянутым оборотом *говорити на бум лазаря*.

Ещё большее семантическое перевоплощение некоторых библейских имён наблюдается в случаях, когда происходит, в сущности, их десаκραлизация в русле народной «смеховой культуры» (М.М. Бахтин). Именно таким путём создаются темпоральные фразеологизмы *На жидьўські Петра* [21: 156] и *До жидьўських Петрув* – ‘никогда’ [21: 108]. В словаре Д. Попа к ним приводятся украинские и русские эквиваленты *на Миколи та й ніколи, после дожличка в четверг* и *дождидайся Юрьева дня, когда рак свиснет*. Собственно говоря, все они являются фразеологизмами-оксюморонами, которые П.Г. Богатырев [1: 362] назвал фольклорной «формулой невозможного» или «оксюмороном в действии».

Формула невозможного является своеобразной фольклорной универсалией, встречаясь в самых разных языках, например, в немецких и английских темпоральных фразеологизмах [39]. В качестве темпоральной характеристики со значением ‘никогда’ она развивает большую активность и метафорическое многообразие и встречается в пословицах и поговорках, в сказках и былинах, в народной песне и драме, в заговорах и загадках. В каждом из этих жанров она, естественно, имеет свою эстетическую функцию и художественную специфику.

Известно, какую роль играют начальные и финальные формулы в сказках, где с их помощью сам рассказчик подчёркивает недоверительность, фантастичность и выдуманность своего повествования. Начальная формула становится важным хронологическим аккордом сказки: она настраивает слушателя на «сказочный» лад, отрицая то, что утверждается остальными элементами повествуемого. Отрицательная сила такого аккорда создаётся, как правило, за счёт ярких, во многом иронических образов, которые являются, в сущности, фразеологизмами из жанра «формулы невозможного» типа *Когда блохи ходили на богомолье; Когда яйца варили во льду; Когда груши росли на тополях, а фиалки на ракигах* [25: 23–25]. Такие же «формулы невозможного» активно функционируют и в других жанрах фольклора, например, в заговорах. С.М. Толстая подчёркивает их сущностную «формульность, т. е. наличие в их структуре клишированных фрагментов, устойчивых в своем содержании (мотивах) и языковой форме, повторяющихся во многих текстах» [33: 76]. При этом, анализируя формулы аномальности в сербских заговорах, она замечает: «Хорошо изучена также “формула невозможного”: “Кад пребројале: на небо звијезде, у море пијесак, на пијесак капље, на

псу длаке, на гори грање, на грање лишће, на лишће росу, и под росом свакој живиници косу; онда мене наудиле” (Раденковић 1982: № 57). Невозможность, недостижимость, нереальность названных действий должна сделать невозможной и опасную ситуацию» [33: 154].

Особо функциональной, можно сказать, «самодостаточной» является «формула невозможного» в малых формах (simple forms) фольклора. В паремиологии «формула невозможного» является иронически-шутливой поговоркой, являясь типичным видом народной фразеологии с такими характерными признаками последней, как раздельнооформленность, семантическая слитность (т. е. сводимость к значению ‘никогда’) и экспрессивность, порождённая неправдоподобным образом. Вот почему фразеологический фонд многих народов изобилует выражениями этого типа. Так, только в болгарской фразеологии можно найти свыше 50 таких оборотов. При всем их количественном многообразии они довольно компактны по форме и содержанию и, как было показано автором этих строк [14: 313–315], сводимы к пяти основным структурно-семантическим моделям:

1. ‘Тогда, когда что-либо вырастет там, где оно никогда не растёт’.

2. ‘Тогда, когда кто-либо, абсолютно неподходящий для какой-либо деятельности, станет ею заниматься или превратится в того, кто ею занимается’.

3. ‘Когда кто-либо воскреснет из мёртвых или после смерти того, от имени кого идёт речь’.

4. ‘Когда кто-либо сможет увидеть ту часть своего тела, которую увидеть невозможно’.

5. ‘В день, который либо никогда не может наступить, либо является «несерьёзным», «несвятым» праздником’.

Универсальность таких фразеологических моделей «формулы невозможного» подтверждается материалом многих европейских языков. Особое внимание ей уделили германисты, ибо обилие немецких фразеологических и диалектных словарей обеспечивает необходимую полноту и глубину анализ такой формулы. В специальной монографии Л.М. Рязановский [27] провёл фронтальное исследование фразеосемантического поля времени на материале его ядерных микрополей со значениями «Никогда» и «Давно» и, применив метод структурно-семантического моделирования, продемонстрировал возможности идеографического подхода, связанного с историко-этимологическим анализом. Для поля «Никогда» им были выделены такие структурно-семантические модели (ССМ), аналогичные выше приведенным славянским [27: 24–53]:

1. ССМ 1: *am Sankt Nimmerleinstag; zu Winterpfingsten; am 32 auf Pflaumenpfingsten.*

2. CCM 2: *zu Pfgingsten auf dem Eise; am zweiten Tage nach dem ersten Schnee; tausend Jahre nach der Ewigkeit; zwischen Pfgingsten und Basel.*

3. CCM 3: *wenn Ostern und Pfgingsten auf einen Tag fallen; wenn es Gulden regnet; wenn die Kühe auf Stelzen gehen; wenn der Teufel stirbt.*

4. CCM 4: *auf Nimmerleinstag; wenn der Charfreitag auf den Gründonnerstag fällt; auf Nimmerstag, wenn es Salz regnet; zu Pfgingsten, wenn die Esel auf dem Eise tanzen; auf Nimmerlestag, wenn man ein sechzigjährigen Bader findet, der nie geschwitzt...*

При всём разнообразии конкретных языковых воплощений «формулы невозможного» она являет собой и заметное структурно-семантическое единство, обеспечиваемое оксюморонным смыслом. Это создаёт возможности ее структурно-семантического моделирования при межъязыковом сопоставлении этой малой формы фольклора. Примером такой лингвистической процедуры может служить и анализ русинских фразеологизмов со значениями 'никогда' и 'очень давно' на общеславянском фоне. Русинский (или карпаторусинский – А.Д. Дуличенко) язык, находясь на границе восточнославянского и западнославянского ареального пространства, относится к так называемым малым славянским языкам, но при этом лингвистическая реконструкция и сопоставления с другими славянскими языками обнаруживают в нём и праславянские лексические единицы [15]. Поэтому и русинская фразеология, в том числе и избранного здесь семантического поля «Никогда», обнаруживает немало сходств с аналогичными выражениями других восточнославянских и западнославянских языков.

Материал для такого анализа демонстрирует структурно-семантические модели «формулы невозможного», аналогичные тем, которые были выявлены на основе русской фразеологии. Сопоставительный их анализ подтверждает в какой-то мере и особый межславянский статус русинского языка, в основе своей восточнославянского, но имеющего и некоторую «перекличку» с западнославянским ареалом. Общая картина здесь выглядит следующим образом:

1) Поговорки широкого межславянского ареала – *Коли ріка удгóрі ся вберне, Коли баба дьўкòв была.*

2) Поговорки восточнославянского ареала – *Коли на горі рак свисне, коли золото всплывать, Нигда не буде из Ивана пана.*

3) Собственно русинские поговорки – *Нигда из пса солонина не буде; На жидьўські Петра; До жидьўських Петрїв; Заплатить ти фрас.*

Поговорки из этих групп русинской «формулы невозможности» здесь детализировано сопоставляются с аналогичным материалом других славянских языков. Выявляются типичные структурно-семантические модели этой формулы.

Так, выражение *Коли ріка удгорі ся вберне* прямо соотносится с укр. *Тогди то буде, як ся догори вода вберне; Тогди то буде, як вода горі берегами потече*. Аналогичную поговорку находим в белорусском малом фольклоре: *Калі вада наўпроць пойдзе, тады гэта праўда* будзе [4, 2: 313].

В русской народной речи по этой модели образованы такие фразеологизмы, как *Когда реки вспять пойдут* [30: 361] и *Когда Волга вверх потечёт* [26: 141].

Украинская параллель этой русинской формулы *Буває порою, що вода тече горою!* построена по всем правилам «формулы невозможного». Не случайно известный украинский фольклорист М.М. Пазяк включил его в раздел «Каламбуры, бессмыслицы» (Каламбури, нісенітниці) своего четырёхтомного паремиологического тезауруса [23, 3: 352–358]. Их коллекция (приводимая здесь лишь частично) поражает не только своей образностью, но и количеством:

– *Буває порою, що вода тече горою! Буває, що й ведмідь літає; Буває, що й муха чхає; Буває, що й слон літає; Буває, що й новий птах старої пісні співає; Буває, що й теля вовка хапає; І так буває, що віця вовка з'їдає;*

– *Тогди то буде, як ся догори вода вберне; Тогди то буде, як вода горі берегами потече; Це тоді буде, як на долоні волосся виросте; Тоді то буде, як на моїй долоні волосся виросте; Тоді буде, як на вербі будуть грушки рости;*

– *Буде тоді, як рак свисне; На Юри, як рак свисне; Тоді будеш бачить, як рак свисне; Це тогди буде, як рак на дубі свисне; Тоді буде, як рак свисне; Це тоді буде, як рак свисне; ...як рак на горі свисне; Як рак на дуба вилізе, тогди то сі стане; Тоді то буде, як п'явка крикне; Це тоді буде, як у курки зуби виростуть;*

– *Тоді це буде, як дві неділі разом зійдуться; ...як ся дві неділі разом зійде; Тоді то буде, як свині з череди йтимуть; То тоді було, як вовк був собакою, і хвостом брехав; То буде на кінський Великдень; То буде, як на камені пісок зійде; Тоді то буде, як мій татуню з тамтого світа верне; Тогді то буде, як ся моя бабуня з того світа верне; Тогді то буде, як своє вухо побачиш; Відколи світ настав, то рак не свистав; Після дощук у четвер рак свисне.*

– *Наговорив бабці в капці, а дідові в ходаки; Наговорила: на осиці кислиці, а на вербі груші; Наговорив на вербі груш, а на осиці кислиці...*

Украинские поговорки *Буває порою, що вода тече горою! Тогди то буде, як ся догори вода вберне; Тогди то буде, як вода горі берегами потече* не только «компатибельны» с русинской «формулой невозможного», но и позволяют расширить ее ареал и генетически связать ее с западнославянскими пословицами типа чеш. *Kam dolov prokorá,*

tam voda teče, Voda kam ji prokopá, tam poteče; Kam voda má spad, ta tečie, известными с XV в. и имеющими параллели с нем. *Das Wasser läuft immer das Berg hinab* [3, 2: 792–793]. Ср. рус. *Где вода была, там и будет; куда денга пошла, там и скопится*; болг. *Дето е текла вода, пак ще потече*; нем. *Das Wasser fließt, wo es früher geflossen*; фр. *L'eau va toujours à la rivière; L'eau va à la rivière* и под. [36: 214–215] и под.

Русинская поговорка *Коли баба дьўкѡв была* родственна рус. *давно, когда ещё баба девкой была* 'очень давно' [5: 205] и белор. *Не будзе баба дзеўкаю* [4, 2: 79]; *Успомніла баба, што дзеўкай была* [4, 2: 94]. Ср. закарпатскую поговорку *Добре було тоді, коли баба дівкою була* [23, 2: 145] или рус. *В старые годы бывало, а баба кашу едала* [37: 509].

Как показывают примеры из славянских и неславянских языков, «формула невозможного» является универсалией, построенной на оксюмороном «единстве противоположностей». При всей универсальности она в то же время в каждом из языков может иметь свою национальную маркированность, создаваемую оригинальным образом и собственной лингвокультурной традицией. Именно с этой точки зрения можно рассматривать приведенные русинские темпоральные паремии с библейскими именами. С одной стороны, они, несомненно, относятся к паремиологическим универсалиям, образованным по формуле невозможного. С другой стороны, конкретный анализ их компонентного состава и сопоставление с другими славянским языками показывают их образно-коннотативную оригинальность.

Такой анализ требует расширения круга таких паремий и за счет оборотов со значением 'никогда', образованных интеграцией иных компонентов: *на сяті нігда* (укр. *як рак у полі свисне*, рус. *после дождичка в четверг*); *за Ференц Йѡвшки* (укр. *за царя Тимка, коли земля була тонка*, рус. *при царе Горохе*); *Такі розумняки були ищи за Марії Тирийзії*, укр. *Такі розумняки були ще за царя Тимка*, рус. *Такие умники были еще при царе Горохе*); *коли на горі рак свисне* (укр. *на Миколи та й ніколи*; рус. *на то лето, не на это, а на третий год, когда черт умрет*); *коли ріка удгѡрі ся вберне* (укр. *тоді то буде, як ся догори вода оберне*; рус. *в Вознесенье, в оно воскресенье*). Ср. также русинские фразеологизмы близкого типа, образованные по той же универсально «формуле невозможности»: *Кобы каждый був богатый, ба ко бы бідовов*; *Кобы не жона и діти, лем у кѡрчмі бы сидіти*; *Кобы свіня роги мала, та бы світ перевернула*; *Кобы сонце знало, як тяжко робити, оно бы ся измыгало скоро заходити*; *Кобы чиялник знав наперед, стораз бы ся вшиткого варовов*; *Кобы чиялник знав, де впаде, заголовок бы постелив* и под.

Именно в этом «плавильном котле» русинской паремиологии со значением 'никогда' были сформатированы выражения с компонентами-библейскими именами *На жидьўські Петра* [21: 19, 156] и *До*

жидѹських *Петрѹв* [21: 66, 08] к которым приводятся украинский эквивалент *на Миколи та й ніколи* и русский *дожидайся Юрьева дня*. История образования каждого из них различна, но, тем не менее, подчинена закономерностям структурно-семантического моделирования межславянского фразеологического пространства. Главное же – каждая из этих темпоральных «формул невозможного» отражает глубокое и своеобразное проникновение духовного христианского наследия в народное славянское сознание.

Русинские фразеологизмы основываются на знании сакральной и календарной символики одного из главных святых Евангелия – апостола Петра, который был наиболее близким учеником Христа. Не случайно в легенде, записанной на Буковине, св. Пётр предстаёт в качестве «двойника» Христа, внешне похожего на него. А как ближайший наперсник своего учителя, Пётр даже пробует заменять Бога в делах, но терпит неудачу [29, 4: 23]. В Закарпатье записаны многие апокрифические легенды, связанные со св. Петром: он спасает хлебный колос от уничтожения, уменьшает хлебный колос в наказание за непочтительное отношение людей к хлебу; совместно с Христом творит свет; они награждают бедных; лишают отказавшую им женщину досуга; превращают в жабу жадную хозяйку или грубого хозяина; крадёт у черта огонь; запускает мельничное колесо; разнимая дерущегося черта и еврея, перепутывает им головы [29, 4: 23–24]. Понятно, что такое наложение легенд могло возникнуть лишь на основе глубокого знания исконных, библейских представлений о св. Петре. Значимость св. Петра подчёркнута русинским выражением *знає го Сятий Петро*, к которому даются украинские и русские эквиваленты со словом *Бог*: *а Бог його знає* и *а Бог его знает* [21: 122]. Не случайно поэтому в русинско-русском словаре И. Керча отражены именно такие представления:

Пётр (Петер) – Петро. Сесї рыбарёве, Петр Андрій, коли послушали слово Христово, потум кулько рыбы имили = эти рыбаки, Пётр Андрей, когда послушали слово Христово, потом столько рыбы наловили.

Петра, pl. tant. (церк. 26/06–12/07) – день первоверховных апостолов Петра и Павла; Петров день (нар.); *да коли ту на Петра ходили панове = сюда когда-то в Петров день приходили господа; **по Петровіх двур пустий, а поле густое = после Петрова дня новый урожай кормит.

Петровка (*церк; пятьтыжднёвый пуст) = Петров пост. (*овоч) – груша, созревающая в начале июля; *май слабо держит петровку, бос перед Петріх буват майтяжа у році робота; копаня и косьба = меньше всего соблюдают Петров пост, потому что тогда бывает самая тяжёлая в году работа: прополка и сенокос. [7, 2: 77].

Здесь, как видим, на первом месте поставлено библейское предание о том, как Симон Петр со своим братом Андреем был рыбаком на Геннисаретском озере и обратился к вере по призыву Иисуса, сказавшем им: «Идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков» (Мф 4: 19–20). Особое место в словаре И. Керча справедливо отведено календарному обозначению *Петров день*, с точной датой и народной характеристикой. Ср. также *Петра* – «християньске свято на честь апостолів Петра й Павла (12 липня). *На Петра вода тепла*» и *Петрувка* – «піст из 3 червня до 11 липня перед християнським святом Петра» [28: 228].

Действительно, этот день – одна из ключевых дат летнего цикла в народном календаре восточных (и отчасти южных) славян, которая имеет много общего и с Ивановым днем, и другими праздниками середины лета. В то же время Петров день считался календарной границей года, после которой в природе начинались изменения, предвещавшие приближение осени. По гуцульским поверьям, св. Петр хранит ключи от земли весь год и лишь весной их у него забирает св. Юрий, а в Петров день ключи вновь возвращаются к Петру и тогда наступает осень [29, 4: 25]. Эту «предосеннюю» характеристику отразили русинская пословица *на Петра уже ледвы душа тепла* и ее украинский и русский эквиваленты *на свято Петра і Павла уже ледве живий та теплий* и *На празник Петра и Павла уже еле душа в теле* [21: 47]. Ещё более детализирована эта характеристика в подборке подобных паремий, зафиксированных И. Франко [34, 2: 701–703] и снабжённых его лапидарными комментариями. Приведем лишь те из них, которые связаны с интересующей нас календарной семантикой:

Говори Петре, пока тепле і зуби ще не залепли «Поки справа свіжа і поки тобі землю не закидали уста, поки живеш»;

Їдж, Петре, поки тепле! «Бо як застине, то не буде добре»;

Хапай, Петре, поки тепле!; На Петра вари половина зими «Свято Петра вериги припадає на день 16 січня старого стилю»;

На Петра вериги гріх прати «Народне вірування»; *На Петра-вериги розбиваються криги* «Починається відталь, в часі лагідної зими»; *На Петра вериги не перут* «Народний звичай»; *Петра вериги або поставит, або поломит криги*; ср. бойк. *Петра вериги або поставит або поломит криги* [20, 2: 58].

Не все в неділю (в середу) Петра «Коли свято Петра і «Павла випаде в середу, можна їсти з набілом»;

Не йде до Петра, іно до Різдва «Говорять про другу половину року, по празниці Петра й Павла, який припадає на день 29 липня (червня) старого стилю»; *Не йде д'Петру, але д'Дмитру* «Варіант до попереднього ч. Свято Дмитра припадає на день 26 жовтня старого стилю»;

Пішло йому (му) з Петрова дня (Петрового дне); Повело му ся, як з Петрової днини «Про чоловіка, якому перестало добре поводитися»; Тебе і святий Петро не загіє; І св. Петро не загіє го «Говорять про змерзлюха. О св. Петрі звичайно найтепліша пора»;

Як на Знесіне цвіт, то на Петра хліб «Господарська приказка. Цвіт розуміється: збіжжя цвіте» [34, 2: 701];

Жнива на Петра, голод коло Різдва «Коли вчасні жнива, то дуже простою логікою віщують вчасний передновок. При тім вчасні жнива показують плохий урожай, отже віщують голод» [34, 2: 175].

Ср. також пословиці с найменуванням Петрова дня – *Петрівки*: *Захотіло му ся в Петрівку змерзлого «Коли хтось забагає чогось неможливого» [34, 2: 701]. Их знаходять і в подольських говорах: захотілось мерзлого в Петрівку; заблаглося змерзлого в Петрівку; хотіти змерзлого в Петрівку; хотіти печеного леду в Петрівку [9: 262].*

Ети пословиці включені і в сводное зібрання української пареміології М.М. Пазяка [23, 1: 392–394], виделяясь при этом закарпатським ареальним простором. Календарний «акцент» відображається в то жє время і в українській пареміології різних регіонів:

Раз у рік – Петра;

До Петра молочка відерце, а по Петрові глек та й то неповний; До Петра не є тепла, а по Петрі та й по теплі; До Петра не сподівайся тепла, а по Петрі вже й по теплі; На Петра і душа тепла; По Петру, то й по теплу; По Петрі, то й по теплі: Як по Петрі, то й по теплі;

Коли на Петра сльота, то буде в літі багато болота;

Кожний то знає, що святий Петро колоски підпалює; По Петрі на дворі пусто, а на полі густо; Якщо хліба вродили, то ні Петро, ні Павле їх не віднімуть;

Коли на Петра проса в ложку, то буде в ложці;

Як на Петра у червні погода, то на рівнинах буде урода, але біда мешканцям гір: сонце збіжжя повипалює.

Показательна і «перекличка» Петрова дня с другими календарними датами:

Прийшов Петро – вирвав било, прийшов Ілля – вирвав два, а прийшов спас – бери рукавиці про запас, а прийшла Покрова – на дереві голо; Прийшов Петро – вирвав листок, прийшов Ілля – вирвав і два, а прийшов спас – бери рукавиці про запас, прийшла пречиста – на дереві чисто, прийшла покрова – на дереві голо; На Івана Купала баба муки не мала, на святого Петра пирогів напекла; На Івана нажала, на Петра напекла [23, 1: 392–393].

Як на Петрів день спека, то на Різдво – мороз;

На Петра – колос, на Іллю – жнина;

Йшло до Петра, тепер до Різдва;

За Петра Афонського сонце повертається на зиму, а літо на жару, а з Спиридона Сонцеворота сонце повертає на літо, а зима – на мороз;

Как уже подчеркивалось, календарная функция св. Петра является общей для всех восточных славян. Закономерен поэтому параллелизм многих украинских паремий данного типа с русскими и белорусскими. Он отмечается для некоторых из них и в сводном паремиологическом собрании М.М. Пазяка [23, 1: 393]:

Бабське літо до Петра тільки; Бабине літо тільки до Петра – Рос: Даль, 886; *Від Петра красне літо* – Рос: Даль, 886; *Зозуля кує тільки до Петра, а потім мандрикою вдавиться; Зозуля кує до Петра* – Рос: Даль, 887; біл.: Гр., 1, 104; *Соловейко співає до Петра* – Рос: Даль, 887. Ср. рус. *Не кукуется кукушке за Петров день (за Петра)* (Д 2, 215).

И действительно, русские источники фиксируют подобные пословицы с именем св. Петра и соответствующим днем:

Пётр и Павел два прибавил (т. е. два часа дня); кубан. *Пётр да Павел день убавил, а Илья-пророк два уволок*; пск., урал. *Пётр и Павел час убавил, [а] Илья-пророк [на] два уволок*, имеющие в виду 12 июля и 2 августа, когда дни идут на убыль [18: 653]. Корелляция с ветхозаветным пророком Ильей понятна: в народной традиции – он повелитель грома и дождя, от которого зависят плодородие и урожай. День памяти Ильи-пророка – 20 июля [11, 1: 92]. Ср. также *На святого Петра дождь – жито как хвощ*. Д 3, 106; *Коли есть метла да костра, будет хлеб до Петра; а синец да звонец – доведут хлебу конец!* Д 2, 322; Ил. 1915, 319; пск. *Метла да звонец – хлебу конец; костёр да метла – хватит хлеба до Петра*. СПП 2001, 134. Здесь звонец и синец – сорные травы, которые очень опасны для будущего урожая, если их не уничтожить до Петрова дня, т. е. 8 июля, а костёр и метла – луговые травы, не столь губительные для посева.

Петровка также и в русской традиции – название поста перед Петровым днём. Отсюда такие пословицы, как ряз. *Петровка – сухая*, а Петров день – скоромный. ДС 1969, 550 или *Петровка – голодовка, а Спасовка – ласовка* СРНГ 16, 278, где ласовка – время, когда едят обильно и вкусно. Ср. урал. *С Петровок кукушка всё куковать не станет, а после Егорьева дня куковала, она число знает* Мал. 2002, 3, 179, где *Петровки* – народная календарная дата (от 27 мая по 29 июня ст. ст.).

Белорусские пословицы с именем св. Петра [4, 1: 103–105] по своей календарной семантике соответствуют русинским, украинским и русским:

Пачынай касіць не з Пятра, а калі вырасце трава; Святы Пётра ў косы звоніць, а святы Паўла граблі робіць; Калі на Пятра пойдзець дождж, будзець жыта, як хвощ; Прышоў Пятро – забраў машок у

вядро; Чакай Пятра – з’ясі сыр; Ждзь Пятра – пад’ясі сыру; Да Пятра – з макатраг, на Пятры – у макатрыг; На Пятра баба хлеба напакла; Прышоў Пятрок – адарваў лісток; Прышоў Пятрок – апаў лісток, прышла прачыста – апалі ўсе чыста.

Как и в других регионах Восточной Славии, и в белорусском малом фольклоре наблюдается стабильная «перекличка» св. Петра со св. Ильёй: *К Пятру хлеба толькі ў вядру, а на Ілью хоць на печ налію, а як прышоў Спас, будзець хлеба з нас, а ўжо як прышла гаспажа – у нас хлеба поўна дзяжа; Прышоў Пятрок – адпаў лісток, прышла Ілля – адпала два; Прышоў Пятрок – адарваў лісток, прышоў Ілля – нарабіў гнілля; Прышоў Пятрок – апаў лісток, прышоў Ілля – апалі два, прышоў Барыс – асыпаўся ўвесь ліст; Прышоў Пятрок – апаў лісток, прышоў Ілля – апала два, прышоў Барыс – усё нагрыз, прышоў Міхал – усіх з поля паспіхаў; Прышоў Пятрок – апаў лісток, прышоў Ілля – апала два, прышла прачыста – стала чыста; Прышоў Пятрок – адпаў лісток, прышоў Ілля – адпалі два, прышла прачыстая – увесь лес чысты (пачысціла); Прышоў Пятрок – апаў лісток, прышло Ля – упала два, прышло ўспенне – усё абляцела; Прышоў Пятрок – апаў лісток, прышоў Ілья – апала два, прышлі святкі – апалі ўсе лісткі; Прышоў Пятрок – апаў лісток, прышла Ілья – апала два, а восень кажа: «Тут і я»; Прышоў Пятрок – час дня ўвалок, прышоў Ілья-прарок – два часа ўвалок. Ср. также корреляцию св. Петра со св. Кузьмой: *Святы Пятро жыта спеліць, святы Кузьма сякеры робіць, а святы Дзямян сена грабіць; Святы Пятро жыта спеліць, святы Кузьма сякеры робіць, а святы Дзямян сена грабіць.**

Аналогичны представления белорусов и о Петровке: *Пятроўка – галадоўка; Пятроўка – галадоўка, спасаўка – ласаўка; Хто ў пятроўку сена не косіць, той зімою ў сабак просіць.*

Такое обилие паремий «метеорологической» семантики характерно именно для восточнославянского ареала. За его пределами их практически нет – не случайно в собрании И. Франко под рубрикой «Господарське спостереження» [34, 2: 702] лишь для одной пословицы этого типа, зафиксированной в селе Сороки на Львовщине, – *До Петра не сподій сі тепла, а по Петрі вже й по теплі* составитель даёт отсылку на сборник словацких паремий: «*Pop. Zaturecky 227*», где в главе XIII «*Pranostiky a úkazy prírody*» приводится близкая параллель: *Do Petra nit sepla, a po Petre už je po seple* [40: 256]. Показательно, что оно записано в окрестностях городка Шариш (Veľký Šariš) неподалёку от Прешова (Prešov) в Северо-Восточной Словакии, где, как известно, до сих пор существует русинская диаспора. Возможно, это влияние русинского языка на словацкий, ибо подобные паремии и в капитальных паремиологических собраниях чешского и польского языков отсутствуют.

На этом фоне русинские поговорки *На жидьўські Петра* [21: 156] и *До жидьўських Петрїв* – ‘никогда’ [21: 108] выглядят, с одной стороны, национально специфичными, с другой – имеют прямое отношение к восточнославянским представлениям о св. Петре и связанным с ними календарным циклом. И в эту специфику «врывается» закономерность фольклорной «формулы невозможного». По христианским представлениям книжники и фарисеи были гонителями и Иисуса Христа, и его апостолов, одним из любимых был св. Пётр. День «первоверховных» святых Петра и Павла православные и католики отмечают 29 июня (по ст. стилю грегорианского календаря 12 июля). Понятно, что для последователей иудаизма такого праздника в принципе быть не может, что и отразили шутливые русинские обороты. Собственно, именно такое объяснение предлагает И. Франко для закарпатской (с. Горохолин) поговорки *віддам ти на жидівського Петра* [34, 1: 313]: «У жидів Петра нема, значить не віддам ніколи». В русских (псковских) же говорах можно найти и такое шутливое фразеологическое свидетельство популярности св. Петра, как оборот *При Петре-косаре* ‘очень давно, неизвестно когда; никогда’ [22, 15: 307; 31: 60]. О популярности же семантической модели русинских выражений свидетельствуют такие обороты, как *хмельн. на жидівського Юря* и *иван.-фр., львов. віддам довг на жидівське пушіння*, к которым также относится комментарий И. Франко: «Жиди не знають ніякого пушіння; знач. не віддам тобі ніколи» [22, 15: 307; 31: 60].

При всей их оригинальности в других языках можно найти аналогичные фразеологизмы, построенные по универсальной формуле невозможности. Таковы в украинском диалектном пространстве *на рахманський великдень* [19: 267], *полт. до кімлицьких заговін ждати, на кімлицькі заговіни* «никогда не дожждаться» [19: 267], *на рахманський великдень, кировоград. до японської паски, подольск. відкладати до індійської пасхи* ‘зволікати’ [9: 255] и под. Легко увидеть, что в этом ряду названы народы и культуры, не относящиеся к христианской вере: *кімлицький*, например, – это калмыцкий [3, 2: 244]. Ср. также *вин. на кінського Юра (Юрія), як рак свісне* [19: 262] и *одесск. На маленького Юрія* (КСРГО). Последние два выражения перекликаются с русинским фразеологизмом *Дав Бог Юря, не замерзне куря* [21: 85, 103], которое уже было объектом специального рассмотрения [16].

Популярны подобные фразеологические оксюмороны со значением ‘никогда; неизвестно когда; неопределённо долго; до времени, которое никогда не наступит, до бесконечности (делать что-л., ждать и т.д.)’ и в русской народной речи. Вот выборка из нашего «Большого словаря русских поговорок» [17]: *когда солнце задом оборотится (обернётся); когда солнышко взойдёт от заката; когда восток с*

западом сойдутся; когда Волга вверх потечёт; когда завтра будет вчера; когда песок на камне (по камню) взойдёт; волог. когда волк будет овцой, медведь стадоводником, свинья огородником; когда петух яйцо снесёт; когда сорока побелеет; когда плешак покудрявееет; когда на сосне груши будут... В этом ряду нетрудно найти и поговорки «псевдорелигиозного» характера: *когда чёрт перекрестится; на тот год, когда чёрт умрёт; в Вознесенье, когда будет оно в воскресенье; когда воскресенье будет в субботу; В понедельник после среды; новг. на Куликов день; влад. ни в отрод Божий.*

Один из самых популярных фразеологизмов такого ряда включает слово *заговенье* (от *говеть* – ‘поститься’). По православной традиции так называют последний день перед длительным постом, когда верующим ещё разрешено употреблять скоромную (т. е. мясную или молочную) пищу. В этот день обильно ели и веселились в преддверии ограничений и запретов, налагаемых постом (особенно Великим постом). Понятно, что в *заговенье* есть простую растительную пищу нелогично и соединение слова *заговенье* с «постной» *морковкой* осознавалось как шутивная «формула невозможного». Отсюда такие выражения, как *прост. на морковкино заговенье* [6: 343, 477; 12: 210]; *волг., ряз. (Мещ.), селигер., сиб. до морковкиного (морковкина) заговенья* [13: 184; 35: 76]; *прост. до морковного заговенья*; *онеж. до маковкина заговенья*; *пенз. до собачьего заговенья* [32: 39, 142]; *морд. после русалкиного (русальского)* [12: 210]; *кубан. на калмыцкий заговень* [32, 10: 13]; *коми. до моржова заговня* [8: 67]; *новг. кошкины заговены* ‘о том, что никогда не осуществится’ [32, 15: 150]; *горьк. до скорого заговенья* ‘до свидания’. Конечно, эта «формула невозможного» возникла по модели наименований церковных праздников и обрядов типа *до Филиппова заговенья* [2: 63–64]. Ср.: *смол. Масленские заговины* ‘последняя неделя перед великим постом’; *Маслено заговорено* ‘то же’ [32, 18: 12].

По образности и структурно-семантической модели к русинскому *на жидьўські Петра*, пожалуй, ближе всего русские выражения *на русский Байрам* и *на турецкую Пасху*. Будучи диалектически противоположными по внутреннему смыслу, они в то же время отражают шутивное восприятие «формул невозможности» на религиозную тематику разных конфессий. *Байрам*, или *ураза-байрам*, – это «праздник разговенья, окончания поста» в мусульманском календаре. Выражение, следовательно, оксюморон, основанный на логической невозможности мусульманского религиозного праздника у христиан, как и невозможности русинского *жидьўського Петра*. Такая же парадоксальная невозможность закодирована и в обороте *на турецкую Пасху*, поскольку христианский праздник Пасха, или Светлое

Христово Воскресение, установленный в честь воскресения Иисуса, не может быть у мусульман. Ведь для православных он – «праздник праздников и торжество из торжеств».

Как мы видели, шутливая «фольклорная формула» невозможности универсальна. Она показывает, что даже таким идеологически «маркированным» выражениям, как русинское, можно найти параллели и в других языках. При всей универсальности русинский народный фразеологизм, тем не менее, сохраняет свою национальную специфичность. Основываясь на общехристианском образе, он отражает присущую ему в Закарпатье календарную семантику, которая на фоне ее противопоставления с иной темпоральной традицией и рождает «оксюморон в действии».

Примечание

1. В целях экономии места точные данные об источниках (в сокращении) читатель найдёт в нашем словаре: Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц / под общ. ред. проф. В.М. Мокиенко. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с. Такие источники приводятся без квадратных скобок.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богатырев П.Г.* Формула невозможного в славянском фольклоре // Славянский филологический сборник. Уфа, 1962. С. 347–363.

2. *Гвоздарев Ю.А.* Основы русского фразеобразования. Ростов н/Д, 1977. 184 с.

3. *Грінченко Б.Д.* Словарь української мови. Т. 1–4. Київ, 1909, 1969, 1997 та ін.

4. *Даль В.И.* Пословицы русского народа. М.: Художественная литература, 1957. 992 с.

5. *Зимин В.И., Спирин А.С.* Пословицы и поговорки русского народа. М.: Скута, 1996. 544 с.

6. *Керча І.* Русинсько-російський словник: у 2 т. Понад 58 000 слів. Русинсько-руський словарь: в двух томах. Свыше 58 000 слов. Т. 1 (А–Н). 608 с. Т. 2 (О–Я). 608 с. Ужгород: ПолиПринт, 2007.

7. *Кобелева И.А.* Фразеологический словарь русских говоров республики Коми. Сыктывкар: изд-во Сыктывкарского ун-та, 2004. 312 с.

8. *Коваленко Н.Д.* Фразеологічний словник подільських і суміжних говірок. Кам'янець-Подільський: ТОВ «Рута», 2019. 412 с.

9. *Коваль В.И.* Язычество в языке и тексте. Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2021. 285 с.

10. *Королева Е.Е.* Диалектный словарь одной семьи (Пыталовский район Псковской области). Daugavpils: dpu Izdevnieciba „Saulē“, 2000. Ч. 1. 139 с.; Ч. 2. 123 с.
11. *Мокиенко В.М.* Образы русской речи. М.: Изд-во ЛГУ, 1986. 278 с.
12. *Мокиенко В.М.* Славянская фразеология. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1989. 287 с.
13. *Мокиенко В.М.* Образы русской речи. 3-е изд., испр. М.: Флинта; Наука, 2007. 462 с.
14. *Мокиенко В.М.* Праславянский след в русинской лексике и паремиологии: потя // Русин. 2021. № 66. С. 119–148. doi: 10.17223/18572685/66/8
15. *Мокиенко В.М.* Из паремиологического наследия русинского языка (орнитоним куриця, курка) // Русин. 2022. Т. 68. С. 184–207. doi: 10.17223/18572685/68/9
16. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений / под общ. ред. проф. В.М. Мокиенко. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 784 с.
17. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К.* Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц / под общ. ред. проф. В.М. Мокиенко. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.
18. *Номис М.* Українські приказки, прислів'я і таке інше: Зб. О.В. Марковича і других / Спорудив М. Номис. СПб., 1864.; 3-е вид. Київ: Либідь, 1993. 766 с.
19. *Онишкевич М.Й.* Словник бойківських говірок. Ч. 1. 495 с.; Ч. 2. 515 с. Київ: Наукова думка, 1984.
20. *Пол Д.* Русинско-украинско-русский и русско-русинско-украинский фразеологические словари. Ужгород, 2011. 241 с.
21. Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах. Складанне, сістэматызацыя тэкстаў, ўступны артыкул і каментарыі М.Я. Грынблата. Т. 1. 560 с.; т. 2. 616 с. Мінск: Навука і тэхніка, 1976.
22. Псковский областной словарь с историческими данными. Основан Б.А. Лариным. Вып. 1–28. Л.; СПб.: Изд-во ЛГУ–СПбГУ, 1967–2020. (издание продолжается)
23. Прислів'я та приказки / упорядник М.М. Пазяк. Київ: Наукова думка. Т. 1: Природа. Господарська діяльність людини. 1989. 479 с.; Т. 2: Людина. Родинне життя. Риси характеру. 1990. 524 с.; Т. 3: Взаємини між людьми. 1991. 440 с.; Т. 4: Українські прислів'я, приказки та порівняння з літературних пам'яток. 2001. 392 с.
24. *Ринкер Ф., Майер Г.* Библейская энциклопедия Брокгауза: Christliche Verlagsbuchhandlung Paderborn, 1999. 1089 с.
25. *Рошияну Н.* Традиционные формулы сказки. М., 1974. 215 с.
26. *Рыбникова М.А.* Русские пословицы и поговорки. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 230 с.

27. Рязановский Л.М. Идеографические аспекты немецкой фразеологии (темпоральная фразеология). СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 199 с.
28. Сабадощ І. Словник закарпатської говірки села Сокиринця Хустського району. Ужгород: Ліра, 2008. 480 с.
29. Славянские древности. Этнолингвистический словарь под редакцией Н.И. Толстого. Т. 1: А–Г. М.: Международные отношения, 1995. 584 с.; Т. 2: Д–К (Крошки). М.: Международные отношения, 1999. 697 с.; Т. 3: К (Круг) – П (Перепёлка). М.: Международные отношения, 2004. 704 с.; Т. 4, 5. М.: Международные отношения, 2013.
30. Соколова М.И. Народная мудрость. Пословицы и поговорки. Новосибирск: ЗАО ИПП «Офсет», 2009. 622 с.
31. Словарь псковских пословиц и поговорок / сост. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина; науч. ред. Л.А. Ивашко. 13 000 единиц. СПб.: Норинт, 2001. 176 с.
32. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова; гл. ред. С.А. Мызников. Вып. 1–52. Л.; СПб., 1965–2021. (издание продолжается).
33. Толстая С.М. Наблюдения над сербскими заговорами: формулы аномальности // Славянский мир в настоящем и прошлом. Памяти Владимира Павловича Гудкова. М.: МАКС Пресс, 2022. С. 151–158.
34. Франко І. Галицько-руські приповідки: у 3 т. / зібрав, упорядкував і пояснив д-р Іван Франко. Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, 2006. (Первое издание: 1901–1909 гг.).
35. ФСС: Фразеологический словарь русских говоров Сибири / сост. Л.Г. Панин, Л.В. Петропавловская, А.И. Постнова, А.И. Федоров; под ред. А.И. Федорова. Новосибирск: Наука, 1983. 232 с.
36. Bachmannová J., Suksov V. Jak se to řekne jinde. česká přísloví a jejich jinojazyčné protějšky. Praha: EUROMEDIA – Knižní klub, 2008. 1. vyd. 384 s.
37. Čelakovský F.L. Mudrosloví národu slovanského ve příslovích. Připojena jest sbírka prstonárodních českých pořekadel. Uspořádal a vydal František Lad. Čelakovský. Praha: nakl. Vyšehrad, 1949. 922 s. (1-e изд. 1852).
38. Flajšhans V. Česká přísloví. Sbíрка přísloví, přípo-vídek a pořekadel lidu Českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku. Díl I. Přísloví staročeská. Díl I (A–N), díl II (O–Ru). Praha: Česká akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění, 1911–1913; 2-é, rozšířené vydání. Předmluva V. Mokienko, komentáře V. Mokienko, L. Stěpanova. Editors Valerij Mokienko, Ludmila Stěpanova. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2013.
39. Taylor A. Locutions for 'Never' // Romance Philologie. 1948–1949. N2. P. 103–134.
40. Záturský A.P. Slovenské príslovia, porekadlá a úslovia. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry. 394 s.

REFERENCES

1. Bogatyrev, P.G. (1962) Formula nevozmozhnogo v slavyanskom fol'klore [The formula of the impossible in Slavic folklore]. In: Barag, L.G. (ed.) *Slavyanskiy filologicheskiiy sbornik* [Slavic Philological Collection]. Ufa: BSU. pp. 347–363.
2. Gvozdev, Yu.A. (1977) *Osnovy russkogo frazeologicheskogo slovar'ya* [Basics of Russian Phrase Formation]. Rostov on Don: Rostov State University.
3. Grinchenko, B.D. (1909, 1969, 1997 etc.) *Slovar' ukrains'koi movy* [The Dictionary of Ukrainian Language]. Kyiv: [s.n.].
4. Dal', V.I. (1957) *Posloviitsy russkogo naroda* [Proverbs of the Russian People]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
5. Zimin, V.I. & Spirin, A.S. (1996) *Posloviitsy i pogovorki russkogo naroda* [Proverbs and Sayings of the Russian People]. Moscow: Syuita.
6. Kercha, I. (2007). *Rusin'sko-rosiys'kiy slovník: u 2 t.* [Rusin-Russian Dictionary]. Uzhhorod: PoliPrint.
7. Kobeleva, I.A. (2004) *Frazeologicheskiiy slovar' russkikh govorov respubliki Komi* [A Phraseological Dictionary of Russian Dialects of the Komi Republic]. Syktyvkar: Syktyvkar State University.
8. Kovalenko, N.D. (2019) *Frazeologicheskiiy slovník podil'skikh i sumizhnikh govirok*. Kamyanets-Podilsky: Ruta.
9. Koval, V.I. (2021) *Yazychestvo v yazyke i tekste* [Paganism in Language and Text]. Gomel: GSU named after F. Skorina.
10. Koroleva, E.E. (2000) *Dialektnyy slovar' odnoy sem'i (Pytalovskiy rayon Pskovskoy oblasti)* [A Dialect Dictionary of One Family (Pytalovsky district of the Pskov Region)] Daugavpils: Saule.
11. Mokienko, V.M. (1986) *Obrazy russkoy rechi* [Images of Russian Speech]. Moscow: Leningrad State University.
12. Mokienko, V.M. (1989) *Slavyanskaya frazeologiya* [Slavic Phraseology]. 2nd ed. Moscow: Vysshaya shkola.
13. Mokienko, V.M. (2007) *Obrazy russkoy rechi* [Images of Russian Speech]. 3rd ed. Moscow: Flinta; Nauka.
14. Mokienko, V.M. (2021) Proto-Slavic trace in Rusin lexis and paremiology: *potya*. *Rusin*. 66. pp. 119–148 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/66/8
15. Mokienko, V.M. (2022) From paremiological heritage of the Rusin language (ornithonyms 'kuritsya', kurka). *Rusin*. 68. pp. 184–207.
16. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2008) *Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok* [Large Dictionary of Russian Proverbs]. Moscow: OLMA Media Grupp.
17. Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. & Nikolaeva, E.K. (2010) *Bol'shoy slovar' russkikh posloviits* [Large Dictionary of Russian Proverbs]. Moscow: OLMA Media Grupp.
18. Nomis, M. (1993) *Ukrains'ki prikazki, prisliv'ya i take inshe*. Kyiv: Libid'.
19. Onishkevich, M.Y. (1984) *Slovník boykiv'skikh govirok*. Kyiv: Naukova dumka.

20. Pop, D. (2011) *Rusinsko-ukrainsko-russkiy i russko-rusinsko-ukrainskiy frazeologicheskie slovari* [Rusin-Ukrainian-Russian and Russian-Rusin-Ukrainian Phraseological Dictionaries]. Uzhhorod: [s.n.].

21. Grynblat, M.Ya. (ed.) (1976) *Prykazki i prymauki ŷ dzvyukh knigakh* [Proverbs and sayings in two books]. Minsk: Navuka i tekhnika.

22. Larin, B.A. (ed.) (1967–2020) *Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi* (1967–2020) [The Pskov Regional Dictionary with Historical Data]. Leningrad, St. Petersburg: LSU–SPbSU.

23. Pazyak, M.M. (ed.) (1989–2001) *Prislív'ya ta prikazki* [Proverbs and Sayings]. Kyiv: Naukova dumka.

24. Rineker, F. & Mayer, G. (1999) *Bibleyskaya entsiklopediya Brokgauza* [The Brockhaus Biblical Encyclopedia]. Paderborn: Christliche Verlagsbuchhandlung.

25. Roshianu, N. (1974) *Traditsionnye formuly skazki* [Traditional fairy tale formulas]. Moscow: Nauka.

26. Rybnikova, M.A. (1961) *Russkie poslovitsy i pogovorki* [Russian Proverbs and Sayings]. Moscow: USSR AS.

27. Ryazanovskiy, L.M. (1997) *Ideograficheskie aspekty nemetskoj frazeologii (temporal'naya frazeologiya)* [Ideographic Aspects of German Phraseology (Temporal Phraseology)]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

28. Sabadosh, I. (2008) *Slovník zakarpats'koi govorki sela Sokirnit'sya Khust'skogo rayonu* [Dictionary of the Transcarpathian Dialect of the village Sokyrnitsya, Khust district]. Uzhhorod: Lira.

29. Tolstoy, N.I. (ed.) (1995–2013) *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvističeskij slovar'* [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

30. Sokolova, M.I. (2009) *Narodnaya mudrost'. Poslovitsy i pogovorki* [Folk Wisdom. Proverbs and Sayings]. Novosibirsk: Ofset.

31. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2001) *Slovar' pskovskikh poslovits i pogovork* [Dictionary of Pskov Proverbs and Sayings]. St. Petersburg: Norint.

32. Filin, F.P. & Sorokoletov, F.P. (ed.) (1965–2021) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Leningrad – St. Petersburg: Nauka.

33. Tolstaya, S.M. (2022) Nablyudeniya nad serbskimi zagovorami: formuly anomal'nosti [Observations on Serbian Charms: Formulas of Anomaly]. In: Yakushkuna, E.I. (ed.) *Slavyanskiy mir v nastoyashchem i proshlom. Pamyati Vladimira Pavlovicha Gudkova* [Slavic World in the Present and Past. In memory of Vladimir Gudkov]. Moscow: MAKSS Press. pp. 151–158.

34. Franko, Í. (2006). *Galits'ko-rus'ki pripovidki: u 3 t.* [Galician-Russian sayings. In 3 vols]. Lviv: LSU.

35. Panin, L.G., Petropavlovskaya, L.V., Postnova, A.I. & Fedorov, A.I. (1983) *Frazeologicheskiy slovar' russkikh govorov Sibiri* [FSS: Phraseological Dictionary of Russian Dialects of Siberia]. Novosibirsk: Nauka.

36. Bachmannová, Ja. & Suksov, V. (2008) *Jak se to řekne jinde. česká přísloví a jejich jinojazyčné protějšky*. Praha: EUROMEDIA – Knižní klub.
37. Čelakovský, F.L. (1949) *Mudrosloví národu slovanského ve příslovích. Připojena jest sbírka prstonárodních českých pořekadel*. Praha: nakl. Vyšehrad.
38. Flajšhans, V. (2013) *Česká přísloví. Sběrka přísloví, příslovídek a pořekadel lidu Českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku*. 2nd ed. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci.
39. Taylor, A. (1948–1949) Locutions for 'Never'. *Romance Philologie*. 2. pp. 103–134.
40. Záturecký, A.P. (n.d.) *Slovenské príslovia, porekadlá a úslovia*. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatury.

Мокиенко Валерий Михайлович – доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Valerii M. Mokienko – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: mokienko40@mail.ru

Никитина Татьяна Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Tatiana G. Nikitina – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: cambala2007@yandex.ru

УДК 801.612, 811.163, 811.14, 811.16

UDC

DOI: 10.17223/18572685/75/7

Происхождение одной восточнославянской редакции текста Книги деяний апостольских (еще раз к вопросу о языковой избыточности)

И.С. Пекунова

Российский государственный гуманитарный университет

Россия, 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, 6

E-mail: irapek@gmail.com

Авторское резюме

Продемонстрирован любопытный случай взаимовлияния близкородственных славянских идиомов, функционировавших в качестве богослужебных и шире – книжных – языков в эпоху позднего средневековья. Речь идет о специфике русского церковнославянского перевода одного стиха из Книги деяний апостольских (9: 34). Попытка исследовать историю церковнославянских редакций обсуждаемого текста показывает, что в славянской традиции представлены три основные редакции. Происхождение двух из них в целом вполне прозрачно, а именно одна из редакций представляет собой непосредственный перевод византийского греческого текста, а другая – своего рода гармонизацию этого текста с семантически аналогичным эпизодом исцеления расслабленного, представленным с некоторыми вариациями во всех четырех Евангелиях. Однако никаких текстологических причин возникновения третьей – восточно-церковнославянской и наследующей ей русской синодальной редакции – обнаружить не удастся. Ключом к проблеме происхождения этой восточнославянской редакции оказываются обстоятельства чисто лингвистические – и даже уже – собственно акцентологические, связанные с колебанием ударения глагольных форм повелительного наклонения в южнославянском ареале при отсутствии такого рода колебаний в восточнославянских диалектах, с одной стороны, и различным акцентным оформлением двух однокоренных лексем – глагола и существительного – представленных в обсуждаемых альтернативных редакциях фрагмента Книги деяний – с другой. По нескольким памятникам удастся проследить, как восточнославянские писцы, спутавшие глагольную форму, имеющую непривычное для них южнославянское ударение, с нормально, с их точки зрения, акцентованной

формой существительного, вносили в текст соответствующую правку, приведшую в итоге к появлению совершенно новой текстологической редакции фрагмента. В заключение приводится ряд замечаний о техниках перевода и проблемах избыточности текста. Основное утверждение здесь состоит в том, что рассмотренной в основной части статьи переводческой коллизии могло бы и не быть, если бы в первоначальном славянском переводе нашла отражение некоторая языковая избыточность, имеющаяся в греческом оригинале. Однако, по-видимому, славянские переводчики отдали предпочтение лаконизму текста.

Ключевые слова: акцентология, текстология, церковнославянский язык русского извода, славянская средневековая книжность, переводы Библии, южнославянские языки, восточнославянские языки

The origin of one East Slavic edition of the text of the Book of Acts of the Apostles (linguistic redundancy reviewed)

Irina S. Pekunova

Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya sq., Moscow, GSP-3, 125993, Russia
E-mail: irapek@gmail.com

Abstract

The article focuses on a curious case of mutual influence of closely related Slavic idioms functioning as liturgical and, more widely, bookish languages in the late Middle Ages, namely on the specificity of the Russian Church Slavonic translation of a verse from the Acts of the Apostles (9: 34). An attempt to study the history of Church Slavonic editions of the text under discussion shows that three main editions are represented in the Slavonic tradition. The origin of two of them is generally quite transparent: one is a direct translation of the Byzantine Greek text; the other is a kind of alignment of the text with the semantically similar episode of the healing of the paralytic, presented with some variations in all four Gospels. However, no textual reasons for the emergence of the third – Eastern Church Slavonic and the Russian Synodal edition that succeeds it – can be found. The key to the origin of this East Slavonic version is purely linguistic – and even less so, accentological – circumstances connected with the fluctuation of the stress of the imperative mood verb forms in the South Slavic area in the absence of such fluctuations in the East Slavic dialects, on the one hand, and the different accentuation

of two similar lexemes – a verb and a noun – represented in alternative editions of the Book of Acts fragment under discussion, on the other. Several book monuments show how East Slavic scribes, who confused the verb form, which had an unusual South Slavic accent, with the normally accented noun form, made the appropriate corrections to the text, resulting in a completely new textual version of the fragment. Finally, a number of remarks are made about translation techniques and the problems of textual redundancy. The main assertion here is that the translation collision discussed in the main part of the article might not have occurred if the original Slavic translation had reflected some of the linguistic redundancy present in the Greek original. However, the Slavic translators apparently preferred the laconism of the text.

Keywords: accentology, textology, Church Slavonic language of Russian edition, Slavic medieval bookishness, Bible translations, South Slavic languages, East Slavic languages

1. Общие замечания. Настоящая заметка посвящена одному небольшому сюжету, касающемуся церковнославянского текста Книги деяний апостольских. Этот сюжет привлек внимание автора в ходе работы по акцентному описанию средневековых южнославянских рукописей. Среди неизбежно попадающих в поле зрения лингвиста текстологических вопросов он показался настолько любопытным, что, не будучи в узком смысле текстологом, я решаюсь поделиться им с коллегами и, возможно, обратить на него внимание специалистов.

Речь идет о фрагменте Деян. 9: 32–35, повествующем о том, как апостол Петр именем Иисуса Христа исцеляет парализованного Энея – жителя г. Лидды (совр. Лод в Израиле), расположенного недалеко от Иоппии (совр. Яффа), к юго-востоку от прибрежной равнины Сарон (Шарон).

Вот этот текст в Русском синодальном переводе:

³² Случилось, что Петр, обходя всех, пришел и к святым, живущим в Лидде.

³³ Там нашел он одного человека, именем Энея, который восемь уже лет лежал в постели в расслаблении. ³⁴ Петр сказал ему: Эней! исцеляет тебя Иисус Христос; встань с постели твоей. И он тотчас встал. ³⁵ И видели его все, живущие в Лидде и в Сароне, которые и обратились к Господу.

Данный отрывок входит в 23-е литургическое зачало богослужебного Апостола (Деян. 9: 32–43) вместе с рассказом о воскрешении ученицы Тавифы (букв. «олень, серна») в Иоппии. Краткие фактические и лингвистические комментарии к греческому тексту, а также дальнейшую библиографию можно найти в книгах [5: 92–98] и

[9: 417–418]. Что касается текстологической истории церковнославянского перевода нашего отрывка, ряд сведений содержится в труде [10: 86–88], однако те варианты, о которых пойдет речь ниже, насколько мне известно, в литературе не обсуждались.

2. Редакции славянского текста. Нас будет интересовать стих 34, содержащий прямую речь апостола Петра и ответное действие Энея. Текст этого стиха имеет в славянской традиции три основных редакции: А, В, С, образцы которых приведены в (1).

(1). Три редакции Деян. 9: 34. Образцы.

- A.** И сказал ему Петр: Эней, исцеляет тебя Иисус Христос.

Встань и перестели себе постель. И он тотчас встал.

Перевод еп. Кассиана Безобразова, 1970

- B.** Петр сказал ему: Эней! исцеляет тебя Иисус Христос;

встань с постели твоей. И он тотчас встал.

Русский синодальный перевод, 1877

- C.** И рече ему Петръ. Енея, исцѣляет тя Іс ХС.

въстани възми ѡдръ свои. и абѣ въста

Геннадиевская библия, рукопись, 1499 г.; орфография упрощена, букв.:

И сказал ему Петр: Эней, исцеляет тебя Иисус Христос.

Встань, возьми постель свою. И он тотчас встал.

Как видно, варианты текста связаны со словами Петра относительно постели больного: тот должен встать с постели и либо (в редакции А) заправить (перестелить) ее, либо (в редакции С) взять (и носить с собой), либо, наконец (в редакции В), не предпринимать с ней никаких особенных действий.

Посмотрим на область распространения обсуждаемых вариантов в славянском мире (2). Помимо позднейших изданий, в таблицу включены данные по рукописной традиции до широкого распространения книгопечатания и по книгам церковнославянской печати восточнославянской зоны¹.

(2). Три редакции Деян. 9: 34. Распространение.

- A.** «**Встань и перестели себе постель**»

XII–XVI вв.: многие ц.-слав. рукописи – южно- и восточнославянские;

XIX–XXI вв.: новые переводы на все славянские языки, включая русский (а также греческий текст и все его неславянские переводы).

- B.** «**Встань с постели твоей**»

конец XV–XVI вв.: ряд рукописей восточнославянской диалектной зоны;

XVI–XXI вв.: все (восточнославянские) книги церковной печати, начиная с Апостола Ивана Федорова (1564) до современности;

XIX в.: Русский синодальный перевод (ред. 1862–1876 гг.).

С. «Встань, возьми постель свою»

XII–XVI вв.: многие ц.-слав. рукописи – южно- и восточнославянские.

Из (2) видно, что в новейших переводах на живые славянские языки господствует редакция А. Исключение здесь представляет только Русский синодальный перевод конца XIX в., представляющий вместе с церковнославянской печатной традицией редакцию В.

В славянской рукописной традиции представлены все три редакции, однако редакция В ограничена восточнославянской диалектной зоной и сравнительно поздним временным периодом (начиная с XV в., ср. востани с постела твоеа – РГБ. Ф. 304/І. № 78. 1464/1468 гг. Л. 34б.), тогда как для редакций А и С такие ограничения отсутствуют. Так, из памятников XII в. редакция А представлена в Слепченском апостоле (въстани постели себѣ – РНБ. Ф.п.І.101. Л. 8б.), а редакция С – в Охридском апостоле (встани възми одръ свои – РГБ. Ф. 87. № 13. Л. 3б.).

Естественно, встает вопрос о происхождении выделенных вариантов. Для редакции А ответ очевиден – речь идет о более или менее буквальном переводе греческого оригинала. Ср. по византийскому тексту: καὶ εἶπεν αὐτῷ ὁ Πέτρος Αἰνέα ἰάται σε Ἰησοῦς Χριστὸς ἀνάστηθι καὶ στρώσον σεαυτῷ καὶ εὐθέως ἀνέστη (Праз. 9: 34)².

Происхождение редакции С тоже достаточно прозрачно. Нетрудно видеть, что этот вариант текста представляет собой своего рода контаминацию или, возможно, «гармонизацию» с похожими эпизодами исцеления, описанными в Евангелиях. Таковы отрывки Мф. 9: 2–7; Мк. 2: 3–11; Лк. 5: 18–25, повествующие об исцелении парализованного, принесенного к Иисусу друзьями, а также рассказ Ин. 5: 2–9 о расслабленном, лежавшем 38 лет у Овчей купели в Иерусалиме. Ключевые цитаты из этих отрывков приведены в (3).

(3). Исцеления парализованных в Евангелии.

... тогда говорит расслабленному: встань, возьми постель твою, и иди в дом твой (Мф. 9: 6);

... тебе говорю: встань, возьми постель твою и иди в дом твой (Мк. 2: 11);

... сказал Он расслабленному тебе говорю, встань, возьми постель твою и иди в дом твой (Лк. 5: 24);

Иисус говорит ему: встань, возьми постель твою и ходи (Ин. 5: 8).

Прием согласования внутри новозаветного текста хорошо известен и встречается, часто в качестве редакторской правки, уже в ранних

греческих рукописях, ср. знаменитую правку в Евангелии от Луки: «блаженны нищие» (первоначальный текст Лк. 6: 20) на «блаженны нищие духом» (текст, согласованный с Мф. 5: 3) и под. В нашем случае подобной гармонизации текста могло способствовать и то обстоятельство, что отрывок из книги Деяний об исцелении Энея вместе с 14-м зачалом Евангелия от Иоанна (Ин. 5: 1–16) входит в уставное литургическое чтение недели 4-й по Пасхе «О расслабленном».

Таким образом, вариант, представленный редакцией С, – это вариант собственно текстологический, он мог возникнуть даже не в славянской, а еще в греческой традиции и попасть на славянскую почву как перевод с альтернативного греческого протографа.

Что же касается происхождения редакции В, здесь каких-то ясных текстологических оснований обнаружить не удастся. При этом обращает на себя внимание ограниченное распространение редакции В, как по диалектной принадлежности рукописей, содержащих эту редакцию, так и по их датировке. Тот факт, что редакция В представлена только в восточнославянских памятниках, датируемых не ранее XV в., подталкивает к поиску конкретно-языковых и (или) исторических обстоятельств ее возникновения.

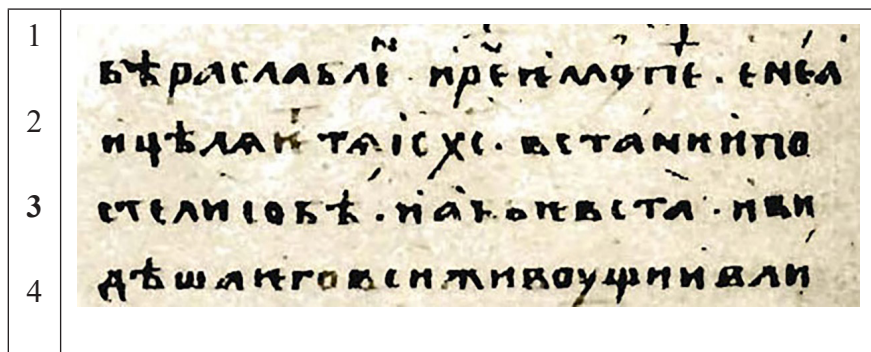
3. Редакции славянского текста. Данные акцентологии. По отношению к церковнославянским текстам, в особенности по отношению к текстам Священного Писания, следует учитывать, что диалектная специфика в них проявляется крайне ограниченно, даже в области графико-фонологической, не говоря уже о морфологии, лексике или синтаксисе. Единственная зона, где писцы, по-видимому, следовали своему живому произношению, а не протографу или определенной грамматической норме, это зона акцентуации³. В значительном количестве славянские акцентованные рукописи появляются с XIV в., и нередко только характер ударения позволяет установить диалектную принадлежность памятника.

Просмотр достаточно большого доступного массива славянских акцентованных памятников, содержащих текст Деяний апостольских, показывает, что если для редакций В и С значительных акцентных вариаций не наблюдается, то для редакции А можно выделить два основных акцентных варианта. В первом из них императив посте-ли к постылати имеет ожидаемое в соответствии с праславянской акцентной характеристикой данного глагола конечное ударение постели́, а во втором – перестроенное (оттянутое) ударение на корне: постѣли.

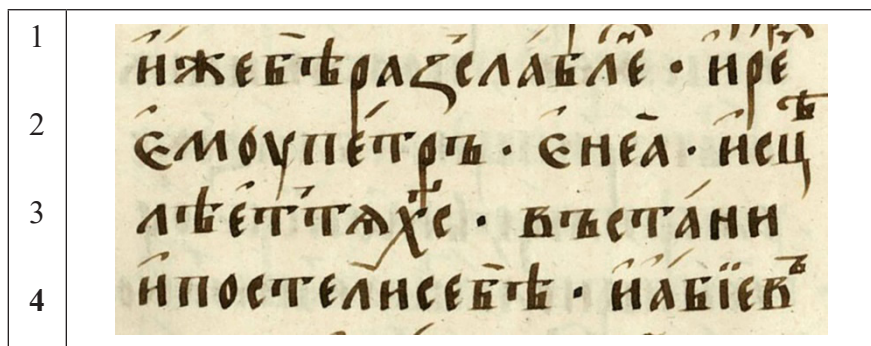
Вариант с конечным ударением представлен как в южнославянских, так и в восточнославянских рукописях (ср. восточнославянские иллюстрации в (4), выделены соответствующие строки).

Вариант с корневым ударением представлен в ряде южнославянских рукописей (в частности, в подробно исследованном мной штокавском Апостоле 889 из НБКМ в Софии), а также в нескольких памятниках восточнославянской зоны, имеющих заметные следы южнославянского влияния. Так, в (5) в качестве иллюстрации приведен отрывок, в котором, помимо акцентологических (в частности, корневого ударения императива постѣли), массово представлены чисто графические южнославянизмы – употребление буквы «юс большой» и смешение ее с буквой «юс малый» и некоторые другие.

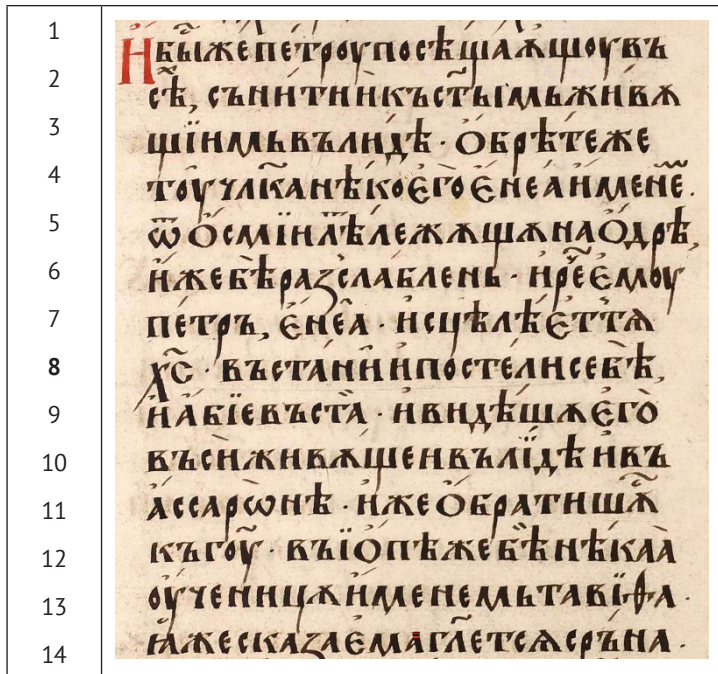
(4-1). Чудовский Новый Завет 1355 г. (фототипия 1892 г.). Л. 64г.

(4-2). Апостол-апракос РНБ Кир.-Бел. 90/95. XV – начало XVI в. Л. 52.

(5). РГБ. Ф. 98. № 121. 2-я треть XV в. Л. 306.

4. Способы адаптации акцентных диалектизмов. С точки зрения славянской исторической акцентологии, корневое ударение в императиве *постѣли* представляет собой специфическую южнославянскую новацию, состоящую в передвижении ударения, в особенности с конечных слогов, на слог влево – ближе к началу словоформы. Такого рода оттяжки характерны для многих южнославянских диалектов, ср. так называемую новоштокавскую оттяжку, результаты которой представлены в литературном сербском языке и современных штокавских говорах, когда всякое нена начальное ударение сдвигалось на слог влево (с определенными интонационными модификациями), или ударение в македонском языке, фактически приобретшее в результате действия оттяжек фиксированный характер.

Формы с подобными южнославянскими диалектными чертами нередко проникали в восточнославянские рукописи в рамках так называемого второго южнославянского влияния XIV–XVI вв., когда бежавшие от турецкого владычества южнославянские книжники, часто вместе со своими книгами, находили убежище на территории Руси. Адаптация этого южнославянского влияния в области акцентологии

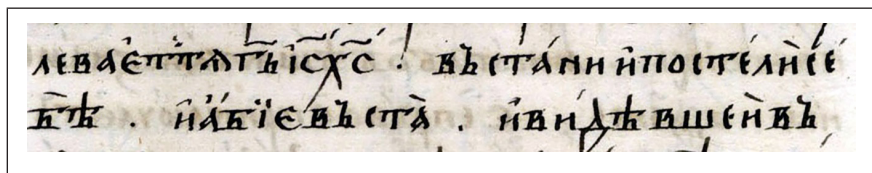
сводилась в восточнославянской зоне к двум основным тенденциям.

С одной стороны, некоторые южнославянские акцентовки закреплялись как специфически книжные варианты наряду с уже привычными морфонологическими южнославянизмами (прежде всего, неполногласием). Так, корневое ударение в формах слова перст «палец»: пёрста, пёрстѣ трактовалось как «книжное», «высокое», по сравнению с разговорным перста́, перстѣ́, точно так же, как неполногласное брѣгъ представляло «высокий, книжный» регистр по сравнению с разговорным берегѣ́ (см. подробнее [2: 195–198]).

С другой стороны, южнославянские акцентные диалектизмы, не получившие такого рода «книжного» статуса, по крайней мере, уже с конца XV в. достаточно последовательно устранялись восточнославянскими книжниками и при переписывании, и в порядке правки церковных книг. К этой последней категории относится и ударение императива постѣ́ли в интересующем нас фрагменте.

Соответствующие исправления мы находим в ряде русских рукописей XV–XVI вв. Речь может идти о постановке нового акцентного знака, отмечающего правильное, с точки зрения справщика, место ударения, причем изначальный акцентный знак не всегда соскабливался (ср. устранение обоих сдвинутых ударений в постѣ́ли се-бѣ́ – см. (6)). Кроме того, писцы часто не акцентуировали проблемные с точки зрения ударения места протографов при переписывании – таким образом, формально соблюдая верность и оригиналу, и собственной языковой компетенции (ср. достаточно последовательно акцентуированный текст с пропуском ударений во второй половине стиха 34 – см. (7)).

- (6). Иоанн Златоуст. Толкование на Деяния и послания апостолов. РНБ. F.I.516. 1516 г. Л. 80. Правка ударений.

Пропуск ударений.

1
2
3
4
5
6
7
8

(8). Апостол. РНБ. Кир.-Бел. 95/100 XV в. Л. 376.
Замена редакции текста.

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7**
- 8
- 9
- 10

5. Происхождение восточнославянской редакции. Наконец, как нетрудно заметить русскоязычному читателю, акцентный диалектизм постѣли (повел. к глаголу посты́лати), встречающийся в обсуждаемом тексте, омонимичен общеславянской именной форме: постѣли (дат.-местн., часто в русских памятниках также род. к существительному постѣля или зафиксированному начиная с XVII в. постѣль, см. (9)).

(9). Морфологическая переинтерпретация:

	Глагол	Существительное	
	постылати (3 кл. ImvSg)	постеля (а-скл. DLSg, GSg)	постель (i-скл. DLGSg)
в.-слав.	постели	постѣли , постѣля	постѣли
ю.-слав.	постели / постѣли		

Эта омонимия, как представляется, могла подтолкнуть восточнославянских книжников к дальнейшей морфосинтаксической переинтерпретации текста. Во-первых, встретив в тексте форму постѣли, читатель интерпретирует ее как форму существительного, которая сопровождается дат. падежом возвратного местоимения себѣ. Поскольку в рамках атрибутивной конструкции в славянских языках (в том числе в церковнославянском) взаимозаменяемы дательный и родительный падеж имен, а также дательный падеж личных местоимений и соответствующие притяжательные местоимения (см. (10)), сочетание постѣли себѣ может быть воспринято как постѣли своеи (дат.) или постѣля своя (род.).

(10). Атрибутивная конструкция в церковнославянском:

1) Gen = Dat: двѣри гроба (G) = двѣри гробу (D),
2) притяж. мест. = личн. мест. в Dat: сестра моя (PronAdj) = сестра мѣнѣ/ми (D PronPrs).
Тогда: постѣли себѣ (D Subst + D PronPrs) = постѣля своя (G Subst + G PronAdj), въстѣни (и) постѣли себѣ = въстѣни (и) постѣли своеи = въстѣни (и) постѣля своя

Вместе с левым контекстом (императивом въстани) наше именное словосочетание составляет цельную реплику, и потому естественно интерпретировать его как актантное зависимое при императиве. Глагол въстати допускает при себе разные предложно-падежные группы с локативными значениями: въстати къ + Dat, въстати отъ/съ + Gen, въстати на + Loc и т.п. Наличие в исходном тексте союза и могло подтолкнуть к, быть может, несколько корявому, но в целом приемле-

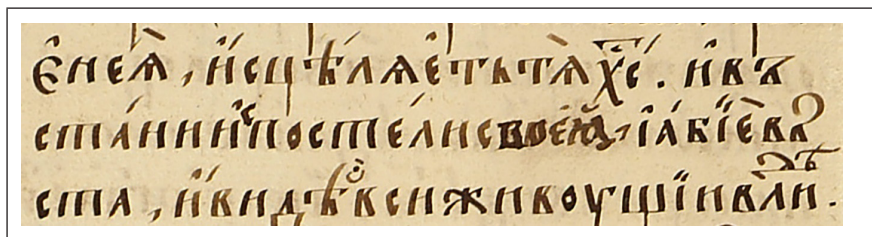
мому прочтению с предлогом из/ис/изъ: въстани и(с) постели своея «встань из своей постели», которое уже совсем близко к варианту русских церковнославянских печатных книг.

Таким образом, один из вариантов правки текста, содержащего форму с непривычным южнославянским ударением, как представляется, мог привести к возникновению нашей редакции В.

В самом деле, подтверждение такого развития обнаруживается непосредственно в рукописях. В (11) представлена цитата из Апостола XVI в., содержащего правку исходной редакции А, в деталях иллюстрирующую описанную выше переинтерпретацию текста.

В цитате показана вся реплика апостола Петра, обращенная к больному Энею. Легко видеть, что во фрагменте ипостѣлис(ебѣ) последняя буква (ѣ) соскоблена, вместо нее почерком справщика написаны буквы [е] и [а йотированное], причем начерк [е] заметно отличается от оригинального, далее поверх двух предшествующих букв (еб) выписана последовательность [во], снова неоригинальных начерков, наконец, к начальному в этом фрагменте союзу и сверху приписана буква [с], превращающая его в предлог ис.

(11). Апостол. РГБ. Ф. 304/1. № 72. XVI в. Л. 436.

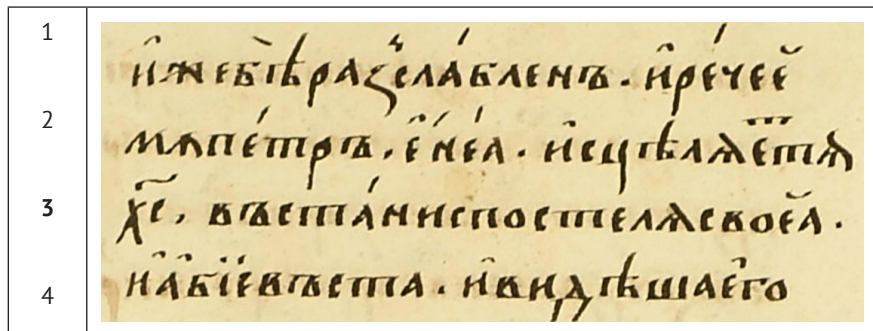

6. Бытование восточнославянской редакции. Итак, новая восточнославянская редакция Деян. 9: 34 родилась и, как мы видим из дальнейшей традиции, прочно вошла в жизнь – из одного акцентного диалектизма возникла самостоятельная текстологическая версия! В настоящем разделе мы обратимся к образцам бытования этой редакции в рукописях и позднее закрепившемуся печатному ее варианту.

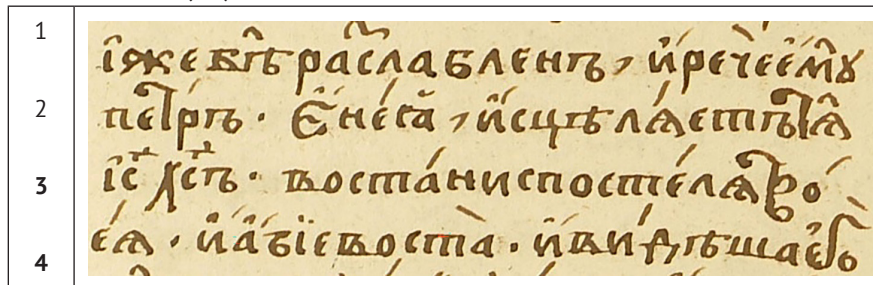
В (12)–(15) приведены иллюстрации из нескольких рукописей, содержащих редакцию В уже не в виде правки, а как основной текст. Здесь представлены некоторые варианты. Во-первых, последовательность из двух [и] в цепочке встани испостели легко заменяется на одиночное [и], тем самым исправляя предлог из/ис на более синтаксически уместный с/со (ср. (12)). Во-вторых, определенные вариации возможны в форме местоимения, согласованного с существительным постеля: притяжательное возвратное своея может быть свободно

заменено на притяжательное 2-го лица твоея (ср. (13)), кроме того в этой позиции встречается форма указательного местоимения – сея (к сь «этот», ср. (14)), появление которой, возможно, спровоцировано заменой изначального себѣ на энклитическую форму си в редакции А и последующим переосмыслением этой формы как формы указательного местоимения (им. ед. ж. к сь).

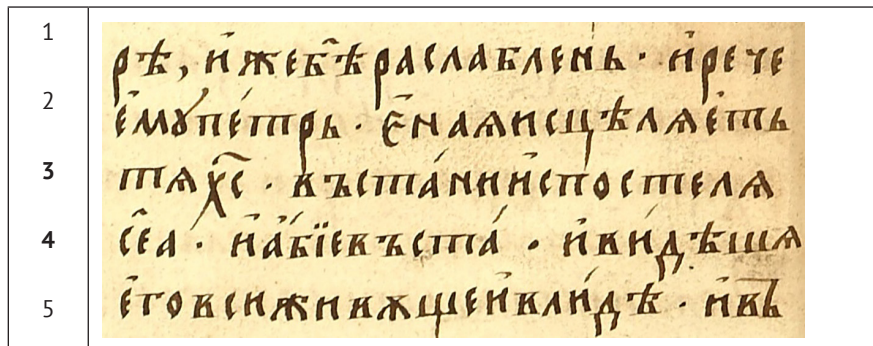
(12). РГБ. Ф. 304/І. № 75. XVI в. Л. 36.

(13). РГБ. Ф. 304/І. № 78. Конец XV в. Л. 34б.

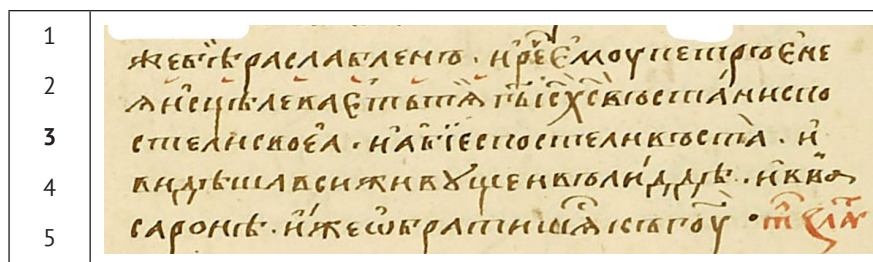

(14). РГБ. Ф. 304/І. № 77. XVI в. Л. 126.

Кроме того, имеются свидетельства своего рода «расширения» редакции В – в заключительную часть стиха Деян. 9: 34, относящуюся к действиям Энея и в оригинальном тексте весьма лаконичную: «и он тотчас встал», вводится добавление: «и он тотчас встал с постели» – в соответствии с повелением «встань с постели своей» (см. (15)).

(15). РГБ. Ф. 304/1. № 118. XVI в. Л. 68.

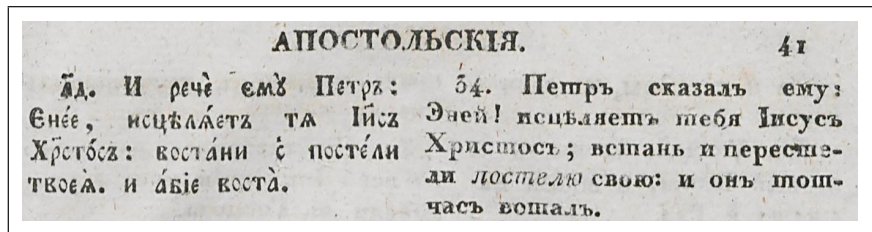

В первопечатном Апостоле Ивана Федорова (как в московском издании 1564 г., так и в львовском 1573 г.) зафиксирована редакция В с возвратным притяжательным местоимением: въстани с постѣла своеѧ (Л. 186 в изд. 1564 г., Л. 18 в изд. 1573 г.). Тот же вариант представлен в большинстве отдельных изданий Апостола вплоть до XVIII в.

В последующей традиции церковной печати закрепилась версия с притяжательным местоимением второго лица, первоначально, по-видимому, принятая для полных изданий библии. Ср. в Острожской библии 1581 г.: въстани с постѣла твоѧ (Деян. Л. 6); в Елизаветинской библии 1762 (1751) г.: востани съ постѣли твоѧ (НЗ. Стлб. 207).

Именно эта редакция представлена и в окончательной версии Русского синодального перевода Библии 1870-х гг. (см. (1)). Примечательно, что в первоначальном проекте перевода библии на русский язык, предпринятого Российским библейским обществом в первые десятилетия XIX в. и ставшего основой Русского синодального перевода, для русского текста стиха Деян. 9: 34 была избрана редакция А, т. е. буквальный перевод с греческого. В (16) приведен фрагмент издания Книги деяний 1820 г., где текст дан в параллельных колонках – на церковнославянском и на русском. Для нашего стиха в церковнославянском тексте – редакция В, в русском тексте – редакция А.

- (16). Книга деяний святых апостолов, На славянском и русском наречии Иждивением Российскаго библейскаго общества. СПб., 1820. Л. 41.

7. Заключение. Дополнительные замечания о технике перевода.

Вероятно, читатели могли заметить, что весь изложенный выше сюжет возникновения новой версии текста в результате переосмысления акцентологического диалектизма мог состояться только при условии достаточной «неоднозначности», своего рода скудости контекста. В самом деле, общеизвестно, что «хорошее» сообщение должно обладать достаточной мерой информационной избыточности, позволяющей адресату адекватно восстановить его содержание даже в условиях коммуникационных помех, или так называемых шумов (см., например, [4: 104]). Всякий естественный язык обладает определенной степенью обязательной языковой избыточности, нарушение которой приводит к грамматической неправильности. Таково, например, нарушение правил согласования изменяемых слов и т. п. Однако здесь, несомненно, есть определенная «шкала совершенства»: некоторые характеристики текста, с информационной точки зрения, отвечающие за языковую избыточность, могут быть необязательными, но очевидно желательными, так что нарушение их, хотя и не приводит к грамматической неприемлемости, делает текст в той или иной мере «корявым», «несовершенным», и, напротив, удачный подбор таких характеристик приводит к оценке текста как «удачного», «совершенного» и под. Заинтересованные читатели могут обратиться к работам А. К. Поливановой, освещающим эти вопросы, в числе прочего на материале выбора грамматических значений в русском языке см. [8: 23–153].

В нашем случае оригинальный греческий текст стиха Деян. 9: 34 чрезвычайно лаконичен. Вполне возможно, что за этой лаконичностью кроется особое стилистическое намерение автора. Однако для читателей последующих веков, а тем более для читателей переводов, эта черта может оказаться помехой, особенно в условиях тех или иных «шумов», подобно вторжению в текст непривычного диалектного ударения, как в нашем славянском сюжете.

По-видимому, именно с целью предотвращения такого рода помех в современный греческий текст было добавлено в качестве дополнения при глаголе «стелить» – στρώνῃς слово «кровать/постель» – κράββατος или κλίνη (см. выше Примечание 2). Подобная правка содержится и в современном немецком тексте, по сравнению с переводом Лютера, и в русском переводе еп. Кассиана (см. выше (1)), и в ряде других.

Интересно, что помимо редактирования, напрямую повышающего степень избыточности текста, в нашем случае у переводчика имеется еще одна возможность, не предполагающая отступления от скрупулезного следования оригиналу.

Дело в том, что греческое возвратное местоимение, имеющее только формы косвенных падежей и в нашем тексте представленное формой датива второго лица σεαυτῷ, является морфологически составным: оно содержит основу личного местоимения – для второго лица σε (Асс к си «ты»); для первого и третьего лица, соответственно, ἐγὼ и ἑ – и основу местоимения αὐτός «сам» с соответствующими падежно-числовыми окончаниями.

Нетрудно видеть, что таким образом греческое возвратное местоимение «избыточно»: без ущерба для смысла оно может быть заменено на соответствующее морфологически простое личное местоимение⁴. Хотя, по-видимому, для классического греческого такая замена нарушала бы норму, в греческом языке Септуагинты и в новозаветном греческом такого рода варианты представлены⁵.

Соответственно, как и любая другая грамматически допустимая дублетность, наблюдаемая неоднозначность выражения возвратности в греческом тексте может иметь более или менее яркие стилистические импликации, и внимательный переводчик мог бы тем или иным образом попытаться отразить их в своем переводе. Представляется, что такого рода соображениями руководствовались, например, создатели Русского синодального перевода, когда в ряде случаев добавляли к русскому возвратному местоимению форму местоимения *сам*, подчеркивая произвольность действий субъекта⁶. Именно этим приемом воспользовались некоторые переводчики нашего отрывка Деян. 9: 34 на новые славянские языки. Так в переводе В. Караджича на сербский язык (1847, изд. 1865): ...Енеја! Исцелује те Исус Христос, устани и **прости сам себи**. И одмах уста – букв. «...Эней! Исцеляет тебя Иисус Христос, встань и постели себе сам. И он тотчас встал». Также в украинском переводе И. Огиенко (1942): ...Енею, тебе вздоровляє Ісус Христос. Уставай, і **постели собі сам!** І той зараз устав. В украинском переводе И. Хоменко (1963) текст еще расширен: ...«Енею, Ісус Христос тебе оздоровляє. Устань і **сам постели собі ліжко!**» І вмиь той підвівся.

Что касается церковнославянского перевода, создатели которого, как правило, стремились более к буквальности перевода, чем к ясности результирующего текста, то и здесь, вообще говоря, можно было бы ожидать сохранения представленной в греческом морфологической избыточности. В самом деле, по меткому выражению А.В. Исаченко, «старославянский – это греческий, переодетый в славянские морфемы» [3: 22], иными словами, старославянские и более поздние церковнославянские переводы часто могут характеризоваться как последовательно поморфемные. Ср. такие общеизвестные поморфемные кальки с греческого, как *кровоточивый*, *благоухание*, *сердцеведец* и т. п. Соответственно, и при переводе двусловных греческих возвратных местоимений мог быть допустим поморфемный принцип. Следы таких переводов мы находим и в современном русском церковнославянском тексте. Ср. ...τί λέγεις περὶ σεαυτοῦ – ...что глаго́леши **о тебѣ самѣмъ**? – Син. перевод: ...что ты скажешь **о себе самом**? (Ин. 1: 22). Впрочем, как правило, в церковнославянском тексте мы находим функциональный, а не поморфемный перевод возвратных местоимений, такой как в Рим. 2: 5: ...θησαυρίζεις σεαυτῷ ὀργήν ἐν ἡμέρᾳ ὀργῆς... – ...собира́еши **себѣ** гнѣвъ въ дѣнь гнѣва... В Русском синодальном переводе добавлено избыточное и стилистически нагруженное «сам»: ...ты **сам себе** собираешь гнев на день гнева (см. об этом приеме выше).

Итак, если бы и в нашем случае закрепился поморфемный церковнославянский перевод возвратного местоимения, и тем самым церковнославянский текст оказался бы не столь лаконичным, а сохранил некоторую избыточность и, соответственно, семантическую устойчивость перед лицом разного рода помех, возможно, «русская» редакция стиха Деян. 9: 34 не появилась бы на свет, а восточно-церковнославянская версия текста была бы сходна с современными сербскими и украинскими переводами.

Примечания

1. Не приводятся сведения по южнославянским старопечатным книгам, которые, насколько можно судить, в рассматриваемом вопросе либо не отличаются от данных южнославянских рукописей, либо оказываются подвергнуты существенной русификации. Общий обзор текстологического разнообразия славянской библии представлен в классическом труде [1], там же можно найти обширную библиографию.

2. Заметим попутно, что в новогреческих переводах этого стиха к глаголу «стелить» (στρώννυμι) добавлено прямое дополнение «кровать/постель» (κράββατος или κλίνη), что с точки зрения семантики текста, по-видимому,

является избыточным. См. также [5: 93], а также ниже раздел 7. Заключение.

3. См. подробнее [7: 43–75].

4. Или, напротив, на возвратную форму, лишенную показателей лица, подобно тому, как устроен в этом отношении, в частности, русский язык.

5. Приведем некоторые примеры (русский текст дан по Русскому синодальному переводу, формы возвратных местоимений выделены): 1Sg: ...καὶ ἔλαβον αὐτὴν **ἐμαυτῷ** εἰς γυναῖκα... – ...и я взял (было) ее **себе** в жену... (Быт. 12: 19), но ...εἴληφα αὐτοὺς **ἐμοί** – ...Я беру их **Себе** (Числ. 8: 16); ...ἡγάσσα **ἐμοί** πᾶν πρωτότοκον ἐν Ἰσραὴλ... – ...освятил Я **Себе** всех первенцев Израилевых (Числ. 3: 13, так же Числ. 8: 17); ср. также с дублированием местоимения в греческом тексте: καὶ λήψομαι **ἐμαυτῷ** ὑμᾶς λαὸν **ἐμοί** καὶ ἔσομαι ὑμῶν θεός... – и приму вас **Себе** в народ и буду вам Богом... (Исх. 6: 7); 2Sg: ...λήψῃ **μετὰ σεαυτοῦ** δέκα χιλιάδας ἀνδρῶν... – ...возьми **с собою** десять тысяч человек... (Суд. 4: 6), но ...λάβε **μετὰ σοῦ** τοὺς ἀνδρας πάντας τοὺς πολεμιστὰς... – ...возьми **с собою** весь народ, способный к войне... (Нав. 8: 1); 2Pl: σὺ δὲ ἐξαρεῖς τὸ αἷμα τὸ ἀναίτιον **ἐξ ὑμῶν αὐτῶν**... – (Так) должен ты смывать **у себя** кровь невинного... (Втор. 21: 9), но ...Ἐξοπλίσατε **ἐξ ὑμῶν** ἀνδρας παρατάξασθαι ἐναντι κυρίου ἐπὶ Μαδιαν... – ...вооружите **из себя** людей (на войну), чтобы они пошли против Мадиянитян... (Чис. 31: 3). В языке Нового Завета снятие избыточности за счет личной составляющей возвратного местоимения (см. Примечание 4) считается нормой для множественного числа (см., например, [6: 111]). Имеются также примеры, когда местоимения множественного числа в новозаветных текстах упрощаются не за счет опущения личной составляющей, а за счет опущения возвратной составляющей при сохранении личной, т. е. так же, как в языке Септуагинты, ср.: μὴ θησαυρίζετε **ὑμῖν** θησαυροὺς ἐπὶ τῆς γῆς... θησαυρίζετε δὲ **ὑμῖν** θησαυροὺς ἐν οὐρανῷ... – Не собирайте **себе** сокровищ на земле... но собирайте **себе** сокровища на небе... (Мф. 6: 19–20). Для возвратных местоимений единственного числа в тексте Нового Завета также имеются колебания, подобные отмеченным выше для текста Септуагинты. Ср. εἰ δὲ ὁ ὀφθαλμός σου ὁ δεξιὸς σκανδαλίζει σε ἔξελε αὐτὸν καὶ βάλε **ἀπὸ σοῦ**... καὶ εἰ ἡ δεξιὰ σου χεὶρ σκανδαλίζει σε ἔκκοψον αὐτὴν καὶ βάλε **ἀπὸ σοῦ**... – Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось **от себя**... И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось **от себя**... (Мф. 5: 29–30) при нормативном ἀπεκρίθη Ἰησοῦς **ἀπὸ σεαυτοῦ** σὺ τοῦτο λέγεις... – Иисус отвечал ему: **от себя** ли ты говоришь это... (Ин. 18: 34); ...παράλαβε **μετὰ σοῦ** ἓτι ἓνα ἢ δύο... – ...возьми **с собою** еще одного или двух... (Мф. 18: 16) при нормативном ...Μάρκον ἀναλαβὼν ἄγε **μετὰ σεαυτοῦ**... – Марка возьми и приведи **с собою**... (2Тим. 4: 11); ср. также ...εὕρήσεις στατήρα ἐκεῖνον λαβὼν δὸς αὐτοῖς **ἀντὶ** ἐμοῦ καὶ **σοῦ** – ...найдешь статир; возьми его и отдай им за Меня и **за себя** (Мф. 17: 27); ...μὴ σαλπίσσης **ἐμπροσθέν σου**... – ...не труби **перед собою**... (Мф. 6: 2).

6. Таковы, например, пассажи Мф. 19: 12, Мк. 3: 24–26 и Лк. 11: 17–18, Мк. 5: 30 и Мф. 9: 21, Лк. 4: 23, Лк. 7: 7, Лк. 9: 25, Лк. 12: 57, Ин. 1: 22, Ин. 5: 30–31, Ин. 8: 13–14, Ин. 8: 54, Деян. 13: 46, Иак. 1: 22, 2Петр. 2: 1 и мног. под. Ср. разные переводы при одинаковом оригинале: εἰ γὰρ ἃ κατέλυσα ταῦτα πάλιν οἰκοδομῶ παραβάτην **ἐμαυτὸν συνιστάνω** – Ибо если я снова создаю, что разрушил, то **сам себя делаю** преступником (Гал. 2:18) и ἐλεῦθερος γὰρ ὢν ἐκ πάντων πᾶσιν **ἐμαυτὸν ἐδούλωσα** ἵνα τοὺς πλείονας κερδήσω – Ибо, будучи свободен от всех, я всем **поработил себя**, дабы больше приобрести (1Кор. 9: 19).

Источники и хранилища

РГБ – Российская государственная библиотека. Научно-исследовательский отдел рукописей. Москва.

РНБ – Российская национальная библиотека (ранее – ГПБ). Отдел рукописей и редких книг. Санкт-Петербург.

НБКМ – Национална библиотека «св. св. Кирил и Методий». София.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев А.А.* Текстология славянской библии. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 256 с.

2. *Зализняк А.А.* От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985. 489 с.

3. *Исаченко А.В.* [Issatschenko A.] Mythen und Tatsachen über die Entstehung der Russischen Literatursprache. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1975.

4. *Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику / под ред. В.А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1978. 544 с.

5. *Левинская И.А.* Деяния апостолов. Главы 9–28: Историко-филологический комментарий. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. 680 с.

6. *Мейчен Дж.Г.* Учебник греческого языка Нового Завета / пер. А.А. Руденко; под ред. Е.Б. Смагиной. М.: Российское библейское общество, 1994. 222 с.

7. *Мошин В.А.* Палеографическо-орфографические нормы южнославянских рукописей / Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Вып. 1. М., 1973. С. 43–75.

8. *Поливанова А.К.* Избранные работы. Общее и русское языкознание / Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности. Вып. XVII. М., 2008. 308 с.

9. *Роджерс К.Л.* Новый лингвистический и экзегетический ключ к греческому Новому Завету / пер. О.А. Рыбаковой. СПб.: Библия для всех, 2001. 1008 с.

10. *Христова-Шомова И.* Служебният Апостол в славянската ръкописна традиция. Т. 1. Изследване на библейския текст. София: Св. Климент Охридски, 2004. 832 с.

REFERENCES

1. Alekseev, A.A (1999) *Tekstologiya slavyanskoy biblii* [Textology of Slavic Bible]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
2. Zaliznyak, A.A. (1985) *Ot praslavyanskoy aktsentuatsii k russkoy* [From Proto-Slavic to Russian Accentuation]. Moscow: Nauka.
3. Isachenko, A.V. (1975) *Mythen und Tatsachen über die Entstehung der Russischen Literatursprache*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
4. Lyons, J. (1978) *Vvedenie v teoreticheskuyu lingvistiku* [Introduction to Theoretical Linguistics]. Translated from English. Moscow: Progress.
5. Levinskaya, I.A. (2008) *Deyaniya apostolov. Glavy 9–28: Istoriko-filologicheskii kommentariy* [The Acts of Apostles. Chapters 9–28: Historical and Philological Commentary]. St. Petersburg: St-Petersburg State University.
6. Machen, J.G. (1994) *Uchebnik grecheskogo yazyka Novogo Zaveta* [New Testament Greek for Beginners]. Translated from English by A.A. Rudenko. Moscow: Russian Bible Society.
7. Moshin, V.A. (1973) Paleograficheskoe i ortograficheskoe normy yuzhnoslavianskikh rukopisey [Palaeographic and orthographic norms of South Slavic manuscripts]. In: Zhukovskaya, L.P. (ed.) *Metodicheskoe posobie po opisaniyu slavyano-russkikh rukopisey dlya Svodnogo kataloga rukopisey, khranyashchikhsya v SSSR* [Methodological Manual for the Description of Slavic-Russian Manuscripts for the Union Catalog of Manuscripts Stored in the USSR]. Vol. 1. Moscow: [s.n.]. pp. 43–75.
8. Polivanova, A.K. (2008) *Izbrannye raboty. Obshchee i russkoe yazykoznanie* [General and Russian Linguistics. Selected Works]. Vol. XVII. Moscow: [s.n.].
9. Rogers, C.L. (2001) *Novyy lingvisticheskii i ekzegeticheskii klyuch k grecheskomu Novomu Zavetu* [The New Linguistic and Exegetical Key to the Greek New Testament]. Translated from English. St. Petersburg: Bibliya dlya vsekh.
10. Christova-Shomova, I. (2004) *Sluzhebniyat Apostol v slavyanskata rkopisna traditsiya* [The Liturgical Apostle in the Slavic Manuscript Tradition]. Vol. 1. Sofia: Sv. Kliment Ohridski.

Пекунова Ирина Семеновна – младший научный сотрудник, сектор лингвистической компаративистики Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета (Россия).

Irina S. Pekunova – Russian State University for the Humanities (Russia).

E-mail: irapek@gmail.com

УДК 811.161.1'373

UDC

DOI: 10.17223/18572685/75/8

Лингвистические аспекты прений Андрея Курбского с Иваном IV

Е.Н. Бекасова

Оренбургский государственный педагогический университет

460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19

E-mail: bekasova@mail.ru

Авторское резюме

Востребованный филологией и исторической наукой памятник древнерусской письменности – Переписка Андрея Курбского и Ивана IV – особо значим в лингвистическом аспекте, так как оба оппонента имели настоятельную потребность со всей определённой не столько вступить в диалог, сколько обозначить свои интенции и выстроить речевое взаимодействие с важной для них аудиторией и воздействовать на неё в процессе прений. «Самооправдательное» первое послание Курбского, дословно отражённое в последовательном фактическом и лингвистическом разборе Ивана IV, дополняется и детализируется во второй грамоте царя, которая строится по законам судебного разбирательства – подробного опровержения обвинений. В соответствии с этим метаязыковая рефлексия концентрируется вокруг ключевых образований, определяющих семантическое пространство посланий, прежде всего власти и «законности царств», что требует основательных цитат из авторитетных письменных источников. Заданная Курбским антитеза «супротивного» царя и «доброхотных» подданных Иваном IV тщательно анализируется и скрупулёзно опровергается, что обуславливает в построении ответного текста использование ключевых слов, их разнообразных повторов, обыгрывания словообразовательных и семантических элементов структуры слова. Выдвинутые Курбским во второй и особенно в третьей «эпистолии» обвинения филологического порядка, играющие важную роль в выстраивании собственной репутации в европейском сообществе, остаются Иваном IV без внимания, потому что не входят в полемические задачи обоснования самодержавности. В результате Андрей Курбский и Иван IV используют переписку в собственных целях, отталкиваясь от важных для каждого из них лингвистических посылов оппонента, разворачивая их в русле интенций сугубо личного или самодержавного характера, столкнувшихся на поле власти.

Ключевые слова: Андрей Курбский, Иван IV, Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским как памятник письменности, жанр прений, метаязыковая рефлексия, дискурсивные стратегии, ключевые слова, повтор, семантика

The linguistic aspects of Andrei Kurbsky's debate with Ivan IV

Elena N. Bekasova

Orenburg State Pedagogical University
19 Sovetskaya Street, Orenburg, 460014, Russia
E-mail: bekasova@mail.ru

Abstract

The Correspondence between Prince Andrei Kurbsky and Tsar Ivan IV is an Old Russian writing, highly demanded by philologists and historians and especially significant for linguists, since the opponents expressed an urgent need to not only enter into a dialogue, but also to outline their intentions and verbally interact with their potentially significant audience in the course of debate. Kurbsky's "self-justifying" first message, literally reflected in Ivan IV's consistent factual and linguistic analysis, is supplemented and detailed in the tsar's second letter, which is structured according to the laws of a trial – a detailed refutation of accusations. Accordingly, metalinguistic reflection concentrates around key entities that determine the semantic space of the messages, primarily power and "legality of kingdoms" and their destruction, which requires referencing authoritative sources. Ivan IV carefully analyzes and scrupulously refutes Kurbsky's antithesis of the "opposing" tsar and "kind" subjects, which determines the use of keywords, their various repetitions, and playing with word-formation and semantic elements of word structures. The philological accusations in Kurbsky's second and especially third "epistles", which play an important role in building his own reputation in the European community, remain unattended by Ivan IV, because they are not part of the polemical tasks of substantiating autocracy. As a result, both Kurbsky and Ivan IV use the correspondence for their own purposes, starting from the linguistic messages that are important to them, and developing them in line with intentions of a purely personal or autocratic nature, which collided on the field of power.

Keywords: Andrei Kurbsky, Ivan IV, *The Correspondence between Prince Andrei Kurbsky and Tsar Ivan IV* as a writing monument, genre of debate, metalanguage reflection, discursive strategies, keywords, repetition, semantics

Переписка Андрея Курбского и Ивана IV, безусловно, является феноменом русской общественно-политической мысли. Рассмотрение с противоположных точек зрения важнейших для русского общества вопросов обусловило востребованность сохранившейся в более чем 80 списках и десятках рефлексов легендарной переписки и породило целый ряд проблем источниковедческого, историографического, текстологического и филологического характера.

Значимость переписки подтверждается почти полуторавековым интересом исследователей к различным аспектам её изучения, в которых традиционно преобладают исторические труды. Для целей данной работы особо следует отметить работы учёных по палеографическому описанию и публикации текстов (В.П. Адрианова-Перетц, Я.С. Лурье, Д.С. Лихачёв, Ю.Д. Рыков, И.Н. Жданов, А.С. Орлов, А.А. Алексеев, О.В. Творогов, Е.И. Ванеева, А.А. Цеханович), установлению авторства (И.Н. Жданов, А.С. Орлов, Н.К. Гудзий); литературоведческие работы о языке и стиле А. Курбского и Ивана IV как писателей (С.О. Шмидт, Д.С. Лихачёв, А.М. Панченко и др.), лингвистические исследования особенностей текстов в свете генезиса и развития русского литературного языка, проявления специфики эпистолярного стиля и языковой личности (В.В. Виноградов, В.В. Колесов, В.В. Калугин, В.Н. Рогова, О.В. Попова, С.А. Шилина и др.).

Став некой «вечной темой» науки и общественного сознания, отлитое в языковую форму непримиримое противостояние оппонентов вылилось в построение разных моделей цивилизационного развития, которые, в соответствии с запросами интеллектуальных и политических элит, оказались особо востребованными в XIX–XXI вв. Вместе с этим, как справедливо пишет В.В. Калугин, «при упоминании имён царя и “государева изменника” нередко возникает стандартный набор политических, нравственных, идеологических ассоциаций, которые незамедлительно переносятся на современную историю России» [6: 16]. Отсюда диаметрально противоположные оценки исторической ситуации и личностей оппонентов и непрекращающиеся дискуссии о смысле этой переписки, где «обе стороны – монарх, стремившийся “сам править”, и князь-боярин, представлявший принцип боярской олигархии, – обменялись мыслями с редкой откровенностью и резкостью» [7: 179].

Однако при всех различиях исследователи сходятся во мнении, что авторы обладали незаурядным литературным талантом и их представления и интерпретации целого ряда проблем человечества и ценностных ориентаций общества в той или иной степени упрочились в национальном сознании. Наряду с этим неразделимость в полемике обусловила взаимодействие оппонентов в формировании облика

друг друга, в том числе и устойчивого в мифологическом плане. Каждый из них «ваял» символ, который до сих пор существует «как некое “национальное ощущение”, складываясь из разных фактов, оценок, эмоций... как аксиома культуры, не нуждающаяся в доказательствах» [9: 55]. С одной стороны, благодаря посланиям белого князя утвердилась схема «двух Иванов», которая, как справедливо отмечает А.И. Филюшкин, представляет «самый главный след в истории, который сумел оставить Курбский. Его глазами историки и литераторы смотрят на Россию XVI в. вот уже больше 300 лет» [14: 130]. С другой стороны, Иван Васильевич, вопреки своему желанию, но благодаря своей «причтенности» к изменнику, сотворил образ опального боярина, рассматриваемого то как изменника родине, то как благородного диссидента.

В связи с этим необходимо обратиться к лингвистическим данным, которые, по справедливому утверждению А.А. Зализняка, обладают «относительно высокой объективностью и определённой», чем «области, где намного шире простор для вольной игры мнений» [5: 13]. Тем более что оппоненты в своих посланиях достаточно чётко обозначили собственные метаязыковые установки, а их непримиримые позиции последовательно эксплицировались в метаязыковых рефлексиях, что дает основание рассматривать их деятельность, в том числе и в русле реализаций политтехнологий [15]. Постановка такой цели обусловлена и спецификой каждого из последующих посланий, во многом выстроенных по принципу «отзеркаливания» (особенно в ответах Ивана IV) и реализующих соответствующий комплекс рефлексивов, содержащих различные аспекты семантического анализа, комментирования слов и высказываний, толкования текстов Священного Писания и святоотеческой литературы, критику литературной манеры и пр. Такой подход требует комплексного исследования лингвистических – и шире – филологических фактов с позиции функционирования и выявления их значимости в контексте интенций и ценностных установок оппонентов.

Следует также отметить, что каждый из авторов посланий, поднимая актуальные темы и с особой убеждённой отстаивая собственные позиции, широко использует своё лингвистическое чутьё и эрудицию при анализе текстов оппонента, в полной мере руководствуясь наработками средневековой книжности на Руси, которая «знала и принцип диспута (существовал даже особый жанр «прения»), и реальные, очные и заочные, устные и письменные учено-философские споры» [9: 267]. Тем более что Послания Курбского и Ивана IV по своему обличительному накалу касались темы власти, затронутой ранее в столкновении иосифлян и нестяжателей, распри которых

вышли за пределы монастырских стен и потрясли не только церковь, но и духовно-политическое устройство государства. «Вторая волна» этих прений приходится на период княжения Ивана Васильевича, поэтому царь и беглый воевода не только хорошо знали предмет и аргументацию полемической литературы православных священников, но и каждый в этом споре имел свою позицию.

Курбский, как отмечает Р.Г. Скрынников, уже имел опыт духовно-политической переписки с игуменом Псково-Печерского монастыря Вассианом, где критиковал иосифлянскую церковь, которая «превратила святителей в послушных угодников власти» [12: 107]. Однако значение переписки заключалось не столько в желании Курбского выступить в роли духовного собеседника печерского старца и вести с ним диспуты по богословским проблемам, сколько в тщеславии боярина из рода Ярославских князей, который в дальнейшем не откажет себе в удовольствии наставлять и самого царя. По меткому определению Грозного, «гордостию дмяся», Курбский во всех своих сочинениях высоко оценивает собственную личность и личные подвиги. Непомерное тщеславие требует искать славы и признания у другого государя, поэтому Курбскому необходимо обосновать своё право на измену, опираясь на тексты Священного Писания, «нестяжателей» и Максима Грека.

Иван IV, по сложившейся в его правление – и во многом благодаря ему – концепции, утверждает себя как «самодержца божиим изволением»: *«яко родихомся в царствии, тако возрастохом и воцарихомся божиим повелением»* [11: 13]. Он не устаёт напоминать всем, не исключая Курбского, о своём происхождении не только от «первого во благочестии» царя Константина и высокороднейших князей, включая деда и отца, но и от «Августа – Цесаря Римского, обладателя вселенною» [3: 17]. Отсюда и главный нерв его сочинений – отстаивание права богоизбранного государя единолично и самовластно обустроить свою державу. Мироощущение Ивана IV *«как единственного посредника между Господом и русским народом, а то и всеми земными народами»* [10: 230–232] определяет его особые отношения с русскими иерархами и даже с самим Богом. Он уже давно поставил точку в духовных распрях нестяжателей и иосифлян, поскольку для самодержца «царство выше священства» и существенны различия между властью царя и священника: *«Но ино убо еже свою душу спасти, ино же многими душами и телесы пеущися; ино убо есть постническое пребывание, ино же во общем житии сожитие, ино же святительская власть, ино царское правление»* [11: 24].

В этой жизненной парадигме Первое послание Андрея Курбского для Ивана IV является «бесовской грамотой» [11: 34]. Курбский вы-

страивает его на сугубо личных устремлениях и претензиях человека, бывшего «во власти», но ею неудовлетворённого, что проявляется в многочисленных вопросах и восклицаниях, риторических обращениях к царю, за которыми обязательно следуют обвинения в «супротивности»: *«Царю, от бога препрославленному... ныне же грех ради наших сопротивным обретесе; от многие горести сердца потщуся мало изрещи ти, о царю; Почто, царю, силных во Израили побил еси и воевод; Али ты безсмертен, царю, мнишися...»* [11: 7]. Взывание к царю – не просто дань этикету, а возможность безнаказанно обличать бывшего и далёкого властителя, а заодно и прославить нового *«государя моего Августа Жигимонта короля, от него же надеяся много пожалован быти и утешен от всех скорбей моих, милостию его государскою»* [11: 8]. Для Курбского важно показать собственную значимость и как богом данного царю воеводы, входящего в круг «доброхотных бояр», обеспечивающих славные победы и преславное царствование, и как храброго ратника. Мифотворчество Курбского оказалось весьма успешным: Речь Посполитая рассматривала Курбского как «мужа, которому Московия не имеет равного» [4: 65], что впоследствии утвердилось в хрестоматийном заблуждении о незаурядной карьере Курбского [14: 17–36].

По всей видимости, в желании реабилитировать свои неудачи – родовые, карьерные, личные – коренилось публичное и надменное высказывание Курбского о «супротивном» царе. Более того, им откровенно провозглашается право на уход «доброхотных» воевод под руку вражеских владык и службу им даже ценною «бранного пришествия» в своё былое отечество. То, чем, по мнению Ивана IV, «царствия растлеваются», тем, по Курбскому, оправдываются измены не только своему государю, но и государству.

Судя по ответу Курбскому, Иван IV понимал, как такое письмо, облечённое в искусную форму, может отразиться в общественном сознании и в Московской Руси, и за её пределами: *«аще и руками где не дерзнеши, но мыслию яда своего смертоносного много сия злобы сотвориши»* [11: 13]. Грозный знал, как «уста умножают злобу», и ещё с детства уяснил механизмы создания клеветы, когда абсурдные наветы, падающие на подготовленную почву, разрушают репутации: *«аки время благополучно своей изменной злобе улучиша, научиша народ скудожайших умов, будто матери нашей мать, княгини Анна Глинская, с своими детьми и людьми сердца человеческия вымали»* [11: 29]. При этом Иван Васильевич с детства был знаком с делами изменников – «государевых рабов», пытавшихся взять над ним власть, и понимал, что «облыгание» и «израды» неразделимы. Поэтому в его Посланиях изменники обычно обозначаются местоимением множе-

ственного числа **вы**, которое указывает на их безликий, вневременной, внетерриториальный, но собирательный образ идущих против законной – от бога и людей – власти: *«каковы злая пострадах от вас от юности и доселе»* [11: 26].

Иными словами, для оппонентов была настоятельная потребность доказать своё право: одному – на измену власти *«гонения ради прегорчайшаго от державы твоя»* [11: 7], а другому – на власть, *«от бога данные нам власти самем владеши»* [11: 16].

Ивану IV было необходимо доказать своё право на царство и законность его власти перед Богом и подданными, отсюда – основательность «доказательной базы» того, что *«Российское самодержавство изначала сами владеют своими государствами»* [11: 16]. Идея властодержавства утверждалась посредством определённых ключевых слов. Среди них, судя по ответам Грозного беглому боярину, наиболее значимы однокоренные образования, характеризующие царскую власть, среди которых выделяется словообразовательное гнездо производных со словом *царь* – более 150 достаточно разнообразных единиц (*царский, царствующий, воцарити* и под.). Наиболее частотными являются образования, представляющие основную «доказательную» пару – *царь/царица* и *царство/царствие* (около 80 %). Именно они пронизывают всё Первое послание, которое, по сути, является своеобразным экскурсом в историю царств от «Моисея царя», Давыда царя до великого государя Василия и великой царицы Елены, и *«до нас, смиренных скипетродержания Росийского царствия»* [11: 12]. Отсюда свойственное царю постоянное подчёркивание его причтенности ко всем благочестивым царям: *«но и нам, царем, неприлично»* (36), *«паче же и нам, царем, разум имущим, како уклонитися на сие, безлешие творити?»* [11: 46].

Далее следует детальный анализ причин падения законных царств – Египта, Рима, Греческого и др. Оскудение и разорение великих царств происходит по умыслу таких же изменников, как и в Московском царстве, при этом Иван IV отчуждает их от великих властителей в бинарно организованной системе: **мы**-цари – **вы**-изменники: *«мнози князи и местоблюстители воссташа, подобно вашему злобесному умышлению»* [11: 22], *«Также же и вы, сему подобно, злобесным своим хотением, выше меры желаяще славы и чести и богатства»* [11: 23], *«также же убо и вы, собацким своим изменным злым обычаем, похотесте в царствии царей достойных истребити»* [11: 25] и др. Отмечены и типичные механизмы смятения и гибели царств: изменники начинают *«о властех и о богатствах меж себя ратоватися и грады и власти и имена стяжати»* [11: 22].

Иван IV доказывает, что все утверждённые Богом и людьми царства пришли к гибели вследствие желания недостойных получить власть.

Это подчёркивается разнообразием используемых однокоренных слов: *владыка / владетель / владатель / властелин / властель / властодержавец, владение, власть / владычество, владеть / владать, подовластный / самовластный* и др. (121 словоформа). При этом в контекстах достаточно чётко прослеживается значительная концентрация соответствующих ключевых слов, например, *«И после его чада разделиша **власть**... И оттоле убо нача делитися греческая **власть**... И оттоле убо всяко строение **царства** греческаго престоупа, токмо убо упражняхуся на **власти**... и всем **властелем** не престающее о **властех** меж себя ратоватися ...»* [11: 22] и др.

Подробный исторический анализ причин падения известных средневековым царей и царств завершается выводом «великого государя царя и великого князя» о сути царской власти: *«Всегда бо царем подобает обозрительным быти, овогда кротчайшим, овогда же ярым... аще ли сего не имея, несть царь. Царь бо несть боязнь делом благим, но злым»* [11: 19]. Провозглашение двуполярности власти на оси блага и зла, «добродеев» и злодеев позволяет ответить на главные обвинения «писаньца» Курбского, противопоставляющего «супротивного царя» и «доброхотных» воевод, в связи с чем Иван IV концентрируется на анализе этих двух концептуально значимых и антагонистически трактуемых им и Курбским понятий.

«Супротивность» царя утверждается сутью его власти и направленностью против рабов, желающих *«мимо царей царствию владети»* [11: 24], которых Курбский определяет как «доброхотных» воевод. А.И. Филюшкин обращает внимание, что сочетание *«доброхотных твоих»* не получило достаточного внимания у исследователей, которые видели в нём или цитату из Евангелия, или намёк на «избранную раду». Он указывает на «особую категорию отношений, зафиксированную в договорных грамотах русских князей XIV–XV вв.», выражающую обязательства быть верными союзниками и соратниками в межкняжеских отношениях в формуле: *«А добра ти мне хотети во всем, везде, без хитрости»* [14: 226]. По всей видимости, подобные формулировки могли в какой-то степени определить некоторые нюансы в использовании Курбским лексемы *доброхотный*. Однако насыщенный риторический контекст в переписке оппонентов не только не позволяет остановиться на значении узаконенных отношений князя и подданных, но и способствует его рассмотрению в широком плане как *‘доброжелательный, поддерживающий чью-либо сторону’* [13, в. 4: 269], а также как *‘значимый, отличный, элитный’* – то, что в летописях отмечалось как *‘лучшие мужи’*. Следует подчеркнуть, что Иван Васильевич данное определение применил исключительно в отношении к боярам и воеводам своего отца – защитникам малолетнего

наследника, которых истребили ринувшиеся к власти рабы: *«Колико бояр наших, и доброхотных отца нашего и воевод избиша!»* [11: 27].

В данном контексте и в более чем в 80 подобных случаях Иван IV также подчёркивает бесовское и злобное *хотение* «подвластных» – *«яко ни во вселенней обрящещи подобно согласно твоему бесовскому хотению! Доброхотство же и душе полагание их выше реченно есть; облыгание же их и израды всем явлено есть во всей вселенней»* [11: 34] и под. Такое противопоставление даёт основание предполагать смещение смысловых акцентов на вторую часть лексемы *доброхотных*, по Курбскому, воевод. Отсюда акцент на главном в личном самосознании бояр, что описывается при помощи образований с корнем *-хот-* (119 единиц), несущих крайне негативные оценки с позиции традиционной духовной культуры – *похоти*, *зlobесного хотения*, *недоброхотства* в ряду с *изменою* и *«нерадением безсовестным»*: *«о, иудино окаянство сие хотение!»* [11: 33], *«Сим же и ты уподобися по своему хотению, тленных человек смея предстатели нарицати»* [11: 35] и под. Выделение второго корня как основного маркера всех греховных намерений позволяет Ивану Васильевичу выстроить «анфиладу» саркастически направленных в адрес бояр вопросов, в которых 25 раз обыгрываются семантические контрасты восприятия «доброхотности» и представляется полный набор проявлений «недоброхотства», например: *«се ли ваша прямая и доброхотная служба, еже поношати и укаряти?»* [11: 16], *«Како же убо изменников сих доброхотными наречещи?»* [11: 25], *«...изменным обычаем, недругу нашему литовскому державцу почали вотчину нашу отдавати: и тако ли доброхотствуют?»* [11: 27], *«Ино то ли доброхотны, что бояр наших и угодных, сопротивно нашему повелению переимали и побили и разными муками и гонении мучили?»* [11: 29].

Подобное «доброхотство» в ответе Ивана IV стоит в одном ряду со словами *измена*, *изменник*, *израдец* и др. (более 80 случаев), которые постоянно сопровождаются многочисленными производными от слов *бес* и *зло* (62 и 138 соответственно). Филигранно сплетённые в тексте однокоренные слова типа *зло*, *зlobа*, *зlobдеяние*, *зlobдейство*, *злочестие*, *зloхуление*, *зloхитрие*, *злосоветие*, *злоумие*, *озлобление*, *зlobейственный*, *зlotворящий*, *злочестивый* более 30 раз скрещиваются в образовании, соединяющем в своей структуре две наиболее негативные средневековые сущности – *зlobесный*: *«Вы же, зlobесным своим обычаем подобящися ехиднину отрыганию яд изливающе»* [11: 18] и др. Сгущение зла обуславливает появление словоупотреблений, в основе которых лежит метафорический перенос: *«Се убо зло обаче само себе хапати! ...стремления быти всяким страстем, жирующим зле, поядающим внутренняго человека»* [11: 35]. Особенно показа-

тельна концентрация таких образований во фрагменте текста (на границе лл. 304–305 об.), где измеряется степень зла изменников и Курбского – «паче злейше всех! Несть злее злобы твоей!»: *злейшее мучение, злейша сих лукавая умышления, татие, и разбойницы, и злодеи, и прелюбодеи; злотворящих мучения, злобесным своим обычаем, злолукавую измену, ваш злобесный обычай, злодеяние и пагуба смертная к разорению; злобесных человек злодеяния* [11: 18–19]. Этим и определяется главный стержень не только данного рассуждения, но и всего Послания, в целом обличающего утроенное в соединении слов «злобесное хотение» изменников.

Ответное преломление Иваном IV риторики Курбского отражается в опровержении обвинений, которое проявляется в многочисленных риторических вопросах, в прояснении семантического пространства ключевых слов – вплоть до трансформации и «опрокидывания» смыслов, что во всей полноте представляет абсурдность разоблачений Курбского по каждому предъявляемому пункту, например: *«Света же во тму прилагати не тщуся, и сладкое горько не прозываю. А се ли убо свет, или сладко, еже рабом владети? А се ли тма и горько, еже от бога данному государю владеть, о немже многа слова пространнейше напреди изъясленна? Все бо едино, обращая разными словесы в своей бесовской грамоте писал еси, похваляя еже рабом мимо государей своих владети»* [11: 34].

Следует подчеркнуть, что парирование словесных ударов Первого послания Курбского, которое Иваном IV *«принято бысть и уразумлено внятно»* [11: 15], требовало полного отражения и отторжения текста противника в многочисленных точных цитатах, основательных комментариях к ним и специфического лингвистического анализа. Такая структура текста соответствовала принципам судебного разбирательства и написания посольских грамот [8: 224], и для правителя Руси была не только хорошо известна, но и позволяла раскрыть его креативный потенциал, который блестяще реализуется, например, в Послании в Кирилло-Белозерский монастырь [2] и в Челобитной к Симеону Бекбулатовичу [1].

В соответствии с судебными предписаниями Иван Васильевич по всем пунктам «обвинения» выступает против всех изменников, но главный зачинщик удостоивается особого нареkania и по его генетическому наследованию предательства (*«твоему отцу, князю Михаилу, гонение было много да и убожества, а измены такой, что ты, не учинил»* [11: 14]), и по словесному распространению измены: *«многая шивающе на нас поношения и укоризны»* [11: 13]; *«яко изветы творя, к нам писал еси; ово же худейшим рабом и скудным умом подобяся. Яко же убо иже избежавших от рук наших, и яко же пси*

нелепая глаголюще; тако же и ты по своему злобесному, изменному, собацкому хотению и умышлению, изступив ума, неистовяся, бесному подобяся, колебляся, писал еси» [11: 47].

«Державный» настрой Послания Грозного и индивидуально обусловленные притязания Курбского ещё в большей степени проявляются в следующих посланиях. Курбскому, создавшему в своем «самооправдательном документе» [8: 202] необходимый ему образ невинно пострадавшего от супротивного царя доброхотного воеводы и почти пастыря Ивана IV, казалось бы, не было никакой надобности вступать в дальнейшую «прю» по сути предъявляемых обвинений и полученных на них подробных ответов царя. Однако оставить в покое своего обидчика Курбский не может, поэтому во Втором послании он избирает другую тактику – критику неискренности и басенности литературных штудий царя Московского.

Уже само название – *«Кратное отвещание на зело широкую епистолию»* акцентирует внимание на различиях посланий оппонентов исключительно литературного свойства: Курбским отмечаются недостойные даже убогого воина *«широковещательность и многошумность»* посланий Ивана Васильевича, которые *«от многих священных словес хватано»*, с яростью и лютостью, не стихами, а *«паче меры преизлишне и звягливо, целыми книгами, паремьями, целыми посланьями»*; *«ядовитые словеса»*; писание *«о постелях и телогреях, яко неистовых баб басни»*, недостойное мужам искусным и учёным, более того – простым детям на удивление и смех [11: 101]. В Третьей эпистолии беглый боярин доходит до прямых оскорблений – *«Тебе только и остается браниться, как пьяной рабыне»* [11: 177]. Курбский требует избегать *«варварско преизлишних глаголов»* и в приказном тоне наставляет: *«аще будешь мудр, в тишине духа, без гнева, да прочтеш их! И к тому же молю ти ся: не дерзай уже писати до чужих слуг, паче же иде же умеют отписати»* [11: 110].

В большей степени Курбского возмущает нежелание царя посочувствовать страннику так, как это он наблюдает в образцах эллинского красноречия, которые он и прилагает к своему третьему посланию, требуя от Ивана IV *«обучиться искусству составления эпистолий»* и прилично себя вести в уже обжитом беглецом новом обществе. Позиционирование своих кратких посланий с ориентацией на западные образцы изящной словесности [8: 203–204] позволяет не только перечеркнуть послания Грозного, «на обе бедра храмлюще», но и вновь поучать и наставлять его: на этот раз уже не по вопросам политики и теологии, а западного красноречия.

Иван IV отмечает метаязыковые претензии Курбского и Вторую свою грамоту вновь выстраивает в духе судебных «отвечиваний»

[13, в. 13: 198] по тем же заданным беглецом пунктам обвинений – «супротивный» царь / «доброхотные» воеводы, – выплёскивая в очередные риторические вопросы и семантико-стилистические сплетения ключевые слова *власть* и *хотение*: «*яз растлен разумом... Или вы разтленны, что не токмо похотесте повинными мне быти и послушными, но и мною владести, и всю власть с меня сняте, и сами государилися, как хотели...?*» [11: 104] и др. Уже использованные в первом послании доказательства своего права владеть рабами, в том числе и хотящими власти, заканчиваются главным выводом, указывающим на цель ответов беглому князю: «*вы мнесте под ногами быти у вас всю Рускую землю... Сего ради трость наша наостри к тебе писати*» [11: 105]. Суть посланий Ивана IV заключается в том, что он заявляет не столько Курбскому и другим изменникам, сколько «всёя Руси» глубоко продуманную и выстраданную модель мира, которую первый самодержец выстраивал в том числе и на опровержении выдвинутых «супротивниками» позиций. Он, как всегда, отталкивается от посылов оппонента, и его объяснение цели посланий – *сего ради трость наостри писати* – резко контрастирует с признанием Андрея Курбского: «*язык маю аттически... и во старости моей zde приучихся сему, но удержаж руку со тростию*» [11: 102].

Таким образом, каждый из оппонентов подтвердил свои установки – самодержавного и сугубо личного характера соответственно. При этом риторические изыски Курбского не предполагают какого-либо существенного диалога с оппонентом, так как не требуют ни реальных доказательств, ни языковых «сцеплений» с ответами оппонента, в связи с чем целиком перетекают в сферу «чистого» словесного искусства. Обстоятельность и тщательная продуманность ответов Ивана IV со ссылками на тексты Курбского определяют суть его доказательств с опорой на документы судебного разбирательства. В этом плане любые словесные «излишества» обуславливаются необходимостью дать «крепкую заповедь и слово» всем изменникам и доказать свою правоту «*во вселенней росийстей царьствующаго православна града Москвы*» [11: 52]. Это свидетельствует о том, что Ивана Васильевича нельзя считать «эмоциональным писателем» (Д.С. Лихачёв), поскольку даже его гневные «выпады» были тонко рассчитаны и взвешены, а эмоции строго выверены и вставлены в нужные контексты. Более того, ответное преломление Иваном IV риторики Курбского требовало глубокого филологического осмысления текстов, что отражается в опровержении обвинений оппонента на уровне прояснения и углубления семантического пространства слов и контекстов.

На этом фоне Второе и Третье послания Курбского представляются своеобразной «парфянской стрелой», выпущенной в далёкого

и ускользающего от обвинений противника. Самим фактом своего существования послания являются доказательством «супротивности» московского князя и «доброхотности» беглого воеводы и могут быть рассмотрены как достижение личности, отстаивающей свои права вне обязанностей. По сути, это первый в истории России опыт удачного создания собственной репутации.

Осмысляя в своей переписке проблему «власть и человек», А. Курбский и Иван IV впервые представили во всём объёме противоположные точки зрения, выстроенные в соответствии личностным осознанием религиозно-философских, нравственных и филологических достижений Средневековья, что определило абсолютно беспрецедентные последствия их посланий как «непременного элемента культуры» [9: 81].

Диаметрально противоположные мировоззренческие позиции оппонентов закономерно приводят к своеобразной «брани» на поле языка. И если Иван Васильевич вступает в аргументированные прения по традициям ответов судебных разбирательств с присущим ему креативом, то для Курбского более важными оказываются литературные штудии, позволяющие обыгрывать своего соперника по установленным им же самим правилам, включающим позиционирование своего нового стиля, требования регламентации цитирования конфессиональных текстов, навязывание оппоненту эллинского слога и передовых западноевропейских литературных образцов. В этом плане следует согласиться с определением Курбского как «перевертня», который вынужден был «приспосабливаться к меняющейся обстановке и даже изменять характер своего языка, системы аргументации и жизненной позиции» [8: 203].

Лингвистическое исследование переписки Андрея Курбского с Иваном IV показывает не только идеологическое и политическое, но и культурно обусловленное противостояние оппонентов, которое проявляется в особенностях выстраивания текста, начиная от выбора формы изложения (краткое послание – ответное деловое «отвещание» по пунктам; риторический «плач» – грамота «от многа мала»), способа цитирования богослужебных текстов, отбора аргументов и фактов и манеры их интерпретации, степени индивидуальности в пределах принятых стандартов и этикетных формул. В процессе переписки непримиримость позиций самодержца и боярина всё более углублялась, поскольку каждый из них сосредоточился на значимых для себя позициях, что обуславливалось, с одной стороны, укреплением московским царём самодержавия, а с другой – внедрением «гонимого странника» в западную жизнь. Но каждый из них понимал, что формирует и утверждает новую систему ценностей, отливая их

в словесную форму, которая, в свою очередь, будет созидать новую реальность в условиях возникающих мировоззренческих противоречий и разногласий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бекасова Е.Н. Креативный челобитчик // Уральский филологический вестник. Вып. 2: Материалы Международной конференции «Лингвистика креатива: тенденции и перспективы нового научного направления» 27–28 апреля 2018 г. / гл. ред. Т.А. Гридина. Екатеринбург [б.и.], 2018. Вып. 2 (27). С. 36–45. (Серия «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива»).

2. Бекасова Е.Н. О коммуникативных стратегиях Ивана Грозного в послании в Кирилло-Белозерский монастырь // Уральский филологический вестник. Вып. 4: Материалы Всероссийского семинара с Международным участием «Психолингвистика в образовании и аспекты изучения лингвокреативных способностей» 27 ноября 2015 г. / гл. ред. проф. Т.А. Гридина. Екатеринбург, 2015. С. 5–18.

3. Временник Ивана Тимофеева / под ред. В.П. Андриановой-Перетц. СПб.: Наука, 2004. (репринтное воспроизведение издания 1951 г.) (Серия: Литературные памятники).

4. Ерусалимский К.Ю. «Мы хотели их казнити...»: Русские эмигранты в Речи Посполитой // Родина: Российский исторический журнал. 2004. № 12. С. 64–67.

5. Зализняк А.А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 3-е изд., доп. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 480 с.

6. Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный. Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя. М.: Языки русской культуры, 1998. 416 с.

7. Лекции по русской истории / [соч.] проф. С.Ф. Платонова. 10-е изд., пересмотр. и испр. Пг: издал Ив. Блинов, 1917. [2], II, 743 с.

8. Лихачёв Д.С. Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского // Переписка Ивана грозного с Андреем Курбским / подг. текстов Я.С. Лурье, Ю.Д. Рыков; отв. ред. Д.С. Лихачёв. Л.: Наука, 1979. С. 183–213.

9. Панченко А.М. Я эмигрировал в Древнюю Русь. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2005. 544 с.

10. Перевезенцев С.В. Грозный царь: известный и неведомый... Очерк-размышление // Наш современник. 2010. № 4. С. 217–243.

11. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / подг. текстов Я.С. Лурье, Ю.Д. Рыков; отв. ред. Д.С. Лихачёв. Л.: Наука, 1979. 433 с.

12. Скрынников Р.Г. Курбский и его письма в Псково-Печерский монастырь // Труды отдела древнерусской литературы / отв. ред. Я.С. Лурье М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 18. С. 99–116.

13. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука; Азбуковник; Нестор-история; ЛЕКСРУС, 1975 – (издание продолжается).

14. *Филушкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский: Просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2007. 624 с.

15. *Чернышов С.А.* Иван Грозный – первый публицист и политтехнолог на московском престоле // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2020. Т. 33. С. 34–49.

REFERENCES

1. Bekasova, E.N. (2018) Kreativnyy chelobitchik [Creative petitioner]. *Ural'skiy filologicheskiy vestnik*. 2(27). pp. 36–45.

2. Bekasova, E.N. (2015) O kommunikativnykh strategiyakh Ivana Groznogo v poslanii v Kirillo-Belozerskiy monastyr' [On communication strategies of Ivan the Terrible in a message to Kirillo-Belozersky Monastery]. *Ural'skiy filologicheskiy vestnik*. 4. pp. 5–18.

3. Andrianova-Peretts, V.P. (2004) *Vremennik Ivana Timofeeva* [The Journal of Ivan Timofeev]. St. Petersburg: Nauka.

4. Erusalimskiy, K.Yu. (2004) “My khoteli ikh kazniti...”: Russkie emigranty v Rechi Pospolitoj [We wanted to execute them...: Russian immigrants in The Polish-Lithuanian Commonwealth]. *Rodina: Rossiyskiy istoricheskiy zhurnal*. 12. pp. 64–67.

5. Zaliznyak, A.A. (2008) *Slovo o polku Igoreve: vzglyad lingvista* [The Tale of Igor's Campaign: A Linguist's Perspective]. 3rd ed. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi.

6. Kalugin, V.V. (1998) *Andrey Kurbskiy i Ivan Groznyy. Teoreticheskie vzglyady i literaturnaya tekhnika drevnerusskogo pisatelya* [Andrei Kurbsky and Ivan the Terrible. Theoretical views and a literary technique of the ancient Russian writer]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

7. Platonov, S.F. (1917) *Leksii po russkoy istorii* [Lectures on Russian History]. Petrograd: Ivan Blinov.

8. Likhachev, D.S. (1979) Stil' proizvedeniy Groznogo i stil' proizvedeniy Kurbskogo [Grozny's and Kurbsky's literary styles]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim* [The Correspondence between Prince Andrei Kurbsky and Tsar Ivan IV]. Leningrad: Nauka. pp. 183–213.

9. Panchenko, A.M. (2005) *Ya emigriroval v Drevnyuyu Rus'* [I emigrated to Old Rus]. St. Petersburg: Zvezda.

10. Perevezentsev, S.V. (2010) Groznyy tsar': izvestnyy i nevedomyy... Ocherk-razmyshlenie [The Terrible Tsar: Famous and Unknown... An Essay]. *Nash sovremennik*. 4. pp. 217–243.

11. Likhachev, D.S. (ed.) (1979) *Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim* [The Correspondence between Prince Andrei Kurbsky and Tsar Ivan IV]. Leningrad: Nauka.

12. Skrynnikov, R.G. (1962) Kurbskiy i ego pis'ma v Pskovo-Pecherskiy monastyr' [Kurbsky and his letters to the Pskov-Pechersk Monastery]. In: Lurie, Ya.S. (ed.) *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Works of the Department of Old Russian Literature]. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 99–116.

13. Bogatova, G.A. (ed.) (1975) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th centuries]. Moscow: Nauka; Azbukovnik; Nestor-istoriya.

14. Filyushkin, A.I. (2007) *Andrey Mikhaylovich Kurbskiy: Prosopograficheskoe issledovanie i germeneyticheskiy kommentariy k poslaniyam Andrey Kurbskogo Ivanu Groznomu* [Andrei Mikhailovich Kurbsky: A prosopographic research and hermeneutic comment to the messages of Andrei Kurbsky to Ivan IV]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

15. Chernyshov, S.A. (2020) Ivan Groznyy – pervyy publitsist i polittekholog na moskovskom prestole [Ivan the Terrible – the first publicist and political strategist on the Moscow throne]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Politologiya. Religiovedenie*. 33. pp. 34–49.

Бекасова Елена Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Оренбургского государственного педагогического университета (Россия).

Elena N. Bekasova – Orenburg State Pedagogical University (Russia).

E-mail: bekasova@mail.ru

УДК 811.161.1'373.6

UDC

DOI: 10.17223/18572685/75/9

Польские императивные конструкции в русском деловом языке Петровской эпохи*

Д.В. Руднев^{1,2}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

² Институт лингвистических исследований РАН
Россия, 199053, г. Санкт-Петербург, Тучков пер., 9

E-mail: rudnevd@mail.ru

Авторское резюме

Представлены результаты изучения польских по происхождению императивных моделей в документных текстах эпохи Петра I, а именно: модели со значением обязывания *иметь, повинен, надлежать* (+ инфинитив), разрешения *позволить, дозволить, допускать/допускать, волен, вольно* (+ инфинитив), запрета *не повинен, не иметь, не надлежать, не вольно, не допускать, не позволить* (+ инфинитив). Их включение в русскую деловую речь стало частью общего процесса её обновления и модернизации в связи с административными реформами Петра I, а также способом окнижения деловой письменности, которая в Петровскую эпоху начинает приобретать более высокий культурный статус. Имелся ряд собственно лингвистических факторов, побуждавших создателей документов к включению польских императивных моделей в русский деловой язык. К их числу относится появление новых деловых жанров, например уставов и инструкций, для которых не было готовых речевых форм; эти жанры регулировали не только обязанности и запреты подчинённых, но и сферу разрешённых действий, что требовало включения в тексты соответствующих императивных моделей. В отличие от допетровской деловой письменности, где ведущим типом выражения императивности являлось инфи-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ № 24-28-00325 «Печатные указы петровского времени как источник изучения русского языка XVIII в.».

нитивное предложение, новые императивные модели опирались главным образом на двусоставное предложение, и, таким образом, их включение в язык документов было сигналом начавшейся смены синтаксических структур, используемых для выражения обязывания, разрешения и запрета. Заимствование польских императивных моделей могло происходить непосредственно из польского, но чаще это осуществлялось через посредство западнорусской речи. В статье прослеживается дальнейшая судьба заимствованных императивных моделей, некоторые из которых сохранились в современной деловой речи.

Ключевые слова: русский язык, деловой язык, XVIII в., Пётр I, польский язык, Западная Русь, заимствование, императивность

Polish imperative constructions in the Russian business language of the Petrine era*

Dmitriy V. Rudnev^{1,2}

¹ St. Petersburg State University

7–9 Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia;

² Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences

9 Tuchkov lane, St. Petersburg, 199053, Russia

E-mail: rudnevdm@mail.ru

Abstract

The article studies the imperative models of Polish origin in documentary texts of the Petrine era, namely: models with the meaning of obligation *imet'*, *povinen*, *nadlezhat'* (+ infinitive), of permission *pozvolit'*, *dozvolit'*, *dopuskat'*/*dopushchat'*, *volen*, *vol'no* (+ infinitive), of prohibition *ne povinen*, *ne imet'*, *ne nadlezhat'*, *ne vol'no*, *ne dopuskat'*, *ne pozvolit'* (+ infinitive). Their inclusion in Russian business speech became part of a more general process of renewal and modernization under Peter I's administrative reforms, as well as a way to make business writing, which in the Petrine era began to acquire a higher cultural status, more bookish. There were a number of linguistic factors

* The article is supported by the Russian Science Foundation Grant No. 24-28-00325 "Printed decrees of the Petrine era as a source for studying the Russian language of the 18th century".

that prompted the creators of documents to include Polish imperative models in the Russian business language. These include the emergence of new business genres, such as charters and instructions, for which there were no ready-made speech forms. These genres regulated not only the duties and prohibitions of subordinates, but also the permitted actions, which required corresponding imperative models. Unlike the pre-Petrine business writing, where the leading type of imperativeness was the infinitive sentence, new imperative models relied mainly on a two-part sentence and thus in the documents they signaled the beginning of a change in syntactic structures used to express prescription, permission, and prohibition. The Polish imperative models could be borrowed directly from Polish, but more often they came through Western Russian speech. The article traces the further history of borrowed imperative models, some of which can be met in the modern Russian business speech.

Keywords: Russian language, business language, 13th century, Peter I, Polish language, Western Rus', borrowing, imperativeness

Введение

Исследование русско-польских культурно-языковых связей имеет давнюю традицию. Изучению полонизмов в русском языке положил начало Я.К. Грот [10]. В XX и XXI вв. тема получила глубокое и много-стороннее развитие в трудах отечественных и зарубежных лингвистов (Н.Е. Ананьева, Д.А. Гадимова, Л. Гарбуль, Г. Милейковская, В.М. Тамань, Г.Д. Удалых, А.А. Уразбекова, В.М. Шетэля, И.А. Шушарина, Ja. Bielecka, S. Kochman, H. Leeming, M. Łesiów, M. Przytulecka, G. Rytter, M.-E. Sobik, W. Witkowski, A. Zoltán и др.). Объектом нашего изучения стали польские по происхождению императивные конструкции в русском деловом языке Петровской эпохи.

Петровские реформы были направлены на модернизацию различных сторон русского общества. Преобразования, проводимые в системе государственного управления, затронули и русскую деловую речь: новая деловая речь должна была отразить ряд изменений, произошедших в отношениях между царской властью, общественными институтами и подданными. Основные изменения в деловой речи этого периода сводились: 1) к изменению формуляра документов и в целом принципов их оформления [15; 23]; 2) появлению новых деловых жанров [14; 18; 24]; 3) славянизации деловой речи и введению в неё многочисленных заимствований [5; 19: 71–140; 20].

Процесс заимствований затронул даже такой консервативный элемент документов, как императивные формулы, при помощи которых оформляется их предписывающий характер. Деловая коммуни-

кация «характеризуется ярко выраженной стратегией воздействия адресанта на адресата с целью побуждения второго к совершению определенного (чаще всего посткоммуникативного) действия» [13: 4–5]. В стилистике эту черту деловой речи характеризуют как стилевую окраску долженствования, побудительность, директивность, предписывающий характер (прескриптивность), императивность и т.д. Императивность деловых текстов неоднородна и формируется тремя основными пластами лексики – с семантикой обязывания, разрешения и запрета, соответствующими трём способам правового регулирования, традиционно выделяемым юристами: положительно-му обязыванию (предписанию), дозволению и запрету.

Допетровские документы характеризовались устойчивым и очень ограниченным кругом императивных моделей: обязывание выражалось независимым инфинитивом, реже сослагательным наклонением или глаголом *велеть*, запрет – теми же моделями в сочетании с частицей *не*, разрешение – конструкциями *воля дается, на волю дается*. Например: *А которые солдаты состарьлись, или отъ чего увъчны, и ему [Ивану Палицыну] тьхъ солдатъ **осмотреть** самому, и про старость ихъ и про увъчье **розыскать** подлинно жъ...* (1679 г.); *...**вельно** тотъ хльбъ **платить** въ Великій Новгородъ, безъ доимки, а во Псковъ стръглецкого хльба **возить** имъ **не вельно*** (1679 г.); *...а похотятъ [торговые люди] ть товары послъ ярмонки сложить у города Архангелского въ анбары, и похотятъ тьми товары торговать у города послъ ярмонки и корабельного отъ города походу, и то **дать** имъ **на волю**...* (1679 г.); *...а торговымъ всякихъ чиновъ людемъ товаровъ своихъ и на покупку товаровъ денегъ **не таити**, и цъны съ товаровъ **не убавливати**...* (1687 г.) [1, 5: 54, 61, 69, 250].

В петровское время к старым моделям добавляются новые старославянские и иноязычные императивные формулы, в том числе польские по происхождению. Полонизмы проникали в русскую деловую речь либо напрямую из польского языка (известно, что Пётр I понимал польский язык, а некоторые сотрудники царя, например Б.П. Шереметев или Феофан Прокопович, свободно на нём говорили), либо – более вероятно – через посредство западнорусского речевого узуса или полонизированную речь выходцев из Западной Руси, игравших важную роль в петровских преобразованиях (см., например, [4]).

Дальнейшее изложение материала разделено в соответствии с тремя группами императивной лексики. Описываются польские по происхождению императивные модели, обнаруженные в документах петровского времени. У каждой модели описывается польский источник, случаи её употребления в польских документах и в деловой

письменности Западной и Юго-Западной Руси, из которой они могли быть заимствованы в документы петровского времени.

Источником русского языкового материала послужил сборник указов Петра I, впервые изданный в 1739 г. и в дальнейшем переиздававшийся на протяжении XVIII в. Отметим, что в XVIII в. слово *указ* использовалось не столько как дефиниция делового жанра, сколько как указание на то, что документ исходил непосредственно от верховной власти (монарха или органа, которому он делегировал свои полномочия). Сборник указов Петра I включает в свой состав не только собственно указы, но и документы иной жанровой природы – плакаты, манифесты, пункты, регламенты, инструкции, тариф и даже Ништадтский мирный договор (всего 762 текста за 1714–1725 гг.). Для упрощения оформления цитат было использовано издание 1777 г. [29], в отличие от первого издания имеющее единую пагинацию. Примеры, иллюстрирующие динамику употребления императивных моделей в послепетровской деловой письменности, извлекались из «Полного собрания законов Российской империи» [21], при описании состояния русской деловой речи до Петра I – из «Актов исторических» и дополнений к ним [1; 11]. Источниками иноязычного языкового материала стали сборники польских [32] и западнорусских документов XV–XVII вв. [2; 3]; извлечённые из них примеры должны проиллюстрировать особенности употребления анализируемых императивных моделей в деловых текстах тех языков, из которых они были заимствованы. Ограничение источниковой базы исследования небольшим числом сборников документов обусловлено ограниченным объёмом статьи и необходимостью упростить её научный аппарат.

1. Императивные модели с семантикой обязывания

Прежде всего отметим, что далеко не все модели, известные в польских и западнорусских документах, нашли отражение в деловых текстах петровского времени. Так, в петровских документах не представлен модальный оператор *мусить* (польск. *musieć*), широко распространённый и в польском деловом языке, и в западнорусских документах (сохранился в современных белорусском и украинском языках).

К числу моделей со значением предписания, проникших в деловую речь, относятся конструкции с модальными модификаторами *иметь* (*mieć*), *повинен* (*powinien*), *надлежать* (*należeć*).

1.1. Повинен (*powinien*). Предикатив *повинен* ‘должен’ встречался в документах петровского времени ограниченно, обычно в двусоставном предложении: *Въ каждое льто трожды повинень Комисарь*

пересматривать всѣ суды [судна] (1718 г.); ...сверхъ того оный преступникъ **повинень** заплатитъ штрафу... (1719 г.); ...и съ такихъ контрактовъ купецъ и продавецъ каждой токмо по гривнѣ съ челоуѣка въ таможенъ заплатитъ **повинны**... (1720 г.); ...ежели чей долгъ будетъ, то за него заплатитъ **повинны** тѣ порутчики... (1723 г.) [29: 92, 150, 261, 787]. Кроме того, отмечено его употребление в качестве безличного предиката: ...тогда недвижимое все **повинно** будетъ взять на Государя (1714 г.) [29: 8].

Предикатив *повинен* представляет собой заимствование польск. *powinien*; ср. *Woiewodzie będzie **powinien** zasieść, á Podstarości ma imieysze zasieść Starości* (1563 г.); *A ktorzy role **maią**, osobno płacić z nich **powinni***... (1564 г.) [32, 2: 626, 663–664]. В современном польском деловом языке *powinien* выражает долженствование с дополнительной модальной семой вынужденности [6: 13–14; 16: 15; 17: 194]).

В XV в. полонизм *повинен* проник в язык Западной Руси и в украинском и белорусском языках используется до сих пор [31: 27–28]. Его употребление фиксируется в западнорусской деловой письменности: ...а которые мѣщане корчомъ въ себѣ мѣти не будутъ и жаднымъ шинкомъ не будутъ ся обходити, тыи **повинни** будутъ давати въ годъ отъ дому по шесть грошей (1535 г.); ... а за то будутъ **повинни** мѣщане ратушѣ порадный збудовати, парканъ и башты около мѣста поправовать... (1569 г.) [2, 1: 85, 166].

В послепетровскую эпоху предикатив *повинен* становится редок и выходит из употребления в первой половине XVIII в.

1.2. Иметь (mieć). Значительно шире, чем предикатив *повинен*, распространяется в петровских документах модальный глагол *иметь*, восходящий к польск. *mieć*. Например: ...вышеписанная работа **имѣеть** начата быть, первыми въ 1719 году въ Апрель мѣсяцъ, а срокъ окончанію конечной въ 1720 году... (1718 г.); ...а въ завоеванныхъ Его Царскаго Величества городахъ отъ королевства Швецакаго **имѣеть** такъ содержатися, какъ прежде сего было... (1719 г.); ...а ежели кто сему указу будетъ противень, тотъ **имѣеть** быть подъ вышеписаннымъ же штрафомъ (1722 г.) [29: 103, 150, 450] и пр.

Глагол регулярно использовался в дипломатических текстах для «выражения предписываемых договором обязательств» как в Петровскую эпоху, так и «в позднейших дипломатических документах» [30: 12–13].

Модель *mieć* (+ инфинитив), известная в польском языке с XIII в. [Witkowski: 64], широко использовалась в старопольской деловой письменности: ...а Starostowie, wedle Statutu postąpić przeciw nim **maią**... (1563 г.); Tamże Sprawiedliwość Pograniczną postanowić **maią** (1564 г.); ...z ktorych też oni **maią** się weselić, y onych używać (1564 г.) [32, 2: 640, 649, 655] и т. д.

Польская конструкция могла быть результатом либо калькирования немецкой конструкции *haben zu* (калька XII–XIII вв. французского *avoir à*), либо влияния средневековой латыни (*habeo* + инфинитив) [31: 22–25]. Модель проникла в западнорусскую деловую письменность и там широко распространилась. С конца XIV – начала XV в. глагол *имети* появляется в памятниках старобелорусской и староукраинской письменности, «причём первоначально в основном в текстах, переведённых с польского языка, или документах, насыщенных полонизмами», а «с конца XV в. ...начинают употребляться формы *мати* и *мети*, причём на первых порах – тоже в переводных или полонизированных текстах» [9: 190]. Позже в белорусском и украинском языках остались только формы глагола без начального *и*. Например: *А той истный слуга нашъ Бѣдунъ, на имя Есифъ, **имаетъ** служити намъ и нашимъ дѣтемъ изъ того села двѣма стрѣльци, и на каждую нашу дорогу, гдѣ намъ потребизна (1408 г.); ...а злодѣя приличного, гдѣ коли имуть на чѣмъ имѣнью, тамъ же его **мають** и судити, тамъ же **маеть** и каранъ быти, подлугъ давного обычаю... (1501 г.); ...а игумень зъ братьею **мають** того смотрѣти, штобъ церкви Божой сполна было не умалено (1509 г.)* [2, 1: 6, 27, 41].

Хотя конструкция «*иметь* + инфинитив» известна в древнерусском языке как один из способов выражения будущего времени с оттенком долженствования, изредка желательности или возможности [12: 205–207], её распространение в документах Петровской эпохи в качестве средства выражения обязывания следует отнести к польскому (и западнорусскому) культурно-языковому влиянию (*mieć* + инфинитив). В русских текстах конструкция распространяется со второй половины XVI в., т. е. тогда же, когда активизируется польское влияние на русский язык. Для допетровской деловой письменности конструкция нехарактерна. Толковые словари отмечают исключительную редкость глагола *мети* в старорусском языке, его модальное употребление отмечается для XVII в. [26, 9: 127]. Для глагола *имети* такое употребление не отмечено [26, 6: 229].

В современном польском языке *mieć* в сочетании с инфинитивом имеет оттенок запланированности действия, семантически соответствуя русскому *предстоит*; «для официально-деловых документов и научных текстов глагол *mieć* нетипичен» [16: 16].

1.3. Надлежать (*należać*). Наибольшее распространение в документах петровского времени получил модальный глагол *надлежать*, восходящий к польск. *należać* [33: 115]:

*Во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ Фискаломъ, **надлежитъ** только провъдывать и доносить... (1714 г.); Того ради оную [юфть] **надлежитъ** дѣлать съ ворваннымъ саломъ (1715 г.); Когда войдутъ въ ту камору, **надлежитъ***

всѣмъ приступити къ столу, гдѣ балы, и открыть ящикъ... (1720 г.); ...а что по свидѣтельствуванію и по расположенію ихъ, такихъ подушныхъ денегъ съ нихъ [иноверцевъ] взять **надлежитъ**, о томъ прислать извѣстіе въ Сенатъ (1722 г.); ...а которыхъ по инструкции и по состоявшимся указамъ **надлежитъ** писать въ подушной зборъ, о тѣхъ чинить по тѣмъ указамъ (1723 г.); Пошлинные деньги **надлежатъ** плачены быть прежде, нежели товары изъ пакгауза хозяинъ возьметъ... (1724 г.) [29: 3, 44, 197, 571, 765, 888].

Глагол *należeć* в качестве модального оператора использовался в польских документах ограниченно: *Oznáymuiemy wszem, y káżdemu zosobná, ktorým to wiedzieć **należy*** (1565 г.) [32, 2: 675]; ...*y to wszystko co im wedle niey odprawować **należy**, kończyć moc mieć będą* (1611 г.) [32, 3: 40].

Из польского языка глагол *належать* проник в западнорусскую деловую письменность, однако в модальном значении 'следовать' использовался также очень ограниченно, главным образом в составе начальной формулы документов: *Ознаймуемъ тымъ листомъ нашимъ, нинѣшнимъ и напотомъ будучимъ, кому того въдати або слышати **належи*** (1570 г.) [2, 1: 172]; *Сѣзнамуемъ симъ нашимъ листомъ всимъ в обець, кому бы того потреба было и **належало** ведати* (1589 г.) [3: 59]; *Столнику и воеводу Путивскому князю Юрью Олексѣевичу Долгорукову дать въ Путивлю **належитъ*** (1647 г.) [2, 3: 99].

В старобелорусской и староукраинской письменности польский глагол *należeć* передавался как *належать*, хотя отмечены единичные случаи употребления *надлежать*: *Ведомо чиню тим моим листом, кому би о том ведать **надлежало*** (Укр. Гр. 1633 г., Вос. Укр. с Рос. Т. 1, № 77) [28: 127]. Примечательно, что приводимые В.И. Борковским примеры глагола *належать* в деловых текстах ограничиваются его использованием в составе начальной формулы. Глагол сохраняется в современном украинском (*належить*) и белорусском (*належыць*) языках. По-видимому, под влиянием западнорусской письменности глагол *належать* изредка встречался в старорусской письменности в значении 'быть должным, следовать, подлежать' [26, 10: 132]; например: ...*извѣстно учинилось, по доношенію нашей ... отчины бого-спасаемого града Кіева нашихъ царского величества бояръ и воеводъ, которымъ о томъ въдати **належитъ**, что...* [11, 11: 141], а также в начале XVIII в. [27, 13: 227].

Представляется важным факт гораздо более широкого употребления глагола *надлежать* в русской деловой письменности петровского времени, чем в польской и западнорусской деловой письменности. Глагол *надлежать* активно использовался в деловой письменности не только XVIII в., но и позже и сохраняется в русском языке до сих пор, хотя и сузил сферу своего употребления.

2. Императивные модели с семантикой разрешения

Эти модели широко представлены в русской деловой письменности Петровской эпохи и включают в свой состав конструкции *позволить* (*pozwolić*), *дозволить* (*dozwolić*), *допускать/допускать* (*dopuszczać/dopuszczać*), *волен* (*wolen*), *вольно* (*wolno*) и др. в сочетании с инфинитивом.

2.1. Позволить (*pozwolić*), дозволить (*dozwolić*).

(**позволить**): ...по чему не токмо **позволено**, оному [доносителю] явиться, но и денегъ въ фонарь пять сотъ рублевъ было поставлено (1714 г.); Того ради, снизходя сему, **позволяется** делать на продажу позументы и ленты с золотом и серебром (1718 г.); ...а буде кто похочетъ нынѣ гдѣ мостить каменныежъ мосты, и имъ въ томъ **позволяется**... (1722 г.); ...также **позволяется** изъ Лифландіи и Эстландіи привозить безошлинно [хлеб]... (1723 г.) [29: 32, 131, 487, 681] и пр.

(**дозволить**): ...гдѣ невозбранно входитъ имъ [челобитчикам] въ ту коллегію и въ другіе канцелярскіе суды **дозволено** есть... (1720 г.); ...тогда **дозволено** оному судье то дело вершить по надлежащим указам без помешательства (1720 г.) [29: 178, 213].

Оба глагола часто использовались в старопольской деловой письменности: ...у na ktore imiona takowa summa wziąć iest **pozwolona** (1565 г.); A ieśliby komu z dopuszczenia prawa abo urzędu taki arest był dopuszczon abo **dozwolon**, tedy ten co areштуie... (1576 г.); ...o takowe krzywdy do Sądu Grodzkiego pozywać się **pozwolili** (1578 г.); ...co in remunerandis meritis bene meritorum magna ex parte est positum, stanowić **dozwolono**... (1588 г.) [32, 2: 681, 935, 975, 1240].

В западнорусской деловой письменности также встречаются оба приставочных глагола, вначале чаще с приставкой *до-*, позже с приставкой *по-*: ...а на тыхъ рѣчкахъ на Оболи и на Олицы **дозволили** есмо ему ставы и млыны справити подлѣ его жъ двора (1500 г.); ...и **дозволилъ** есьми имъ съ тое пуци наше на тое будованье дерево брати и хоромы зрубити, што будетъ потребъ въ томъ манастырь... (1509 г.); Такжежъ **позволяемъ** ку мѣстскому пожитку млынъ збудовати на мѣстцы подобномъ на рѣцѣ на Свислоцы... (1553 г.); Даемъ тежъ и **позволяемъ** мѣщаномъ Ульскимъ у мѣстѣ Ульскомъ въ году два ярмарки волныхъ (1577 г.) [2, 1: 25, 40, 137, 209].

Глаголы *дозволять(ся)* и *позволять(ся)* использовались в русской деловой письменности на протяжении всего XVIII в., а затем и в XIX в. Для первой половины XVIII в. характерно доминирование глагола *позволять(ся)*, наоборот, глагол *дозволять(ся)* встречается в документах петровского времени очень редко и исключительно в форме *дозволено*.

В 1750-е гг. употребление глагола *дозволять(ся)* расширяется, а в екатерининскую эпоху он доминирует в деловых текстах, вытесняя из употребления глагол *позволять(ся)*: *...Буде обширность намѣстничества того требуетъ, то **дозволяется** учредить въ намѣстничествѣ болѣе одного верхняго земскаго суда* (1775 г.) [21, 20: 243].

Наоборот, глагол *позволять(ся)* редок в текстах 1760–1770-х гг., однако в 1780-е гг. его употребление начинает расширяться и к концу XVIII в. заметно активизируется: *Но какъ жителямъ тѣхъ городовъ необходимо нужны будутъ товары, служащіе къ пищу и одеждѣ, то **позволяется** въ нихъ иностранные товары выгружать безъ платежа пошлинъ...* (1776 г.) [21, 20: 386]; *За отпускаемые же из государства нашего товары **позволяется** брать пошлину всякими российскими ходячими деньгами или банковыми ассигнаціями...* (1796 г.) [21, 23: 937].

С 1830-х гг. в русском языке возникает модальный глагол *разрешить*, который начинает вытеснять полонизмы *дозволять* и *позволять*.

2.2. Вольно (wolno). Эта модель известна в допетровской письменности (в том числе деловой) и расширяет своё присутствие в русском деловом языке петровского времени: *Ежели кадетъ пойдетъ въ службу воинскую, и получить себѣ службу денги, на которые себѣ захочетъ купить деревни, дворы, или лавки, то ему **вольно** купить, однакожъ по седми лѣтъ службы его* (1714 г.); *Симъ образомъ, кромѣ водянаго края, **вольно** и деревянныя [строения] строить на Васильевскомъ островѣ по даннымъ рисункамъ печатнымъ* (1718 г.); *...для того **вольно** заимодавцу до срока и по срокъ закладную крѣпость по прежнему закладчику отдать, или записать...* (1720 г.); *...а построися ежели самъ кто не похочетъ во ономъ домѣ жить, то **вольно** имъ оной домъ продать торговымъ же людямъ постороннимъ, рускому или иноземцу...* (1724 г.) [29: 11, 89, 232, 869].

Активность употребления *вольно* снижается в 1730-е гг.: *...которая [арендная плата] положена за то, что имъ **вольно** было виномъ, пивомъ и медомъ шинковать, и во дворахъ своихъ держать безъявочно...* (1736 г.) [21, 9: 738]; *...тѣмъ, которые въ вышепоказанномъ намѣреніи къ конскому заводу чужестранныхъ лошадей къ себѣ вывозить желаютъ, **вольно** оныхъ безъ всякой пошлины приводить* (1737 г.) [21, 10: 100].

Тем не менее предикатив *вольно* продолжал изредка употребляться не только на протяжении всего XVIII в., но и в первой четверти XIX в.: *...а потому чтобы **вольно** было нѣсколькимъ повѣтамъ соединиться для составленія присутственнаго комплекта къ граничному процессу, по образу вышеупомянутыхъ правилъ* (1814 г.) [21, 32: 738]; *...что, по разуму Россійскихъ законовъ, **вольно** всякому в своемъ дѣль чинить доверіе...* (1821 г.) [21, 37: 575].

Предикатив *wolno* со значением разрешения возникает в польском языке в глубокой древности, возможно в дописьменный период. «Первый письменный пример предикативного наречия встречается в *Ortylach*, т. е. в юридическом тексте (переводе с немецкого) середины 15-го века» [31: 26]. В старопольском деловом языке он был регулярным и распространенным способом выражения разрешения: *A gdzieby niechciał, tedy temu który ma z nim Akcyę, wolno będzie u Nas iey prosić, á Kancelarya Nasza będzie iq winna dać* (1557 г.); *A wżakże ktorzy chcą ná czbie zostać, to im będzie wolno* (1562 г.); *...tedy nam dzie wolno innego na to mieysce dać y naznaczyć* (1563 г.) [32, 2: 606, 616, 636] и т. д.

Из польского языка модель проникла в западнорусские деловые тексты, хотя не исключено и параллельное развитие модальной семантики этого наречия:

...и тежъ волно ему и нашимъ людемъ близко своего двора въ льськони и быдло свое паствити... (1500 г.); И хотяжъ паномъ радамъ нашимъ ихъ милости волно есть, на потребы ихъ властныя, дерево и дрова безмытнѣ казати провадити... (1558 г.); ...и на кождое таковое свято [на празднование Троицы, Николая Чудотворца и Рождества Христова] волно имъ будетъ не болшъ, только по петнадцати пудовъ меду ваги Могилевское сытити... (1589 г.) [2, 1: 25, 145, 224].

В современных белорусском и украинском языках *вольно* не употребляется [31: 27].

Наречие *вольно* известно в древнерусском языке с глубокой древности: в значениях 'по собственной воле, по собственному усмотрению' и 'свободно, беспрепятственно' оно отмечается с XII–XIII вв. [25, 1: 471]. Как способ выражения разрешения *вольно* впервые фиксируется в смоленских и полоцких грамотах с начала XIII в., что позволяет предположить западнорусское языковое влияние на появление этих слов в русском языке. Слово встречается в грамоте митрополита Киприана конца XIV в.: *...а почнетъ каатись предъ смертію и плакати, исповѣдаа своя вины, ино пріяти его въ покааніе и причастіе дати ему, да оже смерть ся ему пригодить, тогды въ томъ паки волно будетъ, въ чемъ его поставитъ...* (1395 г.) [1, 1: 20]. Употребление *вольно* в грамоте Киприана вполне может быть результатом влияния деловой письменности Великого княжества Литовского, где он с 1375 по 1389 г. занимал митрополичью кафедру. В собственно русских документах употребление *вольно* регулярно отмечается со второй половины XVI в., однако не является частотным: *...а волно ей [царице Александре] та своя вотчина, какъ по еѣ душу Богъ пошлетъ, отдати въ монастырь, по своей душѣ, въ которой она похочетъ* (1587 г.) [1, 1: 414]; *А Королевскихъ воеводъ, и ратныхъ людей, и Русаковъ, которые служатъ Королю, Государя нашего въ земль не задержати, волно имъ*

Государя нашего въ землю прыйти и **волно** отойти назадъ, въ Свгю... (1609 г.) [1, 2: 182]; ...и имъ тое рыбу и рыбные запасы продавать **волно** же... (1653 г.) [1, 4: 183].

По мнению Л.П. Гарбуль, велика вероятность того, что предикатив *вольно* для выражения разрешения является в русском языке результатом не прямого заимствования из польского языка, а семантического заимствования из западнорусской письменности, учитывая «хронологию и достаточно высокую частотность использования слова в рассматриваемом значении здесь уже в XV в., хотя не исключено, что в XV–XVIII вв. бытование *вол(ь)но*... в русской письменности поддерживалось и польским языком» [8: 67].

2.3. Волен (wolен). Краткое прилагательное *волен* в значении 'обладающий правом, властью поступать по своей воле' [27, 4: 53] изредка встречается в деловой письменности петровского времени: *Ежели которая дѣвица возраста своего по осмнатцати лѣтъхъ у брата своего жить не похочетъ, то оная взявъ долю имѣнія своего, отойти отъ него **вольна** при свидѣтельхъ же* (1714 г.) [29: 8]; ...*однако жъ кто похочетъ такихъ векселей у себя даль не держать, тотъ **воленъ** ихъ изодрать или почернить, чтобъ никакого впредь соблазна к подлогамъ не было* (1729 г.) [21, 8: 168].

Модальное прилагательное *волен* продолжало употребляться в деловых текстах на протяжении всего XVIII в., хотя такой способ выражения разрешения не относился к числу частотных: ...и конкурс **воленъ** оное [имение банкрота] продать или на аренду отдать для полученія доходовъ по своему благоизобрѣтенію... (1800 г.) [21, 26: 452].

Этот способ выражения разрешения не являлся частотным в польском деловом языке: *Tedy od tych wszystkich Podatkow, **wolен** mа zostawać...* (1662 г.) [32, 4: 893]; ...*але każdy otrzymawszy w swojej krzywdzie Dekreta, one porządkiem prawnym, ad Executionem przywodzić **wolен** będzie* (1726 г.) [32, 6: 466].

Редок он и в западнорусской деловой письменности: ...а кого виноватого пожалуете ли, **волни** есте, показните ли противу какое вины, **волни** же есте... (1395 г.); ...но онъ [патриарх], по нашей къ нему великой духовной любви, **воленъ**, а не долженъ, къ намъ и къ своимъ сыновомъ богомолцомъ писатись, какъ его воля (1456 г.) [2, 1: 19, 500].

2.4. Допускать/допускать (dopusćić/dopuszczać). Эти глаголы в значении 'разрешать' изредка встречаются в русском языке с конца XVI в. [26, 4: 321]. В документах петровского времени происходит заметное увеличение их частотности, причем обнаруживаются некоторые особенности в их употреблении: глагол *допускать* преимущественно встречается при выражении разрешения (в этом значении не отмечен в [27, 6: 216–217]) и значительно реже в отрицательной форме для

выражения запрета, в то время как глагол *допускать* почти всегда стоит в отрицательной форме и выражает запрет. Приведём примеры употребления глаголов *допускать* и *допускать* при выражении разрешения: *А селитру, которая намъ не надобна будетъ, продавать допущается, токмо отнюдь безъ повелѣнія коллегіи въ чужіе краи, не отпускать* (1719 г.); *...также аптеки свои нѣкоторымъ физикамъ отъ тоя коллегіи Медицинской въ то время ко оному дѣлу приставленнымъ, допускать* ежегодно осматривать... (1721 г.); *...должны всѣ о себѣ въ таможенъ объявлять и досматривать допускать* подъ опасеніемъ жестокаго штрафа (1724 г.) [29: 167, 345, 881].

Глагол *допускать* в значении разрешения используется в современном русском языке; возвратный глагол *допускаться* продолжает употребляться в современной деловой письменности.

Глаголы *dopusćić* и *dopuszczać* были широко представлены в старопольской деловой письменности (в том числе в отрицательной форме): *...á to coby im było przeciwnego, ani sami czynić będziemy, ani innym czynić dopuścimy* (1550 г.); *...ani za Listy Naszemi nie dopuszczali, wszelákich towarow wywozić, ani wyganiać z Granic Koronnych, tylko Cudzoziemom wolno to być ma...* (1565 г.); *...ustawiać dopuścić nie mamy* (1576 г.); *Osiadłemu człowiekowi, nie ma być dopuszczon areшт na pieniądze iego sądownie położone abo opisane...* (1576 г.) [32, 2: 593, 685, 901, 933].

В западнорусских деловых текстах глаголы *допустить* и *допускать* также широко использовались для выражения разрешения: *Били намъ чоломъ войтъ и вси мѣщане мѣстечка нашего Сеневаскій и покладали передъ нами листъ нашъ, которымъ листомъ допустили есмо тамъ на Сеневацъ садитися мѣстечку...* (1534 г.); *Допускаемъ тежъ въ томъ мѣстѣ нашомъ мѣти важницю, и тежъ топницю, и весь воскъ тамъ же растопленный печатью ихъ назнаменовать, и съ того вжитки ку посполитому доброму мають заховати* (1552 г.); *...абы онъ [киевский воевода] въ томъ отъ мѣщанъ Кіевскихъ монастырь боронилъ и не допускать* тому дворцу монастырскому никотороу кривды чинити (1566 г.) [2, 1: 84, 136, 155].

В русском языке появление глаголов *допустить* и *допускать* в значении разрешения было обязано, видимо, воздействию языка западнорусских выходцев, т. е. являлось результатом семантического калькирования. В деловой письменности допетровского времени глагол *допускать* не употреблялся; глагол *допускать* изредка использовался в значении 'позволить приблизиться, прийти куда-л., дойти до кого-л., войти к кому-л.' [26, 4: 321]: *...также Свѣскіе подданные, которые великого государя городѣхъ учнутъ о какихъ дѣлѣхъ своихъ бити челомъ, и съ тѣми бѣ ихъ челобитными самихъ до воеводъ допускали* невозбранно... (1662 г.) [11, 4: 271].

3. Императивные модели с семантикой запрета

При выражении запрета встретились польские модели *не повинен, не иметь, не надлежит, не вольно, не допускать, не позволять* в сочетании с инфинитивом. Не останавливаясь на истории вхождения этих моделей в русский язык, рассмотренной ранее, приведём примеры их употребления: *...такожде никто изъ таковыхъ новыхъ подданныхъ въ службу принуждёнъ быть не имѣть, но каждому позволяется и вънѣ службы промыслъ свой отправлять* (1721 г.); *...и подаютъ [изъ коллегій] въ Сенатъ доношеніи, какихъ по регламенту принимать не надлежитъ...* (1723 г.); *...такъ, чтобъ не вольно было ему полстей продавать, ежели положенной части шляпъ притомъ не будетъ...* (1723 г.) [29: 319, 723, 777]; *Караульщики пороховыхъ погребовъ не повинни никого пускать во оныя...* (1722 г.) [21, 6: 559].

Употребление *не повинен* прослеживается в документах до начала 1730-х гг., *не надлежит* регулярно используется до 1760-х гг. и далее теряет свою продуктивность. Модель *не иметь* (+ инф.) продолжает использоваться в дипломатических документах в XIX в.

Модели с глаголами *не допускать* и *не позволять* регулярно использовались для выражения запрета как в Петровскую эпоху, так и позже: *...а безъ такихъ свидѣтельствованныхъ писемъ жениться ихъ [не окончившихъ цифирную школу] не допускать и вънечныхъ памятей не давать...* (1714 г.); *Того ради смотритъ прильжно, чтобъ они [армяне] купечество свое отправляли противъ того, какъ въ трактатѣ имъ позволено, а больше того отнюдь не позволять...* (1716 г.); *...и впредь черныхъ избѣ и другихъ съ деревянными трубами дѣлать не допускать...* (1722 г.); *...торговать ундеръ офицерамъ и рядовымъ отнюдь не допускать ни подъ какимъ видомъ, кромѣ своего мастерства* (1724 г.) [29: 2, 60, 417, 1017]; *...и того ради не позволяется, чтобъ которой фамилии одной всѣ были во оной гражданской службѣ, но по пропорции и воинской* (1720 г.) [21, 6: 154].

Употребление *не допускать* и *не позволять* выходит за пределы Петровской эпохи; возвратная форма *не допускаться* используется в деловой письменности вплоть до нашего времени: *...въ противномъ же случаѣ не допускать и наставлять ихъ [казенныхъ крестьянъ] къ составленію пользы предписанными въ экономическихъ правилахъ мѣрами...* (1808 г.) [21, 30: 475]; *...и никакія исключительныя въ пользу ихъ [иностранныхъ комиссионеровъ] настоянія не допускаются* (1822 г.) [21, 38: 413]; *Въ 3-хъ, изъ санктпетербургскаго порта лесу выпуска за море не позволять...* (1799 г.) [21, 25: 920]; *Ему [секретарю архива] не позволяется изъ онаго ничего выдавать безъ росписокъ, даже и самимъ академикамъ* (1803 г.) [21, 27: 792].

Заключение

Наблюдения показывают широкое употребление польских по происхождению императивных моделей в деловом языке петровского времени, особенно моделей со значением разрешения. Даже ослабление польского культурного влияния после 1730-х гг. не привело к их исчезновению в русском деловом языке: некоторые модели ограничено употребляются в русской деловой речи до сих пор. Причины проникновения этой группы полонизмов в русский деловой язык лежат в различных сферах – прагматической, социолингвистической, лингвостилистической и собственно лингвистической.

Петровские реформы в разных сферах затронули и область администрирования, в том числе и язык управления, т. е. деловой язык. Новые принципы управления требовали новых способов речевого оформления документов, и польский язык стал одним из ресурсов, из которого черпались новые речевые модели делового языка. Ближе к середине XVIII в. русский деловой язык начнет ориентироваться на немецкие и французские модели, но в Петровскую эпоху важным источником оставался польский язык, с которым русский язык активно взаимодействовал с середины XVI в. Заимствование польских императивных моделей могло происходить непосредственно из польского, но чаще через посредство западнорусской речи: многие участники Петровских реформ были западнорусскими выходцами, для которых польские императивные модели были давно освоенными заимствованиями их родной речи. Примечательно, что в проектах законов, написанных собственноручно Петром I, встречаются полонизмы *надлежать* [7: 35, 37, 39 и др.], *повинен* [7: 87, 114 и др.], *позволить* [7: 137, 363 и пр.], *вольно* [7: 260, 394 и др.] и т. д., указывающие на их распространённость в речи людей, являвшихся авторами законодательных и распорядительных документов.

К числу лингвостилистических причин, обусловивших проникновение новых императивных моделей в русский деловой язык, относится появление новых деловых жанров, для которых не было готовых речевых форм, а также то, что заимствованные императивные модели выступали в качестве своеобразного элемента окнижения деловой письменности, которая в петровский период начинает приобретать более высокий культурный статус. Шире всего польские императивные модели использовались в инструкциях и уставах, т. е. новом типе деловых текстов. Так, в «Артикуле воинском» конструкция «иметь + инфинитив» встречается 155 раз, «надлежит + инфинитив» – 68 раз, в «Генеральном регламенте» модель «надлежит + инфинитив» использована 77 раз, «иметь + инфинитив» – 47 раз.

В «Адмиралтейском регламенте» широко представлены модальные операторы *надлежать, иметь, повинен* (см. [22]). В многочисленных документах петровского времени требовалось оговаривать не только обязанности и запреты, но и сферу разрешённых действий, которая в допетровском деловом языке описывалась редко и не имела устойчивых способов выражения.

Новые императивные модели опирались главным образом на двусоставное предложение, широко используемое в европейских деловых текстах, между тем для допетровской деловой письменности ведущим способом выражения императивности являлось односоставное инфинитивное предложение. Процесс вытеснения односоставных предложений шёл медленно на протяжении всего XVIII в. Возможно, широкое использование в Петровскую эпоху безличных модальных операторов типа *надлежать, вольно* было обязано тому, что они легко сочетались с привычной русской инфинитивной моделью выражения императивности.

В отличие от инфинитивной модели выражения предписания и запрета, синтаксически ограниченной инфинитивным предложением, главной частью сложноподчинённого предложения и отчасти придаточным определительным, модели с модальными словами не имели таких ограничений и могли занимать любую синтаксическую позицию, т. е. обладали большей свободой употребления в составе сложного предложения.

Польские императивные модели не были простым заимствованием и получили самостоятельное развитие на русской почве. К числу моделей, получивших развитие в русском деловом языке, относится глагол *надлежать*, глаголы *дозволять* и *позволять*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею: в 5 т. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841–1842.
2. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1–15. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1863–1892.
3. Белорусский архив древних грамот. М.: В тип. С. Селивановскаго, 1824. XVI, 148 с.
4. Булахов М.Г. Старобелорусский язык как посредник в русско-польских языковых связях XVI–XVII вв. // Славянские литературные языки в донациональный период: тезисы докладов. М.: б. и., 1969. С. 10–11.

5. Вакуленко Т.П. Формирование и функционирование административно-канцелярской лексики в русском языке XVIII века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1989.

6. Ваулина С.С., Магдалинская Е.Н. Модальное микрополе необходимости в официально-деловых документах русского и польского языков // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. № 8. С. 12–17.

7. Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники, 1: Акты о высших государственных установлениях. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1945. XLIV, 602 с.

8. Гарбуль Л.П. Межславянские семантические заимствования в русском приказном языке XVII века // Slavistica Vilnensis. 2014. Т. 59. С. 63–80.

9. Гарбуль Л.П. Семантические полонизмы в документах Посольского приказа первой половины XVII века // Slavistica Vilnensis. 2003. Т. 52, № 2. С. 187–192.

10. Грот Я.К. Слова, взятые с польского или чрез посредство польского // Грот Я.К. Филологические разыскания. 2-е, значительно пополненное изд.: в 2 т. СПб.: Тип. Императорской Акад. наук, 1876. Т. 1. С. 483–486.

11. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею: в 12 т. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1846–1872.

12. Дронова Л.П. Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. 256 с.

13. Комлева Е.В. Лингвостилистические особенности выражения побудительности в текстах официально-деловой прозы (на материале современного немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. 18 с.

14. Лукашевич А.А. Виды документов в Российском государстве первой половины XVIII в. (на материале Генерального регламента) // Советские архивы. 1991. № 4. С. 38–46.

15. Лукашевич А.А. Модернизация формуляра документа государственного делопроизводства законодательством первой четверти XVIII века // Исследования по источниковедению истории России дооктябрьского периода: сборник статей. М.: ИРИ, 1993. С. 189–210.

16. Магдалинская Е.Н. Ситуативная модальность как функционально-семантическая полевая структура (на материале современных русского и польского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2015. 23 с.

17. Магдалинская Е.Н. Экспликативные модальные значения необходимости в русском и польском языках (на материале научных текстов) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2011. № 2 (14). С. 192–196.

18. Майоров А.П. К вопросу о классификации жанров русской деловой письменности XVIII в. (на материале памятников Забайкалья) // Вестник РГНФ. 2006. № 1. С. 141–148.

19. Майоров А.П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М.: Азбуковик, 2006. 261 с.
20. Майоров А.П. Славянизмы в деловом языке 1-й половины XVIII века // Филологические науки. 2009. № 4. С. 29–36.
21. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. 1–45. СПб.: Тип. 2-го отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1830.
22. Руднев Д.В., Пушкарева Н.В. Регламенты петровского времени в аспекте императивности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2021. Т. 20, № 4. С. 36–49. doi: 10.15688/jvolsu2.2021.4.3
23. Руднев Д.В., Садова Т.С. Деловая речь Петровской эпохи: наследие прошлого или радикальное преобразование? // Литературная культура России XVIII века. Вып. 8 / под ред. П.Е. Бухаркина, Е.М. Матвеева. СПб.: Геликон Плюс, 2019. С. 169–189.
24. Русанова С.В. Трансформация приказной памяти в условиях преобразования регионального делопроизводства в первой половине XVIII века // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 10. С. 70–74.
25. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / гл. ред. Р.И. Аванесов. Т. 1–13. М.: Русский язык, 1988–2023.
26. Словарь русского языка XI–XVII вв. / отв. ред. С.Г. Бархударов. Вып. 1–32. М.: Наука: Азбуковник, 1975–2023.
27. Словарь русского языка XVIII века / гл. ред. Ю.С. Сорокин. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1984–1991. Вып. 1–6; СПб.: Наука. Санкт-Петербургское отделение, 1992–2019. Вып. 7–22.
28. Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Типы простого предложения. М.: Наука, 1968. 291 с.
29. Указы блаженные и вечnodостойныя памяти государя императора Петра Великого самодержца всероссийского состоявшиеся с 1714, по кончину его императорского величества, генваря по 28 число 1725 году. Печатаны третьим тиснением. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1777. 1096 с.
30. Шердакова Л.Н. Синтаксические особенности языка дипломатических документов конца XVII – начала XVIII вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1960. 20 с.
31. Besters-Dilger J. Модальность в польском и русском языках. Историческое развитие выражения необходимости и возможности как результат вне- и межславянского влияния // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 1997. Vol. 43. S. 17–31.
32. Leges, statuta, constitutiones privilegia regni Poloniae, Magni ducatus Lithuaniae, omniumq. provinciarum annexarum, à Comitibus Visliciae anno 1347 celebratis usque ad ultima regni Comitibus. T. 1–6. Warszawa: In typ.... Reipublicae collegij Varsaviensis, 1732–1739.

33. Witkowski W. Nowy słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim. Kraków: Universitas, 2006. XXIV, 249 s.

REFERENCES

1. Russia. (1841–1842) *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissieyu* [Historical Acts Collected and Published by the Archaeographic Commission]. St. Petersburg: Tipografiya Ekspeditsii zagotovleniya gosudarstvennykh bumag.

2. Kostomarov, N.I. (ed.) (1863–1892) *Akty, otnosyashchiesya k istorii Yuzhnoy i Zapadnoy Rossii, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissieyu* [Acts Relating to the History of Southern and Western Russia, Collected and Published by the Archaeographic Commission]. St. Petersburg: Tipografiya Eduarda Pratsa.

3. Anon. (1824) *Belorusskiy arkhiv drevnikh gramot* [The Belarusian Archive of Ancient Letters]. Moscow: S. Selivanovsky.

4. Bulakhov, M.G. (1969) *Starobelorusskiy yazyk kak posrednik v russko-pol'skikh yazykovykh svyazyakh XVI–XVII vv.* [Old Belarusian Language as a Mediator in Russian-Polish Linguistic Relations in the 16th–17th Centuries]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskije literaturnye yazyki v donatsional'nyy period* [Slavic Literary Languages in the Pre-National Period]. Moscow: [s.n.]. pp. 10–11.

5. Vakulenko, T.P. (1989) *Formirovanie i funktsionirovanie administrativno-kantselyarskoy leksiki v russkom yazyke XVIII veka* [Formation and Functioning of Administrative Chancery Vocabulary in the Russian Language of the 18th century]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kyiv.

6. Vulina, S.S. & Magdalinskaya, E.N. (2012) *Modal'noe mikropole neobkhodimosti v ofitsial'no-delovykh dokumentakh russkogo i pol'skogo yazykov* [Modal Microfield of Necessity in Official Business Documents of Russian and Polish Languages]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*. 8. pp. 12–17.

7. Voskresenskiy, N.A. (1945) *Zakonodatel'nye akty Petra I. Redaktsii i proekty zakonov, zametki, doklady, donosheniya, chelobit'ya i inostrannye istochniki* [Legislative Acts of Peter I. Editions and Draft Laws, Notes, Reports, Petitions and Foreign Sources]. Vol. 1. Moscow, Leningrad: USSR AS.

8. Garbul, L.P. (2014) *Mezhslavyanskije semanticheskie zaimstvovaniya v russkom prikaznom yazyke XVII veka* [Inter-Slavic semantic borrowings in the Russian chancery language of the 17th century]. *Slavistica Vilnensis*. 59. pp. 63–80.

9. Garbul, L.P. (2003) *Semanticheskie polonizmy v dokumentakh Posol'skogo prikaza pervoy poloviny XVII veka* [Semantic Polonisms in the Documents of the Ambassadorial Prikaz of the First Half of the 17th Century]. *Slavistica Vilnensis*. 52(2). pp. 187–192.

10. Grot, Ya.K. (1876) *Filologicheskie razyskaniya* [Philological Research]. 2nd ed. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 483–486.
11. Russia. (1846–1872) *Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu kommissieyu* [Additions to Historical Acts Collected and Published by the Archaeographic Commission]. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery.
12. Dronova, L.P. (2006) *Stanovlenie i evolyutsiya modal'no-otsenочноy leksiki russkogo yazyka: etnolingvisticheskiy aspekt* [Formation and Evolution of Modal-Evaluative Vocabulary of the Russian Language: A Ethnolinguistic Aspect]. Tomsk: Tomsk State University.
13. Komleva, E.V. (2003) *Lingvostilisticheskie osobennosti vyrazheniya pobuditel'nosti v tekstakh ofitsial'no-delovoy prozy (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka)* [Linguo-Stylistic Features of Expressing Incentive in the Official Texts (Based on the Material of Modern German)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saint Petersburg.
14. Lukashevich, A.A. (1991) *Vidy dokumentov v Rossiyskom gosudarstve pervoy poloviny XVIII v. (na materiale General'nogo reglamenta)* [Types of Documents in the Russian State in the First Half of the 18th Century (Based on the General Regulations)]. *Sovetskie arkhivy*. 4. pp. 38–46.
15. Lukashevich, A.A. (1993) *Modernizatsiya formulyara dokumenta gosudarstvennogo deloproizvodstva zakonodatel'stvom pervoy chetverti XVIII veka* [Modernization of the Document Form for State Office Work by Legislation of the First Quarter of the 18th Century]. In: Kuchkin, V.A. (ed.) *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii Rossii dooktyabr'skogo perioda* [A Research on Source Studies of the History of Russia in the Pre-October Period]. Moscow: IRI. pp. 189–210.
16. Magdalinskaya, E.N. (2015) *Situativnaya modal'nost' kak funktsional'no-semanticeskaya polevaya struktura (na materiale sovremennykh russkogo i pol'skogo yazykov)* [Situational Modality As a Functional Semantic Field Structure (Based on the Material of Modern Russian and Polish Languages)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kaliningrad.
17. Magdalinskaya, E.N. (2011) *Eksplikatory modal'nogo znacheniya neobkhodimosti v russkom i pol'skom yazykakh (na materiale nauchnykh tekstov)* [Explications of Modal Meaning of Necessity in Russian and Polish Languages (On the Basis of Scientific Texts)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie*. 2(14). pp. 192–196.
18. Mayorov, A.P. (2006) *K voprosu o klassifikatsii zhanrov russkoy delovoy pis'mennosti XVIII v. (na materiale pamyatnikov Zabaykal'ya)* [On the Issue of Classification of Genres of Russian Business Writing of the 18th Century (Based on the Monuments of Transbaikalia)]. *Vestnik RGNF*. 1. pp. 141–148.
19. Mayorov, A.P. (2006) *Ocherki leksiki regional'noy delovoy pis'mennosti XVIII veka* [Essays on the Vocabulary of Regional Business Writing of the 18th Century]. Moscow: Azbukovik.

20. Mayorov, A.P. (2009) Slavyanizmy v delovom yazyke 1-y poloviny XVIII veka [Slavonicisms in Business Language of the 1st Half of the 18th Century]. *Filologicheskie nauki*. 4. pp. 29–36.

21. Russia. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii. Sobranie pervoe: s 1649 po 12 dekabrya 1825 goda* [Complete Laws of the Russian Empire. First Part: From 1649 to December 12, 1825]. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery.

22. Rudnev, D.V. & Pushkareva, N.V. (2021) Reglamenti petrovskogo vremeni v aspekte imperativnosti [Regulations of the Petrine Time in the Aspect of Imperativeness]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie*. 20(4). pp. 36–49. doi: 10.15688/jvolsu2.2021.4.3

23. Rudnev, D.V. & Sadova, T.S. (2019) Delovaya rech' Petrovskoy epokhi: nasledie proshlogo ili radikal'noe preobrazovanie? [Business Speech of the Peter the Great Era: Legacy of the Past or Radical Transformation?]. In: Bukharkin, P.E. & Matveev, E.M. (eds) *Literaturnaya kul'tura Rossii XVIII veka* [Literary Culture of Russia in the 18th Century]. Vol. 8. St. Petersburg: Gelikon Plyus. pp. 169–189.

24. Rusanova, S.V. (2012) Transformatsiya prikaznoy pamyati v usloviyakh preobrazovaniya regional'nogo deloproizvodstva v pervoy polovine XVIII veka [Transformation of Mandatory Memory under Conditions of Reform of the Regional Record Keeping in the First Half of the XVIII Century]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 10. pp. 70–74.

25. Avanesov, R.I. (ed.) (1988–2023) *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.)* [The Old Russian Dictionary]. Vol. 1–13. Moscow: Russkiy yazyk.

26. Barkhudarov, S.G. (ed.) (1975–2023) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th Century]. Vol. 1–32. Moscow: Nauka.

27. Sorokin, Yu.S. (ed.) (1984–2019) *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century]. Vols. 1–22. Leningrad; St. Petersburg: Nauka.

28. [Borkovskiy, V.I.] (1968) *Sravnitel'no-istoricheskiy sintaksis vostochnoslavyanskikh yazykov. Tipy prostogo predlozheniya* [Comparative-Historical Syntax of East Slavic Languages. Types of Simple Sentence]. Moscow: Nauka.

29. Russia. (1777) *Ukazy blazhennyya i vechnodostoynyya pamyati Gosudarya Imperatora Petra Velikago Samoderzhitsa Vserossiyskago. Sostoyavshiyasya s 1714, po konchinu Yego Imperatorskago Velichestva, Genvaryaya po 28 chislo, 1725 godu* [Decrees of the Blessed and Eternally Worthy of the Memory of the Sovereign Emperor Peter the Great Autocrat of All Russia. Held from 1714, after the Death of His Imperial Majesty, January 28, 1725]. 3rd ed. St. Petersburg: Imperial Academy of Science.

30. Sherdakova, L.N. (1960) *Sintaksicheskie osobennosti yazyka diplomaticheskikh dokumentov kontsa XVII – nachala XVIII vv.* [Syntactic Features of the Language

of Diplomatic Documents of the Late XVII – Early XVIII Centuries]. Abstract of Philology Cand. Diss. Leningrad.

31. Besters-Dilger, J. (1997) *Modal'nost' v pol'skom i russkom yazykakh. Istoricheskoe razvitie vyrazheniya neobkhodimosti i vozmozhnosti kak rezul'tat vne- i mezhslavyanskogo vliyaniya* [Modality in Polish and Russian. Historical Development of the Expression of Necessity and Possibility as a Result of Extra- and Inter-Slavic Influence]. *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. 43. pp. 17–31.

32. Poland. (1732–1739) *Leges, statuta, constitutiones privilegia regni Poloniae, Magni ducatus Lithvaniae, omniumq[ue], provinciarum annexarum, à Comitiis Visliciae anno 1347 celebratis usque ad ultima regni Comitiae*. Vol. 1–6. Warszawa: Reipublicae collegij Varsaviensis.

33. Witkowski, W. (2006) *Nowy słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim*. Kraków: Universitas.

Руднев Дмитрий Владимирович – д-р филол. наук, канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Россия), ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН (Россия).

Dmitriy V. Rudnev – St. Petersburg State University (Russia); Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia).

E-mail: rudnevd@mail.ru

УДК 81-114.4

UDC

DOI: 10.17223/18572685/75/10

Картины мира славянских народов: особенности представления в современном лингводидактическом дискурсе*

А.В. Курьянович¹, Е.А. Серебренникова²

^{1,2} Томский государственный педагогический университет

Россия, 634061, г. Томск, ул. Киевская, 60

¹ E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru

² E-mail: serebrennikova808@gmail.com

Авторское резюме

Изучение средств и способов объективации картины мира в текстах разной дискурсивной принадлежности является актуальной и перспективной задачей современных лингвистических исследований. Лингводидактический дискурс воплощает установки коммуникантов, связанные с проявлением ими внимания к изучению иностранного языка. Представленная в лингводидактических текстах дискурсивная картина мира отражает специфику той или иной лингвокультуры, ориентированную на восприятие и рецепцию носителей других языков. Цель статьи – выявление универсальных, проявляющих активность во всех национальных дискурсивных картинах мира, а также менее устойчивых, характерных в большей степени для конкретных лингвокультур, концептов. Материалом для анализа выступают современные учебники славянских языков (русского, белорусского, болгарского, польского, украинского и чешского) как иностранных. Посредством контент-анализа текстовой информации выделены концепты, структурирующие лингводидактическую дискурсивную картину мира. В их числе общими для концептуального содержания всех анализируемых текстов являются концепты ЧЕЛОВЕК, ЯЗЫК. Круг репрезентирующих

* Работа выполнена в рамках реализации научно-исследовательского проекта из приносящей доходы деятельности ТГПУ № Г.01/2024 от 05.02.2024 «Создание и использование методического ресурса объектов городского стрит-арта как маркеров культурного кода Томска в практике преподавания РКИ и РКН».

их лексем составляют наиболее частотные единицы. Данный факт обуславливается общностью миропонимания, сформированной языческой мифологией, близостью территорий, родством языков. Особо подчёркивается роль дискурса, определяющего выдвигание позиции человека как носителя языка, ориентированного на знакомство с чужой лингвокультурой. Характерные преимущественно для конкретной национальной дискурсивной картины мира концепты (таков, например, концепт ПРИРОДА в белорусской лингвокультуре) отличаются большей степенью национально-исторической обусловленности. В их репрезентации задействуются лексические единицы, менее частотные для лингводидактических текстов. Предложенная методика анализа дискурсивной картины мира оценивается как продуктивная, способствующая осуществлению разноаспектных кросскультурных исследований.

Ключевые слова: лингводидактический дискурс, учебник славянского языка как иностранного, дискурсивная картина мира, концепт, контент-анализ, семантическая группа слов

Pictures of the world of Slavic peoples: Specificity of representation in modern linguodidactic discourse*

Anna V. Kurjanovich¹, Elena A. Serebrennikova²

^{1,2} Tomsk State Pedagogical University
60 Kievskaya Street, Tomsk, 634061, Russia

¹ E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru

² E-mail: serebrennikova808@gmail.com

Abstract

The study of means and methods of objectifying the picture of the world in texts of different discursive affiliations is an urgent and promising task of modern linguistic research. Linguodidactic discourse embodies the attitudes of communicants associated with their attention to learning a foreign language. The discursive picture of the world

* The work was carried out as part of the the research project from the income-generating activities of the TSPU No. G.01/2024 dated 02/05/2024 "Creation and use of a methodological resource of urban street art objects as markers of the Tomsk cultural code in teaching RFL and RKN".

presented in linguodidactic texts reflects the specificity of a particular linguistic culture, focused on reception of speakers of other languages. The article aims at identifying universal concepts that are active in all national discursive pictures of the world, as well as less stable concepts that are more characteristic of specific linguistic cultures. The material for analysis is modern textbooks of Slavic languages (Russian, Belarusian, Bulgarian, Polish, Ukrainian, and Czech) as foreign ones. The content analysis of textual information is used to identify the concepts structuring the linguodidactic discursive picture of the world. Among them, the concepts *chelovek*, *yazyk* are common to the conceptual content of all analyzed texts. The range of lexemes representing them is made up of the most frequent units. This fact is determined by the common understanding of the world, formed by pagan mythology, the proximity of territories, and the kinship of languages. A particular emphasis is placed on the role of discourse, which determines the promotion of a person's position as a native speaker, focused on getting to know someone else's linguistic culture. Concepts that are primarily characteristic of a specific national discursive picture of the world (for example, the concept *priroda* in Belarusian linguistic culture) are distinguished by a greater degree of national-historical conditionality. Their representation involves lexical units that are less frequent in linguodidactic texts. The proposed methodology for analyzing the discursive picture of the world is assessed as productive, facilitating the implementation of multi-aspect cross-cultural research.

Keywords: linguodidactic discourse, textbook of Slavic as a foreign language, discursive picture of the world, concept, content analysis, semantic group of words

Актуальной и перспективной задачей современных лингвистических исследований выступает изучение средств и способов объективации картины мира как глобального образа окружающей действительности, существующего в сознании языковой личности. Особый интерес вызывает анализ способов и средств воплощения картины мира в текстах разной дискурсивной принадлежности.

Основываясь на узкой трактовке термина «лингводидактика» (Ю.П. Богачев, А.К. Крупченко и др.), под *лингводидактическим дискурсом* понимаем разновидность учебной поликультурной коммуникации, цель которой составляет изучение иностранного языка [12; 19; 36], опосредованное в том числе таким типом текста, как *учебник национального языка как иностранного*. Наряду с универсальными характеристиками учебных текстов любой предметной направленности (системным подходом к освещению учебного материала, доступным стилем и языком изложения, непротиворечивостью содержания по отношению к научному контексту, строгой логичностью и пр.) совре-

менные лингводидактические учебники отличаются этно-, лингво- и кросскультурной направленностью, что позволяет рассматривать их в качестве средства изучения *дискурсивной картины мира* (ДКМ) – функционального варианта национальной картины мира [21–23] и инструмента формирования вторичной картины мира в сознании вторичной языковой личности как адресата текста [6; 15].

Специфика ДКМ, объективированной в лингводидактических учебниках, определяется обучающим ресурсом последних. С конца XX в. в лингводидактике зарождается особое направление – *методика преподавания близкородственных языков*, оформившаяся в русле *контрастивного* подхода. Данная методика, безусловно, не поддаётся однозначной оценке, поскольку в ходе реализации с точки зрения достижения образовательных результатов демонстрирует как преимущества, так и недостатки. К положительным сторонам этой методики можно отнести благоприятную роль ситуаций узнаваемости и идентификации языковых фактов благодаря наличию фонда общей лексики, сходных грамматических структур. Однако высокая степень межъязыковой интерференции в ситуации внешнего – «обманчивого» – сходства имеет риск возникновения «побочных» эффектов в виде небрежного перевода, недооценки нюансов звучания и/или значения.

Фундамент сопоставительного изучения славянских языков заложен выдающимся сербским славистом Радованом Коштутичем. Учёный отмечал «системные различия русского и сербскохорватского языков, сопоставляя эти языки в целом или отдельные элементы их структуры» (цит. по: [27: 66]). В современной дидактической славистике контрастивный метод активно исследуется [3; 17; 18; 20]. Говоря об изучении славянских языков в контексте их родственных связей, многие учёные используют термин «инославянский». Впервые об инославянских языках начал говорить известный сербский русист – профессор Белградского университета Боголюб Станкович, предложивший преподавать, в частности, русский язык как инославянский [26]. Употребление этого термина в рамках контрастивного подхода основывается на учёте общих и дифференциальных черт между славянскими языками в рамках их парадигмы.

Во многом апелляция к общим чертам славянских языков в ходе иноязычного обучения во многом обусловливается разработками в области универсальных искусственных знаковых систем (эсперанто, интерлингва и пр.). Для славянских языков подобным языком можно считать *словлио* [37], разработанный в 80-х гг. XX в. словацким лингвистом Марком Гучко. Словлио характеризуется общей для всех славянских языков лексической основой, упрощённой системой фонетических, грамматических, графических единиц.

При реализации функций лингводидактической коммуникации нельзя недооценивать различия между родственными языками. Педагогические технологии в обучении славянским языкам с учётом их инославянского статуса должны выбираться, принимая к сведению акцентуацию внимания обучающихся как к общим вопросам грамматики, лексики, так и к нюансам, проявляющимся в системах конкретных национальных языков. На протяжении своего исторического пути славянские языки претерпевали системные изменения. Ряд языков, в частности русский, утратили разветвлённую систему глагольных времён. В других языках, как, например, болгарском и македонском, были сильны аналитические тенденции, что привело к утрате падежей [17]. В то же время специалист в области дидактической славистики Ю.А. Мареева приводит массу примеров, подтверждающих существенную роль при обучении славянским языкам как иностранным даже небольших отличий между ними, наблюдающихся на всех уровнях национальных систем языка: грамматические нюансы в образовании падежных форм (родительный падеж: рус. *сестры* – серб. *сестре*; дательный падеж: рус. *сестре* – серб. *сестри*; предложный падеж: рус. *о сестре* – серб. *о сестри*), варианты написания (серб. *реч* – рус. *речь*), случаи межъязыковой энантиосемии (рус. *вредность* ('склонность действовать на зло') – серб. *вредност* ('ценность, полезность')).

Именно поэтому Боголюб Станкович, например, писал: «Близкородственность языков не только требует, но даже и диктует своеобразные методологические подходы к изучению русского языка и методические приёмы обучения русскому языку в инославянском окружении» [26: 17]. Добавим, что сегодня все большую популярность приобретает идея об этноориентированном подходе в лингводидактике. Такая концепция, в частности, высказана в конце XX в. В.Н. Вагнер и разработана ею в контрастивных исследованиях английского и французского языков [5].

С другой стороны, сегодня все бóльшую устойчивость приобретает тенденция в описании опыта профессиональной деятельности в области преподавания славянских языков как иностранных, основанного на осмыслении этих языков как некоей лингвокультурной общности. Такой подход ещё только формируется, в научно-методическом сообществе активно обсуждаются его плюсы и минусы (см., например: [3]). Как показало знакомство с историей вопроса, полиязычных учебников славянских языков как иностранных сегодня не существует. Найдено единственное в своём роде учебное электронное издание – методическое пособие А.Л. Бердичевского «Методика преподавания русского языка как иностранного в славянской аудитории вне языковой среды» [4]. Это моновязычный учебник, адресованный

коллективной – славянской – аудитории обучающихся. В пособии впервые предложено «описание системы межкультурного образования на русском языке в славянской аудитории и представлена его технология с учётом особенностей усвоения русского языка студентами-инославянами» [16: 107]. Автор, подчёркивая значимость учёта опоры на близкородственные языки в лингводидактике, перечисляет шесть основных положений преподавания русского языка как иностранного в славянской аудитории: (1) осуществление модели «язык через культуру» и «культура через язык», (2) использование общего славянского запаса слов, (3) акцент на чтение, (4) применение самообучения, (5) работа с аутентичными русскими текстами, (6) активное применение принципа коммуникативности. Описаны проблемы отрицательной и положительной интерференции – негативное воздействие родного языка и положительный перенос при сходстве родного и изучаемого русского языков.

Описанные выше тенденции в области понимания славянских языков в дидактическом аспекте позволяют утверждать значимость фактора их родства для осмысления картины мира славянских народов в русле когнитивно-дискурсивного подхода.

Родство языков детерминирует сходство языковой картины мира славянских народов. Об этом в своё время много размышляли слависты. В частности, В.Н. Топоров и В.В. Иванов разрабатывали идею моделирования языковой картины мира в праславянских текстах [9], Б.А. Успенский писал о знаковости общеславянской культуры [33], Н.И. Толстой говорил о славянской мифологии как исходной базе в формировании концептуальных смыслов в национальных картинах мира [30], Г.Д. Гачев рассматривал национальную специфику в представлении образа мира в коллективном сознании славян [8]. В современном славяноведении проблема продолжает активно изучаться [13], в том числе в рамках лексикографического описания [24; 25; 34], а также в целях использования результатов в лингводидактической практике [31].

Цель статьи – рассмотрение картины мира славянских народов, функционирующей в лингводидактическом дискурсе с точки зрения присутствия универсальных и национально обусловленных концептуальных смыслов, связанных с изучением славянских языков как иностранных.

Материалом для анализа выступают современные учебники славянских языков (русского, белорусского, украинского, болгарского, польского и чешского) как иностранных [1; 10; 14; 28; 35; 38]. Выбраны тексты, предназначенные для обучения славянскому языку как иностранному на начальном уровне (A1), поскольку принципы изложения учебной информации в них в максимальной

степени соответствуют логике познания, отражая последовательное продвижение в обучении от простого к сложному, от старого к новому. Значимым критерием отбора текстов для анализа также является наличие их полного варианта в свободном интернет-доступе, существующего в удобном для скачивания формате. Это необходимо для того, чтобы в дальнейшем текст можно было без особых затруднений конвертировать в компьютерную программу обработки данных.

Ключевым методом исследования выступает *контент-анализ*, который позволяет определить наиболее частотные для каждого из обозначенных текстов языковые единицы. Для этого используется программа компьютерной обработки данных Voyant tools [39]. В дальнейшем эти языковые единицы посредством категоризации объединяются в *семантические группы* слов, на основе которых, в свою очередь, формируется представление о репрезентируемых ими *концептах* – элементах дискурсивной картины мира. Наиболее частотные лексемы репрезентируют универсальные смыслы: они составляют ядро ДКМ и демонстрируют активность в содержательном пространстве всех привлечённых к анализу текстов. Лексемы с меньшей активностью характеризуются неодинаковой степенью представленности в лексической структуре анализируемых текстов. Воплощаемые ими концепты занимают незначительные позиции в концептуальной структуре анализируемых текстов. Интерпретация полученных в результате контент-анализа данных дополняется за счёт привлечения ресурса дискурсивного, лингвоконцептологического, сравнительно-сопоставительного анализа, а также метода научного описания.

Гипотеза исследования: на основании текстов учебников славянских языков как иностранных можно реконструировать дискурсивную картину мира славянских народов; выделить в её структуре ядро в виде интегральных признаков, обусловленных общностью происхождения, территории проживания, системы культурных ценностей, взаимодействием и взаимовлиянием славянских языков как родственных, а также определить некоторые национально обусловленные признаки, связанные с представлениями о национальной лингвокультурной самобытности отдельно взятого славянского народа и составляющих его национальной идентичности.

В результате компьютерной обработки текстового материала получен срез количественных данных по каждому из шести учебников, оформленный в виде таблицы¹. Пример подобного представления результатов контент-анализа содержит табл. 1.

Таблица 1

**Представление результатов контент-анализа текстового материала
(на примере учебника белорусского языка как иностранного)**

Текстовый материал для анализа	Общее количество слов в тексте. Лексическая плотность. Индекс читаемости. Среднее количество слов в предложении	50 наиболее частотных слов в тексте (в скобках указано общее количество случаев использования этих слов в тексте)	Наименование семантической группы слов. Об- щее количество слов этой группы в тексте (в скобках указано общее количество случаев использования этих слов в тексте)	Перечень слов семантической группы	Общее количество случаев использования этих слов в тексте
Кривицкий А.А., Мих- невич А.Е., Подлужный А.И. Учебник белорус- ского языка: для самоо- бразования. Минск: Вышэйшая школа, 2008. 383 с.	Этот корпус содержит один документ со словами, общее количество слов – 69 636. Лексиче- ская плотность: 0.334. Индекс читаемо- сти: 12.137. Среднее количе- ство слов в пред- ложении: 14.1	я (536); ты (168); слова (153); мне (120); калі (когда) (116); языке (108); их (106); слов (102); было (101); суще- ствительных (96); предложения (96); падеже (95); они (95); дзе (где) (94); чорны (82); белорусском (78); тут (70); рода (67); мяне (67); речи (65); дзень (день) (62); глаголов (62); яны (они) (57); числа (57); обычно (56); времени (55); яна купала (52);	Человек Итого: 10 (1290) Язык Итого: 15 (1 134)	я ты мне их они мяне яны (они) ² яна купала чалавек табе слова языке слов сущести- тельных предложения падеже белорусском рода речи глаголов числа ударением звук текст словах	536 168 120 106 95 67 57 52 45 44 153 108 105 96 96 95 78 67 65 62 57 41 38 38 35

Окончание табл. 1

Текстовый материал для анализа	Общее количество слов в тексте. Лексическая плотность. Индекс читаемости. Среднее количество слов в предложении	50 наиболее частотных слов в тексте (в скобках указано общее количество случаев использования этих слов в тексте)	Наименование семантической группы слов. Об- щее количество слов этой группы в тексте (в скобках указано общее количество случаев использования этих слов в тексте)	Перечень слов семантической группы	Общее количество случаев использования этих слов в тексте
		<i>быцдам (быт) (47); чалавек (45); табе (44); час (43); лес (43); будзе (быть) (42); ударением (41); трэба (40); добра (40); употребляется (39); ёсць (есть) (39); являются (36); текст (38); звук (38); выражения (38); дождж (36); урок (35); словах (35); очень (35); которые (35); быць (бывает) (35); усе (все) (34); случаях (34).</i>	Время Итого: 4 (394)	<i>калі (когда) было дзень (день) времени</i>	116 161 62 55
			Характе- ристика объектов, предметов, действий Итого: 7 (322)	<i>чорны обычно трэба добра очень которые усе (все)</i>	82 56 40 40 35 35 34
			Метаязык Итого: 6 (221)	<i>употребля- ется ёсць (есть) выражения являются урок случаях</i>	39 39 38 36 35 34
			Деятель- ность человека Итого: 2 (89)	<i>быцдам (быт) будзе (быть)</i>	47 42
			Место- положение Итого: 2 (164)	<i>дзе (где) тут</i>	94 70
			Природа Итого: 2 (129)	<i>лес дождж</i>	43 36
		Итого: 50 (3 613)			

На основании полученных в результате контент-анализа данных выявлены ключевые концептуальные смыслы, структурирующие картину миру славянских языков в лингводидактическом дискурсе, репрезентированные самыми частотными лексемами. В ДКМ эти смыслы выявлены в результате категоризации лексических единиц по 13 семантическим группам (СГ). Информация о позициях этих СГ, эксплицирующих соответствующие смыслы (если говорить строго, концепты) в концептуальном поле каждого текста и в целом в ДКМ, представлена в табл. 2.

Прокомментируем полученные количественные данные с опорой на критерии «позиция в ДКМ» и «количество текстов с такой позицией», а также с точки зрения выделения интегральных и дифференциальных смыслов в ДКМ в контексте сопоставления с мифологической (как разновидностью архаичной) картиной мира древних славян.

Таблица 2

Общие количественные данные контент-анализа текстового материала

Наименование семантической группы слов	Позиция в концептуальной структуре учебника						Позиция в структуре ДКМ	
	белорусского языка	болгарского языка	польского языка	русского языка	украинского языка	чешского языка		
Человек	1	1	1	1	1	1	1	I
Язык	2	2	2	2	2	2	2	
Метаязык	5	3	3	3	3	5	3	
Время	3	4	4	4	4	3	4	II
Характеристика объектов, предметов, действий	4	5	5	5	5	4	5	
Деятельность человека	6	6	6	6	6	6	6	
Страна, Родина					7	7	7	III
Образование			7	10			7;10	
Местоположение	7		8	8	8	7	8	
Природа	8						8	
Эмоции, желания		7	9	9	9		9	
Этикет			10				10	
Еда			11				11	

Устойчивое положение в категории СГ, занимающих в структуре ДКМ лидирующее I место, имеют СГ «Человек» и «Язык». Ключевая позиция в ДКМ объективируемых единицами этих СГ концептов объясняется функциональной задачей лингводидактического текста

та – познакомить иностранца с языком и культурой другого народа. Сделать это методически грамотно, получив оптимальные образовательные эффекты, можно с опорой на аксиологически значимые общечеловеческие смыслы. Также играет роль общая логика процесса познания в гуманитаристике, которую можно определить как антропо- и лингвоцентричную.

Генеалогическое родство языков и культур славянских народов имеет в основе общность миропонимания в виде языческой мифологии, что обуславливает существование в картинах мира славян универсальных смыслов. В мифологической картине мира древних славян человек воплощал центр мироздания, антропоморфное подобие Вселенной [2].

Концепт ЧЕЛОВЕК в ДКМ во всех её национальных вариантах имеет, прежде всего, такие формы выражения, как одноименная лексема-номинат (рус. *человек*; белорус. *чалавек*; чеш. *člověk*) и местоимения (белорус. *мяне, яны (они)*; болг. *ани, мене*; польск. *oni, ja*; укр. *йому*). Лексема *человек* занимает 1-ю или 2-ю позицию по частотности использования в славянских языках, входя в перечень 30 единиц, составляющих ядро языкового сознания, согласно информации из Славянского ассоциативного словаря [34: 6].

В характеристиках человека исстари у славян превалировало свойство принадлежности к роду: «Окружающие человека родные: потомки и предки считались значимой частью жизни. Отличались с давних времён славяне и почтительным отношением к старшему поколению. Глава семейства вмещал в себя роль и отца, и начальника; а все другие: жена, дети, родственники и слуги повиновались ему беспрекословно» [7: 382]. В этом отношении в наибольшей степени архаичные представления славян отражает ДКМ, представленная в учебниках украинского, болгарского и чешского языков как иностранных. В них обозначение родственных отношений репрезентировано лексемами, входящими в число наиболее частотных: укр. *мати* – 46 случаев использования в тексте, *батьків* – 34; чеш. *mámě (маме)* – 62, *bratr (брат)* – 58; болг. *детето (ребенок)* – 39. Лексема, обозначающая мать, – самая частотная, судя по лингводидактическим текстам. У славян мать называлась Перыней, Макошью (Мокошью), считалась великой Богиней-Матерью и олицетворением связи с землей (*мать сыра земля*), природой, продолжением рода, плодородием, урожайностью. Мать – «один из столпов семьи, средоточие её эмоциональных связей. Именно через М. актуализируются отношения между разными членами семьи» [11: 203].

Исследователи отмечают также свойственный мифологической картине мира древних славян «приоритет коллективности»: «Вовсе не случайно бог-прародитель Род и рожаницы являлись одними из

древнейших богов у славян. Древний славянин мыслил себя только в связи со своим родом и видел всё вокруг в свете только дихотомии своё – не своё. Жизнь отдельного человека трактовалась как часть общей судьбы (слово «счастье» – от «часть», т. е. часть целого). Духовным идеалом древних славян были – коллектив, род, семья» [7]. В этом отношении украинская ДКМ отличается присутствием в лексическом строе учебника лексем с категориальными семами «совокупность», «общность» в качестве наиболее частотных: *народ* – 57 словоформ, *людей* – 38, *людина* – 33 (итого – 128 единиц). При этом отметим, что больше всего личных имён собственных при обозначении человека (чеш. *alena*; укр. *шевченко*; польск. *ania, karolina*; болг. *стефан, софия, петыр, георгиос*; белорус. *яна купала*) присутствует в учебниках болгарского и русского языков как иностранных. Предположим, что в этом сказывается действие дискурсивного целеполагания: моделирование персонифицированной учебной коммуникации считается одним из факторов, благоприятствующих достижению успеха в обучении.

Иные характеристики человека – наименования дружеских связей (рус. *друг*), маркеры профессиональной, социальной, национальной принадлежности (чеш. *pape (господин)*; польск. *nabywca (покупатель)*; рус. *русский*) – в числе частотных отмечаются в качестве единичных словоформ и не во всех национальных ДКМ. Вряд ли здесь проявляется связь с национальными традициями, скорее всего, это обусловлено присутствием в ДКМ элементов индивидуальной картины мира автора/составителя учебника или влиянием адресатной направленности последнего в отношении конкретной целевой аудитории обучающихся (болг. *студент*).

На 2-й позиции в ДКМ значится концепт ЯЗЫК, объективируемый единицами соответствующей СГ. Мы убеждены, что такое положение объясняется исключительно дискурсивным фактором – предметным содержанием лингводидактической коммуникации. В числе лексем-репрезентантов выделяются, во-первых, лексемы с архисемой в значении «язык как средство коммуникации внутри нации» (*русский, белорусский, polskiego, украинский, мова, чешском*), во-вторых, лексемы, маркирующие специальный лингвистический метаязык: рус. *глагол, существительное, падеж, звук, ударение*; польск. *odmiana (спряжение), liczby (число), mnogiej (множественное число)*; белорус. *изреченията (предложения)*.

3–5-я позиции в ДКМ (относятся к условно выделяемому II месту) занимают смыслы, объективируемые единицами СГ «Метаязык», «Время», «Характеристика объектов, предметов, действий», отмеченными в качестве частотных не во всех, но в большинстве (каждая в четырех текстах из шести) анализируемых текстов. Единицам СГ «Деятельность человека» (также относится к категории занимающих II место)

свойственен показатель частотности, соответствующий 6 позиции. Примеры лексических средств, входящих в состав обозначенных СГ, приведены в табл. 3.

В качестве иллюстрации проанализируем средства репрезентации в ДКМ представлений о времени. ВРЕМЯ – один из наиболее значимых для картины мира славян концептов, который «сакрализуется и включается в систему ценностей, главными координатами которой являются жизнь и смерть» [29: 450]. Одноименная лексема-номинат фигурирует в качестве частотной во всех рассматриваемых текстах: рус., чеш. *время*; польск. *czasie, czas (пора)*. Время, в представлении древних славян, оценивалось как хорошее и плохое, житийное и бытийное, земное и сакральное, профанное и обрядовое, мифологическое и природное, циклическое и линейное [24: 94–95].

Таблица 3

Примеры лексического наполнения СГ

Назва- ние СГ	Учебники славянского языка как иностранного					
	белорус- ского	болгарского	польского	русского	украинского	чешского
Метаязык	употребля- ется ёсць (есть) выражения являются урок случаях	модель формы модела сьм (являться) имена места форма вид отговорете (ответьте)	<i>przykład</i> (пример) <i>uzupełnić</i> (дополнить) <i>wybrać</i> (выбрать) <i>ćwiczenia</i> (упражне- ния) <i>kluczowe</i> (ключевые слова)	почему вопрос вопросы модель ситуация потому что конструк- тор	прочитайте имена вслух переведите внимание имеют выражения перепишите сравните	упражнение упражнению например внимание <i>viš</i> (знаешь)
Характеристика объектов, предме- тов, действия	чорны обычно трэба добра очень которые усе (все)	много добре празните (пустые) една имам (есть) едно обикновенно нали (верно)	<i>jest</i> (есть) <i>bard-</i> <i>zo</i> (очень) <i>mieszka</i> (живет) <i>jaki</i> (каков) <i>dużo</i> (много)	очень какой ваш ваши	дуже багато добре	<i>něco</i> (нечто) есть <i>jestli</i> (если) <i>opravdu</i> (действи- тельно) <i>třeba</i> (необходимо) очень <i>všera</i> (вся) <i>kolik</i> (сколько)

Окончание табл. 3

Название СГ	Учебники славянского языка как иностранного					
	белорусского	болгарского	польского	русского	украинского	чешского
Деятельность человека	<i>быццам</i>	<i>работа</i>	<i>węde (буду)</i>	<i>работать</i>	<i>життя</i>	<i>budu</i>
	<i>(быт)</i> <i>будзе (быть)</i>	<i>попынете</i> <i>(скачать)</i> <i>лекции</i>	<i>bedziemy</i> <i>(будем)</i> <i>wiesz</i> <i>(знаешь)</i> <i>zrobić</i> <i>(работать)</i>		<i>буде</i> <i>жити</i>	<i>muset</i> <i>(должен)</i>

Единицы измерения времени часто играли роль символа. Арсенал общей для всех анализируемых славянских языков лексики с категориальной семьей «время» в значении составляют следующие номинаты концепта в современном лингводидактическом дискурсе: рус. *год*; укр. *року* – рус. *день*; белорус. *дзень*; болг. *ден* – рус., укр. *час*; болг. *часа*; рус., болг. *вчера*; польск. *wczoraj* – рус. *сегодня*; укр. *сьогодні*; болг. *днес*; рус. *теперь*; укр. *тепер* – рус., укр. *после*; польск. *pojemdynczeu*; рус. *прошлое*; болг. *минало* – рус. *сейчас* – рус. *настоящее*; болг. *сегашно* – рус. *будущее*; болг. *бъдеще*; польск. *wędzie*; рус. *только что*; чеш. *právě* – рус. *завтра*; чеш. *zítra*; рус. *утро* – рус. *вечер*; польск. *wieczorem*.

Фрагмент ДКМ, связанный с представлениями о времени, не противоречит содержанию соответствующего фрагмента в национальных картинах мира, но особым образом с ним коррелирует. Так, в ДКМ содержание концепта ВРЕМЯ связывается в первую очередь грамматическим «измерением». Этим объясняется частотность в лексической структуре учебников слов, имеющих в значении ключевые семы «до/после момента речи», «отрезок времени». Возможно, здесь сказывается фактор воздействия дискурсивного целеполагания, определяющий обращение к изучению грамматической категории времени глагола. Добавим, что большинство этих слов относится к перечню единиц лексического минимума. В национальных картинах мира, как правило, преобладает экзистенциальное «измерение» времени, о чем свидетельствуют данные «Славянского ассоциативного словаря» [34]. Подобное представление репрезентируется лексемами, в значениях которых актуализируются семы «быстротечность», «досуг», «работа». Наглядно эти различия на примере данных русского и болгарского языков фиксирует информация, содержащаяся в табл. 4.

В состав СГ, условно располагающихся на III месте в общем перечне выделенных в результате контент-анализа, входят единицы, которые служат для выражения переменных, неустойчивых (наблюдаются не

во всех 6 анализируемых национальных ДКМ, а лишь в 1-, 2- или 3-м из них) концептуальных смыслов. Информация о таких концептах содержится в табл. 5.

Анализ перечисленных и им подобных смыслов позволяет прикоснуться к пониманию самобытности национальной лингвокультуры. Так, очевидно, что при всей значимости природного начала в картине мира славян в качестве самостоятельно выделенного на основании показателей частотности языковых средств его выражения концепт ПРИРОДА отмечается исключительно в белорусской ДКМ. Для носителей белорусского языка этот смысл видится настолько значимым, что определяется в качестве необходимого для ретрансляции в сознание вторичной языковой личности, знакомящейся с белорусской лингвокультурой.

Таблица 4

Сопоставление слов-репрезентантов концепта ВРЕМЯ в национальной и дискурсивной картинах мира (на материале русского и болгарского языков)

Национальный язык	Дискурсивная картина мира	Национальная картина мира
Русский	<i>вчера, сегодня, сейчас, день время</i>	<i>деньги 126; часы 58; бежит 21; идет 15; мало, час 12; вечность 11; года, жизнь 10; программа, течет 9; летит, нет 7; быстрое, жить, не хватает, уходит 5; вперед, дело, новости, спать 4; бесконечность, долгое, есть, идти, прошло 3; быстро, быстротечно, год, день, много, не терпит, нехватка, пить, потеха, собирать камни, спешить, сутки, тайм, телевизор, терять, тянется, ушло, ч 2; безвластно, бесконечно, бесконечность; не удержать, беспощадно, быстро идет, быстрота, быстро уходит, весны, вечно, вода, время, вселенная, вспять, годы, девять, дела, делать деньги, делу, долго, его не хватает, и деньги, измерение, истекает, кончается, космос, круг, летит без оглядки, летит быстро, лечит, лысый, материя, минута, минуты, мое, мощь, мчит, на раздумье, наше, не ждет, некогда, нет его, неудержимо, неумолимо, не хватает (кризис), новое, одно, опаздывать, опоздание, осталось, остановилось, отдых, отдыха, отдыхать, отправления, отсрочки, отсутствие, передача, пить чай, погода, поздно, покушать, полет, помочь, пошло, придет, пришло, проводить, пространство, проходит, работает на нас, работы, река, свобода, сезон, секундомер, секунды, скорое, спешит, стоит, стрелки, суток, существование, течение, течение, течет быстро; то, чего мало; то, что течет быстро и безвозвратно; убегает, уйти, умирать, уходить, ч ("че"), экономить, 12.00, 15.30, 15.35, 4-е измерение 1; 508+141+17+97+13 [34: 54]</i>
Болгарский	<i>минало (прошое), вчера, днес (сегодня), часа, ден, сегашно (настоящее),</i>	<i>часовник 59; разделно 39; час 26; няма 20; вечност 18; малко 16; пространство 12; безверие, безкрай, безкрайност 11; пари 10; дата 9; тече 8; безкрайно 7; много 6; за любов, минути, място, период, слънце 5; губя, лети, минута, нямам, хубаво 4; бързина, година, ден, за мъже, лошо, недостиг, отностителност, прогноза, река, сезон, слънчево, студено, ценно 3;</i>

Окончание табл. 4

Национальный язык	Дискурсивная картина мира	Национальная картина мира
Болгарский	<i>бъдеще (будущее)</i>	<i>бързам, бързанае, век, времето е наше, вселена, губене, е, есен, за губене, загубено, липса, надежда, начало, неопределено, не стига, ново, облачно, отминава, относително, полет, почивка, пясък, срок, старост, студ 2; абстрактност, антибиотик,</i>
		<i>апатия, бедствие, безбрежно, без време, безконечност, безкраен, безмерно, безпорядък, безумие, безценно, битие, болен, време, бъдеще, бърз, бърза, бързай; бързина, тече; бързо; бързо, срок; бягам, бягство, важно, ваканция, вали, вечер, вода, враг, време, "време за мъже", "време разделно", Времето, времето е пари, времето лесно се губи, времето лети, всичко, вятър, гадно, години, граница, да се живее, да убиваш, добро, дреме, дълго, е да станем герои, е за нещо ново и различно, е за нещо специално, е за почивка, епоха, ера, живот, за безвремие, за всеки, за всичко, за действие, за живеене, за купон, за мислене, за обич, запалена свещ, за почивка, за работа, за раздяла, за размисъл, за разплата, за секс, за сън, за умирање, за учене, значение, зор, измервам, измислено, изплъзване, илюзия, имам, искам, история, камък, кафене, климат, Красимир, курсови задачи, лек, лети бавно, летя, липсва, махало, метеорологично, метеорология, миг; миг, безбрежие; минава, мисъл, мразя, на кино, настроение, наше, небитие, недостатък, недостатъчно, недостатъчност, необратимост, необятност, неспирно, не търси, неумолимо, неясно, нищо, новини по TV Останкино, нощ, няма време, няма изход, няма много време, обзорна емисия, облак, ограничен, око, отчитане, очакване, петел, понятие, права, предимство, прекрасно, преходност, припряност, природа, приятно, продължение, продължителност, пролет, промяна, пропилян, пропуск, пътища, пясъчен часовник, разговор, разходка, ръкав, светкавица, свободно, свършва, сега, секунда, синьо безвремие, спирала, стар, стрела, сутрин, сън, същност, таим, температура, тече бавно, тече бързо, тик-так, тиктакане, топло, точно, точност, успех, уча, хора, хронос, цвят, цикличное, честота, четвърто измерение, човек 1; 582+236+12+173+22 [34: 55]</i>

Таблица 5

Место национально обусловленных концептов в дискурсивной картине мира

Концепт	Национальная ДКМ	Позиция
СТРАНА, РОДИНА	Украинская, чешская	7
ОБРАЗОВАНИЕ	Польская	7
	Русская	10
МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ	Польская, русская, украинская	8
	Белорусская, чешская	7
	Болгарская	–
ПРИРОДА	Белорусская	8

Окончание табл. 5

Концепт	Национальная ДКМ	Позиция
ЭМОЦИИ	Польская, русская, украинская	9
ЭТИКЕТ	Польская	10
ЕДА	Польская	11

Наши предположения подтверждаются исследованиями белорусских ученых. А.В. Тучинский, например, анализируя безэквивалентную лексику белорусского языка – один из наиболее ярких пластов национально маркированной лексики, – в числе самых частотных ее проявлений называет обозначения растительного и животного мира, особенностей ландшафтно-природного характера и метеорологических явлений [32]. В рассматриваемом нами белорусском тексте в качестве частотных программа обозначила две лексемы – *лес*, *дождж*. Например, такие актуальные смыслы этих слов отмечает в своем исследовании А.В. Тучинский: *баравіна* – «возвышенный участок леса в бору»; *грыбасей* – «грибной дождь» [32].

Подведём итоги. Осуществлённое исследование показывает, что в ДКМ присутствуют как универсальные (ЧЕЛОВЕК, ЯЗЫК, ВРЕМЯ), так и переменные (ПРИРОДА, РОДИНА, ЭТИКЕТ, ЕДА) концепты, поразному актуализируемые в национальных вариантах ДКМ. Черты сходства между национальными ДКМ объясняются общностью славянских корней в концептуализации знаний о мире, в частности общеславянской мифологией, а также функциональными особенностями лингводидактического дискурса. Различия обуславливаются национально-исторической спецификой в выдвигании и языковом выражении концептов. Концептуальные смыслы передают самобытность национальной лингвокультуры и выражаются менее частотными в дискурсе лексемами. Слов, отражающих этническое своеобразие культуры, становится больше по мере «продвижения» обучающихся от уровня к уровню в изучении языка. Это определяется общими законами логики и познавательной деятельности: от знакомства с универсальными смыслами и их языковыми номинатами до постижения специфики оригинальных компонентов национальной картины мира. Изучение этой динамики смыслов «внутри» ДКМ с учётом национальных вариантов последней составляет перспективу настоящего исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Результаты контент-анализа текстов представлены на следующих ресурсах: 1) Учебник белорусского языка. URL: <https://voyant-tools.org/?corpus=f0935d43106095a2b32e7217580fd21e>; 2) Учебник болгарского языка. URL:

<https://voyant-tools.org/?corpus=33bbce8d301d9ad306e80984ff40475e&pannels=collocatesgraph,reader,trends,documents,corpuscollocates>; 3) Учебник польского языка. URL: <https://voyant-tools.org/?corpus=7cb3780cef0c973e52a19fb8ba74b4a0>; 4) Учебник русского языка. URL: <https://voyant-tools.org/?corpus=d9f44182465b18b350268f2bd79e2135>; 5) Учебник украинского языка. URL: <https://voyant-tools.org/?corpus=f88c4af2c83852f9330ddd68a677989f>; 6) Учебник чешского языка. URL: <https://voyant-tools.org/?corpus=f88c4af2c83852f9330ddd68a677989f> (дата обращения: 20.05.2024).

2. Лексические единицы славянских языков, в наибольшей степени отличающиеся по форме от русских эквивалентов и/или представляющие вследствие этого трудность для восприятия и интерпретации, сопровождаются переводом на русский язык (приводится рядом в круглых скобках).

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникина М.Н. Лестница: учебник-книга по русскому языку. Начинаем изучать русский. 5-е изд., стереотип. М.: Русский язык – Медиа, 2007. 341 с.
2. Барановская П.В. Феномен человека в языческих верованиях древних восточных славян: душа и тело // Философия и социальные науки. 2007. № 1. С. 26–32.
3. Бердичевский А.Л. Модели обучения русскому языку в XXI веке // Русистика без границ. 2018. Т. 2, № 2. С. 49–54.
4. Бердичевский А.Л. Методика преподавания русского языка как иностранного в славянской аудитории вне языковой среды: метод. пособие для преподавателей рус. яз. как иностр. СПб.: Златоуст, 2022. 168 с.
5. Вагнер В.Н. Методика преподавания русского языка англоговорящим и франкоговорящим на основе межъязыкового сопоставительного анализа. М.: Владос, 2001. 384 с.
6. Ван С., Курьянович А.В. Вторичная и аутентичная картины мира в зеркале проблемы конгруэнтности // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2 (41). С. 177–181.
7. Вахрушева И.В. Образ человека в картине мира древних славян // Россия и мир в исторической ретроспективе: материалы XXIX междунар. науч. конф.: в 3 т. Т. 2. СПб.: СПб. гос. ун-т промышл. технологий и дизайна, 2023. С. 380–383.
8. Гачев Г.Д. Национальные образы мира: Общие вопросы. М.: Советский писатель, 1988. 445 с.
9. Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М.: Наука, 1974. 342 с.
10. Изотов А.И. Чешский язык с улыбкой: учеб. пособие. М.: МАКС Пресс, 2019. 416 с.
11. Кабакова Г.И. Мать // Славянские древности: энциклопедический сло-

варь: в 5 т. / Л.Н. Виноградова, М.М. Валенцова, С.М. Толстая; ред. Н.И. Толстой. Т. 3. М.: Междунар. отношения, 2004. С. 203–208.

12. Карчаева С.Х., Аликаев Р.С. Дискурсивность научно-учебных текстов // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2010. № 2. С. 93–96.

13. Категории и концепты славянской культуры. Труды отдела истории культуры / ред. Н.В. Злыднева, Н.М. Куренная, А.В. Семенова, Н.М. Филатова; отв. ред. Л.А. Софронова. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2007. 800 с.

14. Кривицкий А.А., Михневич А.Е., Подлужный А.И. Учебник белорусского языка: для самообразования. Минск: Вышэйшая школа, 2008. 383 с.

15. Курьянович А.В., Серебренникова Е.А. Концептосфера русского учебно-языковедческого текста: к постановке проблемы // V Фирсовские чтения. Современные языки, коммуникация и миграция в условиях глобализации: материалы докл. и сообщ. Междунар. науч.-практ. конф. М.: РУДН, 2021. С. 312–318.

16. Лесневска Д.С. А.Л. Бердичевский. Методика преподавания русского языка как иностранного в славянской аудитории вне языковой среды // Русистика без границ: Междунар. науч. журн. 2022. Т. VI, № 3. С. 106–110.

17. Мареева Ю.А. Актуальные проблемы преподавания русского языка в южнославянской аудитории // Актуальные проблемы преподавания в вузе русского языка как иностранного в вузе: материалы III Междунар. науч.-метод. конф. М.: МГИМО-Университет, 2014. С. 302–306.

18. Мочалова Т.С. Учебник и специфика преподавания родственных языков // Мир педагогики и психологии. 2017. № 8 (13). С. 12–19.

19. Панова Л.В., Харитонова О.В. Учебник для преподавания русского языка как иностранного как элемент лингводидактического дискурса преподавателя-русиста // Мир науки. 2016. Т. 4, № 6. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/82PDMN616.pdf> (дата обращения: 20.05.2024).

20. Просвирина О.А., Дегтева И.В. О специфике преподавания славянских языков в инославянской аудитории // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2020. № 4. С. 107–117. doi: 10.18384/2310-7219-2020-4-107-117.

21. Резанова З.И., Ермоленкина Л.И., Катунин Д.А., Мишанкина Н.А. Дискурсивные картины мира: теория и практика социолингвистического исследования: учеб.-метод. пособие к спецкурсу и спецсеминару. Томск: Изд-во ТГУ, 2006. 52 с.

22. Резанова З.И. Языковая и дискурсивная картина мира – аспекты соотношения // Сибирский филологический журнал. 2011. № 3. С. 184–194.

23. Резанова З.И., Ермоленкина Л.И., Костяшина Е.А. Дискурсивные картины мира // Картины русского мира: современный медиадискурс. Томск: ИД СК-С, 2011. С. 15–97.

24. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. 2-е изд. / отв. ред. С.М. Толстая; редкол.: Т.А. Агапкина, О.В. Белова, Л.Н. Виноградова, В.Я. Петрухин. М.: Международные отношения, 2002. 512 с.

25. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1995–2014.

26. *Станкович Б.* О перспективах русистики в славянском мире // Русский язык как инославянский. Вып. II. Белград, 2010. С. 14–23.

27. *Терзич Б.* Лингвистические основы сопоставительного метода профессора Радована Кошутича // Русский язык за рубежом. 1972. № 1. С. 65–66.

28. *Терлак З., Сербенська О.* Украинский язык для начинающих. 2-е изд., доп. Львов: Свит, 1999. 264 с.

29. *Толстая С.М.* Время // Славянские древности: энциклопедический словарь: в 5 т. Т. 1. М.: Эллис Лак, 1995. С. 204–215.

30. *Толстой Н.И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 509 с.

31. *Тучинский А.В.* Культурные концепты славянского мира как инструмент подготовки специалиста в области межкультурной коммуникации в Республике Беларусь // Высшая школа: проблемы и перспективы: материалы 13-й Междунар. науч.-метод. конф.: в 3 ч. Ч. 2. Минск: РИВШ, 2018. С. 315–319.

32. *Тучинский А.В.* Безэквивалентная лексика как отражение белорусской языковой картины мира // Вестник Белорусского государственного педагогического университета. Сер. 1: Педагогика. Психология. Филология. 2019. № 3 (101). С. 99–104.

33. *Успенский Б.А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1952. 248 с.

34. *Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Караулов Ю.Н., Тарасов Е.Ф.* Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский. М.: Моск. гос. лингв. ун-т, 2004. 800 с.

35. *Хаджиева Е., Гарибова Н., Ефимова А., Пацева М., Слуцка А.* Болгарский язык. Курс для начинающих. СПб.: КАРО, 2011. 264 с.

36. *Халилзадех А.З.* Учебный текст как неотъемлемая часть лингводидактической системы // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. № 3. С. 118–125.

37. Язык+: Международный славянский язык *словио*. URL: <https://languageplus.info/staty/slovio/?ysclid=lwg0njpf4s866843402> (дата обращения: 20.05.2024).

38. *Machowska J.* Gramatyka? Dlaczego nie?! Język Polski dla obcokrajowców. Ćwiczenia gramatyczne dla poziomu A1. Kraków, 2010. 263 с.

39. *Voyant tools*: программа для осуществления контент-анализа. URL: <https://voyant-tools.org/docs/#!/guide> (дата обращения: 20.05.2024).

REFERENCES

1. Anikina, M.N. (2007) *Lestnitsa: uchebnik-kniga po russkomu yazyku. Nachinayem izuchat' russkiy* [Stairs: a textbook-book on the Russian language. We start learning Russian]. 5th ed. Moscowa: Russkiy yazyk – Media.
2. Baranovskaya, P.V. (2007) Fenomen cheloveka v yazycheskikh verovaniyakh drevnikh vostochnykh slavyan: dusha i telo [The phenomenon of man in the pagan beliefs of the ancient Eastern Slavs: soul and body]. *Filosofiya i sotsial'nyye nauki*. 1. pp. 26–32.
3. Berdichevskiy, A.L. (2018) Modeli obucheniya russkomu yazyku v XXI veke [Models of teaching the Russian language in the 21st century]. *Rusistika bez granits*. Vol. 2(2). pp. 49–54.
4. Berdichevskiy, A.L. (2022) *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo v slavyanskoy auditorii vne yazykovoy sredy: metodicheskoye posobiye dlya prepodavateley russkogo yazyka kak inostrannogo* [Methods of teaching Russian as a foreign language in a Slavic audience outside the language environment: a manual for teachers of Russian as a foreign language]. St. Petersburg: Zlatoust.
5. Vagner, V.N. (2001) *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka anglogovoryashchim i frankogovoryashchim na osnove mezh'yazykovogo sopostavitel'nogo analiza* [Methods of teaching the Russian language to English-speaking and French-speaking people based on cross-linguistic comparative analysis]. Moscow: Vldos.
6. Wang, S. & Kurjanovich, A.V. (2020) Vtorichnaya i autentichnaya kartiny mira v zerkale problemy kongruentnosti [Secondary and authentic pictures of the world in the mirror of the problem of congruence]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. 2(41). pp. 177–181.
7. Vakhrusheva, I.V. (2023) Obraz cheloveka v kartine mira drevnikh slavyan [The image of man in the picture of the world of the Old Slavs]. *Rossiya i mir v istoricheskoy retrospektive* [Russia and the World in Historical Retrospect]. Proc. of the 29th International Conference. Vol. 3. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design. pp. 380–383.
8. Gachev, G.D. (1988) *Natsional'nye obrazy mira: Obshchie voprosy* [National images of the world: General issues]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
9. Ivanov, V.V. & Toporov, V.N. (1974) *Issledovaniya v oblasti slavyanskikh drevnostey. Leksicheskie i frazeologicheskie voprosy rekonstruktsii tekstov* [Research in the field of Slavic manuscripts. Lexical and phraseological issues of text reconstruction]. Moscow: Nauka.
10. Izotov, A.I. (2019) *Cheshskiy yazyk s ulybkoy* [The Czech language with a smile]. Moscow: MAKSPress.
11. Kabakova, G.I. (2004) Mat' [Mother]. In: Vinogradova, L.N., Valentsova, M.M., Tolstaya, S.M. et al. *Slavyanskiye drevnosti: entsiklopedicheskiy slovar': v*

5 t. [Slavic Antiquities: An Encyclopedic Dictionary: in 5 vols]. Vol. 3. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 203–208.

12. Karchaeva, S.Kh. & Alikae, R.S. (2010) Diskursivnost' nauchno-uchebnykh tekстов [Discursiveness of scientific and educational texts]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 2. pp. 93–96.

13. Sofronova, L.A. (ed.) *Kategorii i kontsepty slavyanskoi kul'tury* [Categories and concepts of Slavic culture]. Moscow: RAS.

14. Krivitskiy, A.A., Mikhnevich, A.E. & Podluzhnyy, A.I. (2008) *Uchebnik belorusskogo yazyka: dlya samoobrazovaniya* [Textbook of the Belarusian Language: For self-education]. Minsk: Vysheyschaya shkola.

15. Kurjanovich, A.V. & Serebrennikova, E.A. (2021) Kontseptosfera russkogo uchebno-yazykovedcheskogo teksta: k postanovke problem [Conceptosphere of the Russian educational and linguistic text: To the problem]. *V Firsovskie chteniya. Sovremennye yazyki, kommunikatsiya i migratsiya v usloviyakh globalizatsii* [The Fifth Firsov Readings. Modern Languages, Communication and Migration in the Context of Globalization]. Proc. of the Conference. Moscow: RUDN. pp. 312–318.

16. Lesnevska, D.S. (2022) A.L. Berdichevskiy. Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo v slavyanskoy auditorii vne yazykovoy sredy: metodicheskoe posobie dlya prepodavateley russkogo yazyka kak inostrannogo. SPb.: Zlatoust, 2022. 168 s. [A.L. Berdichevsky. Methods of teaching Russian as a foreign language in a Slavic audience outside the language environment: a manual for teachers of Russian as a foreign language. St. Petersburg: Zlatoust, 2022. 168 p.]. *Rusistika bez granits*. 6(3). pp. 106–110.

17. Mareeva, Yu.A. (2014) Aktual'nye problemy prepodavaniya russkogo yazyka v yuzhnoslavyanskoy auditorii [Current problems of teaching the Russian language in a South Slavic audience]. *Aktual'nye problemy prepodavaniya v vuze russkogo yazyka kak inostrannogo v vuze* [Current problems of teaching Russian as a foreign language at a university]. Proc. of the Third International Conference. Moscow: MGIMO-Universitet. pp. 302–306.

18. Mochalova, T.S. (2017) Uchebnik i spetsifika prepodavaniya rodstvennykh yazykov [Textbook and specifics of teaching related languages]. *Mir pedagogiki i psikhologii*. 8(13). pp. 12–19.

19. Panova, L.V. & Kharitonova, O.V. (2016) Uchebnik dlya prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo kak element lingvodidakticheskogo diskursa prepodavatelya-rusista [Textbook for teaching Russian as a foreign language as an element of the linguodidactic discourse of a Russian teacher]. *Mir nauki*. 4(6). [Online] Available from: <http://mir-nauki.com/PDF/82PDMN616.pdf> (Accessed: 20th May 2024).

20. Prosvirina, O.A. & Degteva, I.V. (2020) O spetsifike prepodavaniya slavyanskikh yazykov v inoslavianskoy auditorii [On the specificity of teaching Slavic languages in a non-Slavic audience]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo*

oblastnogo universiteta. Seriya: Pedagogika – Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Pedagogy. 4. pp. 107–117. doi: 10.18384/2310-7219-2020-4-107-117

21. Rezanova, Z.I., Ermolenkina, L.I., Katunin, D.A. & Mishankina, N.A. (2006) *Diskursivnye kartiny mira: teoriya i praktika sotsiolingvisticheskogo issledovaniya* [Discursive Pictures of the World: Theory and Practice of Sociolinguistic Research]. Tomsk: Tomsk State University.

22. Rezanova, Z.I. (2011) Yazykovaya i diskursivnaya kartina mira – aspekty sootnosheniya [Linguistic and discursive picture of the world – aspects of correlation]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Philological Journal*. 3. pp. 184–194.

23. Rezanova, Z.I., Ermolenkina, L.I. & Kostyashina, E.A. (2011) Diskursivnye kartiny mira [Discursive Pictures of the World]. In: Rezanova, Z.I. et al. *Kartiny russkogo mira: sovremennyy mediadiskurs* [Pictures of the Russian world: modern media discourse]. Tomsk: ID SK-S. pp. 15–97.

24. Tolstaya, S.M. (ed.) (2002) *Slavyanskaya mifologiya. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Slavic Mythology. An Encyclopedic Dictionary]. 2nd ed. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

25. Tolstoy, N.I. (ed.) (1995–2014) *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

26. Stankovich, B. (2010) O perspektivakh rusistiki v slavyanskom mire [On the prospects of Russian studies in the Slavic world]. *Russkiy yazyk kak ino-slavyanskiy*. 2. pp. 14–23.

27. Terzich, B. (1972) Lingvisticheskie osnovy sopostavitel'nogo metoda professora Radovana Koshuticha [Linguistic foundations of Radovan Kosutic's comparative method]. *Russkiy yazyk za rubezhom*. 1. pp. 65–66.

28. Terlak, Z. & Serbenska, O. (1999) *Ukrainskiy yazyk dlya nachinayushchikh* [Ukrainian for Beginners]. 2nd ed. Lviv: Svit.

29. Tolstaya, S.M. (1995) Vremya [Time]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols]. Vol. 1. Moscow: Ellis Lak. pp. 204–215.

30. Tolstoy, N.I. (1995) *Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistiki* [Language and Folk Culture. Essays on Slavic Mythology and Ethnolinguistics]. Moscow: Indrik.

31. Tuchinskiy, A.V. (2018) Kul'turnye kontsepty slavyanskogo mira kak instrument podgotovki spetsialista v oblasti mezhkul'turnoy kommunikatsii v Respublike Belarus' [Cultural concepts of the Slavic world as a tool for training a specialist in the field of intercultural communication in the Republic of Belarus]. *Vysshaya shkola: problemy i perspektivy* [Higher School: Problems and Prospects]. Proc. of the 13th International Conference. Vol. 2. Minsk: RIVSh. pp. 315–319.

32. Tuchinskiy, A.V. (2019) Bezekvivalentnaya leksika kak otrazhenie belorusskoy yazykovoy kartiny mira [Non-equivalent vocabulary as a reflection of the Belarusian linguistic picture of the world]. *Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya 1. Pedagogika. Psikhologiya. Filologiya*. 3(101). pp. 99–104.

33. Uspenskiy, B.A. (1952) *Filologicheskie razyskaniya v oblasti slavyanskikh drevnostey* [Philological Research in the Field of Slavic Antiquities]. Moscow: Moscow State University.

34. Ufimtseva, N.V., Cherkasova, G.A., Karaulov, Yu.N. & Tarasov, E.F. (2004) *Slavyanskiy assotsiativnyy slovar': russkiy, belorusskiy, bolgarskiy, ukrainskiy* [Slavic Associative Dictionary: Russian, Belarusian, Bulgarian, Ukrainian]. Moscow: Moscow State Linguistic University.

35. Khadzhieva E., Garibova, N., Eftimova, A., Patseva, M. & Slutska, A. (2011) *Bolgarskiy yazyk. Kurs dlya nachinayushchikh* [The Bulgarian Language. A Course for Beginners]. St. Petersburg: KARO.

36. Khalilzadekh, A.Z. (2012) Uchebnyy tekst kak neot"emlemaya chast' lingvodidakticheskoy sistemy [Educational text as an integral part of the linguodidactic system]. *Vestnik RUDN. Seriya Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika – Bulletin of RUDN University. Series Theory of Language. Semiotics. Semantics*. 3. pp. 118–125.

37. Yazyk+: *Mezhdunarodnyy slavyanskiy yazyk slovio* [Language+: International Slavic language Slovio]. [Online] Available from: <https://languageplus.info/staty/slovio/?ysclid=lwg0npjf4s866843402> (Accessed: 20th May 2024).

38. Makhovskaia, I. (2010) *Grammatika? Dlaczego nie?! Iazyk Polski dlia obchokraiovtsev Tsvitsienia grammatichnie dlia poziomu A1*. Krakov: [s.n.].

39. Voyant-tools.org. (n.d.) *Voyant tools: programma dlya osushchestvleniya kontent-analiza* [Voyant tools: Software for content analysis]. [Online] Available from: <https://voyant-tools.org/docs/#!/guide> (Accessed: 20th May 2024).

Курьянович Анна Владимировна – доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории языка и методики обучения русскому языку Томского государственного педагогического университета (Россия).

Anna V. Kurjanovich – Tomsk State Pedagogical University (Russia).

E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru

Серебrennikova Елена Александровна – специалист по учебно-методической работе кафедры теории языка и методики обучения русскому языку Томского государственного педагогического университета (Россия).

Elena A. Serebrennikova – Tomsk State Pedagogical University (Russia).

E-mail: serebrennikova808@gmail.com

УДК 821.16+811.111

UDC

DOI: 10.17223/18572685/75/11

Семантика неполноты действия в русском, украинском и английском языках

О.С. Алешина¹, В.С. Мишина², Ю.В. Филь³

^{1, 2, 3} Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: lesenokbrantova@mail.ru

² E-mail: 21vesper21@gmail.com

³ E-mail: 2fil@inbox.ru

Авторское резюме

Для исследований семантических категорий представляется эффективным сопоставительный подход, который позволяет не только определить общие и специфические черты изучаемого объекта на фоне рассматриваемых языков, но и увидеть особенности восприятия носителями языка окружающего мира, заключённые в этих категориях. Это утверждение относится и к категории аспектуальности. Значительные достижения славянской аспектологии XX в. активно использовались при изучении аспектуальной семантики в других индоевропейских языках, в том числе в германских, в которых категория аспектуальности имеет иной характер и структуру по сравнению со славянскими языками. Некоторые вопросы в этой области остаются дискуссионными, а отдельные аспектуальные значения требуют дальнейшего изучения. В данной работе в фокусе исследования находится семантика неполноты действия, в качестве объекта исследования выступают глаголы и глагольные сочетания смягчительного способа действия в русском, украинском и английском языках. Рассматриваемый тип аспектуального значения связан с представлением о действии как о выполненном не полностью, протекающем незначительное количество времени, недостаточное для получения полного результата. Префиксальные глаголы с диминутивным и смежными с ним значениями многочисленны в славянских языках, что связывают с развитой глагольной префиксацией в целом и с особыми чертами носителей славянских языков. Сопоставление «смягчительных» глаголов и глагольных единиц в русском, украинском и английском языках позволит выявить основные значения неполноты действия в этих языках, оценить степень продуктивности мо-

делей их образования в сопоставляемых языках. Исследование продемонстрировало многообразие средств выражения неполноты действия (префиксы, суффиксы, адвербиальные сочетания и др.) в сопоставляемых языках, а также синтетический способ выражения указанной семантики в русском и украинском языках и аналитический – в английском. Это объясняется как преимущественно аналитической структурой английского языка в целом, так и вероятной меньшей значимостью смягчительных значений для носителей английского языка при актуализации параметров называемого действия. Проведённый анализ выявил следующие значения исследуемых единиц в рассматриваемых языках: 1) неполнота действия, его осуществление с меньшим результатом; 2) ограниченность действия по времени его протекания; 3) одновременно дополнительность действия и его неполнота, прибавление чего-то к чему-то; 4) осуществление действия в ослабленной степени и время от времени. При этом отдельные оттенки значений неполноты, характерные для сопоставляемых языков, не совпадают и находятся в отношениях пересечения.

Ключевые слова: русский язык, украинский язык, английский язык, аспектуальные значения, семантика неполноты действия, сопоставительный подход

Semantics of incomplete action in Russian, Ukrainian, and English

Olesya S. Aleshina¹, Veronika S. Mishina², Yulia V. Fil³

^{1, 2, 3} Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: lesenokbrantova@mail.ru

² E-mail: 21vesper21@gmail.com

³ E-mail: 2fil@inbox.ru

Abstract

Semantic categories can be studied effectively using a comparative approach, since it allows to determine the general and specific features of the object under study against the background of the languages under consideration, but also to see the peculiarities of native speakers' perception of the surrounding world. This is also relevant for the category of aspectuality. The discoveries of Slavic aspectology of the 20th century were actively used to study aspectual semantics in other Indo-

European languages, including Germanic ones, in which the category of aspectuality has a different character and structure. Some questions in this field still remain controversial, with certain aspectual meanings requiring further study. This research focuses on the semantics of incomplete action in verbs and verb combinations of the attenuative mode of action in the Russian, Ukrainian, and English languages. The type of aspectual meaning under consideration is related to the idea of a partially complete action, action lasting for a short period of time, or insufficient to obtain a full result. Prefixal verbs with diminutive and related meanings are numerous in Slavic languages, which is explained by a developed verbal prefixation in general and special features of speakers of Slavic languages. A comparison of “attenuative” verbs and verbal units in Russian, Ukrainian, and English makes it possible to identify the main meanings of incomplete action in these languages and assess the productivity of their formation patterns in the compared languages. The study has demonstrated the variety of means to express the incompleteness of an action (prefixes, suffixes, adverbial combinations, etc.) in the compared languages, as well as the synthetic way of expressing the specified semantics in Russian and Ukrainian and the analytical way in English. This is explained both by the predominantly analytical structure of English as a whole, and by the likely lesser significance of attenuative meanings for English speakers when actualizing the inner parameters of the action. The analysis has demonstrated the following meanings of the studied units in the languages under consideration: 1) incompleteness of an action and its lesser result; 2) limited action in terms of its duration; 3) simultaneous incompleteness of an action and its complementarity, an addition of something to it; 4) lesser degree of an action, its sporadic character. Individual aspects of the meanings of incompleteness in compared languages do not coincide and are in the relations of intersection.

Keywords: Russian language, Ukrainian language, English language, aspectual meanings, semantics of incompleteness of action, comparative approach

Особый статус семантических исследований в лингвистике определяется ролью семантического уровня языка, его тесной связью с типом менталитета представителей данной лингвокультуры. Семантические категории, пронизывающие всё пространство языка, отражают прямо или косвенно особенности мышления людей, очевидные и неочевидные принципы их мировидения, превалирующие стереотипы и оценки окружающего мира. Взгляд на сходства и различия в концептуальных картинах мира носителей разных языков через призму существующих семантических категорий позволяет выявить указанные глубинные различия. Язык, выбирая из существующего универсального набора смыслов те, которые «подходят» ему по

содержанию и типу структуры, вербализует их, делая достоянием грамматического или лексического уровней. Сопоставление семантических категорий, их частных значений, способов и средств их выражения в языках с разной генетической природой и разным типом грамматической структуры способствует определению зон пересечения и расхождения изучаемого объекта в сопоставляемых языках и стоящих за ними языковых картинах мира.

В центре данного исследования находится семантика смягчительности, составляющая наряду с другими значениями (завершённости и длительности, однократности и многократности, проспективности и ретроспективности, начинательности и финитивности и т.п.) содержательный план аспектуальности. При этом спектр аспектуальных значений в целом, способы и средства их выражения в языках значительно варьируются, что объясняется различиями в структуре языка, в грамматическом/неграмматическом способе выражения аспектуальности, в спектре значений, характерных для языка, в зонах пересечения рассматриваемых значений со смежными (темпоральными, таксисными, модальными и т.д.). Однако универсальность аспектуальности как языковой категории даёт основание для сопоставления языков в этом аспекте, «наложения» подобных смыслов в одних языках на аналогичные им в других (см. подобный принцип в исследовании лексической типологии Е.В.Рахилиной, Т.И. Резниковой [11]) и выявления их особенностей.

Рассматриваемый тип значения представлен в славянской научной литературе под разными наименованиями (димиутивный, аттенуативный, смягчительный и др.) и охватывает глагольную лексику с общей семантикой неполноты действия – «производить / произвести действие не в полной мере, с незначительным результатом, в течение незначительного временного периода». В силу особой продуктивности количественного типа аспектуальности в славянских языках рассматриваемый вид деинтенсивных значений, выражаемых синтетически (преимущественно префиксальным способом), характерен для сопоставляемых в данном исследовании русского и украинского языков: рус. *притормозить, присогнуть, прикупить, приплатить, попридержать, поколдовать, подсветить, подранить, потряхивать, поблёскивать, надрезать, недоспать*; укр. *пригубити, недобачити, підкувати, покосити, побігати, підлити, підсипати, прикупити, поцмокувати, почухувати, похмикувати*. В английском языке он представлен аналитическими конструкциями: англ. *rise for a moment, slow down a little, to muffle, get some sleep, play for a while, buy some more, swing slightly, cough now and then, limp slightly*.

Представляется, что выбранный для анализа семантический объект напрямую связан со спецификой представления носителей языка о

действии и критериях его оценивания. Как неоднократно отмечалось в научной литературе [4; 6; 14 и др.], языковые картины мира характеризуются этническим своеобразием. Для русской картины мира (и, как правило, славянской в целом) характерны склонность к рефлексии и саморефлексии, неагентивность, некатегоричность, неопределённость, осторожность, эмоциональность, высокая оценочность [2; 4; 6; 14], при этом рационально-оценочные значения в русском языке сочетаются с эмоционально-оценочными [12]. В то же время «коммуникативно-релевантными чертами английского менталитета и национального характера» исследователи считают «умеренность, эмоциональную сдержанность, некатегоричность, консерватизм в общественной жизни, законопослушность, вежливость (демонстрацию правил поведения) и др.» [8: 64]. А. Вежбицкая отмечала, что в английском языке исчезают некоторые глаголы с семантикой эмоционального состояния, что «отражает важную особенность англо-саксонской культуры – культуры, которая обычно смотрит на поведение, без особого одобрения оцениваемое как “эмоциональное”, с подозрением и смущением» [1: 41], ей «свойственно неодобрительное отношение к ничем не сдерживаемому словесному потоку чувств, между тем как русская культура относит вербальное выражение эмоций к одной из основных функций человеческой речи» [1: 41]. Отметим, что русская эмоциональность эксплицитно представлена в языке (добавим, что рассматриваемая в данной статье смягчительность в славянских языках реализуется непосредственно в глагольном слове при помощи сформировавшихся специальных аффиксальных маркеров). Исследователи полагают, что диминутивность может выступать средством моделирования лингвокультурной и лингвopsихологической картины мира. Так, они подчёркивают важность диминутивов для формирования особого эмоционально-оценочного фона русской (и шире – славянской) речи [13] и связывают диминутивность с эмоциональной сферой и сферой «этнической эмоциональности» [14]. Это проявляется в «острой нехватке диминутивов в английском языке как средства передачи экспрессии и самовыражения» у эмигрантов славянского происхождения [14: 87].

Все вышесказанное демонстрирует значимость наличия или отсутствия прямых средств выражения смягчительно-диминутивного смыслового блока в языках и необходимости их дальнейшего изучения.

Таким образом, цель данного исследования – выявить основные составляющие семантики неполноты действия и средства её выражения в русском, украинском и английском языках путём сопоставительного анализа «смягчительных» глаголов и глагольных единиц в указанных языках.

Перед тем как обратиться к анализу материала, охарактеризуем основные положения и ключевые понятия работы.

Славянский (в большей степени русский) «диминутивный» сектор аспектуальности имеет длительную традицию изучения и описан в разных лингвистических традициях: с точки зрения аспектологии (А.В. Бондарко, М.А. Шелякин, Е.В. Петрухина, Анна А. Зализняк, А.Д. Шмелев, А.Н. Тихонов; С.О. Соколова, К.Г. Городеньска, А.П. Загнітко, М.І. Калько и др.), префиксологии (Л.И. Ройзензон, М.А. Кронгауз, Г.А. Волохина, З.Д. Попова, Л.В. Табаченко и др.), теории номинации (А.В. Исаченко, Е.В. Петрухина и др.). В англоязычной литературе в фокусе внимания не раз оказывалась именная сфера диминутивности, при этом указывалось на необходимость её описания не на именном, а на глагольном материале, отмечалось наличие аффиксального способа образования глаголов с диминутивной семантикой в немецком, норвежском и голландском языках [22].

Большинство исследователей считают **аспектуальность** категорией с неоднородным составом, представленной многообразными значениями, характеризующими особенности протекания действия/состояния, которая реализуется грамматическими, лексическими, словообразовательными средствами [18; 19]. Ядро категории образует «специализированное и регулярное грамматическое средство» – глагольный вид [19: 56], к нему примыкают так называемые **способы глагольного действия** (лексико-словообразовательные разряды), семантически тесно связанные с видом и разделяющие с ним аспектуальные значения. Отсутствие единого, последовательного формального показателя способов действия и разноплановые критерии их классификации свидетельствуют о сложном, переходном характере этого явления [3]. Дополнительными средствами выражения аспектуальности являются аналитические конструкции с фазовыми глаголами, лексические показатели (*вдруг, изредка, всё время* и т.п.) и синтаксические средства языка, способные передавать аспектуальную семантику [19].

Существующая дискуссия в отношении понятия **способ действия** касается, прежде всего, классификации и терминологии способов глагольного действия в разных лингвистических традициях.

Аспектуальные разряды глаголов, под которыми в русской традиции понимают *способы действия* (в терминологии А.В. Бондарко [19], М.А. Шелякина [21] и др.), в украинской традиции принято называть *роды действия* (в терминологии В.М. Русановского [15], С.О. Соколовой [18]) или *аспекты действия* (в терминологии А.П. Загнітко [3]).

Предлагаемые классификации *способов действия* разнообразны по содержанию (характеризованные/нехарактеризованные, предель-

ные/непредельные, специальнорезультативные/общерезультативные и т.п.) и объёму (от 10 до 30 видов). Глаголы с семантикой неполноты действия относят к нескольким близким способам действия, которые исследователи характеризуют как градуальные количественно-интенсивные, передающие квантификацию степени проявления результата действия/признака состояния относительно нормы интенсивности [18]. Это следующие разряды единиц, выражающиеся с помощью префиксальных и суффиксальных средств языков [21]:

- **смягчительный** (аттенуативный, диминутивный; в терминологии М. Иванович терминативные деинтенсивы [5]) – *привстать, надкусить; надгнати, присоромити*;

- **ограничительный** (делимитативный; в терминологии М. Иванович терминативные деинтенсивы [5]) – *посидеть, полежать, повалятися, поварити*;

- **прерывисто-ограничительный** (в терминологии М. Иванович интерминативные деинтенсивы [5]) – *покашливать, прихрамывать; покашлювати, побринькувати*;

- **комплетивный** (дополнительный) – *подкупить, призанять; прикупити, примішати*;

- **сопроводительный** (комитативный): *прихлопывать, приплясывать; підкачувати*.

Зарубежная традиция описания аспектуальности представлена работами исследователей – D. Katunar, D. Jurafsky, A. Efthymiou, J. Audring с соавт., E. Sicherl, P. Schneider Klaus и др. В целом, опираясь на описание аспектуальности в славянском языкознании, исследователи отмечают, что вид представляет собой ядро аспектуальности, а способы действия и прочие (синтаксические) средства – его периферию. При этом само понятие вида (в случае если он выделяется как категория) трактуется неоднозначно: как самостоятельная категория, отдельная от категории времени (А.И. Смирницкий), или как часть общей видо-временной системы языка (Л.С. Бархударов, И.П. Иванова, В.Н. Ярцева, В.Я. Плоткин и др.) (см. обзор точек зрения на аспектуальное поле в английском языке в [7]). Кроме того, в германистике зачастую представлено разделение категорий вида и аспекта как соответственно грамматической категории (А.И. Смирницкий, В.Д. Аракин, Б. Комри) и определённого способа видения ситуации говорящим, выражающегося через использование определённых грамматических форм (О. Дал, Ш. Смит, С. Аттардо и др.).

Аналогичные славянским способам действия разряды слов в английском языке исследователи считают либо особыми аспектуальными качествами глаголов (К. Кабакчев), либо языковыми единицами, отражающими семантику протекания действия/состояния

(В.С. Храковский, Т.Н. Степкина). В последнем случае способы действия выражаются через лексическую семантику глагольных единиц или через специальные аналитические конструкции [7]. Использование аффиксальных средств языка при выражении аспектуальной семантики не характерно для английского языка в отличие от русского и других славянских языков.

В англоязычном языкознании семантика смягчительности изучалась преимущественно на материале имён существительных (с применением термина *diminutives*) [26], рассматривались способы образования диминутивных единиц, их функции, возможные значения. Однако исследователи отмечают, что глаголы тоже могут быть «уменьшительными» (*diminutive verbs*). В этом случае глагольные диминутивные формы представляют собой грамматические конструкции, указывающие на то, что действие или событие видится как осуществлённое «меньше», чем обычно (неявная форма сравнения, выражающая сокращение или ослабление по отношению к некоторому стандарту действия) [23]. Таким образом, как и в случае со славянскими количественно-аспектуальными способами действия, диминутивные глаголы связаны с понятием «количество действия». При этом количество может быть представлено как уменьшенное по следующим параметрам: интенсивность, время, а также пространство и частота [23: 224]. Кроме того, в научной литературе указывается зависимость глаголов-диминутивов от контекста и важность их изучения в этом аспекте [26].

Подводя итог данной части работы, отметим незавершённость дискуссии о статусе категории аспектуальности и необходимость сопоставительного изучения на глагольном материале диминутивного типа значений, обладающего яркой функцией выражения оценочного отношения говорящего [12: 162] не только к предмету, но и к действию.

Далее обратимся к анализу содержательного наполнения единиц с семантикой неполноты действия и маркирующих эту семантику языковых средств в русском, украинском и английском языках.

Первоначально нами был проведён анализ русских смягчительных единиц, который продемонстрировал следующие типы семантики неполноты действия (подробно указанные типы глаголов рассматриваются в [20]).

Первый тип единиц представлен глаголами со значением действия, совершённого не в полной мере, ослабленно, с меньшим результатом по отношению к аналогичным действиям, выполненным, как обычно, в полную силу. Данное значение передают глаголы с деривационно активными в русском языке приставками **по-**, **при-**, **под-**, реже **недо-**, **над-**:

привстать («встать не во весь рост; приподняться»), *прихвастнуть* («похвастать несколько»), *приболеть* («заболеть немного, несильно»), *покрытиковать* («подвергнуть некоторой критике»), *поостыть* («постепенно, немного остыть»), *поостеречься* («несколько остеречься»), *подзабыть* («частично забыть, не очень твёрдо сохранить в памяти»), *недосыпать* (спать меньше, чем следует), *недоедать* («есть недостаточно, плохо питаться»), *надкусить* («прокусить слегка или откусить часть чего-л.»), *надгрызть* («отгрызть часть чего-л., надкусить») и др. [16].

Например: *Рыжий приоткрыл дверь, сделал приветственный жест рукой и в ту же минуту испарился, а я вошел* (Вера Белоусова. Второй выстрел. 2000); *Волосы у нее темно-русые с золотистым отливом, пышные, вроде бы подвитые* (Геннадий Алексеев. Зеленые берега. 1983–1984); *Что я тебе, благотворительное общество? Несколько поосмотревшись на новом месте, Екатерина Яковлевна писала Капнисту...* (В.Ф. Ходасевич. Державин. 1929–1931); *Она ела с несколько виноватым видом, словно женщине приличней совсем не есть, но если уж изредка приходится, то она, так и быть, поклует* немного (Фазиль Искандер. Чик читит обычаи. 1967); *Велька вжался в лавку, и надкушенная долька чеснока обожгла ему губы* (А.А. Олейников. Велькино детство. 2007); *Недосыпал поэт, недоедал, обносился, чувствовал себя неполноценным, от этого становился ершистей, вредней, гордыня ж стихотворца непомерна, как кто-то верно заметил* (Виктор Астафьев. Затеси. 1999) [10].

Второй тип объединяет глаголы с ограничительным значением. В этом случае ограничено не только время протекания действия (*полюбезничать* («любезничать некоторое время»), *почитать* («некоторое время читать» (в 1-м и 4-м значениях)), *поиграть* («играть некоторое время»)) [16], но и его результат, выражающийся в сужении объекта действия – его количества, площади, объёма и т.д. (*позамазать одежду* («замазать в нескольких местах»), *повыдавить* («выдавить немного»). Значение маркируется крайне продуктивным в русском языке префиксом **по-**.

Например: *Анна поужинала и поднялась в спальню. Хотелось пораньше лечь, побыть одной, почитать* (Виктория Токарева. Своя правда. 2002); *Пошуршав некоторое время, он вытащил три смятых бумажки, одну засунул обратно* (Юрий Трифонов. Утоление жажды. 1959–1962); *Поработал я там недель несколько – проспал, на работу опоздал* (Александр Солженицын. В круге первом. 1968); *Он повыл секунд тридцать, потом, как водится, зажал трубку, посовещался и сказал: – Ладно* (Андрей Волос. Недвижимость. 2000) [10].

Третий тип глаголов называет одновременно дополнительное действие по отношению к аналогичному, осуществлённому ранее,

прибавление чего-то к чему-то, что уже было, и ослабленное, неполное действие. Чаще других дополнительное значение маркируют приставки **под-, при-**: *подлить* («прибавить к чему-л. чего-л. жидкого; налить дополнительно, ещё немного»), *подкрасить* («немного, слегка или дополнительно накрасить»), *подзанять* («немного занять, взять займы»), *подрезать* («срезая, несколько укоротить, подровнять»), *подкопить* («скопить немного или дополнительно», *присочинить* («сочинить вдобавок к чему-л.»; «рассказывая, сообщая о чем-л., прибавить то, чего не было; прилгать»), *приписать* («написать в дополнение к чему-л., прибавить к написанному прежде»), *прибавить* («дать, положить, насыпать, налить и т. д. в дополнение к чему-л., присовокупить, присоединить к чему-л.») [16].

Например: – *У меня всегда порядок, – Ломакин подбавил к выговору еще и чуть сварливости.* – *А у тебя?* (Андрей Измаилов. Трюкач. 2001); *Подсыпать* кошке корма: *она действительно требует, чтобы мы с ней ели одновременно* (Ирина Васюченко. Хромые на склоне. 2014); *Балласту подсыпали, подровняли, шпалы пересмотрели, костыли подколотили, гайки подвинтили, столбы подкрасили, на переездах приказали желтого песочку подсыпать* (Вс.М. Гаршин. Сигнал. 1887) [10].

Четвёртый тип составляют глаголы с прерывисто-ограничительной семантикой, обозначающие действие, которое производится в ослабленной степени, слегка, при этом не постоянно, а время от времени. Данный тип семантики обозначается глаголами с приставками **при-, под-, по-** и с суффиксами **-ива-, -ыва-**: *прихлёбывать* («пить не торопясь, небольшими глотками, время от времени»), *причмокивать* («слегка чмокать, почмокивать время от времени»), *пописывать* («время от времени, иногда писать»), *постукивать* («время от времени, слегка стучать, стучать»), *покашливать* («время от времени, слегка кашлять»), *подташнивать* («слегка, время от времени тошнить») [16] и др.

Например: *Молодой пленник прихрамывал. Автомат, что швырнул Рубахин, поранил ему ногу* (Владимир Маканин. Кавказский пленный. 1995); *Чуть в стороне, возле кустов паслась привязанная на веревке лошадь; то и дело помахивая хвостом, она отгоняла мошкар* (Василь Быков. Болото. 2001); *Мы оба были в одно и то же время отравлены газами, пущенными немцами летом 1916 года, и оба с той поры покашливали* (В.П. Катаев. Алмазный мой венец. 1975–1977); *Он действительно с трудом различал братьев и всегда подшучивал, что один из братьев немного умнее, а другой немного красивее, но он всегда забывает, кто именно...* (Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого. 2000) [10].

На следующем этапе исследования был рассмотрен материал украинского языка, в котором в качестве маркеров смягчительной

семантики виділені префікси, аналогічні русським приставкам.

Як показує проведений аналіз, в українському мові функціонують ті ж типи пом'якшувальних одиниць, що і в російському мові.

Перший тип одиниць – з чисто пом'якшувальним значенням – представлений дієсловами з дериваційно активними приставками **по-, при-, під-, недо-, над-**, якими в своїй семантиці вказується на здійснення дії або проявлення стану в декількох пом'якшеній ступені, не в повній мірі: *повернути* («надати руху чому-небудь, злегка порухати чимсь»); *поплескати* («злегка ударити рукою кілька разів по чому-небудь»); *помазувати* («по трохи, злегка або час від часу»); *потиснути* («натиснути на когось, що-небудь; трохи або злегка стиснути щось»); *примружуватися* («злегка прикиривати повіки (про когось-небудь)»); *прикопати* («неглибоко закопувати в землю що-небудь»); *підмочувати* («намочувати трохи, злегка або знизу»); *надбавити* («відбавити шматочок чого-небудь»); *надгризати* («відгризати частину чого-небудь»); *наддзюбувати* («дзюбаючи, відривати шматочки чого-небудь в одному або кількох місцях»); *недобирати* («брати, збирати, набирати, мати і т. ін. менше, ніж потрібно»); *недоважити* («важити неповною вагою, меншою від потрібною») [17].

Наприклад: *Він уже спустився вниз, як раптом Мудей зупинився і сторожко повернувши вухами* (Василь Шкляр. Залишенець. Чорний ворон. 2009); *Тепер тобі, мабуть, треба час, щоб перетравити магі-магі? Чи, може, кортить усістися в глибоке китайське крісло і попивати китайський зелений чай?* (Павло Загребельний. Безслідний Лукас. 1986); – *Але раджу притримувати язик, бо відкусиш!* (Павло Загребельний. Безслідний Лукас. 1986); *Справді, вбити їх і десть потай прикопати* набагато простіше, ефективніше і навіть таємничіше (Юрій Винничук. Цензор снів. 2016); *Сидів Чепіжний довго, і грязюка на плащі стала підсихати* навпроти сонця, взялася синюватим туманом, наче Чепіжний горів (Микола Вінграновський. Сіроманець. 1975); *...щуряки нажилися з баняка і, недосяжні, наглі, дико гупотіли по стелі; собака сидів-сидів, ждав-ждав тебе, а тоді рив підкопи, надгризає трухлі двері – і день і ніч гасав коло залізниці і роздивлявся приїжджих...* (Євген Пашковський. Щоденний жезл. 1999); *Через куркульську жадобу знаєш, скільки ми зерна недобираємо?* (Михайло Стельмах. Велика рідня. 1951); *В ідальні Саві здавалося, що його обкрадає кухар (не докладає в казан м'яса, щоб принести додому та ще й начальнику дати), в магазині продавець повинен щось недоважити* щоб мати доданку до своєї мізерної зарплати та ще й директору дати (Василь Рубан. Помирає уражений проліском ліс. 1970) [9].

Второй тип одиниць – з обмежувальним значенням. Аналогічно російським одиницям дані дієслова утворені за допомогою пристав-

ки **по-** в обмежувальному значенні: *повалятися* («валитися, лежати якийсь час»); *поборотися* («боротися якийсь час»); *повертіти* («вертіти якийсь час»); *похворіти* («хворіти якийсь час») [17].

Наприклад: *І похворіли вдвох, бо з голоду наїлися в Опішні зелених слив* (Іван Багряний. Людина біжить над прірвою. 1992); *Хлопець лише головою повертів, не відповідаючи* (Олексій Кацай. Капітан космічного плавання. 2009); *Просто замовимо піцу та поваляємося в ліжку або кіно подивимось* (Юрій Ярема. Тепло його долонь. 2015) [9].

Третій тип, як і в руському мові, представлений дієсловами з приставками **при-** і **під-**, що складаються з додаткового і зменшувального значення: *прикупити* («купувати що-небудь на додаток до чогось»); *примішати* («додавати що-небудь до чогось, перемішуючи; додавати якусь домішку до чогось»); *приписувати* («додавати до написаного; дописувати»); *приробити* («виготовляти, створювати що-небудь на додаток до чогось»); *прималювати* («доповнювати малюнок якоюсь деталлю»); *підкинути* («класти, кидати, звичайно додаючи до чого-небудь»); *підгвинчувати* («загвинчувати додатково ще трохи»); *піддовбувати* («злегка або додатково довбати» (у 1-м значенні)); *підкопчувати* («копати трохи або додатково») [17].

Наприклад: *Двоє тримали великі срібні миски, а двоє – високі глечики з водою, до якої примішали східних пахощів* (Зінаїда Тулуб. Помста Стефана Потоцького. Т. 1: Людолови. 1980); *А якби чоловік собі крила приробив, то літав би?* (Борис Грінченко. Під тихими вербами. 1928); *Пан Злотницький, що був таки розлючений, а то ще сам себе підгвинчував, бажаючи здаватися ще грізнішим* (Гнат Хоткевич. Довбуш. 2010); *Ти підкачував переднє колесо, застѣбував під сідлом кобуру і, перекинувши ногу через раму, відштовхувався латаним яловим чоботом, міцним і легким, придбаним на базарі задешево, дякуючи німецькій гуманітарній допомозі...* (Євген Пашковський. Щоденний жезл. 1999) [9].

Четвертий тип зменшувальних одиниць – з переривисто-зменшувальним значенням. Дане значення передається за допомогою приставок **по-**, **під-** (реже **при-**) з суфіксами **-ува-/юва-**: *похрускувати* («хрускати стиха або час від часу»); *похронувати* («хропіти стиха або час від часу»); *похльостувати* («хльостати час від часу»); *похвалювати* («хвалити час від часу»); *пофиркувати* («фиркати (див. фиркати¹) час від часу»); *підсміюватися* («усміхатися, посміхатися час від часу») [17].

Наприклад: *У сусідній хаті, похрускуючи пальцями, низесенько вклоняючись, зустрічає її барон* (Володимир Винниченко. Сонячна машина. 1989); *Продегустував Всевишній фрукти та овочі і мовив, сам себе похвалюючи* (Юрій Ячейкін. Біблійні пригоди на небі і на землі. 2020); *Хто підсміювався, а декотрі самі підхоплювали охоче: ну, братва, чи*

не пора нам «розвинути вітрила», будемо парусити! (Олесь Гончар. Берег любові. 1960) [9].

Отметим, что глаголы с приставкой **по-**, во многих славянских языках характеризующейся наиболее абстрактным среди других приставок значением, помечены в словаре как формы совершенного вида.

Проведённый анализ выявил ещё один тип смягчительных единиц в украинском языке. Это неизменяемые отглагольные формы, образованные с помощью суффиксов **-тки, -оньки, -чки, -туси, -туни**: *спатки, спатоньки, спаточки, спатусі, спатуні; їстки, їстоньки, їсточки* и т.п. По мнению исследователей, эти эмоционально окрашенные единицы непосредственно связаны с повседневной деятельностью детей, считаются ласкательными, употребляются преимущественно в разговорной речи, в общении с детьми, встречаются в художественной литературе, в поэзии и фольклоре [5]. Несмотря на ситуативный характер их образования, некоторые из единиц фиксируются в словаре: *їстоньки* («пестл. те саме, що їсти» – ласк. то же самое, что есть); *купоньки* («дит. пестл. до купки» – дет. ласк. купаться); *спаточки* («пестл. те саме, що спати» – ласк. то же самое, что спать); *питоньки* («пестл. те саме, що пити» – ласк. то же самое, что пить) [17].

Например: *Що, мій горобчику, їстоньки захотів?* (Віктор Савченко. Золото і кров Сінопа. 2007); *Іди ж, голубко, та й спатоньки лягай, а я листи ще напишу* (Карпенко-Карий. II. 1960) [9].

Таким образом, данные рассмотренных русского и украинского языков демонстрируют, что единицы с семантикой неполноты действия широко представлены в них, однако, несмотря на общие содержательные типы единиц, наблюдаются значительные различия в их количественном составе в рамках каждой префиксальной (а также префиксально-суффиксальной) модели, в её продуктивности. При этом актуальность смягчительной семантики для русского и украинского как представителей славянских языков не вызывает сомнения.

Далее нами был проанализирован материал английского языка. Прежде всего отметим, что в английском языке интересующая нас семантика выражается в преобладающем большинстве случаев аналитически (исключение составляют глаголы с суффиксом **-le** и глаголы с префиксом **under-**). Незначительное количество словных единиц со значением неполноты действия в данном языке компенсируется значительным количеством адвербиальных сочетаний, способных передавать смягчительную семантику. При этом свободный характер подобных аналитических конструкций позволяет выражать неполноту действия конструктивно, по мере необходимости.

К многообразным средствам маркирования отдельных значений неполноты отнесём адвербиальные единицы: **a little, slightly, lightly, half, for a while, a bit, for a time, on and off, gradually, some (more)**.

Содержательная составляющая средств выражения значений неполноты действия рассматривалась нами в сопоставлении с аналогичными типами смягчительной семантики в русском и украинском языках.

Первый тип. Глаголам с чистым значением неполноты действия соответствуют следующие английские сочетания с адвербиальными единицами: **a little** («to some extent, a bit, somewhat»); **slightly** («small of its kind or in amount»); **lightly** («gently, to only a small degree»); **a bit** («slightly, a little») [24].

Например: *Manager must have raised it a little* (букв. слегка поднял, приподнял) *when checking everything was ready for us* (Kazuo Ishiguro. *Klara and the Sun*. 2005); *...and Pantalaimon fluttered ahead and through the slightly open door of the Retiring Room at the other end of the dais* (Philip Pullman. *His Dark Materials: Northern Light*. 1995); *Do you think I should lightly fry the paste with either onions or sage?* (André Aciman. *Call me by your name*. 2007); *My phone keeps buzzing, and once I've calmed down a bit* (букв. успокоиться немного, чуточку, поуспокоиться) *I flip it open* (Lauren Oliver. *Before I fall*. 2010) [10].

К данному виду единиц можно также отнести глаголы с префиксом **under-**, актуализирующие значение недоведённости действия до некоего его предела, который расценивается носителями языка как нормальный: *undervalue* («to consider something to have less worth or importance than it really has»), *undereat* («to eat an insufficient amount») и др. Данные глаголы представляют собой практически единственный случай как семантической, так и структурной эквивалентности единиц между рассматриваемыми русским и английским языками.

Например: *The importance in science of a good name should not be underestimated* (букв. недооценивать) (Stephen Hawking. *Black Holes and Baby Universes*. 2016); *His men were idle and dishonest, the fields were full of weeds, the buildings wanted roofing, the hedges were neglected, and the animals were underfed* (недокармливали) (Animal Farm. George Orwell. 1945) [10].

Отметим и то, что таких единиц немного в языке, приставка более зависима от глагола, в то время как адвербиальные конструкции более универсальны для выражения значения неполноты действия.

Кроме того, в английском языке выделяются **фразовые глаголы** с послелогом **down**, которые передают значения ослабления, уменьшения, снижения качества, уменьшения активности субъекта: *to tone down* («to make something less forceful or offensive»), *to dial down*

(«to make something less forceful or extreme»), *to sweeten up* («make or become sweet or sweeter»).

Например: *It would be better to tone down the spotlight* (Blog: «Undecided voters more likely to choose agenda, not appearances». 2012) [25].

Второй тип. Русским и украинским глаголам с ограничительным значением соответствуют английские сочетания с **for a while**, **for a time** («for a short period, for some time»); **for a bit** («for a short time») [24].

Например: *She put her arm around me, stared for a while, then rubbed my back once* (André Aciman. Find Me. 2019); *He coughed a bit and then walked over and sat on the edge of the bed* (Sebastian de Castell. Traitor's Blade. 2014) [10].

Третий тип. Глаголам, сочетающим в себе дополнительное и смягчительное значения, соответствуют английские сочетания с **some (more)** («by a small amount or degree, a little» – в небольшом количестве или степени, а также ещё немного) [24].

Например: *...they had to keep bringing on substitutes so the players could get some sleep* (букв. могли получить ещё немного сна, поспать) (J.K. Rowling. Harry Potter and the Sorcerer's Stone. 1997) [10].

Этот тип значений способен передавать немногочисленные **фразовые глаголы** с послелогом **up** (общая семантика «до конца, полностью» или «приближение к стандарту» действия): *to sweeten up* («make or become sweet or sweeter»), *to tighten up* («to make something become tighter, firmer»).

Например: *That looks like a plain old knot which will tighten up if the horse pulls on it* (Web «I think you forgot something... | Fugly Horse of the Day». 2012) [25].

Четвёртый тип. Славянским глаголам с прерывисто-смягчительным значением соответствуют английские сочетания с **on and off** («happening or existing only some of the time»); **occasionally** («not often or regularly»); **from time to time** («sometimes, but not regularly») [24].

Например: *...and the right headlight blinked on and off* (букв. мигали время от времени, помигивали) *from a bad connection* (John Steinbeck. The Grapes of Wrath. 1939); *On winter nights when I cooked upstairs and would occasionally look out* (букв. время от времени выглядывал, поглядывал) *my kitchen window* (André Aciman. Find Me. 2019); *He glanced from time to time at his wrist watch and there were long periods of silence* (Erle Stanley Gardner. The Case of the Daring Divorcee. 1964) [10].

К ним примыкают уступающие по количеству указанным выше аналитическим конструкциям бесприставочные глаголы с **-le** (семантически они характеризуются аттенуированным значением, обозначаемое ими действие часто повторяется или характеризуется последовательностью более мелких побочных событий, что приводит

к итеративному прочтению их семантики): *to twinkle* («to shine with quick, intermittent flashes of light»), *to crackle* («makes a rapid series of short, harsh noises») [24] и др.

Например: *In the great old-fashioned fireplace behind the high iron dogs a log-fire crackled* (Arthur Conan Doyle. The Hound of the Baskervilles. 1902); *Harry looked at him. Lupin's eyes were twinkling* (J.K. Rowling. Harry Potter and the Prisoner of Azkaban. 1999) [10].

Выявленные средства выражения смягчительной семантики в английском языке отличаются разнообразием частных оттенков значения неполноты действия: помимо малой интенсивности действия и незначительного характера самого действия и его результатов выделяются половинчатость и частичность действия, постепенный характер действия, осуществление его частями, мелкими порциями, в течение недолгого времени и/или время от времени. По всей видимости, номинативный потенциал смягчительных единиц английского языка несколько шире, чем у русских и украинских аналогов. Однако при переводе этих единиц на английский язык часто значение смягчительности опускается или искажается, как в примере из параллельного корпуса НКРЯ: *Князь Мышкин **привстал**, вежливо протянул Рогожину пуку* // *Prince Muishkin **rose** and stretched out his hand courteously* [10]. Несмотря на наличие в английском языке средств выражения семантики неполноты действия и возможность её выразить в данном контексте адвербиальными «смягчительными» единицами, указанное значение остаётся непередаанным.

Подводя итог, отметим, что сопоставительный анализ смягчительной семантики в русском и украинском языках, с одной стороны, и в английском – с другой, выявил принципиально разные в преобладающем большинстве случаев способы выражения рассматриваемых значений в славянских и английском языках, что естественно для языковых систем с разной морфологической структурой и деривационными возможностями. Несмотря на малое количество в английском языке словных единиц с рассматриваемой семантикой, число аналитических конструкций, передающих значение неполноты действия, в данном языке велико (особенно учитывая свободный характер адвербиальных единиц, входящих в состав таких сочетаний, в отличие от связанного характера префиксов – показателей смягчительных значений в славянских языках). То есть количество глагольных единиц со смягчительной семантикой в английском языке представляется открытым в силу их конструктивности и потенциальности.

При сопоставлении русского и украинского языков обнаруживаются некоторые различия в наборе префиксов, маркирующих отдельные значения неполноты действия (это касается приставок **по-** и **под-/**

під-), при общем совпадении приставок, задействованных языками для выражения смягчительной семантики. Кроме того, в украинском языке представлена крайне продуктивная (по сравнению с русским языком) суффиксальная модель для образования форм-димиутивов (*спатки, спатоньки* и т. д.).

В содержательном плане у сопоставляемых языков обнаруживается значительная зона совпадений в частных значениях смягчительности (особенно в русском и украинском языках), однако в английском языке отмечаются несколько иной набор оттенков смягчительности и меньшая синкретичность внутри отдельных адвербиальных моделей для передачи значений неполноты по сравнению со славянскими единицами.

Изучение семантики неполноты действия в сопоставительном аспекте и полученные нами данные показали значимость для носителей русского и украинского языков данного типа значений, что подтверждается их значительным количеством (не менее 1 000 единиц) и наличием устойчивых префиксальных и префиксально-суффиксальных моделей их образования. Иная ситуация представлена в английском языке, для которого количественный (деинтенсивный) тип аспектуальности характерен в значительно меньшей степени. По-видимому, это можно объяснить не только языковыми, но и внеязыковыми факторами, особенностями мировосприятия представителей английской, русской и украинской лингвокультур, что требует дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
2. Гущина Г.И. Категорические и некатегорические высказывания в диалогической речи (на примере русских и английских художественных текстов первой половины XX в.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2009. 19 с.
3. Загнітко А.П. Теоретична граматика української мови. Синтаксис. Донецьк: ДонНУ, 2001. 662 с.
4. Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
5. Иванович М. Кількісно-інтенсивні роди дії в українській мові // Алманах «Българска україністика». 2021. С. 107–114.
6. Картины русского мира: Аксиология в языке и тексте. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 354 с.
7. Кашпур В.В., Филь Ю.В., Шаповал А.А. Аспектуальные характеристики русского и английского глагола в языке и тексте (на материале повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» и её переводов) // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 377. С. 22–29.

8. Козлова Л.Я. Формирование языковой картины мира англичан // Вопросы методики преподавания в вузе. 2016. № 5 (19-2). С. 53–64.
9. Корпус текстів української мови. URL: <http://www.mova.info/corpus.aspx> (дата обращения: 25.05.2024).
10. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 5.06.2024).
11. Рахилина Е.В., Резникова Т.И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 3–31.
12. Резанова З.И. Субъективные образы времени в современных славянских языках: диминутивные модели // Сибирский филологический журнал. 2017. № 3. С. 161–173. doi: 10.17223/18137083/60/14
13. Резанова З.И., Шиляев К.С. Национальный корпус русского языка в обучении особенностям использования русских диминутивов // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 5. С. 634–639.
14. Резниченко Л.Ю. Диминутивность как средство моделирования лингвокультурной и лингвopsихологической картины мира // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 5. С. 85–92.
15. Русановский В.М. Украинская грамматика. Киев: Наукова думка, 1986. 362 с.
16. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 3. 752 с.
17. Словник української мови. URL: <https://slovnuk.ua> (дата обращения: 17.04.2024).
18. Соколова С.О. Префіксальний словотвір дієслів в сучасній українській мові. Київ: Наукова думка, 2003. 284 с.
19. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. 347с.
20. Филь Ю.В., Конончук И.Я. Семантика смягчительности в старославянском и русском языках (на материале глагольной лексики) // Русин. 2022. № 68. С. 280–298. doi: 10.17223/18572685/68/15
21. Шелякин М.А. Функциональная грамматика русского языка. М.: Русский язык, 2001. 288 с.
22. Audring J., Booij G., Jackendoff R. Menscheln, kibbelen, sparkle: Verbal diminutives between grammar and lexicon // Linguistics in the Netherlands. 2017. № 34. P. 1–15.
23. Audring J., Leufkens S., Lier E. van. Small events: verbal diminutives in the languages of the world // Linguistic Typology at the Crossroads. 2021. Vol. 1, № 1. P. 223–256.
24. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 10.05.2024).
25. Corpus of contemporary American English. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 10.05.2024).

26. Schneider Klaus P. The Truth about Diminutives, and How We Can Find It: Some Theoretical and Methodological Considerations // SKASE Journal of Theoretical Linguistics. 2013. № 10. P. 137–151.

REFERENCES

1. Wierzbicka, A. (1996) *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow: Russkie slovari.
2. Gushchina, G.I. (2009) *Kategoricheskie i nekategoricheskie vyskazyvaniya v dialogicheskoy rechi (na primere russkikh i angliyskikh khudozhestvennykh tekstov pervoy poloviny XX v.)* [Categorical and non-categorical statements in dialogical speech (a case study of Russian and English literary texts of the first half of the twentieth century)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Ufa.
3. Zagnitko, A.P. (2001) *Teoretichna gramatika ukrains'koi movi. Sintaksis* [Theoretical Grammar of the Ukrainian Language. Syntax]. Donetsk: DonSU.
4. Zaliznyak, A.A., Levontina, I.B. & Shmelev, A.D. (2005) *Klyuchevye idei russkoy yazykovoy kartiny mira* [Key ideas of the Russian linguistic picture of the world]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
5. Ivanovich, M. (2021) Kil'kisno-intensivni rodi dii v ukrains'kiy movi [Quantitative and intensive types of action in the Ukrainian language]. *Almanakh "Blgarska ukrainistika"*. pp. 107–114.
6. Rezanova, Z.I. (2005) *Kartiny russkogo mira Aksiologiya v yazyke i tekste* [Pictures of the Russian World: Axiology in Language and Text]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Kashpur, V.V., Fil, Yu.V. & Shapoval, A.A. (2013) Aspect features of Russian and English verb in language and text (by example of M.A. Bulgakov's *The Heart of a Dog* and its translations). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 377. pp. 22–29 (in Russian). doi: 10.17223/15617793/377/4
8. Kozlova, L.Ya. (2016) Formirovanie yazykovoy kartiny mira anglichen [The formation of the English linguistic picture of the world]. *Voprosy metodiki prepodavaniya v vuze*. 5(19-2). pp. 53–64.
9. Ukraine. (n.d.) *Korpus tekstiv ukrain's'koi movi* [Corpus of Ukrainian language texts]. [Online] Available from: <http://www.mova.info/corpus.aspx/> (Accessed: 25th May 2024).
10. Russian. (n.d.) *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [The Russian National Corpus]. [Online] Available from: <http://www.ruscorpora.ru/> (accessed: 5th June 2024).
11. Rakhilina, E.V. & Reznikova, T.I. (2013) Freymovyy podkhod k leksicheskoy tipologii [Frame approach to the lexical typology]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2. pp. 3–31.

12. Rezanova, Z.I. (2017) Sub'ektivnye obrazy vremeni v sovremennykh slavyanskikh yazykakh: diminutivnye modeli [Subjective images of time in modern Slavic languages: diminutive models]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*. 3. pp. 161–173.

13. Rezanova, Z.I. & Shilyaev, K.S. (2015) Natsional'nyy korpus russkogo yazyka v obuchenii osobennostyam ispol'zovaniya russkikh diminutivov [Ruscorpora in teaching the usage of Russian diminutives]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*. 5. pp. 634–639.

14. Reznichenko, L.Yu. (2009) Diminutivnost' kak sredstvo modelirovaniya lingvokul'turnoy i lingvopsikhologicheskoy kartiny mira [Diminutiveness as a means of modeling the linguocultural and linguopsychological picture of the world]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 5. pp. 85–92.

15. Rusanovskiy, V.M. (1986) *Ukrainskaya grammatika* [Ukrainian Grammar]. Kyiv: Naukova dumka.

16. Evgenieva, A.P. (1985) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language.]. Vol. 3. Moscow: Russkiy yazyk.

17. Ukraine. (n.d.) *Slovník ukrajin's'koi movi* [Ukrainian language dictionary]. [Online] Available from: <https://slovnuk.ua/> (Accessed: 17th April 2024).

18. Sokolova, S.O. (2003) *Prefiksals'niy slovotvir diesliv v suchasniy ukrains'kiiy movi* [Prefix word formation of verbs in the modern Ukrainian language]. Kyiv: Naukova dumka.

19. Bondarko, A.V. (1987) *Teoriya funktsional'noy grammatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis* [The Theory of Functional Grammar: Introduction. Aspectuality. Temporal Localization. Taxis]. Leningrad: Nauka.

20. Fil, Yu.V. & Kononchuk, I.Ya. (2022) The semantics of attenuation in the Old Slavonic and Russian Languages (based on verbal vocabulary). *Rusin*. 68. pp. 280–298 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/68/15

21. Shelyakin, M.A. (2001) *Funktsional'naya grammatika russkogo yazyka* [Functional Grammar of the Russian language]. Moscow: Russkiy yazyk.

22. Audring, J., Booij, G. & Jackendoff, R. (2017) Menscheln, kibbelen, sparkle: Verbal diminutives between grammar and lexicon. *Linguistics in the Netherlands*. 34. pp. 1–15.

23. Audring, J., Leufkens, S. & Lier, E. van. (2021) Small events: verbal diminutives in the languages of the world. *Linguistic Typology at the Crossroads*. 1(1). pp. 223–256.

24. *Cambridge Dictionary*. [Online] Available from: <https://dictionary.cambridge.org/> (Accessed: 10th May 2024).

25. *Corpus of Contemporary American English*. [Online] Available from: <https://www.english-corpora.org/coca/> (accessed: 10th May 2024).

26. Schneider, K.P. (2013) The Truth about Diminutives, and How We Can Find It: Some Theoretical and Methodological Considerations. *SKASE Journal of Theoretical Linguistics*. 10. pp. 137–151.

Алёшина Олеся Сергеевна – аспирант кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики Томского государственного университета (Россия).

Olesya S. Aleshina – Tomsk State University (Russia).

E-mail: lesenokbrantova@mail.ru

Мишина Вероника Сергеевна – аспирант кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики Томского государственного университета (Россия).

Veronika S. Mishina – Tomsk State University (Russia).

E-mail: 21vesper21@gmail.com

Филь Юлия Вадимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики Томского государственного университета (Россия).

Yulia V. Fil – Tomsk State University (Russia).

E-mail: 2fil@inbox.ru

УДК 81`27

UDC

DOI: 10.17223/18572685/75/12

Специфика языкового ландшафта словенцев в Италии (долины рек Торре и Натизоне)*

М.В. Ясинская

Институт славяноведения Российской академии наук

Россия, 119991, г. Москва, Ленинский просп., 32-А

E-mail: jasinskaja.inslav@gmail.com

Авторское резюме

Анализируется языковой ландшафт Венецианской Словении на примере городов Чивидале-дель-Фриули, населённых пунктов Сан-Пьетро-аль-Натизоне, Лузевера, Просеникко и других, в которых компактно проживает словенское этническое меньшинство в романском окружении. Особое внимание уделяется словенскому языку и его присутствию в регионе – в культурных центрах, церкви, мемориальной эпиграфике, дорожных указателях. Словенский след также можно наблюдать в наименованиях традиционной выпечки региона Фриули-Венеция-Джулия – *gubana*, *gubanza*, так как само это слово является заимствованным из словенского в итальянский. Этот термин активно используется в номинации магазинов и кафе, а также часто встречается в вывесках меню. Также рассматриваются и другие языки, играющие роль в языковом ландшафте: преобладающий итальянский, фриульский, французский (его присутствие обусловлено историческими причинами – воспоминаниями о трудовой миграции в Бельгию), английский, появившийся в последнее время благодаря развивающемуся туризму. Несмотря на то что почти все словенцы в регионе владеют итальянским и фриульским языками окружения и не владеют нормой словенского литературного языка, наличие надписей на собственном языке (причем в его диалектной форме) несет для них особую ценность, позволяет обозначить их присутствие и их право на проживание на данной территории. Оно выполняет не столько информативную, сколько символическую функцию.

Ключевые слова: лингвистический ландшафт, словенский язык, Венецианская Словения, словенское этническое меньшинство в Италии, языковая политика

* Публикация подготовлена в рамках проекта РНФ № 20-78-10030-П «Языковые и культурные контакты в условиях социальных трансформаций у национальных меньшинств альпийско-паннонского региона» <https://rscf.ru/project/20-78-10030>

The specificity of the linguistic landscape of the Slovenes in Italy (the Torre and Natizone valleys)

Maria V. Yasinskaya

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

32-A Leninskiy Avenue, Moscow, 119991, Russia

E-mail: jasinskaja.inslav@gmail.com

Abstract

The article analyzes the linguistic landscape of Slavia Friulana on the example of the towns of Cividale del Friuli, San Pietro al Natizone, Lusevera, Prossenico, etc., where the Slovenian ethnic minority lives compactly in a Romance environment. The author pays special attention to the Slovenian language and its presence in the region – in cultural centers, churches, memorial epigraphies, and road signs. The Slovenian trace can also be found in the names of traditional pastries of the Friuli-Venezia-Giulia region – *gubana*, *gubanza*, as the word itself is borrowed from Slovenian into Italian. The term is used extensively in the nomination of shops, cafes, on menu boards/displays. The author also analyzes other languages significant for the linguistic landscape: the predominant Italian, Friulian, French (which is present in the region due to historical reasons – memories of labor migration to Belgium), and English, which has recently emerged due to the growing tourism. Though almost all Slovenes in the region speak Italian and Friulian and do not speak the standard of the Slovenian literary language, the presence of inscriptions in their own language (namely in its dialectal form) means much for them, since it marks their presence and right to live in the territory. Thus, its function is rather symbolic, than informative.

Keywords: linguistic landscape, Slovenian language, Slavia Friulana, Slovene minority in Italy, language policy

* The reported study was funded by the Russian Scientific Foundation, Project No 20-78-10030 “The language and cultural contact during the social transformations among the national minorities in the Alpine-Pannonian region”.

Введение

Словенское этническое меньшинство в провинции Фриули-Венеция-Джулия является автохтонным и проживает в данном регионе с VI–VII вв. На протяжении всей своей истории данная территория не раз меняла государственную принадлежность. Так, Венецианская Словения (*Beneška Slovenia, Slavia Friulana*) – Надижская (от названия реки Натизоне, которая в словенском варианте носит имя Nediža – Valli del Natisone/Nediške doline) и Терская долины (*Alta Val Torre/Terska dolina*) – с 1077 по 1420 г. находилась под властью епархии в Аквилее, после чего отошла Венецианской республике (до 1797 г. в её составе у неё была особая автономия), в 1866 г. она вошла в Королевство Италии. В границах современной Италии Венецианская Словения находится и по сей день [2; 10]. Словенские диалекты в этом регионе являются самыми западными славянскими диалектами и граничат с романскими языками – итальянским и фриульским, относящимся к ретороманской группе [14].

В 2017–2022 гг. сотрудники Института славяноведения РАН предприняли ряд экспедиций в данный регион с целью собрать сведения по словенским диалектам, традиционной народной культуре, а также языковой ситуации, сложившейся в сообществах словенцев долин рек Натизоне и Торре (именно об этих группах пойдёт речь в настоящей статье) [3; 4].

Местное словенское население является полилингвальным [1]: кроме своего идиома (надижского или терского диалектов словенского языка) оно владеет также романским языком окружения – итальянским, а часто дополнительно ещё и фриульским. При этом в большинстве случаев жители Венецианской Словении не знают словенского литературного языка. Исключение представляют лишь те, кто получил образование в двуязычной школе (такая школа существует с 1984 г. в Сан-Пьетро-аль-Натизоне, сейчас она представляет собой автономную государственную школьную организацию с детским садом, основной школой и нижней ступенью средней школы) или в университете – например, изучал словенский в городах Удине или Триесте [8]. Если в начале и середине XX в. норма словенского литературного языка была доступна лишь священникам и интеллектуалам, то сейчас существуют курсы словенского для взрослых и молодёжи, учредителями которых выступают словенские организации. И всё же старшее поколение оказывается не затронутым этой политикой (поэтому при общении с информантами пожилого возраста исследователь порой нуждается в посреднике – человеке, владеющем и диалектом, и словенским литературным языком, чтобы помочь найти взаимопонимание между интервьюером и респондентом) [2].

Цель настоящей статьи – выявить и продемонстрировать области присутствия словенского языка в исследуемом регионе (на примере лингвистического ландшафта города Чивидале-дель-Фриули, а также населённых пунктов Сан-Пьетро-аль-Натизоне, Лузевера, Проссенико и др.) на фоне других языков территории, где проживают представители словенского этнического меньшинства. Лингвистический ландшафт словенцев в Италии уже становился предметом исследования учёных, однако большее внимание уделялось ситуации в Триесте и Гориции [7; 9; 12], языковой ландшафт словенцев в провинции Удине, куда входит Венецианская Словения, представляется до сих пор мало изученным и требующим дальнейшего анализа.

Прежде всего важно отметить, что в ряде населённых пунктов интересующего нас региона имеются **словенские культурные центры** (так, в Чивидале-дель-Фриули функционируют сразу несколько культурных центров: это и Центр культуры «Иван Тринко» (Circolo di cultura Ivan Trinko), и редакция журнала «Dom»; в Сан-Пьетро-аль-Натизоне – Институт словенской культуры – ISK (Inštitut za slovensko kulturo), в Лузевере – Этнографический музей (Etnografski muzej Bardo)), которые являются своего рода островками, где словенский язык сосредоточен концентрированно (рис. 1, 2). Все эти центры занимаются просветительской деятельностью, в том числе пропагандируют словенский язык, распространяют издания на словенском, проводят культурные мероприятия (например, вечера чтения сказок на диалекте), презентации книг, ставят спектакли и т. д.

Рис. 1. Надпись на стене Центра культуры «Ивана Тринко» (Circolo di cultura Ivan Trinko) (г. Чивидале-дель-Фриули): «Наш язык это голос нашей души». Фото М.В. Ясинской, 2022 г.

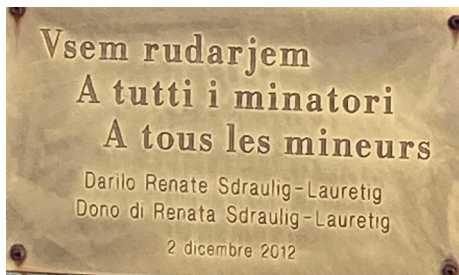

Рис. 2. Надпись на памятнике шахтерам в Сан-Пьетро-аль-Натизоне.
Фото М.В. Ясинской, 2022 г.

Лингвистический ландшафт в данном регионе в основном представлен **итальянским, фриульским** (он появляется только на дорожных указателях; в «Атласе языков мира, находящихся под угрозой исчезновения» организации UNESCO фриульский язык отмечен как неблагополучный) и **словенским** языками (в диалектной форме), однако изредка встречаются и другие языки, например **французский** или **английский** (последний – в туристических локациях). Причиной появления французских надписей является трудовая миграция словенцев в Бельгию в XX в. (подобные мемориальные надписи нанесены на памятнике шахтёрам в Сан-Пьетро-аль-Натизоне и на надгробиях на кладбище близ Проссеникко). Тексты на французском языке оставлены потомками, проживающими во франкоговорящих странах, друзьями и коллегами умерших. Вот примеры французских эпитафий, обнаруженных на кладбище близ д. Проссеникко:

*Un souvenir
Ne meurt jamais
Il s'endort
Simplement
Le Personnel de la Société
BARNEAUD et GIRAUD*

Память
Никогда не умирает,
Она засыпает
Только
Сотрудники Общества
БЕРНО и ЖИРО

*L'amour
ne disparaît pas.
Je ne suis pas loin,
juste de l'autre côté
du chemin.
A notre Papy*

Любовь
Не исчезает.
Я недалеко,
просто на другой стороне
Пути.
Нашему Дедушке

Некоторые надгробия, вероятно, представляют собой кенотафы – они установлены в память об умерших в других странах, в частности в Бельгии. Приведём пример подобного надгробия, надпись на котором выполнена на итальянском языке: *UN TRAGICO INCIDENTE STRADALE /*

HA TRONCATO LA GIOVANE VITA DI / BOREANAZ EDIGIO / LASCIANDO NEL DOLORE / I SUOI CARI PARENTI E PAESANI / CHE DAL BELGIO LO RICORDANO / N. 1 9 1933 / MASAROLIS / M. 12 9 1955 / JUNET – BELGIO (Трагическая авария прервала молодую жизнь Бореаназа Эдиджио, оставив в боли его родственников и жителей деревни, которые из Бельгии его помнят / Рожден 1 9 1933 / Мазаролис / Умер 12 9 1955 / Женет, Бельгия) (кладбище близ д. Проссеникко). Вообще подавляющая часть эпитафий в Надижской и Терской долинах представлена итальянскими надписями. Словенские эпитафии встречаются гораздо реже: исключением являются либо старые надписи, либо надписи на памятниках выдающимся словенским просветителям – например, эпитафия Вильему Черно в Лузевере: *Cerno Guilielmo / Viljem / 27.7.1937–22.7.2017 / Tvoja beseda / je seme trav / med njivami, / ki ne pusti / umreti srcu. / Je vonj / sežganega trnja / na poti / v novo življenje! / La Tua parola / è il seme delle erbe / tra i campi / che non lascia / morire il cuore. / È l'odore / dei rovi bruciati / nel viaggio / verso la nuova vita!* (Черно Гильельмо / Вильем / 27.7.1937–22.7.2017 / Твое слово / семя трав / среди полей, которое не дает / сердцу умереть. / Они запах / сожженных шипов / по дороге / к новой жизни!) (рис. 3).

Рис. 3. Эпитафия Вильему Черно (1937–2017) на кладбище в Лузевере.
Фото М.В. Ясинской, 2022 г.

Пример многоязычного памятника представляет собой памятник священнику Ивану Тринко на кладбище в д. Терцимонте: на нем нанесены надписи на государственном итальянском, его родном словенском языках и на латыни как языке католической церкви, так как он посвящён духовному лицу.

Церковь традиционно была и остаётся одной из сфер применения словенского языка. Если раньше практически вся просветительская деятельность в той или иной местности зависела от наличия словенского священника, то в настоящее время даже итальянские и фриульские по происхождению священники некоторые молитвы читают на словенском языке (в том числе и в тех случаях, когда вся месса служится на итальянском). Словенские священники из местного населения совершают мессы на словенском языке (например, в Сан-Пьетро-аль-Натизоне отдельно служится месса на словенском). Словенский язык (причем в диалектной форме) можно встретить в подписях под остановками «Крестного пути» (*Via dolorosa*), размещёнными на стенах внутри церкви, в специально напечатанных сборниках молитв к богослужениям (рис. 4).

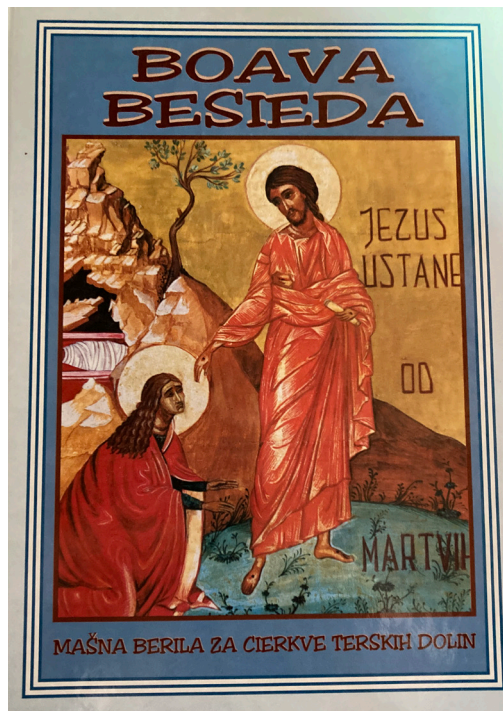

Рис. 4. Молитвослов с текстами молитв на терском диалекте. Церковь в Лузевере. Фото М.В. Ясинской, 2022 г.

В музее в д. Дренкья нам удалось обнаружить целый альбом с карточками-поздравлениями с Пасхой, которые раздавались прихожанам во время пасхального причастия (*Velikonočno obhajilo*). Эти карточки также часто содержат тексты на словенском языке, иногда в его диалектной форме. Пример такого поздравления, датированного 1977 г., содержит одна из карточек: *Jezus Kristus, s svojim življenjem si nam pokazu kakò miòrno jubit judi. Prosimo Te: Naj se usak iz med nas zavie svoje odgovornosti za bližnjega pred Buogom. Naj usiem potriebnim, ki srečamo, radi pomagamo. Dobri Buog, ustvaru si nas za jubezèn, saj si Jubezen sama. Navadi nas pravega življenja po svojem Sinu, Jezusu Kristusu. Amen* (Иисус Христос, своей жизнью Ты нам показал, как мы должны любить людей. Просим Тебя: Пусть каждый из нас возьмёт на себя ответственность за ближнего перед Богом. Пусть всем нуждающимся, которых мы встречаем, мы с радостью помогаем. Добрый Бог, сотвори нас любящими, так как Ты сам Любовь. Научи нас праведной жизни по (заветам) Твоего Сына, Иисуса Христа. Аминь).

Дорожные указатели. Другой важной сферой, в которой применяется словенский язык, является топонимия. Большой интерес представляют дорожные указатели, где словенский фигурирует наряду с итальянским и иногда фриульским языками. Словенский язык в регионе защищён государственными законами № 482/1999 («Нормы в области защиты исторических языковых меньшинств») и № 38/2001 (специальный закон, посвящённый словенскому языковому меньшинству), а также региональным законом № 26/2007 (также посвящён словенскому меньшинству), благодаря чему стали возможными надписи на словенском языке в публичном пространстве (рис. 5).

Рис. 5. «Имя дома» (*hišno ime*) в д. Дренкья.
Фото М.В. Ясинской, 2022 г.

Причём нетрудно заметить, что многие населённые пункты имеют словенские наименования, а их итальянские аналоги возникли уже на их основе и представляют собой либо перевод, либо бессмысленный набор звуков, примерно передающий словенское название, обладающее, в отличие от итальянского названия, внутренней формой: слн. SAUODNJA / ит. SAVOGNA (словенское название имеет прозрачную внутреннюю форму – *so+voda* ‘место слияния рек’), слн. HRASTOVIJE / ит. CROSTU (словенское название мотивировано производящим словом *hrast* ‘дуб’). На этот факт обращали наше внимание и наши словенские собеседники (аналогичные процессы происходили при итальянизации фамилий местного населения в период фашизма) [6: 66]. К сожалению, до сих пор иногда встречаются случаи вандализма, когда национально настроенные соседи замазывают краской словенские названия населённых пунктов на дорожных указателях.

Словенские диалектные наименования можно встретить и в обозначениях различных **частей населённых пунктов** (*ledinska imena*), а также **«имён домов»** (*hišna imena* – традиционные, исторически сложившиеся наименования того или иного дома и, соответственно, его хозяев). Примеры таких названий можно обнаружить в Лузевере: *Zakostáňj* и др. (подробнее см.: [11]).

Однако «словенский след» не ограничивается перечисленными сферами, где фигурирует словенский язык. Словенская лексика проникает в языковой ландшафт провинции Фриули-Венеция-Джулия и через романские языки, которые её заимствуют. Такое косвенное присутствие словенского наблюдается и **в традиционной кухне региона**, в том числе в наименованиях ресторанов, кафе и магазинов

Рис. 6. Вывеска кафе «Gubana Dorbolò» (Губана Дорболо). Сан-Пьетро-аль-Натизоне. Фото М.В. Ясинской, 2022 г.

(рис. 6), где продаются локальные продукты (*La Gubana della Nonna, Dorbolo' Gubane*).

Слово *gubana* означает сладкую сдобную выпечку в виде рулета, свёрнутого улиткой, причём она считается одним из традиционных кондитерских изделий региона Фриули-Венеция-Джулия, в том числе и у фриулов. Термин *gubana* у фриулов заимствован из словенского языка, хотя простые обыватели и не осознают этого факта, считая эту выпечку своим национальным блюдом (чему имеются многочисленные подтверждения в социальных сетях и на форумах, где обсуждается национальная кухня региона). Однако в словенском языке параллельно с термином *gubana* функционируют лексемы *gibanica* и *gubanica*, семантически связанные с глаголами *gibati*, *upogibati* 'сгибать', *gubati* 'морщить'. Ср. аналогичный вид выпечки, именуемый у словенцев *potica*, наименование которого также образовано от глагола со значением 'скручивать, свивать': слово *potica* «образовалось в результате диал. развития из более старого *rovitica* (XVI в.), что происходит

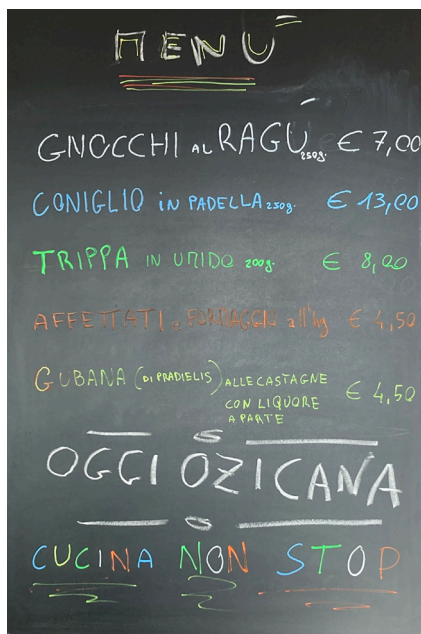

Рис. 7. Вывеска меню в кафе в Лузевере (*ozicana* записана в итальянской орфографии).

День мёртвых.

Фото М.В. Ясинской, 2022 г.

Рис. 8. Вывеска меню в кафе в Лузевере (*ocikana* исправлена согласно словенской орфографии).

День мёртвых.

Фото М.В. Ясинской, 2022 г.

из страдательного причастия пр. в. **pòviti* ‘повит’ от глагола **povíti* и таким образом изначально означает ‘свитая, завитая выпечка, рулет’» (M. Snoj) [5: 18–19; 13: 96–97; 15. s.v. *potica*].

Вкрапления словенских слов можно наблюдать также в итальянских **вывесках меню**. Например, подобную вывеску удалось запечатлеть в Лузевере на День мёртвых (рис. 7, 8).

Последним пунктом в списке предложений дня значится *ocikana* – традиционное словенское поминальное блюдо, которое представляет из себя поленту (кукурузную кашу), обильно политую маслом. Причём сначала слово было написано в итальянской графике – через *z* и *c* (*ozicana*), а затем кто-то из словенцев скорректировал меню и написал уже по-словенски – *ocikana*.

Заключение

Таким образом, в процентном соотношении доля словенского языка в лингвистическом ландшафте региона невелика, преобладает итальянский язык, спорадически на дорожных указателях вблизи г. Чивидале-дель-Фриули можно встретить фриульские надписи (хотя фриульский также испытывает давление со стороны итальянского и, видимо, находится ещё в более уязвимой позиции, чем словенский), изредка появляются также французский и английский языки (в туристических местах). Причём если английский адресован туристам, то французский хранит память об истории жителей региона, прежде всего о трудовой миграции в Бельгию.

Если человек, незнакомый с языковой ситуацией региона, окажется в Венецианской Словении и будет судить о словенском присутствии только на основании лингвистического ландшафта, у него может сложиться ошибочное представление, что словенцев здесь практически нет. Например, на кладбищах почти все надписи выполнены на итальянском, и неискушённый посетитель, не знающий, как выглядят словенские фамилии в Венецианской Словении, не догадается, что здесь похоронены этнические словенцы. Во многом подобное преобладание итальянского языка объясняется тем, что для местного населения словенский язык в его диалектной форме является прежде всего языком устным, тогда как в качестве письменного языка выступает итальянский (например, на нём ведётся корреспонденция), при этом словенский письменный или вовсе не знаком диалектоносителям, или им владеют пассивно, только как языком чтения. Доля присутствия словенского языка хоть и невелика в процентном соотношении, но само его наличие крайне важно: он выполняет не столько информативную (словенские надписи могут

быть адресованы в том числе и словенцам, которые приезжают из материковой Словении), сколько символическую функцию. Несмотря на то что почти все словенцы в регионе владеют итальянским и фриульским языками окружения, наличие надписей на собственном языке (причём в его диалектной форме) имеет для них особую ценность, позволяет обозначить их присутствие и право на проживание на данной территории. Роль словенского языка в лингвистическом ландшафте региона не ослабевает во многом благодаря действиям словенских культурных центров, популяризирующих словенский язык и традиции словенского этнического меньшинства, а также местным законам, поддерживающим языки национальных меньшинств.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Замятина Г.И., Плотникова О.С.* Языковая ситуация в Словении // *Язык – культура – этнос* / отв. ред. Г. П. Нецименко. М.: Наука, 1994. С. 210–221.
2. *Зульян Кумар Д.* Словенский язык и словенская национальная, региональная и локальная идентичность // *Slavistika Vilnensis*. 2014. № 59. S. 105–116.
3. *Пилипенко Г.П., Ясинская М.В.* Контактные явления в сфере языка и традиционной культуры у словенцев долины Натизоне и Тера (по данным экспедиции 2022 года) // *Славяноведение*. 2023. № 3. С. 81–94.
4. *Пилипенко Г.П., Ясинская М.В.* Экспедиция к словенцам в Италии // *Славяноведение*. 2018. № 1. С. 106–111.
5. *Пилипенко Г.П., Ясинская М.В.* Хлеб в пасхальных и поминальных обрядах у словенцев в Италии // *Живая старина*. 2024. № 1. С. 18–21.
6. *Ясинская М.В.* Образ границы и соседей в восприятии словенского этнического меньшинства в Италии (провинция Гориция) // *Этнография*. 2021. № 1 (11). С. 50–74. doi: 10.31250/2618-8600-2021-1(11)-50-74
7. *Bajc G.* Na oni strani meje. Slovenska manjšina v Italiji in njen pravni položaj: zgodovinski in pravni pregled 1866–2004. Univerza na Primorskem, Znanstveno – raziskovalno središče: Zgodovinsko društvo za južno Primorsko, Koper, 2004.
8. *Bogatec N.* Šolanje v slovenskem jeziku v Italiji // *Razprave in gradivo. Revija za narodnostna vprašanja*. 2015. № 74. S. 5–21.
9. *Coluzzi P.* The Italian Linguistic Landscape: the Cases of Milan and Udine // *International Journal of Multilingualism*. 2009. № 1. P. 1–15.
10. *Ivančič Kutin B.* Ter v Beneški Sloveniji. Geografsko-zgodovinski, kulturno-jezikovni in dokumentarno-raziskovalni oris // *Folklorno gradivo iz Tera – 1940: terenski zapisi Milka Matičetovega* / ur. B. Ivančič Kutin, R. Mrvič, M. Kropelj Telban. Ljubljana: Založba ZRC, 2022. S. 13–21.
11. *Merkù P.* La toponomastica dell'alta Val Torre. Comune di Lusevera – Bardo, 1997.

12. *Mezgec M.* Linguistic Landscape as a Mirror: the Case of the Slovene Minority in Italy // *Razprave in gradivo. Revija za narodnostna vprašanja*. 2016. № 77. S. 67–86.
13. *Pilipenko G., Yasinskaya M.* Easter traditions among Slovenes in Italy (Natisone valley) // *Folklore*. 2022. Vol. 87. P. 93–104.
14. *Smole V.* Zahodna slovenska narečja // *Enciklopedija Slovenije*. Vol. 15. / red. M. Javornik. Ljubljana, 2001. S. 35–38.
15. *Snoj M.* Slovenski etimološki slovar. URL: <http://www.fran.si> (дата обращения: 04.06.2024).

REFERENCES

1. Zamyatina, G.I. & Plotnikova O.S. (1994) Yazykovaya situatsiya v Slovenii [The language situation in Slovenia]. In: Neshchimenko, G.P. (ed.) *Yazyk – kul'tura – etnos* [Language – Culture – Ethnicity]. Moscow: Nauka. pp. 210–221.
2. Zuljan Kumar, D. (2014) Slovenskiy yazyk i slovenskaya natsional'naya, regional'naya i lokal'naya identichnost' [Slovenian language and Slovenian national, regional, and local identity]. *Slavistika Vilnensis*. 59. pp. 105–116.
3. Pilipenko, G.P. & Yasinskaya, M.V. (2023) Kontaktnye yavleniya v sfere yazyka i traditsionnoy kul'tury u sloventsev doliny Natizone i Tera (po dannym ekspeditsii 2022 goda) [Contact phenomena in the field of language and traditional culture among Slovenians of the Natizone and Ter Valleys (based on data from the 2022 expedition)]. *Slavyanovedenie*. 3. pp. 81–94.
4. Pilipenko, G.P. & Yasinskaya, M.V. (2018) Expedition to the Slovenes in Italy [Expedition to the Slovenes in Italy]. *Slavyanovedenie*. 1. pp. 106–111.
5. Pilipenko, G.P. & Yasinskaya, M.V. (2024) Khleb v paskhal'nykh i pominal'nykh obryadakh u sloventsev v Italii [Bread in the Easter and memorial rites among Slovenes in Italy]. *Zhivaya starina*. 1. pp. 18–21.
6. Yasinskaya, M.V. (2024) Obraz granitsy i sosedey v vospriyatii slovenskogo etnicheskogo men'shinstva v Italii (provintsiiya Goritsiya) [The image of the border and neighbors in the perception of the Slovenian ethnic minority in Italy (Province of Gorizia)]. *Etnografia*. 1(11). pp. 50–74. doi 10.31250/2618-8600-2021-1(11)-50-74
7. Bajc, G. (2004) *Na oni strani meje. Slovenska manjšina v Italiji in njen pravni položaj: zgodovinski in pravni pregled 1866–2004* [On the other side of the border. The Slovenian minority in Italy and its legal status: A historical and legal overview 1866–2004]. Koper: Univerza na Primorskem, Znanstveno – raziskovalno središče: Zgodovinsko društvo za južno Primorsko.
8. Bogatec, N. (2015) Šolanje v slovenskem jeziku v Italiji [Slovenian language education in Italy]. *Razprave in gradivo. Revija za narodnostna*. 74. pp. 5–21.
9. Coluzzi, P. (2009) The Italian Linguistic Landscape: the Cases of Milan and Udine. *International Journal of Multilingualism*. 1. pp. 1–15.

10. Ivančič Kutin, B. (2022) Ter v Beneški Sloveniji. Geografsko-zgodovinski, kulturno-jezikovni in dokumentarno-raziskovalni oris [Ter in Slavia Friulana. Geographical-historical, cultural-linguistic and documentary-research outline]. In: Ivančič Kutin, B., Mrvič, R. & Kropelj Telban, M. (eds) *Folklorno gradivo iz Tera – 1940: terenski zapisi Milka Matičetovega*. Ljubljana: Založba ZRC. pp. 13–21.

11. Merù, P. (1997) *La toponomastica dell'alta Val Torre*. Comune di Lusevera – Bardo.

12. Mezgec, M. (2016) Linguistic Landscape as a Mirror: the Case of the Slovene Minority in Italy. *Razprave in gradivo. Revija za narodnostna vprašanja*. 77. pp. 67–86.

13. Pilipenko, G. & Yasinskaya, M. (2022) Easter traditions among Slovenes in Italy (Natisone valley). *Folklore*. 87. pp. 93–104.

14. Smole, V. (2001) Zahodna slovenska narečja. In: Javornik, M. (ed.) *Enciklopedija Slovenije*. 15. pp. 35–38. Ljubljana.

15. Snoj, M. (n.d.) *Slovenski etimološki slovar*. [Online] Available from: <http://www.fran.si>. (Accessed: 4th June 2024).

Ясинская Мария Владимировна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения Российской академии наук (Россия).

Maria V. Yasinskaya – Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Russia).

E-mail: jasinskaja.inslav@gmail.com

УДК 81'33

UDC

DOI: 10.17223/18572685/75/13

Языковая символизация перцептивного опыта (славянско-тюркские соответствия)

З.И. Резанова¹, В.Е. Владимирова², У.Р. Махмудов³

^{1, 2, 3} Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: rezanovazi@mail.ru

² E-mail: picture_perfect@mail.ru

³ E-mail: abduvaliumid@yandex.com

Авторское резюме

Представлены результаты сравнительного исследования оценок вклада модальностей восприятия (слух, зрение, обоняние, осязание, вкус) в семантику имён существительных русского и узбекского языков. Исследование выполнено на основе теоретических положений концепции воплощённого познания (Л. Барсалу, М. Уилсон, Л. Метъярд и др.), которые в настоящее время находятся в зоне активных дискуссий. Одно из направлений в обсуждениях – находит ли в языке отражение перцептивный опыт человека или процессы языковой символизации допускают интерпретируемость как амодальные по своей природе. Если же признается значимость перцепции для формирования языковой семантики, исследователи должны ответить на вопросы о том, каковы формы и способы символизации модальностей восприятия в разных типах языковых единиц и факторы, их определяющие. При решении данных проблем научное сообщество обращается к практике создания баз данных, представляющих результаты сбора субъективных оценок носителями языка вклада модальностей восприятия в семантику лексических единиц. В настоящее время существует значительное количество таких электронных собраний и исследований на их основе. Назовём авторов лишь некоторые и них, реализованных на материале, прежде всего, индоевропейских языков: английского (A. Paivio, D. Lynott, L. Connell, M. Brysbaert и др.), итальянского (P. Morucci, R. Bottini, D. Crepald и др.), голландского (L.J. Speed, A. Majid, S. van Dantzig и др.), норвежского (H.G. Simonsen, M. Lind, P.

Hansen), французского (A. Miceli, E. Wauthia, L. Lefebvre и др.). Славянские и тюркские языки в данную парадигму вовлечены в меньшей степени. Наличие репрезентативных баз данных позволяет проводить компаративные исследования, направленные на выявление общих тенденций и различий, определяемых этноязыковым своеобразием. Однако отметим, что базы данных характеризуются различным объёмом привлекаемых лексических единиц, респондентов, применяемых вариантов шкалирования оценок, что потенциально снижает результативность сравнительного анализа. Авторы данной статьи стремятся преодолеть эти ограничения и проводят сравнительный анализ оценок вклада модальностей восприятия в семантику двух неродственных языков (индоевропейского – русского и тюркского – узбекского) на основе двух баз данных, построенных на единых принципах. Данные собирались в рамках одного проекта с использованием единой методики сбора материала и его обработки. В статье проанализированы соотносимые фрагменты этих баз данных: 135 240 оценок 196 имён существительных узбекского языка, данных 138 носителями узбекского языка, а также 109 000 оценок 200 имён существительных, данных 109 носителями русского языка как родного. Проведённое сравнение результатов анкетирования с использованием статистических методов (описательная статистика, корреляционный и кластерный анализ) выявило как общие характеристики, например, преобладание вклада визуальной модальности в семантику слов, высокий уровень межгрупповой корреляции в оценках и другие, так и различия, например, соотношение между модальностями внутри классов в сравниваемых языках.

Ключевые слова: воплощённое познание, модальности восприятия, перцептивная семантика, русский язык, узбекский язык, описательная статистика, кластерный анализ, корреляционный анализ

Language symbolization of sensory perceptions (Slavic-Turkic correspondences)

**Zoya I. Rezanova¹, Valeriia E. Vladimirova²,
Umid R. Makhmudov³**

^{1, 2, 3} Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: rezanovazi@mail.ru

² E-mail: picture_perfect@mail.ru

³ E-mail: abduvaliumid@yandex.com

Abstract

The article discusses the assessments of the contribution of perceptual modalities (hearing, sight, smell, touch, taste) to the noun semantics in the Russian and Uzbek languages in a comparative aspect. The research is based on the actively debated theory of embodied cognition (Lawrence W. Barsalou, Margaret Wilson, Lotte Meteyard, etc.). One of its mostly discussed theoretical provisions is whether human sensory perceptions are communicated through language or whether the processes of linguistic symbolization allow for interpretability as amodal in nature. If perceptions are to be recognized as significant for the formation of linguistic semantics, researchers are to specify the forms and methods of symbolizing the modalities of perception in different types of linguistic units and their determining factors. When solving these problems, the scientific community turns to the practice of creating databases that contain collected subjective assessments by native speakers of perception modalities contributed to the semantics of lexical units. Nowadays, there is a significant number of such electronic collections and studies based on them. Among such are those primarily based on Indo-European languages: English (Allan Paivio, Dermot Lynott, Louise Connell, Marc Brysbaert, etc.), Italian (Piermatteo Morucci, Roberto Bottini, Davide Crepaldi, etc.), Dutch (Laura J. Speed, Asifa Majid; Saskia van Dantzig, etc.), Norwegian (Hanne G. Simonsen, Marianne Lind, Pernille Hansen), French (Aurélien Miceli, Erika Wauthia, Laurent Lefebvre, etc.). Slavic and Turkic languages are involved to a lesser extent in this paradigm. The representative databases allows for comparative studies aimed at identifying general trends and differences determined by ethnolinguistic uniqueness. However, the databases differ by the number of lexical units, respondents, options of rating scales etc., which may reduce the effectiveness of a comparative analysis. Seeking to overcome these limitations, the authors compare assessments of the contribution of perceptual modalities to the semantics of two unrelated languages (Indo-European – Russian and Turkic – Uzbek) based on two databases built on common principles [16; 17]. The data were collected within the framework of the project using a unified methodology for material collection and processing. The article analyzes the related fragments of these databases: 135,240 assessments of 196 Uzbek nouns given by 138 Uzbek native speakers, as well as 109,000 assessments of 200 nouns given by 109 Russian native speakers. A comparison of the survey results using statistical methods (descriptive statistics, correlation, and cluster analysis) has revealed both common characteristics, such as the predominance of the contribution of visual modality to the semantics of words, a high level of intergroup correlation in assessments, and others, as well as differences, such as the relationship between modalities within classes in the compared languages.

Keywords: embodied cognition, modalities of perception, perceptual semantics, Russian language, Uzbek language, descriptive statistics, cluster analysis, correlation analysis

Постановка проблемы

Теория воплощённого познания – одно из весьма разносторонне разработанных направлений мировой когнитивной лингвистики, базовое теоретическое положение которого об обусловленности перцептивным опытом высших уровней сознания человека, в том числе языкового, получило вариативные интерпретации и до сих пор находится в поле активных дискуссий. Диапазон вариативных теоретических моделей простирается от полного отрицания роли перцепции в формировании языковой семантики до утверждения о том, что сенсорные зоны мозга всегда активируются в процессах когнитивной обработки семантики языковых единиц (см. обзор концепций в [4; 12]).

Теоретические модели нуждаются в эмпирической экспериментальной проверке характера участия перцептивного опыта в организации семантики, его влияния на когнитивные процессы, связанные с восприятием языковых единиц, прежде всего лексического уровня. Место перцептивного опыта, являющегося результатом работы пяти каналов восприятия – зрения, слуха, осязания, обоняния, вкуса – выявляется в методиках психолингвистического анкетирования с применением методов шкалирования оценок респондентов, дифференцирующих вклад модальностей восприятия в семантику конкретных лексем. Накопление больших объемов данных позволяет выявлять рейтинги вклада каждой из перцепций для разных групп лексики, что позволяет в дальнейшем проводить исследования направленности влияний вариантов перцептивного опыта в процессах восприятия и производства речи на разных языках. В настоящее время существует значительное количество баз данных, аккумулирующих нормативные данные о рейтингах модальностей восприятия, сформированных на материале, прежде всего, индоевропейских языков: английского (A. Paivio, D. Lynott, L. Connell, M. Brysbaert) [2, 3], итальянского (P. Morucci, R. Bottini, D. Crepaldi, A. Vergallito, M.A. Petilli, M. Marelli) [7], голландского (L.J. Speed, A. Majid, S. van Dantzig, R.A. Cowell, R. Zeelenberg, D. Pecher) [9], норвежского (H.G. Simonsen, M. Lind, P. Hansen), французского (A. Miceli, E. Wauthia, L. Lefebvre) [5]. Однако нам известны только единичные исследования, выполненные в данной парадигме, на материале славянских языков: сербского [1], русского [6; 15], ещё менее представлены в данной парадигме тюркские языки [10; 13; 14].

Накопление данных по разным языкам позволяет проводить сравнительные исследования, направленные на выявление того, как в этих процессах соотносится универсальное (определяемое устрой-

ством сознания человека) и идиоэтническое (испытывающее влияния культурных стереотипов, специфической языковой категоризации). Постановка второй проблемы обусловлена существованием данных об обратном влиянии языковой формализации на все уровни когнитивных процессов, в том числе первичных, перцептивных.

При наличии значительного количества работ, представляющих нормативные данные о рейтингах модальностей восприятия в лексиконе разных языков, сравнительные исследования в области модальностей восприятия отсутствуют (сравнительные исследования по другим параметрам единичны) [7; 8].

Однако то, что базы данных создаются на основе разных по объёму и составу оцениваемых слов с использованием разных шкал (при преобладании семичленной шкалы Ликерта в некоторых проектах применяются пяти- или девятичленные шкалы), снижает точность сравнения.

Материал и методы исследования

Эти недостатки сравнительного анализа минимизируются в представленном исследовании. Данные об оценках вклада модальностей восприятия собирались в рамках одного проекта лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета с использованием единой методики сбора материала и его обработки. Прежде всего, корректность сравнения обеспечивается формированием словника для анкетирования респондентов в двух языках. Первоначально был сформирован словник для формирования баз данных (БД) оценок слов русского языка носителями русского языка в базе данных RuWordPerception (<http://clingv.ru:3839/>). Этот словник включал 200 существительных, 200 прилагательных и 200 глаголов, и что особенно важно, отобранных на основе принципа случайной выборки из толкового словаря русского языка [11] с регулярными интервалами, затем отбрасывались слова, не являющиеся существительными, прилагательными и глаголами, а также устаревшие, просторечные, слова ограниченного употребления. В результате в составе словника были представлены единицы: 1) разных лексико-грамматических разрядов – конкретные существительные (*автор, сундук, окно, чайник*), абстрактные (*аппетит, давление, плотность, сохранность*), вещественные (*гниль, йод, настой, сплав*), собирательные (*внутренности, посуда, тишина*); 2) лексико-семантических групп – «институт» (*бар, больница, рынок*), «природа» (*ёж, грызун*) и др.; 3) слова с разной деривационной и морфемной структурой – простые (*йод, ёж*), производные (*грызун, подсознание, вечеринка*) и различающиеся количеством морфем (*дуэль, градусник, вечеринка, застолье*).

Словник анкетирования носителей узбекского языка для формирования базы данных UzRusWordPerception формировался через подбор переводных эквивалентов. При переводе мы руководствовались несколькими критериями: если слово русского языка имело несколько значений, выбиралось первое значение (например, для русского слова *болеть* был выбран его перевод в первом значении «быть больным, страдать какой-л. болезнью» – *касалланмок*; при переводе слова *вкус* мы опирались на значение «ощущение, возникающее в результате раздражения слизистой оболочки языка различными веществами; способность к восприятию подобного ощущения – одно из пяти внешних чувств», включив в словник лексику *таъм*; при переводе слова *лук* учитывалось значение «огородное растение сем. лилейных, овощ», в словник включено слово *пиёз*. Если слово имеет несколько вариантов перевода на узбекский язык в его разных функциональных вариантах, то предпочтительным был литературный вариант, который определялся на основе экспертной оценки (например, слово *рассол* имеет два варианта перевода: в литературном языке – *номакоб*, в диалекте – *шарава*, в словник вошло слово *номакоб*). Предпочтение оказывалось переводам, состоящим из одного слова (например, русское *светить* можно перевести и как *нур сочмок*, и как *ялтирамок*, русское *любить* имеет два варианта перевода – *яхши кўрмоқ* и *севмоқ*, мы выбрали вторые варианты). Если в узбекском языке существует два синонима (один – заимствование русского слова, второй – исконное слово), выбиралось исконное слово, например, из двух синонимов *пистолет* и *тўппонча* в состав словника было включено слово узбекского языка *тўппонча*. Примеры соотнесённых словников представлены в табл. 1.

Таблица 1

Примеры соотнесённых имён существительных русского и узбекского языков

Русское существительное	Узбекское существительное
болезнь	касаллик
дворец	сарой
очаг	ўчоқ
посуда	идиш-товуқ
столовая	ошхона
нож	пичоқ
плавание	сузиш
пододеяльник	кўрпажилд
подсознание	онг ости
рост	бўй
скандал	можаро
умывальник	умивалник

уход	парвариш
вкус	таъм

Данные собирались с использованием анкет, которые характеризовались единством структуры и общими принципами формулировки заданий при работе с русскими и узбекскими респондентами. Респондентам предлагалось задание охарактеризовать признаки, по которым оценивались слова и примеры отнесения к рангу шкалы с использованием так называемых слов-калибраторов, т.е. слов, в которых соответствующая модальность проявлена в наибольшей или наименьшей степени. Приведём в качестве примера фрагмент анкеты:

«Некоторые предметы и явления действительности, названные словами, могут быть связаны с разными ощущениями – зрением, слухом, вкусом, запахом и осязанием. Например, слово *самса* обозначает то, что связано в большей степени со вкусом, в то время как слово *солнце* – со зрением; слово не обязательно связано только с одним ощущением, например, слово *ложка* может вызывать ассоциации как со зрением, так и с осязанием, однако у одного человека слово ложка теснее связано со зрением, а у другого – с осязанием.

Ваша задача – оценить то, как сильно связано указанное слово с различными ощущениями. Для оценивания используйте нижеприведённую шкалу, в которой 1 обозначает отсутствие у слова связи с конкретным ощущением, а 7 указывает на максимально тесную связь слова с данным ощущением. Пожалуйста, при оценивании слов используйте всю шкалу от 1 до 7. Обратите внимание, что речь идёт о ваших ощущениях, эмоциях, воспоминаниях, связанных с каждым словом, а не о том, как это принято считать,».

Как можно видеть, на шкале 1 обозначает слабую связь слова с модальностью, а 7 – максимальную.

Для сбора данных об оценках вклада модальностей восприятия в формирование семантики узбекских слов анкеты были переведены на узбекский язык. Кроме того, в формулировках заданий были изменены слова-калибраторы. Так, например, в качестве калибраторов были выбраны слова: *сомса* «самса», которое демонстрирует наибольший вклад вкусовой модальности, слово *куёш* – «солнце» – наибольший вклад зрительной и наименьший вклад осязательной модальности, а слово *қошиқ* – «ложка» может быть в равной степени связано как со зрительной, так и с осязательной модальностями.

Анкета также включала вопросы о возрасте, половой принадлежности, образовании и его направленности, данные о первом и втором языках, а также соотношении их использования в настоящее время, если респондент был билингом.

Единство основы сравнительного анализа обеспечивается также

общими подходами к сбору данных. Использовались анкеты, которые были предложены респондентам в двух форматах: бумажном и онлайн-формате. Бумажные анкеты заполнялись в аудитории или дома. Онлайн-анкетирование проводилось на платформе Google Forms.

Результаты анкетирования были объединены в базы данных, Ru-WordPerception и UzRusPerception [16; 17], оценки существительных русского и узбекского языков из этих БД послужили материалом для нашего исследования.

Результаты исследования

Нами было проанализировано 135 240 оценок 196 имен существительных узбекского языка, данных 138 носителями узбекского языка, а также 109 000 оценок 200 имён существительных, данных 109 носителями русского языка как родного.

Анализ проводился в программе RStudio на языке программирования R. Были получены описательные статистики для обеих выборок. Результаты сравнительного анализа представлены в табл. 2.

Таблица 2

Описательные статистики рейтингов модальностей восприятия
в семантике русских и узбекских слов

Модальность восприятия	Среднее		Медиана		Мин.		Макс.		Размах	
	Узб.	Рус.	Узб.	Рус.	Узб.	Рус.	Узб.	Рус.	Узб.	Рус.
Зрение	4,15	3,68	4,33	3,67	2,51	1,89	5,51	6,29	3,00	4,40
Осязание	3,14	2,92	3,03	2,86	2,49	1,39	4,64	5,69	2,15	4,30
Слух	2,97	2,76	2,76	2,40	2,17	1,21	5,38	6,69	3,20	5,48
Запах	2,76	2,53	2,47	2,09	2,09	1,27	4,93	6,30	2,83	5,03
Вкус	2,58	2,14	2,28	1,55	1,88	1,14	5,57	6,55	3,69	5,41

Примечание. Узб. – данные об оценках, полученные от носителей узбекского языка, Рус. – от носителей русского языка.

Как можно видеть по представленным результатам, наблюдаются как общие тенденции в соотношении оценок в двух сравниваемых лингвокультурах, так и различия. Так, носители русского и узбекского языков наиболее высоко оценивают вклад визуальной модальности, в чём находит отражение доминирование зрительного восприятия мира в его вербальном отражении – это общая тенденция, отмечаемая исследователями разных языков. Объединяет два языка и порядок снижения рейтинговых показателей других перцепций: убывание в направлении к аудиальной, тактильной и далее – перцепции запаха и вкуса, что также соответствует наблюдениям, сделанным на материале других языков.

Однако уже по результатам описательной статистики мы можем

наблюдать различия: обращаем внимание, что узбекские респонденты оценивали вклад каждой модальности в семантику переводных эквивалентов в среднем выше, с чем соотносятся и более высокие медианные значения. При этом данные свидетельствуют о более высоких показателях размаха (разница между наибольшим и наименьшим значением оценок) в группе русских респондентов, что соотносится и с более высокими абсолютными максимальными и минимальными оценками вклада всех модальностей восприятия, данных русскоязычными респондентами. Результаты описательной статистики визуализированы в диаграммах размаха на рис. 1, 2. На оси ординат нанесены значения от 0 до 8, в диапазоне от 1 до 7 располагаются оценки из предложенной респондентам шкалы, на оси абсцисс – оцениваемые модальности восприятия: оценки, данные носителями узбекского языка как родного: haptic (осязание), hearing (слух), smell (запах), taste (вкус), vision (зрение); оценки, данные носителями русского языка как родного – вкус, зрение, обоняние, осязание, слух. Соответствующие обозначения представлены на рис. 3–5. Диаграмма визуализирует распределение оценок от 1 до 7, их размах, расположение крайних значений.

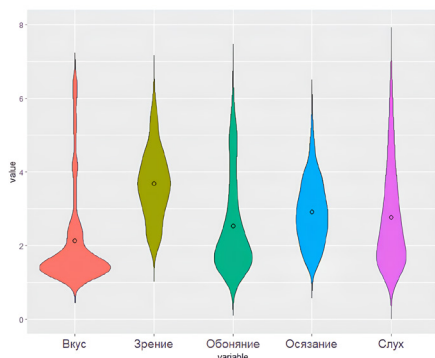

Рис. 1. Диаграммы размаха оценок вклада модальностей восприятия в семантику русских существительных носителями русского языка

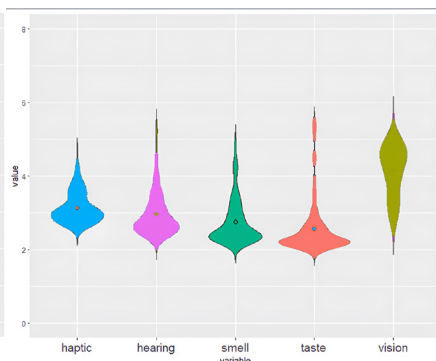

Рис. 2. Диаграммы размаха оценок вклада модальностей восприятия в семантику узбекских существительных носителями узбекского языка

Анализ статистической значимости выявленных различий в оценках двух групп респондентов, носителей русского и узбекского языков, показал, что вклад всех модальностей восприятия статистически отличается попарно ($p < 0,001$, критерий Манна–Уитни).

Вместе с тем был проведён корреляционный анализ по критерию

Спирмена для определения силы связей и их направленности между группами модальностей. Заметны сильные положительные корреляции между соответствующими модальностями, кроме тактильной

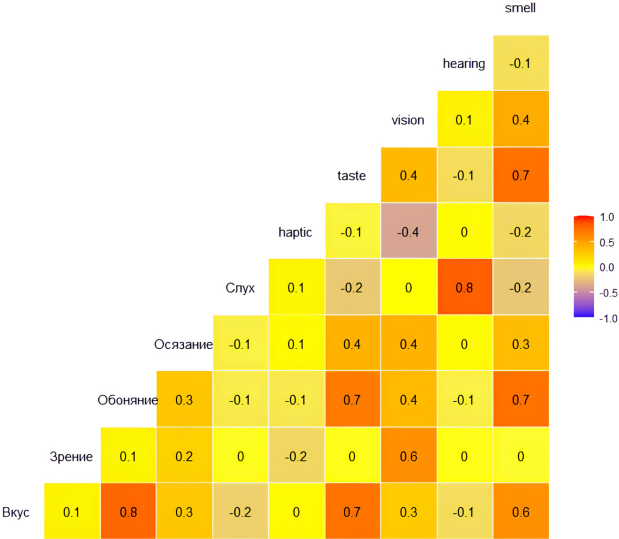

Рис. 3. Корреляционные связи оценок вклада модальностей восприятия в семантику русских и узбекских имён существительных

(rho = 0,1).

На рис. 3 можно видеть внутригрупповые и межгрупповые корреляции. Внутригрупповые корреляционные связи – это отношения оценок по модальностям восприятия внутри одной из сравниваемых выборок. Так, в выборке оценок слов носителями русского языка выделены только положительные корреляционные связи между модальностями (при положительной корреляции более высоким значениям оценок признака по одной модальности соответствуют более высокие значения другой, а более низким значениям признака – низкие значения другой). При этом отметим, что только одна связь является сильной (положительная корреляция rho = 0,8 между вкладом вкусовой и обонятельной перцепции), слабые корреляционные связи отмечены между оценками осязательной и вкусовой, осязательной и обонятельной модальностями (rho = 0,3), а также очень слабые – между зрительной и осязательной (rho = 0,2).

В выборке оценок носителей узбекского языка корреляция между вкусовой и обонятельной модальностями является также сильной положительной, значение ее чуть меньше (rho = 0,7). Средние

положительные корреляции устанавливаются между зрительной и вкусовой модальностями, зрительной и аудиальной ($\rho = 0,4$). В данной выборке отмечена средняя отрицательная корреляция (более высоким значениям одной модальности соответствуют более низкие значения другой, и наоборот, более низким значениям одной модальности – высокие значения другой) между зрительной и осязательной модальностями ($\rho = -0,4$).

Межгрупповые корреляционные связи оценок устанавливаются между соотносимыми наборами оценок слов по вкладу одних и тех же модальностей в двух языках. Как можно видеть на рисунке, этот тип корреляций представлен сильными значениями: сильные положительные корреляции фиксируются в диапазоне от $\rho = 0,6$ до $\rho = 0,8$.

Проведённый кластерный анализ был направлен на то, чтобы обнаружить однородные группы среди выявленных норм по вкладам модальностей восприятия в семантику имён существительных русского и узбекского языков. Результаты представлены на рис. 4, 5.

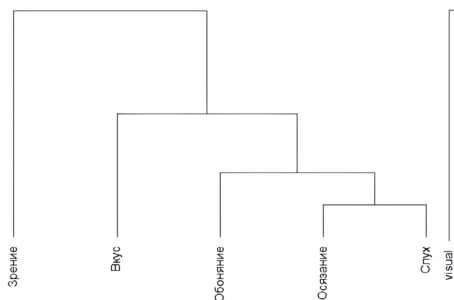

Рис. 4. Дендрограмма распределения оценок вклада модальностей восприятия в семантику русских существительных носителями русского языка

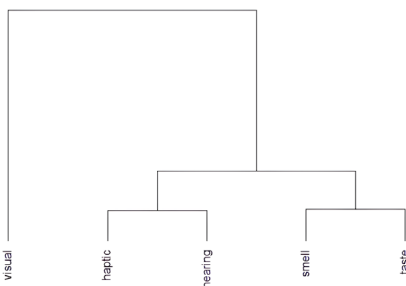

Рис. 5. Дендрограмма распределения оценок вклада модальностей восприятия в семантику узбекских существительных носителями узбекского языка

Как можно увидеть на рисунках, тенденции выделения кластеров имеют схожую направленность – наиболее отличающаяся группа определяется высоким вкладом зрительной модальности в семантику слов русского и узбекского языков. Далее мы видим общность между группами единиц, описывающими мир осязаемый и слышимый в обоих языках.

Подобным образом тяготеют друг к другу группы единиц, в семантике которых преобладают вкусовая и обонятельная модальности.

Однако на рис. 4 мы видим, что вкусовая модальность образует отдельный кластер, что свидетельствует об уникальности группы единиц, представляющих вкусовую модальность в русском языке (средние оценки вклада вкусовой модальности ниже, чем оценки вклада обонятельной модальности, поэтому общий кластер не образовывается, тем не менее наибольшая связь вкусовой модальности отмечается с обонятельной модальностью). По оценкам слов узбекского языка вкусовая и ольфакторная модальности объединяются в один однородный кластер.

Обсуждение

Соотнесение результатов применения нескольких методов статистического анализа при сравнении оценок вклада модальностей восприятия, данных переводным эквивалентам носителями двух языков, свидетельствует о проявлении общих тенденций в значимости типов ощущений, первичной перцептивной информации не только при восприятии предметного мира, но и активации этих перцептивных ощущений при восприятии называющих их слов. К таким общим тенденциям можно отнести доминирование визуальной модальности, о чем свидетельствуют данные описательной статистики (наиболее высокие значения) и кластерного анализа – оценки вклада визуальной модальности выделяются в отдельный кластер, противопоставленный другим.

Хотелось бы отметить ещё одну закономерность, выявляемую с помощью соотнесения методов статистического анализа. При наличии общих тенденций в распределении роли разных типов перцепции при восприятии существительных, отобранных методом случайной выборки, корреляционные связи между модальностями в оценках могут различаться. Так, например, по оценкам носителей узбекского языка, между зрительной и осязательной модальностями существует отрицательная корреляционная связь (что нашло отражение в результате кластерного анализа), а по оценкам носителей русского языка – положительная, но очень слабая. При этом отсутствует корреляционная связь между осязательной и аудиальной модальностями в обеих группах респондентов ($\rho = 0$ и $\rho = -0,1$), однако эти модальности объединяются в один кластер в обеих выборках данных.

Представленные в нашей статье результаты соотносятся с данными, полученными в предыдущих исследованиях [2; 3; 6]: более высокие оценки зрительных, слуховых и тактильных модальностей по сравнению с вкусовыми и обонятельными модальностями во всех

группах участников; корреляция между вкусовыми и обонятельными модальностями, а также зрительными и тактильными модальностями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Durdevic D.F., Stijacic M.P., Karapandzic J. A quest for sources of perceptual richness: several candidates. *Studies in language and mind: Workshop on Psycholinguistic, Neurolinguistic and Clinical Linguistic Research*. Novi Sad: Faculty of Philosophy, 2016. P. 187–238.
2. Lynott D., Connell L. Modality exclusivity norms for 423 object properties // *Behavior Research Methods*. 2009. Vol. 41, № 2. P. 558–564. doi: 10.3758.BRM.41.2.558
3. Lynott D., Connell L. Modality exclusivity norms for 400 nouns: The relationship between perceptual experience and surface word form // *Behavior research methods*. 2013. Vol. 45, № 2. P. 516–526. doi: 10.3758/s13428-012-0267-0
4. Meteyard L., Cuadrado S.R., Bahrami B., Vigliocco G. Coming of age: A review 228. 2022. № 70 of embodiment and the neuroscience of semantics // *Cortex*. 2012. Vol. 4, № 7. P. 788–804. doi: 10.1016/j.cortex.2010.11.002
5. Miceli A., Wauthia E., Lefebvre L. et al. Perceptual and Interoceptive Strength Norms for 270 French Words // *Front. Psychol.* 2021. doi: 10.3389/fpsyg.2021.667271
6. Miklashevsky A. Perceptual Experience Norms for 506 Russian Nouns: Modality Rating, Spatial Localization, Manipulability, Imageability and Other Variables // *Journal of Psycholinguistic Research*. 2018. № 47. P. 641–661. doi: 10.1007/s10936-017-9548-1
7. Montefinese M., Ambrosini E. et al. The adaptation of the Affective Norms for English Words (ANEW) for Italian // *Behavior Research Methods*. 2013. Vol. 46, № 3. P. 1–43. doi: 10.3758/s13428-013-0405-3
8. Soares A.P., Comesaña M., Pinheiro A.P. et al. The adaptation of the Affective Norms for English Words (ANEW) for European Portuguese // *Behavior Research Methods*. 2012. № 44. P. 256–269. doi: 10.3758/s13428-011-0131-7
9. Speed L.J., Brybaert M. Dutch sensory modality norms. *Behavior research methods*. 2021. P. 1–13. doi: 10.3758/s13428-021-01656-9
10. Владимирова В.Е., Резанова З.И., Коршунова И.С. Отражение этноязыкового контактирования в языковом сознании: влияет ли билингвизм на субъективные оценки перцептивной семантики? // *Русин*. 2022. № 70. С. 214–231. doi: 10.17223/18572685/70/12
11. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. М.: Русский язык, 2000. Т. 1: А–О. 1232 с.; Т. 2: П–Я. 1088 с.
12. Логинов Н.И., Спиридонов В.Ф. Воплощённое познание как современный тренд развития когнитивной психологии // *Вестник СПбГУ. Сер. 16: Психология. Педагогика*. 2017. № 1. С. 25–42.

13. Коршунова И.С. Оценка вклада доминирующих аудиальной и визуальной модальностей в семантику слов, контактирующих языков (славянско-тюркское языковое взаимодействие) // Русин. 2023. № 72. С. 280–292. doi: 10.17223/18572685/72/14

14. Махмудов У.Р. Перцептивные компоненты семантики существительных, прилагательных, глаголов узбекского языка: нормативные данные // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 490. С. 45–52. doi: 10.17223/15617793/490/5

15. Резанова З.И., Миклашевский А.А. Моделирование образно-перцептивного компонента языковой семантики при помощи психолингвистической базы данных // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 5 (43). С. 71–92.

16. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2021622890 Российская Федерация. Психолингвистическая база данных оценок слов русского языка RuWordPerception: № 2021622722: заявл. 30.11.2021: опублик. 10.12.2021 / Е.Д. Артеменко, А.С. Буб, Д.К. Гнетов [и др.]; заявитель Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет».

17. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2023623166 Российская Федерация. Психолингвистическая база данных UzRusWordPerception: оценки слов узбекских и русских слов по модальностям восприятия: № 2023623005: заявл. 19.09.2023: опублик. 20.09.2023 / В.Е. Владимирова, И.С. Коршунова, У.Р. Махмудов, З.И. Резанова; заявитель Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет».

REFERENCES

1. Durdevic, D.F., Stijacic, M.P. & Karapandzic, J. (2016) A quest for sources of perceptual richness: several candidates. *Studies in language and mind: Workshop on Psycholinguistic, Neurolinguistic and Clinical Linguistic Research*. In: Halupka-Rešetar, S. & Martínez-Ferreiro, S. (eds) *Studies in Language and Mind*. Novi Sad: Filozofski fakultet u Novom Sadu. pp. 187–238.

2. Lynott, D., & Connell, L. (2009). Modality exclusivity norms for 423 object properties. *Behavior Research Methods*. 41(2). pp. 558–564. doi: 10.3758/BRM.41.2.558

3. Lynott, D., & Connell, L. (2013). Modality exclusivity norms for 400 nouns: The relationship between perceptual experience and surface word form. *Behavior Research Methods*. 45(2). pp. 516–526. doi: 10.3758/s13428-012-0267-0

4. Meteyard, L., Cuadrado, S.R., Bahrami, B. & Vigliocco, G. (2012) Coming of age: A review of embodiment and the neuroscience of semantics. *Cortex*. 48(7). pp. 788–804. doi: 10.1016/j.cortex.2010.11.002

5. Miceli, A., Wauthia, E., Lefebvre, L. et al. (2021) Perceptual and Interoceptive Strength Norms for 270 French Words. *Frontiers in Psychology*. 12:667271. doi: 10.3389/fpsyg.2021.667271

6. Miklashevsky, A. (2018) Perceptual Experience Norms for 506 Russian Nouns: Modality Rating, Spatial Localization, Manipulability, Imageability and Other Variables. *Journal of Psycholinguistic Research*. 47. pp. 641–661. doi: 10.1007/s10936-017-9548-1

7. Montefinese, M., Ambrosini, E. et al. (2013). The adaptation of the Affective Norms for English Words (ANEW) for Italian. *Behavior Research Methods*. 46(3). pp. 1–43. doi: 10.3758/s13428-013-0405-3

8. Soares, A.P., Comesaña, M., Pinheiro, A.P. et al. (2012) The adaptation of the Affective Norms for English Words (ANEW) for European Portuguese. *Behavior Research Methods*. 44. pp. 256–269. doi: 10.3758/s13428-011-0131-7

9. Speed, L.J. & Brybaert, M. (2021) Dutch sensory modality norms. *Behavior Research Methods*. 54. pp. 1306–1318. doi: 10.3758/s13428-021-01656-9

10. Vladimirova, V.E., Rezanova, Z.I. & Korshunova, I.S. (2022) Reflection of ethnolinguistic contact in linguistic consciousness: Does bilingualism affect subjective assessments of perceptual semantics. *Rusin*. 70. pp. 214–231 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/70/12

11. Efremova, T.F. (2000) *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy: v 2 t.* [New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and Word-Formative: in 2 vols]. Moscow: Russkiy yazyk.

12. Loginov, N.I. & Spiridonov, V.F. (2017) Embodied cognition as a current trend in cognitive psychology. *Vestnik SPbGU. Ser. 16: Psikhologiya. Pedagogika*. 7(1). pp. 25–42 (in Russian). doi: 10.21638/11701/spbu16.2017.102

13. Korshunova, I.S. (2023) Assessment of the contribution of the dominant auditory and visual modalities to the semantics of words in contacting languages (Slavic-Turkic language interaction). *Rusin*. 72. pp. 280–292 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/72/14

14. Makhmudov, U.R. (2023) Perceptual components of the semantics of nouns, adjectives, verbs of the Uzbek language: normative data. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 490. pp. 45–52 (in Russian). doi: 10.17223/15617793/490/5

15. Rezanova, Z.I. & Miklashevsky, A.A. (2016) Modeling of the perceptual-based component of language semantics using a psycholinguistic database. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 43. pp. 71–92 (in Russian). doi: 10.17223/19986645/43/6

16. Artemenko, E.D., Bub, A.S., Gnetov, D.K. et al. (2021) *Svidetel'stvo o gosudarstvennoy registratsii bazy dannykh № 2021622890 Rossiyskaya*

Federatsiya. Psikholingvisticheskaya baza dannykh otsenok slov russkogo yazyka RuWordPerception: № 2021622722: zayavl. 30.11.2021: opubl. 10.12.2021 [Certificate of state registration of the database No. 2021622890 Russian Federation. Psycholinguistic database of assessments of words of the Russian language RuWordPerception: No. 2021622722: application as of November 30, 2021: published December 10, 2021]. Applicant: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "National Research Tomsk State University."

17. Vladimirova, V.E., Korshunova, I.S., Makhmudov, U.R. & Rezanova, Z.I. (2023) *Svidetel'stvo o gosudarstvennoy registratsii bazy dannykh № 2023623166 Rossiyskaya Federatsiya. Psikholingvisticheskaya baza dannykh UzRusWordPerception: otsenki slov uzbekskikh i russkikh slov po modal'nostyam vospriyatiya: № 2023623005: zayavl. 19.09.2023: opubl. 20.09.2023* [Certificate of state registration of the database No. 2023623166 Russian Federation. Psycholinguistic database UzRusWordPerception: assessments of Uzbek and Russian words by modalities of perception: No. 2023623005: application September 19, 2023: published September 20, 2023]. Applicant: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "National Research Tomsk State University".

Резанова Зоя Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики Томского государственного университета, зам. зав. лаборатории лингвистической антропологии (Россия).

Zoya I. Rezanova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: rezanovazi@mail.ru

Владимирова Валерия Евгеньевна – ст. преп. кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики, младший научный сотрудник Лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета (Россия).

Valeriia E. Vladimirova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: picture_perfect@mail.ru

Махмудов Умид Реимбаевич – аспирант кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики Томского государственного университета (Россия).

Umid R. Makhmudov – Tomsk State University (Russia).

E-mail: abduvaliumid@yandex.com

УДК 81-112

UDC

DOI: 10.17223/18572685/75/14

Лексика общеотрицательной оценки в русинском языке (историко-культурный аспект)

Л.П. Дронова

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: lpdronova@mail.ru

Авторское резюме

Слова, обозначающие общую оценку, относятся к категории слов-ключей этнокультурной специфики. Исторический анализ показал, что эта лексика в русинском языке является собственно славянской при одном заимствовании-германизме (*нефайный*). Часть общеотрицательной лексики имеет праславянскую глубину формирования, причём *злый*, *недобрый* являются общеславянскими в общеоценочном значении, в то время как *лихий*, *слабый* больше связаны с частной оценкой. Вторая часть этой группы лексики более позднего происхождения, этнокультурно специфична (*пудлый*, *паскудный*, *планый*) и отражает уже внутриславянские региональные контакты с западославянскими (польский, словацкий, чешский) и восточнославянскими (украинский) языками. Эта вторая часть лексики продолжает традицию выражения общеотрицательной оценкой несоответствия разным аспектам нормы: функциональное несоответствие норме – *нефайный* (как и *злый*, *недобрый*), количественное несоответствие норме – *паскудный* (как и *лихий*), качественное несоответствие норме – *планый* (как и *слабый*). Новый аспект несоответствия норме связан с понятием пространственной характеристики социальной дифференциации – «низкий» (*пудлый*). С точки зрения историко-культурной общеотрицательная лексика нового поколения (в отличие или в развитие общеславянской) характеризуется тем, что *нефайный* продолжает, вслед за *злой*, *недоброй*, дальнейшую реализацию абсолютной, этико-эстетической, оценки, в то время как остальные лексемы связаны с рациональной оценкой, ее видами – нормативно-телеологической (*пудлый*, *паскудный*) и утилитарной (*планый*).

Ключевые слова: русинский язык, общеприцательная оценка, межславянские контакты, историко-культурная специфика

Lexis of general negative evaluation in the Rusin language (a historical and cultural aspect)

Liubov P. Dronova

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: lpdronova@mail.ru

Abstract

Words denoting general evaluation belong to the category of keywords of ethno-cultural specificity. The historical analysis has shown that this vocabulary in the Rusin language is actually Slavic with one Germanic borrowing (*nefaynyy*). Part of this general negative lexis has proto-Slavic deep formation, where the words *zlyi*, *nedobryi* are common Slavic in the general evaluative meaning, while the words *likhiy*, *slabyy* are more related to specific evaluation. Other lexemes are of later origin and ethno-culturally specificity (*pudlyy*, *paskudnyy*, *planyy*) and reflect the intra-Slavic regional contacts with the West Slavic (Polish, Slovak, Czech) and East Slavic (Ukrainian) languages. These lexemes extend the tradition of expressing general negative evaluation through inconsistency with different aspects of the norm such as functional inconsistency with the norm: *nefaynyy* (along with *zlyy*, *nedobryy*), quantitative inconsistency with the norm: *paskudnyy* (along with *likhyy*), qualitative inconsistency with the norm: *planyy* (along with *slabyy*). A new aspect of inconsistency with the norm is related to the notion of spatial characterization of social differentiation: “low” (*pudlyy*). From the historical and cultural perspective, the new generation of general negative evaluation (unlike the common Slavic) is characterized by the fact that *nefaynyy* follows *zloy*, *nedobryy* in further realization of absolute ethical-esthetical evaluation, while the rest lexemes are associated with rational assessment and its kinds: normative-teleological (*pudlyy*, *paskudnyy*) and utilitarian (*planyy*).

Keywords: Rusin language, general negative evaluation, intra-Slavic contacts, historical-cultural specificity

Слова-оценки, лексика, выражающая общую и частную оценку, давно привлекла наше внимание. Лексика с общеоценочным значением, фиксирующая выбор, предпочтения определенного времени через обобщение конкретного признака до максимально значимого и мотивирующего общую оценку, особенно интересна в этнокультурном, лингвокогнитивном аспектах, поскольку оценка сводит в едином фокусе знания о мире, социальные стереотипы, личностные предпочтения, цели речевых актов и многое другое. Актуальность изучения древнеславянской фундаментальной аксиологии в зеркале праславянской лексики отмечал А.Ф. Журавлев: «...к существенным моментам, одновременно отсылающим как к материальной, так и к духовной культурным традициям, следует причислить аксиологические установки, свойственные данному человеческому сообществу» [7: 8]. Актуальность изучения аксиологической стороны языковой картины мира сохраняется в настоящее время, прежде всего, в связи с конкретным ареалом, конкретной этнокультурой, с учётом сложности становления этнокультур малых по численности народов. Оценочные средства языка заключают в себе и собственно оценочные (субъективные), и дескриптивные (объективные) смыслы. Тот и другой вид значения могут быть представлены в конкретном случае в различном соотношении (от нуля оценочных смыслов до нуля дескриптивных). В выражениях естественного языка, которые приписывают объекту те или иные свойства, оценочный и дескриптивный компоненты неразрывно связаны и во многих случаях неразделимы. Связь дескриптивных и собственно оценочных смыслов в значениях слов наиболее очевидно проявляется в системе прилагательных, которые и являются объектом нашего внимания в данном случае.

Если раньше нас интересовала аксиологическая лексика с точки зрения становления и эволюции общей и частной оценки на материале славянских языков с фокусом внимания на древнерусском и русском языках, то в данном случае мы смещаем фокус внимания на русинский язык с целью выделить унаследованное из общеславянского и проследить становление в языке общей отрицательной оценки в ситуации сложной картины языковых контактов в этом регионе. Для решения задачи использованы имеющиеся в доступности словари языка русинов, бойков, гуцулов, лемков и данные некоторых этимологических словарей (этимологический словарь славянских языков – ЭССЯ, этимологический словарь украинского языка – ЕСУМ и др.), привлекающих материал анализируемых языков.

Лексика русинского языка со значением общей отрицательной оценки, представлена в словарях И. Керчи, Дм. Попа как аналог выражения русского понятия «плохой» – *пудлый, злый; нефайный*,

недобрий, паскудний; планый, слабый; лихый [9: 126; 15: 255]. По происхождению эта лексика – собственно славянские образования. Исключение составляет только прилагательное *нефайный* – опосредованное заимствование из немецкого языка, достаточно известное в западно- и южнославянских (некоторых) языках [29: 106].

Узнаваемая общность происхождения рассматриваемой лексики закономерно соседствует с наличием специфики функционирования данных лексем и их производных в разных славянских языках как следствие долгой собственной истории каждого славянского языка. Рассмотрим особенности функционирования и исторические связи этой лексики, имея в фокусе внимания русинский язык (языки Карпатской Руси) и его контакты с другими славянскими языками.

Возглавляет синонимический ряд и наиболее полно выражает понятие «плохой» в русинском языке лексема *пудлый* ‘плохой, худой; скверный; дурной; низкопробный’ (ср. *пудла якость* ‘скверное качество’, *на пудлой учити кого* ‘подавать дурной пример’, *у готари сего села землі... сут пудлі* ‘в угодьях этого села земли плохие’). Связь семантики прилагательного *пудлый* с общей отрицательной оценкой подтверждает и соотнесенность русинского *пудлота* ‘зло’ и русского *плохота* (прост.), русин. *майпудлый* ‘самый плохой’, *пудлити* и рус. *плошать* [9: 238]. При этом у слов *пудлый*, *пудлость* отмечается и значение частной, этической, оценки – ‘непорядочный, подлый’, ‘подлость, низость’ [9: 238]. Данным этого словаря не противоречат другие лексикографические источники, ср. Дм. Поп: рус. *плохой*, укр. *поганий* – русин. *недобрий, пўллый, паскунный*, рус. *плохо*, укр. *погано* – русин. *пўлло, паскунно* [15: 255]; И. Сабадош: *пудлый* ‘поганий, неякісний’ и ‘хворий, немічний’ [16: 299]; М.И. Онишкевич: бойк. *підлий* ‘недоброякісний, поганий’ [13: 68].

Русинскому *пудлый* в контактных языках соответствует аналогичное прилагательное, но со значением, прежде всего, этической оценки – ‘подлый, низкий (в нравственном отношении)’: польск. *podły*, чеш. *podlý*, словц. *podly*, укр. *підлий*. Ж.Ж. Варбот, занимаясь вопросом этимологии праслав. **rodъlъ*(jъ), пришла к выводу, что в данной лексической группе однокорневых слов прослеживаются отношения внутриславянских заимствований и что первоисточником всей группы оказывается польск. *rodły*, для которого отмечается широкий спектр частнооценочных значений, но прежде всего, оценка нравственная и оценка социального статуса: ‘низкий, мерзкий, бесчестный; жалкий, убогий, униженный; гадкий, дурной, неудачный’; (арх. и диал.) ‘мелкий, незначительный, ничтожный; простой, грубый, простонародный’; (диал.) ‘безобразный’ [1: 268]. Следует отметить, что и в русском языке это слово известно лишь с начала XVIII в., и со значением оценки

нравственной и социального положения, ср. у В. Даля: *подлый* – низкий, исподний, последнего качества (о человеке, сословии: из черни, холопов, крепостного сословия; о нравственном качестве: низкий, бесчестный, грязный) [3: 470].

Приведенный в работе Ж.Ж. Варбот материал литературного польского языка и особенно его диалектов позволяет говорить и о русин. *пудлый* как о заимствовании из польского языка и о расширении оценочной стороны значения до общей оценки, скорее всего, под влиянием польских диалектов. Это предположение основывается на сравнении синонимических средств выражения отрицательной оценки в литературных языках, контактных с русинским, – польском (*zły, niedobry, marny, kiepski, podły, lichy*), чешском (*špatný, zlý, nedobry*, устар. *kepský*), словацком (*zlý, planý, nedobry*), украинском (*поганий; недобрий, негарний; злий; слабий*), белорусском (*дрэнны, благі, кепскі, паганы, нядобры*) языках [11: 153; 28: 514; 30: 433]. Но, как известно, у этих контактных языков, по сравнению с русинским, другая степень кодифицированности, лексикографической проработки, т.е. речь идёт в данном случае о синонимии в литературных языках. Сравнение синонимических рядов, лексем, возглавляющих эти ряды, показывает, что лексические средства выражения общей отрицательной оценки в рассматриваемых славянских идиомах исторически варьируются по активности представления общей оценки. Это наблюдается и в истории русского языка: лексически выраженная оппозиция общей оценки *добрый – злой*, определяемая с праславянского периода, заменилась в XVI–XVII вв. на *хороший – плохой* (см. об этом: [4: 118–128]).

Рассмотрим лексику общеотрицательной оценки русинского языка в формате лексико-семантического поля. Ядро, центр поля определяется по данным словарей (место в синонимическом ряду, частотность как эквивалент рус. *плохой*), по приводимым в них контекстам.

Ядро поля представляет лексема *пудлый* как возглавляющая синонимический ряд. Ближайшими функционально к *пудлый* словарь И. Керчи определяет лексемы *злый* ‘злой, плохой’ и *недобрый* ‘плохой, недобрый’, *нефайный* ‘плохой, некрасивый’. Две лексемы – *злый* и *недобрый*, – употребляемые в функции общей оценки, – исконно славянские (*злої памяти* ‘недоброй памяти’, *зла слава* ‘дурная слава’, *прийшло му недобро* ‘ему стало плохо’, *злі-недобрі* ‘паршиво, совсем плохо’) [8: 362, 576]. Ближайшим синонимом, наряду с *недобрый*, приведено в словаре И. Керчи прилагательное *нефайный* – производное от *файный* ‘хороший, добротный; славный’, ‘знатный’ (разг.) при *файнота* ‘красота, прелесть; благодать, блаженство’, *файніти* ‘хорошеть, красоваться’ [8: 596; 9: 524]. Прилагательное *файный* – заимствование в западнославянские языки из немецкого, где *fein* означает ‘тонкий,

изящный; хороший, отличный') [23: 64–65]. Если *злый, недобрый* совмещают выражение общей оценки с исходной этической, то *нефайный*, ставшее знаком общей оценки в новое время, исходной имеет этико-эстетическую оценку. Это свидетельствует о новом ракурсе историко-культурного формирования общей отрицательной оценки в русинском, как и эстетической оценки в западнославянских, частично в южнославянских языках, оказавшихся под влиянием немецкой культуры и языка.

Дм. Поп в своем русско-украинско-русинском словаре рус. *плохой* соотносит не только с русин. *недобрый, пуллый (пудлый)*, но ещё и с *паскунный (паскудный)* [15: 255]. Это прилагательное у И. Керчи приведено со значением 'некрасивый, грязный' [9: 50], в словаре А. Гната лемк. *paskudni* – 'velmi nepekne, zle, škaredo' [21: 169; 26: 85]; гуцул. *паскудный* – 'поганий, противный, отвратительный, мерзкий', торун. *paskóпноој* 'плохой'. Существительное, от которого образовано в русинском языке *паскудный*, имеет значения 'паскуда, паскудник; негодяй; злодей; паршивец', т. е. семантика связана с этической оценкой (ср., гуцул. *паскуда* 'мерзавец, негодяй', бойк. *паскуда* 'мерзость, гадость', 'мерзкий, отвратительный человек', русин. *паскудь* 'гадость, погань'; (фиг.) 'грязь, уродство') и с этико-эстетической, ср. русин. *паскудный* 'некрасивый, грязный', *паскудніти* 'становиться некрасивым' [9: 50; 21: 165]. Исторически существительное *паскуда* является производным с преф. *ра- в значении 'схожий, подобный' от *skqda [2: 50; 21: 165]. И, следовательно, пейоративная оценка в слове *паскуда* возникла как сопутствующая обозначению того, что ниже нормы, «скуднее».

По мнению И. Керчи, бесприставочное *скудный* в русинском языке является редким, малоупотребительным [10: 376], а признак «скудный» обычно выражается словами *скупый; бідный* (грунт, суп) *пустный*; (об обстоятельствах) *тісний* [10: 376]. То есть можно предполагать вторичность территории распространения этого слова в русинском и других карпатских языках, учитывая, что и в словацком языке эпицентром распространения рассматриваемой лексемы являются восточно-словацкие диалекты, в то время как аналог русин. *паскудный* и *паскуда* особенно широко и с большой вариативностью пейоративного значения представлен в диалектах польского языка, в западных диалектах русского языка [21: 164–169]. Ареал распространения *паскудный* и его производных ограничен западно- и восточнославянскими языками (польск., укр., рус., словц.) [21: 164–169].

Рассматривая историю формирования центральной части лексической группы, выражающей общеотрицательную оценку в русинском языке, видим, что лексемы *пудлый, паскудный* и *злый, недобрый* являют собой исторически крайние точки языкового представления

общеотрицательной оценки и её мотивационной эволюции в русинском языке как одном из славянских языков. Это следует из того, что русин. *злый, недобрый* продолжают праславянскую традицию лексического выражения общеотрицательной оценки (оппозиция слав. *dobъ – *zъь). Позднее современное выражение общеотрицательной оценки – прилагательные *пудлый, паскудный* – в своём функционально-семантическом развитии проделало путь от старшего значения ‘низкий; нижний’, ‘исподний’, ‘близкий к земле’ к ‘простой, простонародный’, т. е. ‘незначительный/незначимый, плохой’ в социальном отношении (*пудлый*) или от ‘малый, скудный’ к ‘незначительный/незначимый, плохой’ (*паскудный*); затем развитие оценочного компонента значения шло к выражению этической, частной оценки – ‘подлый’ (о человеке в нравственном отношении), к общеотрицательному значению в диалектах польского и в русинском языке.

По семантической структуре к ближней периферии можно отнести лексему, имеющую также глубокую историю, праславянского уровня, – это русин. *лихий* ‘плохой, дурной’, ‘тяжкий, ужасный’ (*штобы сьме не тягли на лихое діло – чтоб мы не склонялись к дурному делу*), ср. гуцул. *лихо* ‘погано, зле’, бойк. *лихий* ‘поганий’ [2: 112; 8: 473; 12: 411]. С подобной семантикой частноотрицательной оценки это прилагательное (и производное наречие) известно соседним языкам, ср. зап.-слав. слов. *ličú* (книжн.) ‘ложный, обманчивый; пустой, необоснованный; неправильный’, диал. ‘ложный, обманчивый’ и ‘убогий, ничтожный, пустой’ (например, о наряде, речи); ст.-польск. *lichu* ‘несправедливый, злой; жалкий, убогий, ничтожный’, ‘мизерный, не достигающий ожидавшейся или желательной ценности, нормы; небольшой, невысокого роста’ при ст.-укр. *лихий* ‘негодный, мерзкий, злой, дурной’ [20: 100]. В то же время в южнославянских и древнерусском языках это прилагательное реализует не только оценочное, вторичное, но и конкретно признаковое, исходное значение – ‘остаточный, лишний’, ср. ст.-слав. *лихъ* ‘чрезмерный, излишний; излишний, плохой’, *лихъ быти* ‘быть лишенным, не иметь’, с.-хорв. *lih* ‘ненужный; лишённый, искалеченный; лживый, ложный; тщетный, пустой’ и ‘(о числах) нечетный’ [20: 100]; др.-рус. *лихий* ‘дурной, злой, нечестный’, ‘плохой, испорченный’, ‘излишний, чрезмерный’, ‘лишённый чего-л.’, *лихоть* ‘отклонение, неравенство’ [17: 409–410]. Участие этой лексемы в выражении общеотрицательной оценки сохранилось в восточнославянской мифологии, где *Лихо* (*Лихо Одноглазое*) – это персонифицированное воплощение злой доли, горя.

Дальнюю периферию ЛСП «плохой» в русинском языке представляют прилагательные *слабый* ‘слабый, беспомощный; непрочный; плохой’, *планий* ‘дикорастущий; плохой’, в семантике которых общая отрицательная оценка соседствует со значениями нейтральными по

оценочности, т. е. сохраняется признак, на основе которого происходит оценочное обобщение. Прилагательное *слабый* (*слаба сторона* 'недостаток'; *слабо з грошми* 'туго с деньгами', *слаба образотворность* 'убогое воображение') в русинском языке, как и в других славянских языках [19: 173], обозначает качество (человека, животного, растения), которое в большинстве ситуаций сопровождается отрицательной оценкой [5: 308; 9: 345; 13: 229] (ср. рус. *он слабо разбирался в этом вопросе* и т. п.).

В словаре И. Керчи имеется указание на ограниченный ареал распространения *планый* в русинском (в словаре с пометой «областное») и близость его по значению к *пудлый* (*вшитко планой е на дашто доброй* 'нет худа без добра'; *два поля мае али барзо плані* 'у него два поля, но очень плохих'). Об этом свидетельствуют и однокорневые образования: *планіти* 'становиться плохим, портиться' (*загорода без газды планіла* 'сад без хозяина дичал'), *планство* (обл.) 'зло (нар.), плохота', *планка* 'дикая яблоня' [9: 86]. Как выражение общеотрицательной оценки *планый* представлено и в других источниках, ср. *планни(й)*: 1) 'поганий, марний, худий; бесполезный, напрасный; плохой' (о человеке, животном); 2) 'поганий, неродючий, неврожайний' (о растениях) и *планніти* 'марніти, худнути', *планниця* 'неврожайне поле' [6: 657; 14: 234; 15: 234; 18: 237]. Это ареально ограниченное слово, предположительно, в русинский язык пришло из словацкого или чешского языков, как и ст.-блр. *планый* 'дзікі' (предположительно, из старочешского) [22: 426–427; 24: 168], где *planý* известно в значении 'дикорастущий (про растения); пустой, праздный; плохой', ср. *planý porplach* 'ложная тревога', *stat' sa planým* 'задичать, хотя подобную семантику видим и у польск. диал. *ptony* 'lichy, nędzny, niepłodny, biedny', *ptono* 'kiepsko, lichy' [25: 466; 27: 140]. Вероятно, это западнославянская семантическая инновация, в которую вовлечен и русинский ('дикий, неплодоносящий, неурожайный' → 'пустой, плохой').

Функционирование общеоценочной лексики в качестве частнооценочной, сохранность мотивировочных признаков номинации позволяют увидеть основания становления общеоценочной семантики в лексике, используемой в русинском языке:

– *злый, недобрый, нефайный* – функциональное несоответствие норме;

– *лихий, паскудный* – количественное несоответствие норме;

– *слабый, планый* – качественное несоответствие норме;

– *пудлый* – социально-пространственное несоответствие норме.

Первые три ряда возглавляют лексемы праславянского происхождения (*злый, недобрый, лихий, слабый*), и это свидетельствует о сохранности глубоких исторических корней формирования оценоч-

ности в русинском языке, а наличие в этих рядах относительно новых лексических средств (*нефайный, паскудный, планый*) – об устойчивости моделей номинации в лексике более позднего происхождения. Новое – это использование модели пространственной характеристики социальной дифференциации в данном поле номинации (*пудлый*), представленной и в польских диалектах. Пейоративная оценка в словах *пудлый, паскудный* возникла как сопутствующая обозначению того, что ниже нормы (нравственной, социальной), в отличие от общеславянского по происхождению *лихий*, где основание отрицательной оценки – превышение нормы, остаток, лишнее – основание этической оценки.

С историко-культурной точки зрения общеотрицательная лексика нового поколения (в отличие от общеславянской) характеризуется тем, что она продолжает (вслед за *злой, недобрый*) дальнейшую реализацию абсолютной, этико-эстетической, оценки, в то время как остальные лексемы связаны с рациональной оценкой, её видами – нормативно-телеологической (*пудлый, паскудный*) и утилитарной (*планый*).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

арх. – архаическое; блр. – белорусский; бойк. – бойковский; гуцул. – гуцульский; в. – век; вып. – выпуск; диал. – диалектный; др.-рус. – древнерусский; зап.-слав. – западнославянский; лемк. – лемковский; литер. – литературный; нар. – наречие; обл. – областное; польск. – польский; праслав. – праславянский; преф. – префикс; прост. – просторечное; разг. – разговорное; рус. – русский; русин. – русинский; с.-хорв. – сербо-хорватский; слав. – славянский; словц. – словацкий; ст.-блр. – старобелорусский; ст.-польск. – старопольский; ст.-слав. – старославянский; ст.-укр. – староукраинский; торун. – торуньский; укр. – украинский; фиг. – фигурально; чеш. – чешский.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варбот Ж.Ж. К реконструкции и этимологии праслав. **rodъlъ(jъ)* // Исследования по русской и славянской этимологии. М.; СПб.: Нестор-история, 2012. С. 268–271.

2. Гуцульські говірки. Короткий словник / відповід. ред. Я. Закревська. Львів, 1997. 232 с.

3. Даль В.И. Толковый словарь живого русского языка: в 4 т. 3-е изд. М., 1955. Т. 3.

4. Дронова Л.П. Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект. Томск: Изд-во ТГУ, 2006. 256 с.

5. Дуда І. Лемківський словник. 26 000 слів. Тернопіль: Астон, 2011. 375 с.
6. Желеховский Е. Малорусско-німецкий словарь. Львів, 1886. Т. 2.
7. Журавлев А.Ф. Древнеславянская фундаментальная аксиология в зеркале праславянской лексики // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры. М.: Индрик, 1999.
8. Керча И. Русинско-русский словарь: в 2 т. Ужгород: ПоліПрінт, 2007а. Т. 1. 608 с.
9. Керча И. Русинско-русский словарь. Свыше 58 000 слов: в 2 т. Ужгород: ПоліПрінт, 2007б. Т. 2. 608 с.
10. Керча И. Русско-русинский словарь: в 2 т. Ужгород: ПоліПрінт, 2012б. Т. 2. 598 с.
11. Клышка М.К. Слоўнік сінонімаў і блізказначных слоў. Мінск: Вышэйшая школа, 1976.
12. Онишкевич М.Й. Словник бойківських говірок. Київ: Наукова думка, 1984. Ч. I.
13. Онишкевич М.Й. Словник бойківських говірок. Київ: Наукова думка, 1984. Ч. II.
14. Пиртей П.С. Короткий словник лемківських говірок. Ивано-Франківськ, 2004.
15. Поп Д. Словарь русиньско-украиньско-руський и русско-украинско-русинский. Ужгород, 2007.
16. Сабадош И. Словник закарпатської говірки села Сокириця Хустського району. Ужгород, 2008.
17. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / гл. ред. Р.И. Аванесов. Т. 1–10. М.: Русский язык, 1989. Т. 2.
18. Турчин Е. Словник села Тилич на Лемківщині. Львів, 2011.
19. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 1994. Т. 2.
20. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1988. Вып. 15.
21. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 2018. Вып. 41.
22. Этимологический словарь украинского языка: в 7 т. / голов. ред. О.С. Мельничук; укладачі Р.В. Болдырев, В.Т. Коломієць, Т.Б. Лукінова и др. Киев: Наук. думка, 2003. Т. 4.
23. Этимологический словарь украинского языка: у 7 т. / голов. ред. О.С. Мельничук. Київ: Наукова думка, 2012. Т. 6. 567 с.
24. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / рэд. Г.А. Цыхун. Мінск: Бел. навука, 2004. Т. 9.
25. Česko-ruský slovník. 3. opravené vydání / za hlavní účasti E. Melnikova, Z. Šromové, M. Martinkové. Praha: Statní pedagogické nakladatelství, 1968. 1242 с.

26. Hnát A. Krátky rusínsky slovník. Trebišov, 2003.
27. Karłowicz J. Słownik gwar polskich: w 6 t. Kraków, 1906. T. 4.
28. Kurzowa Z., Kubiszyn-Mędrala Z., Skorzyński M., Winiarska J. Słownik synonimów polskich. Warszawa, 2003.
29. Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
30. Slovník českých synonym a antonym. Brno, 2009.

REFERENCES

1. Varbot, Zh.Zh. (2012) *Issledovaniya po russkoy i slavyanskoy etimologii* [Studies in Russian and Slavic etymology.] St. Petersburg: Nestor-History.
2. Zakrevs'ka, Ya. (ed.) (1997) *Gutsul's'ki govirki. Korotkiy slovník* [Hutsul Dialects. Short Dictionary]. Lviv: [s.n.].
3. Dal, V.I. (1955) *Tolkovyy slovar' zhivogo russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Russian Language]. 3rd ed. Vol. 3. Moscow: Inostrannykh i natsional'nykh slovarye.
4. Dronova, L.P. (2006) *Stanovlenie i evolyutsiya modal'no-otsenочноy leksiki russkogo yazyka: etnolingvisticheskiy aspekt* [The formation and evolution of modal-evaluative vocabulary in the Russian language: An ethnolinguistic aspect]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Duda, I. (2011) *Lemkivskiy slovník* [Lemko Dictionary]. Ternopil: Aston.
6. Zhelekhovskiy, E. (1886) *Malorusko-nimetskiy slovar'*. Vol. 2. Lviv: [s.n.].
7. Zhuravlev, A.F. (1999) *Drevneslavyanskaya fundamental'naya aksiologiya v zerkale praslavyanskoy leksiki* [Old Slavic fundamental axiology in the mirror of Proto-Slavic vocabulary]. In: Tolstoy, N. & Venediktov, G.K. (eds) *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie. Problemy leksikologii i semantiki. Slovo v kontekste kul'tury* [Slavic and Balkan Linguistics. Problems of Lexicology and Semantics. The Word in the Context of Culture.] Moscow: Indrik.
8. Kercha, I. (2007a) *Rusinsko-russkiy slovar': v 2 t.* [Rusin-Russian Dictionary: in 2 vols]. Vol. 1. Uzhhorod: PoliPrint.
9. Kercha, I. (2007b) *Rusinsko-russkiy slovar': v 2 t.* [Rusin-Russian Dictionary: in 2 vols]. Vol. 2. Uzhhorod: PoliPrint.
10. Kercha, I. (2012) *Russko-rusinskiy slovar'. V 2 t.* [Russian-Rusin Dictionary. In 2 vols]. Vol. 2. Uzhhorod: PoliPrint.
11. Klyshka, M.K. (1976) *Slovník sinonimav i blizkaznachnykh slov.* Minsk: Vysheýshaya shkola.
12. Onishkevich, M.Y. (1984a) *Slovník boykivs'kikh govirok* [Dictionary of Boyko Dialects]. Vol. 1. Kyiv: Naukova dumka.
13. Onishkevich, M.Y. (1984b) *Slovník boykivs'kikh govirok* [Dictionary of Boyko Dialects]. Vol. 2. Kyiv: Naukova dumka.

14. Pirtey, P.S. (2004) *Korotkiy slovník lemківs'kikh govirok* [Short Dictionary of Lemko Dialects]. Ivano-Frankivsk: [s.n.].
15. Pop, D. (2007) *Slovar' rusin'sko-ukrayin'sko-rus'kiy i russko-ukrainsko-rusinskiy* [Rusin-Ukrainian-Russian and Ukrainian-Rusin-Russian Dictionary]. Uzhhorod: PoliPrint.
16. Sabadosh, I. (2008) *Slovník zakarpats'koi govirki sela Sokirnitsya Khust'skogo rayonu* [Dictionary of the Zakarpattian dialect of the village of Sokirnitsa in Khust district]. Uzhhorod: PoliPrint.
17. Avanesov, R.I. (ed.) (1989) *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.)* [Dictionary of Old Russian Language (11th – 14th centuries). Moscow: Russkiy yazyk.
18. Turchin, E. (2011) *Slovník sela Tilich na Lemkivshchini* [Dictionary of the village of Tylich in the Lemko region]. Lviv: [s.n.].
19. Chernykh, P.Ya. (1994) *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: V 2 t.* [Historical-Etymological Dictionary of Modern Russian Language: In 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Russkiy yazyk.
20. Trubachev, O.N. (ed.) (1988) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskii leksicheskii fond* [Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Fund]. Vol. 15. Moscow: Nauka.
21. Trubachev, O.N. (ed.) (2018) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskii leksicheskii fond* [Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Fund]. Vol. 41. Moscow: Nauka.
22. Melnychuk, O.S. (ed.) (2003) *Etimologicheskii slovar' ukrainskogo yazyka: v 7 t.* [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language: in 7 vols]. Vol. 4. Kyiv: Naukova dumka.
23. Melnychuk, O.S. (ed.) (2012) *Etimologicheskii slovar' ukrainskogo yazyka: v 7 t.* [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language: in 7 vols]. Vol. 6. Kyiv: Naukova dumka.
24. Tsykhun, G.A. (ed.) (2004) *Etymologicheskii slovník belaruskay movy*. Vol. 9. Minsk: Bel. navuka.
25. Melnikova, E., Šromové, Z. & Martinkové, M. (eds) (1968) *Česko-ruský slovník*. 3rd ed. Prague: State Pedagogical Publishing House.
26. Hnát, A. (2003) *Krátky rusínsky slovník* [Short Rusin Dictionary]. Trebišov: [s.n.].
27. Karłowicz, J. (1906a) *Słownik gwar polskich* Kraków: w 6 t. Vol. 4. Kraków: [s.n.].
28. Kurzowa, Z., Kubiszyn-Mędrala, Z., Skorzyński, M. & Winiarska, J. (2003) *Słownik synonimów polskich*. Warszawa: [s.n.].
29. Machek, V. (1957) *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*. Praha: [s.n.].
30. *Slovník českých synonym a antonym*. Brno: Lingea.

Дронова Любовь Петровна – доктор филологических наук, профессор кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики Томского государственного университета (Россия).

Liubov P. Dronova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: lpdronova@mai1.ru

УДК 81-112

UDC

DOI: 10.17223/18572685/75/15

Понятие «ссора» в истории русинского языка

С.А. Толстик

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: stolstik@mail.ru

Авторское резюме

Языковое представление различных понятий той или иной национальной языковой картины мира является актуальным в современной лингвистике. Ссора – один из вариантов значимых отрицательных отношений в обществе, следовательно, языковая репрезентация этого понятия находится в сфере интересов лингвистов. Представлена история формирования понятия «ссора» в русинском языке. Сравнительно-исторический и лингвогеографический анализ русинского синонимического ряда позволил выявить, что в ядерной части языкового выражения исследуемого понятия находятся существительные с корнем *вад-* (*звада, вада, извада, сважа*), а также их однокорневая исконная лексика. Доминантой анализируемого синонимического ряда существительных является префиксальный субстантив *звада*. Центр понятия – близкие к ядру слова *котора* 'ссора, раздор', *дрязги* и *пря* 'распря, раздор', 'склока', 'баталия'. На периферии находятся *гнівы, колотня, незгодины, незлагода*, имеющие значение небольшой ссоры, словесной перепалки. С праславянского и восточнославянского периодов сохраняются *и/з/вада, пря*, имеющие исходное значение 'ссора', позже наследуется в результате диглоссии из церковнославянского *котора*. Наиболее поздний ареальный слой языковой репрезентации понятия ссоры – *колотня, незлагода, незгодины* и *гнівы*.

Ключевые слова: русинский язык, славянские языки, мотивация, сравнительно-историческое языкознание, этимология, диахрония, историческая лексикология

The concept of “quarrel” in the history of the Rusin language

Svetlana A. Tolstik

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: stolstik@mail.ru

Abstract

The linguistic representation of various concepts of a particular national linguistic picture of the world is relevant in modern linguistics. *Ssora* is one of the options for significant negative relationships in society; therefore, the linguistic representation of this concept is in the sphere of interests of linguists. The article presents the history of the formation of the concept *ssora* in the Rusin language. A comparative-historical and linguistic-geographical analysis of the Rusin synonymous series has revealed that the core part of the linguistic expression of the concept under study includes nouns with the root *vad-* (*zvada*, *vada*, *izvada*, *svazha*), as well as their single-root native vocabulary. The dominant of the analyzed synonymous series of nouns is the prefixed substantive *zvada*. The center of the concept is the words close to the core *kotora* ‘*ssora*, *razdor*’, ‘*dryazgi*’ and *prya* ‘infighting, discord’, ‘squabble’, ‘battle’. On the periphery there are *gnivy*, *kolotnya*, *nezgodiny*, *nezlagoda*, which have the meaning ‘quarrel’ as figurative and reflecting mainly minor squabbles. From the Proto-Slavic and East Slavic periods, *i/z/vada*, *prya*, having the original meaning of ‘quarrel’, are preserved, later inherited as a result of diglossia from the from Church Slavonic. The latest areal layer with the figurative meaning ‘quarrel’ are *kolotnya*, *nezlagoda*, *nezgodiny* and *gnivy*.

Keywords: Rusin language, Slavic linguistics, motivation, comparative historical linguistics, etymology, diachrony, historical lexicology

Исследование системных отношений в лексике (синонимических рядов, лексико-семантических полей), их эволюции является актуальным в современной антропоцентрической лингвистике в связи с проблемой отражения в них эволюции культурно значимых понятий / концептов, динамики языковой картины мира (Е.Л. Березович, Ж.Ж. Варбот, В.Г. Гак, Л.П. Дронова, С.М. Толстая, О.Н. Трубачёв). Актуальность данной работы обусловлена тем, что ее проблематика

находится в русле интересов современного языкознания к исследованию лексики в когнитивном, сравнительно-историческом, лингвокультурологическом аспектах.

Негативные межличностные отношения, взаимодействие человека с другим человеком, конфликты, ссоры – важная часть отношений людей в обществе, следовательно, языковая репрезентация понятия «ссора» находится в сфере интересов современных лингвистов, в том числе историков языка. Поэтому исследование реализации данного понятия в славянских и других языках также является в настоящее время актуальным.

Специальных работ, посвященных исследованию языкового содержания понятия «ссора» в истории русинского и других славянских языков, мы не нашли. В некоторых работах анализируется лексика, которая имеет значение 'ссора' в каких-либо славянских языках.

Так, в статье С.М. Толстой «*Вера и правда*: к истории понятий» рассматриваются «содержание и способы их языковой экспликации в разные эпохи» [50: 375]. Автор говорит, что в наибольшей степени слова *вера* и *правда* сближаются в правовом дискурсе и являются терминами права древних славян. С.М. Толстая приводит сербское слово *правда*, имеющее значение 'ссора', как продолжение семантики права [50: 379–380].

Интересующей нас лексики в данной работе нет, но здесь анализируется история понятия на другом языковом материале.

Л.П. Дронова в статье «Утилитарная оценка в русинском языке (сопоставительный аспект)», исследуя лексические способы выражения разных видов утилитарной оценки, рассматривает и интересующую нас лексику с корнем *вад-* (*вада*, *вадити*), имеющую значения как 'ссора / ссориться', так и 'мешать, вредить'. Автор делает вывод, что развитие семантики вреда – ареальная русино-западнославянская лексико-семантическая инновация на базе 'ссора / ссориться' → 'вредить' [7: 35–36]. Нам же важно выявить возникновение значения 'ссора' в русинском языке.

В.В. Колесов в монографии «Древняя Русь: наследие в слове. Бытие и быт», выявляя основные средневековые древнерусские понятия, в разделе «Свара и спор» исследует группу слов с префиксом *съ-* 'совместность действия', обозначающих словесное столкновение, в том числе интересующее нас существительное *съвада* (наряду со *съвара*, *съсора*) [18: 51–53]. Все эти три слова обозначают «как бы наваждение, идущее со стороны того, кто оспаривает твои права... клеветает» [18: 51]. До конца XIV в. *съвада* и *съвара* были юридическими терминами, обозначающими 'распрю, сопровождаемую тяжбой' [18: 51]. *Съвада* в отличие от *съвары* (в основном словесное столкновение, сопровожда-

емое гневом) – это уже раздор, т.е. действие, ссора, стычка. В качестве аргумента автор приводит контексты из «Русской правды», где *съвада* является результатом, которым завершается преступление, в котором не сам человек виновен, а это действие злого духа: *нь оже будетъ убильъ или въ съвадъ или въ пиру явлено, ть тако ему платити* [18: 52–53].

В.В. Колесов характеризует и другое древнерусское слово – *котора*, которое мы будем анализировать как репрезентант русинского понятия «ссора». Древнерусская лексема *котора* означала ‘бой’, ‘драка’, после XVI в. обозначало перебранку, спор по пустякам [18: 55]. В данной монографии В.В. Колесов также обращается к древнерусскому существительному *пря* и его однокорневому образованию *распря*, которые тоже выступали как юридические термины, отражающие «переход от физических форм борьбы к интеллектуальным, от дела к слову» [18: 56–57].

Ж.Ж. Варбот анализирует славянское **vad-* со значением ‘привычка’, ср., например, рус. *повадка* [3]. Ряд учёных связывают его с интересующим нас *вад-* со значением ссоры [10: 318–319; 53: 265], но Ж.Ж. Варбот (и многие авторы этимологических словарей) эту связь отрицает, сопоставляя с *вести* [3: 214–216].

Итак, в данной статье мы опираемся на часть выводов указанных выше работ, прежде всего В.В. Колесова (характеристика древнерусского понятия), но рассматриваем лексику со значением ‘ссора’ как репрезентацию соответствующего понятия на материале русинского языка.

Цель данной статьи – выявить, каким образом языковое выражение понятия ссоры представлено в русинском, самостоятельно, будучи унаследованным из праязыкового состояния и развиваясь под влиянием других языков и культур.

Материалом исследования послужили репрезентанты понятия «ссора» русинского языка, затем – контактных славянских языков, а также данные родственных славянских языков. В качестве источников были привлечены толковые, исторические, этимологические, диалектные, двуязычные словари славянских языков (более 40 словарей). В качестве основных были применены сравнительно-исторический и ареальный методы анализа, с помощью которых определяется глубина формирования исследуемого понятия в русинском языке.

Анализируемые лексические единицы набирались по «Русско-русинскому словарю» И. Керчи. Так, в русинском языке понятие «ссора» выражают существительные (*и*)з/*вада*, *котора*, *пря*, *гнівы*, *колотня*, *незгодины*, *незлагода*, а также их однокорневые слова [15: 286, 419].

В **ядерной зоне** языковой репрезентации русинского понятия находится лексика с корнем *вад-*, характеризующая структуру понятия с помощью признаков речевого действия ‘спор, брань’, ‘вражда,

стычка, раздор', а также 'недостаток, дефект', ср. *вада* 'недостаток'. Семантический объем у лексики с корнем *вад-* больше, чем у остальных исследуемых лексем: он соотносится, с одной стороны, с русскими синонимами *ссора* и *раздор*, обозначающими серьезную вражду, разногласие, с другой – со словом *перебранка*, характеризующим словесное выражение разногласия.

Центральная часть – наиболее семантически близкие к ядру слова *котора* 'ссора, раздор', *дрязги* и *пря* 'распря, раздор', 'склока', 'баталия', репрезентирующие признак ссоры в своих основных значениях [15: 286, 419].

На периферии находятся *гнівы*, *колотня*, *незгодины*, *незлагода*, называющие не любую ссору, а отражающие в основном переносное значение мелкой ссоры, дразги [15: 286, 419].

Субстантивная лексика с корнем *вад-* *вада* / *звада* / *извада* находится на первом месте в словаре И. Керчи и выражает разные аспекты рассматриваемого понятия. По данным этого двуязычного словаря, объясняющего через соответствие русским словам, (*и*)з/*вада* соответствует русским *ссора*, *раздор* и *перебранка* [15: 419]. *Ссора* – это 'состояние взаимной вражды, серьёзная размолвка' // 'взаимные упреки, обвинения, препирательства, перебранка'. Синоним *раздор* имеет значение 'разногласия между кем-либо, ссора, вражда': *Прийшли ид тым людём, што вна їх зьюдила, тай повілі хто зваду наробив* 'Пришли к тем людям, которых она подзудила, и сказали им, кто ссору устроил' [15: 419; 38: 605; 39: 242; 69: 193]. *Перебранка* – 'действие по глаголу, оскорбительные, ругательные слова, сопровождающие это действие': *Лем з тым моим мужом, нещастна година, // непокуй и звада, уд билого рана!* [16: 343; 69: 193].

Наиболее частотным в словарях русинского языка для обозначения ссоры является слово *звада*, называющее как серьезный раздор, стычку, так и мелкое словесное разногласие, поэтому, по всей видимости, именно оно является доминантой анализируемого синонимического ряда.

Остальные однокорневые синонимы в основном имеют значение 'перебранка'. Так, *сважа* – это 'перебранка, не очень серьезная ссора': *Най здорові сважают ся и дале, філологічна сважа буде на общый хосен* 'Да пускай себе ссорятся на здоровье, филологическая перебранка пойдет на общую пользу' [17: 316], (*и*)з/*вадка* 'размолвка' и др. [16: 343]. Существительное *вада* кроме значения 'ссора; перебранка' (*Іс'а жона найшла ми лиш ваду в хыжи*) в семантической структуре имеет ЛСВ 'недостаток' (*Есе невелика вада, йсе мож лехко поправити*) [16: 107; 22: 33]. Родственная лексика тоже репрезентирует анализируемое понятие: передает семантику ссоры, разногласия, вражды. Некоторые производные обозначают черту характера, задиристость:

извадливість ‘сварливость, задиристость’ и *извадливыи* ‘сварливый, вздорный, задиристый’ (*Извадливая баба* ‘вздорная старуха’) [16: 343]. Производные глаголы с *вад-* характеризуют процесс возникновения ссоры, вражды, перебранки, т. к. их семантика образована от соответствующих значений производящих существительных: *вадити* / *ся* и *сважати* ‘ругаться, ссориться, браниться’ (*Такого я хлопця маю, як ружа лелія, // з милым ся вадити – велика пасія*), (*и*)*звадити* ‘поссорить / *ся*’ (*Папа римський из патріархом цариградським извадили ся за панство* ‘Папа римский с патриархом константинопольским поссорились за власть’) [14: 107; 16: 343; 17: 316; 20: 19; 22: 33; 69: 172]. Другие значения синонимического ряда – ‘мешать, препятствовать, вредить, цеплять(ся)’ (*вадити* / *ся*: *Не вадило бы* ‘Не мешало бы’), ‘брак, недостаток; порок’ (*вада, вадный* ‘бракованный’) [17: 316; 22: 33].

Следующее слово *котора*, входящее в центральную зону, в русинском языке имеет значения ‘ссора, раздор’, *которы* ‘дрязги’ [16: 439]. Контексты на указанные значения, к сожалению, не были найдены, только в буковинских говорах зафиксировано *котора* / *кутора* не в анализируемом значении, а как ‘заботы, хлопоты’: *С цим хлопцем лиш маю кутору* [11: 61; 24: 227, 244]. Однокорневой глагол *которати* соотносится с анализируемым субстантивом по всем двум значениям: ‘ссориться’, ‘заниматься дразгами’ [16: 439].

Далее – русинская лексема, входящая в центральную зону языкового выражения понятия ссоры, – существительное *пря* ‘распря, раздор’, ‘рознь, склока; баталия’ соответствует по значению русскому слову *распря* ‘ссора, раздор’ [15: 303; 17: 229; 36: 658]. Однокорневое сложное русинское образование *словопря* передает словесную сторону ссоры ‘дебаты; спор; перепалка’ [17: 348].

Существительное *колотня* в русинском представлено в значении ‘ссора, дразги’, ‘сумбур, сумбурность’ [15: 286; 16: 422].

*Гнів*ы как *pluralia tantum* употребляется в русинском в значении ‘раздоры’, другие значения слова *гнів* – ‘гнев’, ‘враждебность’, ‘злость’ [16: 167]. Однокорневая русинская лексика не передает значение ссоры, в основном – семантику гнева (*гніва(чи)ти* ‘гневить, сердить’, *гнівний* ‘гневный’, *гнівливый* ‘склонный к гневу, раздражительный’), злости, недоброжелательности (*гнівливість* ‘озлобленность, недоброжелательность’), обиды (*гнівник* ‘обидчик, недруг’) и некоторые другие [16: 167].

Незлагода имеет следующую семантику – ‘разнобой, несоответствие’, ‘несогласованность, разногласие’ [16: 580]. Однокорневое прилагательное *незлагодный* не передает семантики ссоры, соответствует только первому значению анализируемого субстантива – ‘несоответствующий’ [16: 580].

Слово *незгодины* в словаре И. Керчи зафиксировано как соответствие русским *раздор* и *дразги*, т. е. характеризует как большую, так и небольшую ссору. Родственная лексика с теми же двумя приставками (*не-* и *з-*) обозначают не ссору, а другие негативные явления: невезение (*незгода* 'невезение, незадача'), неудобство, дискомфорт (*незгодность* 'неблагоприятные условия; беспокойство, неудобство, дискомфорт', *незгодити* 'причинять беспокойство, неудобства'), нечто неподходящее (*незгодный* 'неподходящий, неблагоприятный') и некоторые другие [16: 580].

Итак, мы рассмотрели состав синонимического ряда в значении 'ссора' в русинском языке, выявили семантическую структуру доминанты и остальных синонимов, иерархические отношения составляющих его лексических единиц, признаки, характеризующие понятие ссоры ('ссора, раздор, столкновение', 'ссора, перебранка'), семантику родственных слов разных частей речи ('ссора' и другие негативные значения). Следующий шаг – выявить основные этапы истории анализируемого ряда, репрезентирующего понятия ссоры в русинском языке.

Чтобы выяснить историю формирования русинского языкового понятия «ссора», развитие семантики анализируемых лексических единиц, мы обратились прежде всего к истории ядерных слов (материалу с корнем *вад-*) на восточнославянском уровне.

Общевосточнославянское языковое состояние понятия рассмотрим на древнерусском материале. В древнерусском языке зафиксирована ядерная лексема выражения понятия ссоры, доминанта русинского ряда – *свада*, а также субстантивы, входящие в центр – *котора* / *котера* и *пря*.

В древнерусском и церковнославянском отмечено только префиксальное существительные с корнем *вад-* *свада*, субстантив *вада* наблюдается только со старорусского периода не в значении ссоры, а как 'донос, ложное обвинение' [25: 370; 34: 9; 37]. *Свада* имело как интересующее нас значение 'ссора, вражда' (*Всеволодъ же Гюргевичъ, бояся Бога, не хотя видѣти свады, послуша его и своего епископа блаженаго Луку... посла его в Рязань с миромъ*. Лавр. Лет.), так и 'схватка, вооруженное столкновение, стычка': *Много бѣ у нихъ убитыхъ и ураненыхъ; в той же свадѣ убиша Дмитра Жирославича*. Ипат. Лет. [9: 575; 29: 180; 36: 92–93]. В первом значении часто употребляется как юридический термин, в соответствии с «Русской правдой» *убийство безъ свады* влекло более строгое наказание: *Будеть ли сталь на разбои безъ всякой свадѣ, то за разбоиника люди не платять, но выдадять и всего съ женою и с дѣтми на потокъ и на разграбление* [18: 50–54; 36: 92]. Значение 'недостаток', представленное в русинском, у слов с корнем *вад-* в древнерусский период не отмечается.

В древнерусском языке для обозначения ссоры встречается слово *котора* (*Бывъши которѣ межю има, поважениемъ дьяволомъ от многы злобы*), а также вариант *котера* в значениях 'спор' и 'битва' (*Възвратимъ ся отъ зълость нашихъ и отъ путии лукавыхъ яже суть сии, любодѣяния, татьбы и клеветы, прыздънословія, котеры, пиянство и котора*) [18: 52–55; 26: 273–274; 35: 380, 383–384]. Производные разных частей речи от *котора* представлены как со значением ссоры, осуждения, так и для обозначения вражды, борьбы, раздора, столкновения:

- адъективы *которавый* 'склонный к ссорам' (*Тогда братъ, прѣтивый и которавый на блаженаго положени ради братня припадъ к ногама Маркови ...*), *которивый* 'сварливый': *...съ женою язычною и которивую, которати* 'ругать, бранить', *которливый* 'сварливый, склонный к ссорам, строптивый';

- глаголы *котерати* 'осуждать', *котератися* 'ссориться', *которатися* 'спорить, препираться', *враждовать*, 'гневаться, сердиться';

- существительные *которникъ / которный* 'тот, кто склонен к раздорам, распрям, ссорам', *коториць* 'противник, спорщик' [26: 273–274; 35: 383–385].

Эти дериваты, таким образом, сохраняют семантику производящего слова и тоже репрезентируют понятие ссоры в древнерусском языке.

Древнерусское *пья / пьра*, помимо 'ссора, распря' (*В прѣ и свары алчете и и бьете пастью смѣренаго*), имеет значения речевого действия – 'спор', 'обвинение', а также обозначает результат словесного или несловесного столкновения – 'состязание, борьба', 'возражение, сопротивление'. Как и ядерная лексема *свада*, *пья* выступает как юридический термин 'тяжба, судебное дело' [27: 390–392].

В древнерусском представлены и префиксальные образования с приставкой *раз-* с этим же корнем со значением ссоры: др.-рус. *разпра* и *разпърѣние* 'спор, раздор, распря', *разпърный* 'спор, дискуссия' [28: 185–186], *разпърѣтиса* 'завязать спор, вступить в дискуссию, поспорить', 'рассориться', *разпъривый* 'склонный к раздорам, распрям', *разпърник* 'тот, кто вносит распри' [28: 185–186]. Эта древнерусская / восточнославянская лексика, как и в современном русском языке, передает понятие ссоры, раздора, но в русинском она не сохранилась.

Восточнославянские лексемы с корнем *вад-* и *пря* с семантикой ссоры имеют наиболее раннее происхождение: они унаследованы из праславянского периода [12: 356; 59: 306–309]. Более поздний репрезентант анализируемого понятия *котора / котера* 'спор, ссора', 'сражение' зафиксирован только в церковно- и старославянском (см. ниже).

Итак, мы рассмотрели историю ядерной лексики с корнем *вад-* и

центра (*котора* и *пря*), характеризующую понятие ссоры в русинском и других языках. Периферию – остальные лексические единицы (*колотня*, *незлагода*, *незгодины* и *гнівы*) – мы не стали анализировать так подробно в диахронии, тем более, что практически нет данных по истории русинской лексики.

Ареальный анализ лексики позволяет выявить / скорректировать историю языковой репрезентации того или иного понятия в разных языках. Так, анализ языкового ареала выражения понятия «ссора» показал, что лексика с корнем *wad-* ‘ссора’, прежде всего, представлена в западно- и восточнославянских языках.

В контактных с русинским **западнославянских языках** – польском и словацком – эта лексика представлена весьма широко.

В польском и старопольском языке значения ‘ссора, спор; раздор’ и ‘недостаток, порок, отрицательная черта характера’, ‘изъян, дефект’ закрепились за префиксальным *zwada* и *wada* соответственно: *zwada* (*Wszczęła się zwada, Bo lepsza zgoda niż zwada*) [64]; *wada*: (*wada charakteru, wada sercu*) [4: 1124; 66; 68: 493–495]. Производные слова также репрезентируют понятие ссоры в современном польском и старопольском языке: адъектив *zwadliwy* ‘сварливый, склонный к ссорам, раздорам’ и устаревший глагол *zwadzić (się)* ‘поссорить(ся)’ [4: 1326; 68: 493–495]. Польская лексика с корнем *wad-* в основном характеризует изъян, недостаток (*wadliwy* ‘дефектный, с изъяном’, *wadliwość* ‘недостаток, неправильность, дефектность’), и только книжное *wadzić (się)* имеет значение ‘ссорить(ся)’ [4: 1124]. *Zwada* в старопольском кроме ‘ссора’ имело также значения наиболее серьезного раздора – бунт, беспорядки, заговор, ‘провокация’ [68: 494]. Лексика с корнем *wad-* (прежде всего интересующее нас *zwada* ‘ссора’) начинает фиксироваться с XIV в. с семантикой ссоры, а также препятствия, помехи [60: 676]. В польских диалектах в основном представлена интересующая нас семантика ссоры как с префиксом, так и без него: *zwada* ‘ссора’, *wada* ‘ссора, спор; раздор’, а также *wadność* ‘ссора, спор, распря’ [61: 63–64, 418]. Диалектный глагол (*z*)*wadzić się* имеет значение ‘ссориться, спорить’, глагол *wadzić* – ‘задевать, цеплять’ (как прямое, так и переносное) [61: 63–64, 418]. Прилагательное *wadny* имеет значение ‘имеющий изъян, дефект, порок’ [61: 63–64, 418]. Уже упомянутый глагол *wadzić* имеет также, по всей видимости, исходное предшествующее значение речевого действия ‘звать; укорять’ [53: 265–266; 60: 676; 61: 63–64].

В словацком языке представлены как существительные с интересующей нас семантикой ‘ссора, раздор’, ‘спор, перебранка, склока’: *zvada* ‘ссора’, *vada* ‘ссора, перебранка’, т. е. серьезное противостояние и небольшая словесная перебранка. Глагольная лексика тоже передает понятие ссоры: глагол *vadit’ sa* ‘ссориться, перебраниваться,

браниться', *zvadit'sa* 'поссориться', книжное *zvadzać* передавало более серьезное столкновение – 'сражаться, вести борьбу, давать бой' [41: 579, 711; 62: 646; 63]. Автор этимологического словаря словацкого языка Л. Кралик говорит о фиксации этой лексики в данном языке только с XV в. [62: 646].

Существительные с префиксом, обозначающие ссору, есть и в других западнославянских языках: чеш. *svada* 'ссора', *vaditi se* 'ссориться', в.-луж. *zwada* 'ссора; спор', *zwadny, zwadliwy* 'сварливый, склочный', *wada* 'ссора, брань', *wadzić so* 'спорить, браниться, ссориться', *wadźenje* 'спор, ссора' и некоторых других [1: 318; 52: 339, 453; 67: 33]. Во всех этих языках есть значение 'мешать, препятствовать, вредить': чеш. существительное *vada* 'недостаток, изъян', в.-луж. *wada* 'порок, изъян, дефект, недостаток', 'недостаток, недуг', 'ошибка, беда, недостаток', 'препятствие, помеха', *wadzić, ważić* 'вредить' [1: 317–318, 323; 10: 318–319; 21: 62; 52: 339; 53: 265; 60: 676; 67: 33].

Лексический материал с корнем *вад-* со значением ссоры представлен во всех **восточнославянских языках**. В контактом с русинским украинском языке субстантив с префиксом *звада* представлен в тех же значениях, что и в русинском языке – 'несогласие, вражда, рознь' // 'словесная перепалка' [44: 457], а также наблюдаются адъектив *звадливый* 'сварливый' и производные от прилагательного *звадливість, здвадливо* [44: 457]. В староукраинском есть вариант с начальным *с-* *свада* (как в старопольском *swada* и в старочешском *sváda*) 'ссора', а также *свада* как юридический термин 'судебное дело, тяжба', по всей видимости, унаследованный из древнерусского [18: 50–54; 36: 92; 42: 320]. Из бесприставочной лексики с корнем *вад-* анализируемая семантика наблюдается только у литературного и диалектного возвратного глагола *вадитися* – 'ссориться' [42: 457]. Обращает внимание значение речевой деятельности этого глагола 'наговаривать' [43: 276], которое, возможно, было исходным для значения ссоры в славянских языках (ср. польск. 'укорять') [21: 62–64; 53: 265–266; 60: 676].

В русском языке *свада* со значением ссоры встречается с древнерусского периода, со старорусского периода – *вада* в значениях 'донос, ложное обвинение' [1: 317–318; 6; 23: 485; 24: 92]. В русских говорах встречаются существительные *вада* и *свада* в интересующем нас значении.

Вада представлено с семантикой ссоры, раздора 'ссора; сплетни и брань' на западе, на севере и западе в значении 'порок, недостаток, дурная привычка' (зап., арх.) и нек. др. [6; 30: 10; 31: 251]. Существительное *свада* имеет не только значение 'ссора, распря (олон.)', но и 'драка', т.е. обозначает не только словесное выражение ссоры, но и используется для характеристики действия, сопровождающего раздор [6; 30: 10; 33: 199]. Возвратный глагол с префиксом *с-* также

репрезентирует понятие ссоры – *свадиться* ‘ссориться, браниться, враждовать’ (без указания места) [6; 33: 201].

В белорусском языке зафиксированы в значении ссоры исследуемые существительные *звада* ‘ссора’ [19; 49], диал. *вадка* – ‘ссора’, в других отрицательных значениях – *вада* ‘порок, недостаток’, ‘позор’, ‘несчастье’, старобелорусское *вада* ‘изъян’, ‘донос, поклёп’ (XV в.), что, скорее всего, появляется под польским влиянием [1: 317]. Однокорневой глагол также представлен с семантикой ссоры: диал. *вадзицца* ‘ссориться’ [1: 317; 10: 318–319].

Частично лексический материал с корнем *вад-* наблюдается в значении ссоры и в **южнославянских языках** (с.-хорв. *сва̀дња* ‘ссора, брань’, *сва̀дити* ‘поссорить’, словен. *svāda* ‘спор, ссора’) [1: 323; 10: 318–319; 51: 533–534; 53: 265–266; 55: 17]. В некоторых других южнославянских языках есть лексика с этим корнем, но не в значении ссоры, а в близких значениях говорения – ‘клеветать, злословить’ (болг. диал. *вадя*) [1: 323] и ‘заявлять, подавать жалобу, обвинять’ (словен. *vāditī*) [1: 323; 10: 318–319; 53: 265–266; 55: 17].

Ареальный анализ ядерной зоны репрезентации понятия ссоры позволил рассмотреть весь диапазон славянских лексических значений и определить направление развития семантики. По всей видимости, развитие общеславянского значения ссоры шло от значения ‘то, что подвергается осуждению’ [1: 318; 70: 557].

Котора / котера ‘спор, ссор; сражение’, кроме русинского, зафиксировано только в украинском, церковно- и старославянском языках. В украинском субстантив *катора* имеет значения ‘ссора, раздор’ и ‘обида’ [5: 293; 11: 61; 50: 353]. В современных словарях украинского языка (СУМ и ВТСУ) не отмечается, есть только в более раннем словаре Б. Гринченко, поэтому можно предположить, что сейчас это устаревшее украинское слово. Однокорневая лексика в украинском литературном языке не представлена, в диалектах есть с семантикой ссоры, враждебности *каторливый* ‘враждебный, сварливый’, *каторувати* ‘враждовать’ [11: 61; 13: 372].

В церковнославянском и старославянском существительное *КОТОРА* репрезентировало понятие ссоры, спора: *КОТОРЪ БЫВЪШИ МЕЖДОУГОСПОДИНОМЪ ВЕЛЬБЪЖДА И ГОСПОДИНОМЪ НИВЫ* [8: 266; 40: 56; 47: 292; 54: 352]. Старославянские производные с семантикой ссоры – это глагол *КОТОРАТИ (СА)* ‘ссориться’, ‘осуждать’ и *КОТОРИЧЬ* ‘сварливый’ [47: 56]. Ц.-сл. *катора* обозначало ссору, распрю, а вариант *котера* характеризовал как ссору, так и битву, сражение [8: 266].

По всей видимости, *катора* в русинский было унаследовано в результате диглоссии из церковнославянского языка. Это подтверждает отсутствие данной лексемы почти в всех остальных славянских язы-

ках, кроме украинского и небольшого количества русских (в основном вторичных) говоров, ср. рус. диал. *котора* 'вражда, ссора' (свердл., перм., заурал., курган.) и некоторые другие [32: 111]. Церковнославянское происхождение лексемы *котора* объясняет его появление в русинском языке, так как долгое время литературным языком для русинского населения был именно церковнославянский, и поэтому в этом языке представлено немалое количество церковнославянизмов [48: 132–134].

Ареал *пря* в славянских языках также весьма ограничен: оно отмечается, помимо древнерусского языка, также в старославянском *ПЪРЯ* 'спор, распря', украинском в близких к анализируемому значении 'спор; соревнования', 'борьба' и в двух западнославянских языках – чешк. *рѣ* 'спор, тяжба' и польск., ст.-польск. *prza* 'конфликт, спор', 'проблема', 'судебный процесс' [12: 618; 46: 364; 47: 558; 65: 1–3]. Это существительное восходит к праслав. глаголу **perti*, в семантической структуре которого и его производных наблюдаются значения спора, ссоры, разногласия, отпора, сопротивления, движения через препятствие (ср. рус. *переть(ся)*) [12: 356; 59: 306–309].

Анализируемая лексема периферийного характера с корнем *лагод-* и отрицательным префиксом (*незлагода*), производная от *злагода* 'примирение, мир, согласие' ← *лагода* 'согласие, мир, покой', 'мягкость, кротость' [16: 1, 358, 462; 56: 13–14], тоже имеет локальный характер в значении 'ссора' – русинско-украинская изоглосса. Так, в украинском языке встречается *незлагода* и *незлагідність* 'несогласие, ссора' [45: 318].

Лексические единицы с *не/з/год-* в значении ссоры – это восточнославянская (русинско-украинско-белорусская) изоглосса: укр. *незгодина* фиксируется не в значении 'ссора', а как 'трудности, несчастье, беда' [45: 314–315], родственное же *незгода* является репрезентантом понятия ссоры [45: 314], блр. *незгода* имеет значения 'ссора' и 'несогласие' [49]. Эта лексика, относящаяся к гнезду с корнем **god-* 'то, что является подходящим' [10: 544–545], отрицает данный признак: т. е. 'ссора' в данном случае выступает как 'нечто неподходящее, неудобное, ненужное'.

Колотня встречается только в польско-восточнославянском ареале (польск. *klótnia*, русин. *колотня*, ст.-укр. *колотня*, *колотнеча*, блр. *калатня*, диал., рус. диал. яросл. *колотня*) [5: 273; 58: 159–160; 60: 239]. 'Ссора' и остальные славянские значения у производных *колотить* восходят к 'бить; размахивать', т. е. в данном случае ссора рассматривается со стороны ее внешнего проявления (сопровождение физическими действиями, дракой).

Лексика с корнем *гнев-* (но оформленное не как русинское *pluralia*

tantum *gnívy*) со значением ссоры отмечена только в трех контактных с русинским славянских языках: словц. *hnev*, польск. *gniew* и укр. диал. *gnívanка* [2: 37–39; 10: 537; 57: 169–170].

Подводя итоги, охарактеризуем определение вклада каждой лексемы в развитие структуры понятия и хронологическую глубину языковой репрезентации понятия «ссора».

Если ядро *звада* и центр *пря, котора* наиболее полно выражают понятие «ссора» в целом (и как серьезную ссору, и небольшое словесное разногласие), то остальные лексические единицы выражают отдельные аспекты: со стороны внешнего проявления ссоры (*колотня*), выражаемого негативного чувства (*gnívy*), через отрицание признаков согласия, пригодности, удачи (*незгодины, незлагода*).

Материал русинского, контактных и других славянских языков позволил сделать выводы, что в истории русинского языка отразились разные этапы формирования языкового выражения понятия «ссора»: сохранились с праславянского и восточнославянского периодов ядерные лексемы *и/з/вада* и центральная *пря*, имеющие 'ссора' как исходное значение. Ядерная часть русинского выражения понятия «ссора» в целом сохранилась с восточнославянского периода, только утратились или же не появлялись аспекты клеветы, доноса, юридической характеристики *убийства в сваде*. Появилось отсутствующее в восточнославянский период значение 'недостаток', скорее всего, под влиянием контактных западнославянских языков. Далее наследуется из ц.-сл. *котора* (по всей видимости, в результате диглоссии) и появляется существительное *колотня*, производное от глагола *колотить*, обозначающее внешнее проявление ссоры (от 'бить, колотить'), которое кроме русинского отмечается с XVI в. в контактных польском и староукраинском в значении 'ссора'. Возможно, *колотня* и более раннего происхождения, т.к. зафиксировано и в других восточнославянских языках.

Наиболее поздний, по нашему мнению, слой со значением 'ссора' с узким ареалом – *незлагода* и *незгодины, gnívy*. Производные субстантивы *незлагода* и *незгодины*, отрицающие признаки согласия и везения, в большинстве славянских языков не зафиксированы. В семантической структуре слова *gnívy* наблюдается, на наш взгляд, тоже поздний перенос значения, поскольку лексема мало встречается в других славянских языках в значении «ссора», только в трех контактных с русинским языках (обозначение чувства 'гнев, чувство сильного негодования' → процесс раздора 'ссора, серьезная размолвка').

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Арх. – архангельский; блр – белорусский; болг. – болгарский; в.-луж. – верхнелужицкий; диал. – диалектный; др.-рус. – древнерусский; зап. – западный; заурал. – зауральский; курган. – курганский; олон. – олонекский; перм. – пермский; польск. – польский; праслав. – праславянский; рус. – русский; русин. – русинский; свердл. – свердловский; слвц – словацкий; старорус. – старорусский; ст.-польск. – старопольский; ст.-сл. – старославянский; ст.-укр. – староукраинский; с.-хорв. – сербскохорватский; словен. – словенский; смол. – смоленский; с.-хорв. – сербохорватский; укр. – краинский; ц.-сл. – церковнославянский; чеш. – чешский.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин А.Е. Русский этимологический словарь: в 17 вып. Вып. 5: Буба I – Вакштаф. М.: Знак, 2011. 346 с.
2. Аникин А.Е. Русский этимологический словарь: в 17 вып. Вып. 11: Глюки – Грайка. М.: Знак, 2017. 368 с.
3. Варбот Ж.Ж. Слав. **vad*- ‘приучать, привычка, приучение’ // Этимология: Исследования по русскому и другим языкам. М., 1963. С. 213–216.
4. Гессен Д., Тыпула Р. Большой польско-русский словарь = Wielki słownik polsko-rosyjski. Москва: Русский язык; Варшава: Ведза Повшехна, 1967. 1344 с.
5. Гринченко Б. Словарь украинского языка: в 4 т. Т. 2: 3 – Н. Київ, 1908. 574 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/dal/01/1526.htm> (дата обращения: 19.03.2024).
7. Дронова Л.П. Утилитарная оценка в русинском языке (сопоставительный аспект) // Русин. 2017. № 2 (48). С. 31–40.
8. Дьяченко Г.М. Полный церковнославянский словарь: в 2 т. Т. 1. 1998. 608 с.
9. Дьяченко Г.М. Полный церковнославянский словарь: в 2 т. Т. 2. 1998. 560 с.
10. Етимологічний словник української мови = Этимологический словарь украинского языка: в 7 т. / голов. ред. О.С. Мельничук; укладачі Р.В. Болдырев, В.Т. Коломієць, Т.Б. Лукінова і др. Т. 1: А – Г. Київ: Наукова думка, 1982. 632, [2] с.
11. Етимологічний словник української мови = Этимологический словарь украинского языка: в 7 т. / голов. ред. О.С. Мельничук; укладачі Р.В. Болдырев. Т. 3: Кор – М. Київ: Наукова думка, 1989. 552 с.
12. Етимологічний словник української мови = Этимологический словарь украинского языка: в 7 т. / голов. ред. О.С. Мельничук; укладачі Р.В. Болдырев. Т. 4: Н – П. Київ: Наукова думка, 2003. 656 с.
13. Желеховский €. Малоруско-немецкий словарь. Ruthenian-Deutsch Wörterbuch: в 2 т. Т. 1: А – О. Львів – Lemberg, 1886. 608 с.

14. Керча И. Російсько-русинський словник – 65 000 слів = Русско-русинський словарь – 65 000 слов: в 2 т. Т. 1: А–Н. Ужгород: ПоліПрінт, 2012. 580 с.
15. Керча И. Російсько-русинський словник – 65 000 слів = Русско-русинський словарь – 65 000 слов: в 2 т. Т. 2: О–Я. Ужгород: ПоліПрінт, 2012. 596 с.
16. Керча И. Русинсько-російський словник. Понад 58 000 слів = Русинско-русский словарь. Свыше 58 000 слов: в 2 т. Т. 1: А–Н. Ужгород: ПоліПрінт, 2007. 608 с.
17. Керча И. Русинсько-російський словник. Понад 58 000 слів = Русинско-русский словарь. Свыше 58 000 слов: в 2 т. Т. 2: О–Я. Ужгород: ПоліПрінт, 2007. 608 с.
18. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове: в 5 кн. Кн. 3: Бытие и быт. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. 400 с.
19. Носович И.И. Словарь белорусского наречия. URL: <https://belarus.github.io/Sloyniki-Nasovic/index.html> (дата обращения: 01.06.2024).
20. Пупаш Ю.О, Галас Б.К. Матеріали до словника гуцульських говірок. Ужгород, 2005. 266 с.
21. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. Труды Института русского языка. Т. 1: А–О. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. 674 с.
22. Сабадош І. Словник Закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району. Ужгород: Ліраб, 2008. 480 с.
23. Словарь Академии Российской: в 6 ч. Ч. 1. СПб., 1789.
24. Словник буковинських говірок / за заг. ред. Н.В. Гуйванюк. Чернівці: Рута, 2005. 688 с.
25. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 13 т. / гл. ред. Р.И. Аванесов. Т. 1: А–Възаконатиса. М.: Русский язык, 1988. 526 с.
26. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 13 т. / гл. ред. Р.И. Аванесов. Т. 4: Изживати-моление. М.: Русский язык, ЛЕКСРУС, 1991. 559 с.
27. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 13 т. / гл. ред. В.Б. Крысько. Т. 9: Провадити-Ражзизаемъ. М.: Русский язык-ЛЕКСРУС, 2012. 480 с.
28. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 13 т. / гл. ред. В.Б. Крысько. Т. 10: Разарлаемъ-Свѣтътиса. М.: Русский язык-Азбуковник-ЛЕКСРУС, 2013. 656 с.
29. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 13 т. / гл. ред. В.Б. Крысько. Т. 12: Соу–Съотьходьнь М.: Русский язык-Азбуковник-ЛЕКСРУС, 2019. 688 с.
30. Словарь русских народных говоров: в 52 вып. / гл. ред. Ф.П. Филин; ред. Ф.П. Сороколетов. Вып. 4: В–военки. Л.: Наука, 1969. 356 с.
31. Словарь русских народных говоров: в 52 вып. / гл. ред. Ф.П. Филин; ред. Ф.П. Сороколетов. Вып. 5: Военство–Выростковий. Л.: Наука, 1970. 344 с.
32. Словарь русских народных говоров: в 52 вып. / гл. ред. Ф.П. Филин; ред. Ф.П. Сороколетов. Вып. 15: Кортусы–Куделюшки. Л.: Наука, 1979. 400 с.
33. Словарь русских народных говоров: в 52 вып. / гл. ред. Ф.П. Сороколетов; ред. О.Д. Кузнецова. Вып. 36: С–Святковать. СПб.: Наука, 2002. 344 с.

34. Словарь русского языка XI–XVII вв.: в 31 вып. / гл. ред. Ф.П. Филин; ред. Г.А. Богатова. Вып. 2: В–Волога. М.: Наука, 1975. 320 с.
35. Словарь русского языка XI–XVII вв.: в 31 вып. / гл. ред. Ф.П. Филин; ред. Г.А. Богатова. Вып. 7: К–Крагуяр. М.: Наука, 1980. 404 с.
36. Словарь русского языка XI–XVII вв.: в 31 вып. / гл. ред. Г.А. Богатова. Вып. 23: Съ–Сдымка. М.: Наука, 1996. 253 с.
37. Словарь русского языка XVIII в. URL: <https://slovar-russkogo-yazyka-xviii-v.slovaronline.com/4647-%D0%B2%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D1%82%D0%B8> (дата обращения: 19.03.2024).
38. Словарь русского языка: в 4 т. / ред. А.П. Евгеньева. 3-е изд., стереотип. Т. 3: П–Р. М.: Русский язык, 1987. 752 с.
39. Словарь русского языка: в 4 т. / ред. А.П. Евгеньева. 3-е изд., стереотип. Т. 4: С–Я. М.: Русский язык, 1988. 800 с.
40. Словарь старославянского языка. Репринтное издание: в 4 т. Т. 4: С–V. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. 1054 с.
41. Словацко-русский словарь. Около 45 000 слов = Slovensko – ruský slovník. Москва; Братислава: Русский язык; Словац. пед. изд-во, 1976. 768 с.
42. Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.: в 2 т. / редакторы тому Л.Л. Гумецька, І.М. Керницький. Т. 2. Київ: Наукова думка, 1978. 593 с.
43. Словник української мови: в 11 т. Т. 1: А–В / зав. ред. М.Л. Мандрика; редакторы тому П.Й. Горещький, А.А. Бурячок, Г.М. Гнатюк и др. Київ: Наукова думка, 1970. 799, [2] с.
44. Словник української мови: в 11 т. Т. 3: 3 / зав. ред. М.Л. Мандрика; редакторы тому П.Й. Горещький, А.А. Бурячок, Г.М. Гнатюк и др. Київ: Наукова думка, 1972. 744 с.
45. Словник української мови: в 11 т. Т. 5: Н–О / зав. ред. М.Л. Мандрика; редакторы тому П.Й. Горещький, А.А. Бурячок, Г.М. Гнатюк и др. Київ: Наукова думка, 1974. 840 с.
46. Словник української мови: в 11 т. Т. 8: Природа–Ряхтливый / зав. ред. М.Л. Мандрика; редакторы тому П.Й. Горещький, А.А. Бурячок, Г.М. Гнатюк и др. Київ: Наукова думка, 1977. 928 с.
47. Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.). Около 10 000 слов / ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерка, Э. Благова. М.: Русский язык, 1994. 842 с.
48. Супрун А.Е. Введение в славянскую филологию: учеб. пособие для филол. спец. ун-тов. 2-е изд., перераб. Минск: Вышэйшая школа, 1989. 480 с.
49. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. URL: <http://https://www.skarnik.by> (дата обращения: 19.03.2024).
50. Толстая С.М. *Вера и правда*: к истории понятий // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Т. IX: История русского языка и культуры. Памяти Виктора Марковича Живова. М., 2016. С. 385–387.
51. Толстой Н.И. Сербско-хорватско-русский словарь. Около 50 000 слов. М.: ГИС, 1957. 1168 с.

52. *Трофимович К.К.* Верхнелужицко-русский словарь. 2-е изд. Москва, Баутцен: Русский язык, Домовина, 1974. 584 с.
53. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. 2-е изд., стер.: в 4 т. / пер. с нем. и доп. чл.-кор. О.Н. Трубачёва; под ред. и с предисл. проф. Б.А. Ларина. Т. 1: А–Д. М.: Прогресс, 1986. 576 с.
54. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. 2-е изд., стер.: в 4 т. / пер. с нем. и доп. чл.-кор. О.Н. Трубачёва; под ред. и с предисл. проф. Б.А. Ларина. Т. 2: Е–Муж. М.: Прогресс, 1986. 672 с.
55. *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*: в 15 вып. / Р.М. Малько [і шш.]; рэд. Г.А. Цыхун. Вып. 2: Ва–Вяшчэль. Мінск: Беларус. навука, 2008. 343 с.
56. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд: в 42 вып. / подгот. О.Н. Трубачёв, В.А. Меркулова, Ж.Ж. Варбот и др.; под ред. О.Н. Трубачёва. Вып. 14. М.: Наука, 1974. 214 с.
57. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд: в 42 вып. / подгот. О.Н. Трубачёв, В.А. Меркулова, Ж.Ж. Варбот и др.; под ред. О.Н. Трубачёва. Вып. 6. М.: Наука, 1979. 223 с.
58. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд: в 42 вып. / подгот. О.Н. Трубачёв, В.А. Меркулова, Ж.Ж. Варбот и др.; под ред. О.Н. Трубачёва. Вып. 10. М.: Наука, 1983. 199 с.
59. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд: в 42 вып. / подгот. О.Н. Трубачёв, В.А. Меркулова, Ж.Ж. Варбот и др.; под ред. О.Н. Трубачёва. Вып. 42. М.: Наука, 2021. 343 с.
60. *Boryś W.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Wydawnictwo literackie, 2005. 863 s.
61. *Karłowicz J.* Słownik gwar polskich: w 6 t. T. 6: U–Ż. Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności, drukarnia C.K. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1911. 470 s.
62. *Kralik L.* Stručný etymologický slovník slovenčiny. Bratislava: Veda, 2015. 704 s.
63. *Nárečovo – slovenský slovník*. URL: <http://https://narecie.sk> (дата обращения: 21.04.2023).
64. *Narodowy korpus języka polskiego*. URL: <http://https://nkjp.pl/poliqarp/nkjp300/query/1/>
65. *Słownik polszczyzny XVI wieku*: w 36 t. / redaktor tomu K. Wilczewska. T. 32: Prza–Przemieść. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Polska Akademia Nauk, 2003. 476, [12] s.
66. *Słownik języka polskiego*. URL: <http://https://www.sjp.pl> (дата обращения: 29.03.2023).
67. *Słownik staropolski*: w 11 t. / redaktor naczelny, kierownik S. Urbanczyk. T. 10–1 [61]: W–Wesele. Wrocław; Warszawa; Kraków; Łódź: Polska Akademia Nauk, 1999. 81 s.
68. *Słownik staropolski*: w 11 t. / redaktor naczelny, kierownik S. Urbanczyk. T. 11–7 [75]: Zrządzić–Żać. Kraków: Polska Akademia Nauk, 2001. 561 s.

69. Šišková R. Areálová studie slovní zásoby rusinských nářečí východního Slovenska. Diferenční slovník. Praha: Slovanský ústav AV ČR, 2009. 200 s.

70. Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika: v 3 kn. Kn. 3: Poni–Ž. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1973. 703 s.

REFERENCES

1. Anikin, A.E. (2011) *Russkiy etimologicheskii slovar'* [The Russian Etymological Dictionary]. Vol. 5. Moscow: Znak.
2. Anikin, A.E. (2017) *Russkiy etimologicheskii slovar'* [The Russian Etymological Dictionary]. Vol. 11. Moscow: Znak.
3. Varbot, Zh.Zh. (1963) Slav. *vad- 'priuchat, privychka, priuchenie' [The Slavic *vad- 'priuchat, privychka, priuchenie']. In: Gindin, L.A., Klimov, G.A., Merkulovay, V.A., Toporov, V.N. & Trubachev, O.N. (eds) *Etimologiya: Issledovaniya po russkomu i drugim yazykam* [The Etymology: Studies in Russian and Other Languages]. Moscow: USSR AS.
4. Gessen, D. & Stypula, R. (1967) *Bol'shoy pol'sko-russkiy slovar' = Wielki słownik polsko-rosyjski* [The Large Polish-Russian Dictionary]. Moscow: Russk. yazyk; Warsaw: Vedza Povshekhna.
5. Grinchenko, B. (1908) *Slovar' ukrainskogo yazyka* [The Dictionary of the Ukrainian language]. Vol. 2. Kyiv: [s.n.].
6. Dal, V.I. (s.n.) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language] [Online] Available from: <https://www.booksite.ru/fulltext/dal/01/1526.htm> (Accessed: 29th March 2024).
7. Dronova, L.P. (2017) The utilitarian assessment in the Rusin language (a comparative aspect). *Rusin*. 2(48). pp. 31-40 (in Russian).
8. Dyachenko, G.M. (1998a) *Polnyy tserkovnoslavyanskiy slovar'* [The Complete Church Slavonic Dictionary]. Vol. 1. Moscow: TERRA – Knizhnyy klub.
9. Dyachenko, G.M. (1998b) *Polnyy tserkovnoslavyanskiy slovar'* [The Complete Church Slavonic Dictionary]. Vol. 2. Moscow: TERRA – Knizhnyy klub.
10. Melnichuk, O.S. (ed.) (1982) *Etimologichniy clovnik ukrain'skoi movi* [The Etymological Dictionary of the Ukrainian Language]. Vol. 1. Kyiv: Naukova dumka.
11. Melnichuk, O.S. (ed.) (1989) *Etimologichniy clovnik ukrain'skoi movi* [The Etymological Dictionary of the Ukrainian Language]. Vol. 3. Kyiv: Naukova dumka.
12. Melnichuk, O.S. (ed.) (2003) *Etimologichniy clovnik ukrain'skoi movi* [The Etymological Dictionary of the Ukrainian Language]. Vol. 4. Kyiv: Naukova dumka.
13. Zhelekhovskiy, E. (1886) *Malorusko-nemetskiy slovar* [The Rusin-German Dictionary]. Vol. 1. Lwow – Lemberg: [s.n.].

14. Kercha, I. (2012a) *Rosiys'ko-rusins'kiy slovník* [The Russian-Rusin Dictionary]. Vol. 1. Uzhhorod: PoliPrint.
15. Kercha, I. (2012b) *Rosiys'ko-rusins'kiy slovník* [The Russian-Rusin Dictionary]. Vol. 2. Uzhhorod: PoliPrint.
16. Kercha, I. (2007a) *Rusins'ko-rosiys'kiy slovník* [The Rusin-Russian Dictionary]. Vol. 1. Uzhhorod: PoliPrint.
17. Kercha, I. (2007b) *Rusins'ko-rosiys'kiy slovník* [The Rusin-Russian Dictionary]. Vol. 2. Uzhhorod: PoliPrint.
18. Kolesov, V.V. (2004) *Drevnyaya Rus': nasledie v slove* [Old Rus: Heritage in the Word]. Vol. 3. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
19. Nosovich, I.I. (1870) *Slovar' belorusskogo narechija* [The Dictionary of the Belorussian Dialect]. [Online] Available from: <https://belarus.github.io/Slouniki-Nasovic/index.html> (Accessed: 1st June 2024).
20. Pipash, Yu.O. & Galas, B.K. (2005) *Materiali do slovníka gutsul'skikh govirok* [The Materials of the Dictionary of Hutsul Dialects] (2005). Uzhhorod: [s.n.].
21. Preobrazhenskiy, A.G. (1959) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [The Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1. Moscow: USSR AS.
22. Sabadosh, I. (2008) *Slovník Zakarpats'koigovirki sela Sokirnitsya Khusts'kogo rayonu* [The Dictionary of Transcarpathian Dialect of Sokirnitsa village, the Khust district]. Uzhhorod: Lirab.
23. Lepekhin, I.I. et al. (1789) *Slovar' Akademii Rossiyskoy* [The Dictionary of the Russian Academy]. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
24. Guyvanyuk, N.V. (ed.) (2005) *Slovník bukovins'kikh govirok* [The Dictionary of the Bukovinian Dialects]. Chernivtsi: Ruta.
25. Avanesov, R.I. (ed.) (1988) *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI – XIV vv.)* [The Old Russian Dictionary (11th – 14th centuries)]. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.
26. Avanesov, R.I. (ed.) (1991) *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI – XIV vv.)* [The Old Russian Dictionary (11th – 14th centuries)]. Vol. 4. Moscow: Russkiy yazyk.
27. Krysko, V.B. (ed.) (2012) *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI – XIV vv.)* [The Old Russian Dictionary (11th – 14th centuries)]. Vol. 9. Moscow: Russkiy yazyk.
28. Krysko, V.B. (ed.) (2013) *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI – XIV vv.)* [The Old Russian Dictionary (11th – 14th centuries)]. Vol. 10. Moscow: Russkiy yazyk.
29. Krysko, V.B. (ed.) (2019) *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI – XIV vv.)* [The Old Russian Dictionary (11th – 14th centuries)]. Vol. 12. Moscow: Russkiy yazyk.
30. Filin, F.P. (ed.) (1969) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [The Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 4. Leningrad: Nauka.
31. Filin, F.P. (ed.) (1970) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [The Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 5. Leningrad: Nauka.
32. Filin, F.P. (ed.) (1979) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [The Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 15. Leningrad: Nauka.
33. Sorokoletov, F.P. (ed.) (2002) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [The Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 36. St. Petersburg: Nauka.

34. Filin, F.P. (ed.) (1975) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [The Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th century]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
35. Filin, F.P. (ed.) (1980) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [The Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th century]. Vol. 7. Moscow: Nauka.
36. Bogatova, G.A. (ed.) (1996) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [The Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th century]. Vol. 23. Moscow: Nauka.
37. Sorokin, Yu.S. (ed.) (1984–1991) *Slovar' russkogo yazyka XVIII v.* [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century]. [Online] Available from: <https://slovar-russkogo-yazyka-xviii-v.slovaronline.com/4647-%D0%B2%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D1%82%D0%B8> (Accessed: 29th March 2024).
38. Evgenieva, A.P. (ed.) (1987) *Slovar' russkogo yazyka* [The Dictionary of the Russian Language]. 3rd ed. Vol. 3. Moscow: Russkiy yazyk.
39. Evgenieva, A.P. (ed.) (1988) *Slovar' russkogo yazyka* [The Dictionary of the Russian Language]. 3rd ed. Vol. 4. Moscow: Russkiy yazyk.
40. Gaupova, Z. (ed.) (2006) *Slovar' staroslavjanskogo yazyka. Reprintnoe izdanie: v 4 t.* [The Dictionary of the Old Slavonic Language: in 4 vols]. Vol. 4. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
41. Kollar, D. & Dorotyakova, V. et al. (eds) (1976) *Slovatsko-russkiy slovar'* [The Slovak-Russian Dictionary]. Moscow; Bratislava: Rus. yaz.; Slovats. ped. izd-vo.
42. Gumetska, L.L. & Kernitskiy, I.M. (eds) (1978) *Slovník staroukrajinskoy movy XIV–XV st.* Vol. 2. Kyiv: Naukova dumka.
43. Goretzkiy, P.Y., Buryachok, A.A., Gnatyuk, G.M. et al. (eds) (1970) *Slovník ukrajin'skoy movy* [The Dictionary of the Ukrainian Language]. Vol. 1. Kyiv: Naukova dumka.
44. Goretzkiy, P.Y., Buryachok, A.A., Gnatyuk, G.M. et al. (eds) (1972) *Slovník ukrajin'skoy movy* [The Dictionary of the Ukrainian Language]. Vol. 3. Kyiv: Naukova dumka.
45. Goretzkiy, P.Y., Buryachok, A.A., Gnatyuk, G.M. et al. (eds) (1974) *Slovník ukrajin'skoy movy* [The Dictionary of the Ukrainian Language]. Vol. 5. Kyiv: Naukova dumka.
46. Goretzkiy, P.Y., Buryachok, A.A., Gnatyuk, G.M. et al. (eds) (1977) *Slovník ukrajin'skoy movy* [The Dictionary of the Ukrainian Language]. Vol. 8. Kyiv: Naukova dumka.
47. Tseytlin, R.M., Vecherka, R. & Blagova, E. (eds) (1994) *Staroslavjanskiy slovar' (po rukopisyam X–XI vv.)* [The Old Slavonic Dictionary: By manuscripts of the 10th – 11th centuries]. Moscow: Russkiy yazyk.
48. Suprun, A.E. (1989) *Vvedenie v slavyanskuyu filologiyu* [The Introduction to Slavic Philology]. Minsk: Vysshaya shkola.
49. Belarus. (n.d.) *Tlumachal'ny slovník belaruskay movy* [The Explanatory Dictionary of the Belarusian Language]. [Online] Available from: <https://skarnik.by> (Accessed: 29th March 2023).

50. Tolstaya, S.M. (2016) Vera i pravda: k istorii ponyatiy [Vera and pravda: To the history of concepts]. In: *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova* [Proceedings of the V.V. Vinogradov Institute of Russian Language]. Vol. IX. Moscow: The V.V. Vinogradov Institute of Russian Language. pp. 385–387.

51. Toltoy, N.I. (1957) *Serbsko-khorvatsko-russkiy slovar'* [The Serbian-Croatian-Russian Dictionary]. Moscow: GIs.

52. Trofimovich, K.K. (1974) *Verkhneluzhitsko-russkiy slovar'* [The Upper Sorbian Russian dictionary]. Moscow; Bautzen: Russkiy yazyk, Domovina.

53. Vasmer, M. (1986a) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [The Etymological Dictionary of the Russian Language]. 2nd ed. Vol. 1. Translated from German by O.N. Trubachev. Moscow: Progress.

54. Vasmer, M. (1986b) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [The Etymological Dictionary of the Russian Language]. 2nd ed. Vol. 2. Translated from German by O.N. Trubachev. Moscow: Progress.

55. Malko, R.M. et al. (2008) *Etymologichny slounik belaruskay movy* [Etymological Dictionary of the Belarusian Language]. Vol. 2. Minsk: Belarus. navuka.

56. Trubachev, O.N. (ed.) (1974) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond* [The Etymological Dictionary of Slavic Languages: The Proto-Slavic Lexical Fund]. Vol. 14. Moscow: Nauka.

57. Trubachev, O.N. (ed.) (1979) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond* [The Etymological Dictionary of Slavic Languages: The Proto-Slavic Lexical Fund]. Vol. 6. Moscow: Nauka.

58. Trubachev, O.N. (ed.) (1983) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond* [The Etymological Dictionary of Slavic Languages: The Proto-Slavic Lexical Fund]. Vol. 10. Moscow: Nauka.

59. Trubachev, O.N. (ed.) (2021) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond* [The Etymological Dictionary of Slavic Languages: The Proto-Slavic Lexical Fund]. Vol. 42. Moscow: Nauka.

60. Boryś, W. (2005) *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Krakow: Wydawnictwo literackie.

61. Karłowicz, J. (1906) *Słownik gwar polskich*. Vol. 4. Krakow: Nakładem Akademji Umiejętnosci, drukarnia C.K. Uniwersytetu Jagiellońskiego.

62. Kralík, L. (2015) *Stručný etymologický slovník slovenčiny* [The Brief Etymological Dictionary of Slovak Language]. Bratislava: Veda.

63. Narecie.sk. (n.d.) [*Náročovo – slovenský slovník*]. [Online] Available from: <http://sjp.pl> (Accessed: 21th March 2024).

64. Poland. (n.d.) *Narodowy korpus języka polskiego*. [Online] Available from: nkpj.pl/poliquarp/nkpj300/query/1/ (Accessed: 21st March 2024).

65. Wilczewska, K. (1985) *Słownik polszczyzny XVI wieku*. Vol. 16. Wrocław; Warsaw; Krakow; Gdansk: Polska Akademia Nauk.

66. Poland. (n.d.) *Słownik języka polskiego*. [Online] Available from: <https://www.sjp.pl> (Accessed: 29th March 2023).

67. Urbanczyk, S. (1999) *Słownik staropolski*. Vol. 10-1. Wrocław – Warsaw – Krakow: Polska Akademia Nauk.
68. Urbanczyk, S. (2001) *Słownik staropolski*. Vol. 11-7. Wrocław – Warsaw – Krakow: Polska Akademia Nauk.
69. Šišková, R. (2009) *Areálová studie slovní zásoby rusinských nářečí východního Slovenska. Diferenční slovník*. Prague: Slovansky Ostrav AV CR.
70. Skok, P. (1973) *Etymologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Vol. 3. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti.

Толстик Светлана Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета (Россия).

Svetlana A. Tolstik – Tomsk State University (Russia).

E-mail: stolstik@mail.ru

УДК 81'246.3; 811.16

UDC

DOI: 10.17223/18572685/75/16

Вариативность антропонимов в составе эпитафий на языках миноритарных сообществ Боснии и Герцеговины

Г.П. Пилипенко¹, С.А. Борисов²

^{1,2} Институт славяноведения Российской академии наук
Россия, 119991, г. Москва, Ленинский просп., 32-А

¹ E-mail: glebpilipenko@mail.ru

² E-mail: borisovsergius@gmail.com

Авторское резюме

Обсуждаются особенности записи антропонимов, входящих в состав мемориальных надписей. Новизна публикации состоит в том, что до сих пор данная тема на примере обсуждаемого региона не затрагивалась в изданиях лингвистов и этнографов. Материал для исследования был собран авторами в результате собственных полевых исследований 2016–2023 гг. в северной части Боснии и Герцеговины в районе городов Баня-Лука, Прнявор, Градишка, Приедор. Были задокументированы кладбища в местах компактного расселения представителей миноритарных сообществ, которые с конца XIX в. живут в южнославянском окружении. Речь идёт об украинских, чешских и итальянских населённых пунктах и кладбищах. Эпитафии являются образцом «наивного письма», их составители часто не владеют нормами соответствующего литературного языка. Авторами установлено, что эпитафии отражают диалектные черты исходных говоров первых переселенцев. В частности, в украинских надписях были выявлены: наличие протезы, передача [γ] как Х, вариативность в написании этимологических И и Е, передача женских адъективных фамилий с окончанием мужского рода; в чешских надписях отмечена вариативность в написании У и І; в итальянских надписях заметно упрощение сдвоенных согласных. Наличие подобных надписей в мемориальном пространстве с антропонимами, которые указывают на национальную специфику, делает видимым присутствие данных миноритарных сообществ в языковом ландшафте. Кроме того, отражение диалектных черт в антропонимах позволяет сообществам соотносить себя с исход-

ной зоной миграции. В перспективе планируется анализ диалектных и контактных явлений всех составных частей эпитафий.

Ключевые слова: эпитафия, антропоним, диалект, языковые контакты, Босния и Герцеговина, украинский язык, чешский язык, итальянский язык, сербский язык

The variability of anthroponyms in epitaphs in the minority languages of Bosnia and Herzegovina

Gleb P. Pilipenko¹, Sergej A. Borisov²

^{1,2} Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
32-A Leninskiy Avenue, 32-A, Moscow, 119991, Russia

¹ E-mail: glebpilipenko@mail.ru

² E-mail: borisovsergius@gmail.com

Abstract

The paper discusses the peculiarities of the anthroponyms in memorial inscriptions, which have not been analyzed by linguists and ethnographers before. The authors collected data for the study during their field research in 2016–2023 in the northern part of Bosnia and Herzegovina in the area of Banja Luka, Prnjavor, Gradiška, and Prijedor. The authors documented the cemeteries in the places of compact settlement of minority communities who have been living in a South Slavic environment since the end of the 19th century, namely Ukrainian, Czech, and Italian settlements and cemeteries. The epitaphs are an example of “naive writing”: their authors often do not know the norms of the corresponding literary language, so the epitaphs contain the features of the first settlers’ original dialects. In particular, Ukrainian inscriptions contain prostheses, transmission of [γ] as X, variability in the writing of etymological I and E, the writing of feminine adjectival surnames with the masculine ending; Czech inscriptions demonstrate variability in the spelling of Y and I; Italian inscriptions show the simplification of double consonants. Such memorial inscriptions with anthroponyms indicating national specificity make visible the presence of these minority communities in the linguistic landscape. In addition, the dialect features in anthroponyms allow communities to relate themselves to the original migration zone. In the future, the authors plan to analyze the dialect and contact phenomena of all the items of the epitaphs.

Keywords: epitaph, anthroponym, dialect, language contacts, Bosnia and Herzegovina, Ukrainian language, Czech language, Italian language, Serbian language

Введение

Север Боснии и Герцеговины, в особенности районы вокруг городов Баня-Лука (Banja Luka), Прнявор (Prnjavor), Приедор (Prijeđor), Градишка (Gradiška), Дервента (Derвента), Србац (Srbac), Биелина (Bi-jelina), отличаются разнообразным этноконфессиональным составом населения. Помимо представителей южнославянских народов (сербов, хорватов и бошняков) здесь проживают потомки переселенцев рубежа XIX–XX вв.: поляки, чехи, украинцы, итальянцы, словенцы, словаки, до Второй мировой войны существовала также и немецкая община. Сегодня, согласно переписи 2013 г., население Республики Сербской составляет 1 170 342 человека, из которых сербов – 970 857, бошняков – 148 477, хорватов – 26 509. Что касается миноритарных сообществ, то они немногочисленны; так, украинцев насчитывается 2 197 человек, поляков – 186, словаков – 109, чехов – 218, итальянцев – 248 человек. Из них родным языком признают, соответственно, украинский – 987 человек, польский – 51, словацкий – 52, чешский – 56, итальянский – 153 [16: 64–65]. Принимая во внимание столь малые цифры, приходим к выводу, что многие сообщества в настоящее время проходят через языковую и культурную ассимиляцию и потенциально находятся под угрозой исчезновения.

С целью формирования корпуса звучащей речи представителей миноритарных сообществ Боснии и Герцеговины и документирования объектов традиционной материальной культуры, а также надписей на надгробиях были предприняты полевые исследования в 2016–2023 гг. Команда исследователей из Института славяноведения РАН работала в следующих населенных пунктах: Баня-Лука (Banja Luka), Приедор (Prijeđor), Прнявор (Prnjavor), Челиновац (Čelinovac), Нова-Вес (Nova Ves), Мачино-Брдо (Maćino Brdo), Хрвачаны (Hrvaćani), Просьек (Prosjeđ), Лужаны (Lužani), Бабановцы (Babanovci), Штивор (Štivor), Деветина (Devetina), Трнополе (Trnopolje), Яблан (Jablan), Мало-Блашко (Malo Blaško), Велико-Блашко (Veliko Blaško), Лишня (Lišnja), Слатина (Slatina). Было произведено сплошное документирование кладбищ, на сегодняшний день в архиве имеется более двух тысяч фотографий надгробий с надписями на украинском, польском, чешском, итальянском, сербском/хорватском языках. Обследование мусульманских кладбищ не проводилось. Надписи на языках миноритарных сообществ представляют собой образцы т. н. наивного письма, которое понимается как «тексты, написанные

людьми неписьменной культуры, то есть не владеющими нормами литературного кодифицированного языка» [11: 68]. Многие эпитафии отражают диалектные и контактные особенности обсуждаемых идиомов, записаны без соблюдения стандартных правил графики и орфографии и ориентируются на сербскую и хорватскую нормы орфографии. В этой связи чрезвычайно важными представляются систематизация и изучение подобных явлений, особенно если принимать во внимание, что эпитафии на кладбищах в местах компактного проживания миноритарных сообществ в Боснии и Герцеговине до сих пор не исследовались. Целью настоящей статьи является выявление закономерностей при передаче диалектных и контактных явлений в надписях на украинском, чешском и итальянском языках на надгробиях сельских кладбищ севера Боснии и Герцеговины, их классификация и анализ. В то же время изучению самих миноритарных сообществ, в том числе их языков, посвящены отдельные исследования. Об украинском языке писали Т.Я. Токар, Д. Васи́лиевич [19; 28], польское сообщество, его язык, этнографию и фольклор изучал Д. Дрляча [10]; формирование словенского сообщества в Боснии и Герцеговине анализировала В. Папез-Адамич [23]; чешской общине и чешскому языку посвящены публикации С. Попович и З. Угерек [24; 26]; итальянский диалект исследовала М.Р. Розалио [25]. Результаты экспедиций нашего коллектива нашли отражение в следующих публикациях, в которых обсуждаются лингвистические вопросы и некоторые аспекты традиционной культуры [4; 6; 13; 14]. Изданы расшифрованные тексты [12].

Диалект исходной зоны переселения украинцев – поднестрировский диалект юго-западного наречия. Итальянцы говорят на венецком диалекте области Тренто северной части Италии [20: 116]. Чешский идиом сложился на основе смешанных говоров, так как переселенцы прибывали из разных регионов Чехии и Моравии, в том числе в результате вторичной миграции чехов из Волынской губернии Российской империи, в языке участников которой преобладали черты собственно чешских говоров преимущественно северо-восточных областей Чехии [22]. Изменение языковой ситуации, особенности межэтнического взаимодействия лучше всего отражают этнические прозвища и этнонимы. Потомки переселенцев из Галиции переехали в Боснию в конце XIX – начале XX в., когда оба региона входили в состав Австро-Венгерской империи¹. Сегодня помимо распространённого этнонима *ukrajīnec*, *ukrajīnac* среди южнославянских соседей распространён термин *galicijan*, т. е. галичанин, выходец из Галиции, что для некоторых информантов имеет отрицательную коннотацию. По свидетельствам наших собеседников, ранее были распростране-

ны такие этнонимы, как *rusýn, rús'kyj*. Приведём высказывания самих информантов: *i voný vse mály sebé za galcijáne, bo voný z Galíciji, i tudý serbý kazály galcijány* (и они всегда считали себя галичанами, потому что они из Галиции, и сербы говорили – галичане; А.Б., муж., Прнявор, 64 года); *nas nazývály tutkavó galycány* (тут нас называли галичане; Н.Б., жен., Прнявор, 71 год); *tu ukrajinc'i dodówo sebé nazývály rusynámy* (здесь украинцы долго себя называли русинами; В.С., муж., Приедор, 63 года); *pol'áky vočorýly ukrajinc'am rus'in'i, toj rús'in* (поляки называли украинцев русинами, этот русин; А.С., муж., Градишка, 72 года); *i še načor'i pysálo rús'ka katólyčka církvá* (и еще наверху было написано: рус(с)кая католическая церковь²; В.С., муж., Приедор, 63 года). Многообразие этнонимов характерно также для чешского сообщества, в Боснии и Герцеговине закрепилось обозначение *pemac*, а за землями, откуда они пришли – *Pemija*³: *mn'e teta Karolina vikladala, to bila stara babička, devadesat šest let mn'ela, že to bila n'ekde Pemija* (мне тетя Каролина рассказывала, это была старая бабушка, ей было девяносто шесть лет, что была где-то Пемия (Богемия); Л.В., жен., Нова-Вес, 85 лет); *e pak diš kdesi tak n'egdo nežekl, xt'el žic bohemci, pa že val'da žekli pemci* (и потом где-то так кто-то сказал, хотел сказать «богемцы», а сказали, наверное, «пемцы»; В.К., муж., Нова-Вес, 45 лет).

Изучению языка эпитафий в последнее время уделяется особое внимание, несомненный интерес представляют надписи из пограничных и многоэтнических областей, поскольку именно там обнаруживаются нестандартные формы взаимодействия графико-орфографических систем разных языков, специфические диалектные и контактные явления. См., например, работы [3; 5; 8; 17; 18; 21]. Надгробные надписи являются свидетельством взаимодействия различных традиций, при этом особенности написания антропонимов и топонимов отражают живое произношение [2: 63–64]. Эпитафии в многоэтнических областях могут анализироваться как часть языкового ландшафта, они позволяют понять, в какой степени подобные надписи отражают реальное двуязычие [17: 8].

Структура эпитафии

Антропонимы являются центральным элементом эпитафии. Сама она имеет следующую структуру. Вводная часть в большинстве случаев состоит из формулы: обязательная часть – «Здесь покоится», и вариативная часть – «в мире Божьем». Нам встречались надписи как с данной формулой, так и без нее. Далее следует имя и фамилия, годы жизни. Могут быть указаны имена жертвователей на памятник либо отмечаться только родственная принадлежность. В отдельных случаях

встречаются стихи, цитаты из Библии, а также топонимы, которые информируют о том, где родился и скончался усопший. Приведем в качестве образца эпитафии на итальянском, сербском/хорватском, чешском и украинском языках с обязательной начальной формулой «Здесь покойся» и вариативной частью в случае указания жертвователей на памятник.

1.1	QUI RIPOSA / ENRICO / PATERNOSTER / N. TRENTO 24.9.1841 / M. 1893 (Здесь покойся / Энрико / Патерностер / Род. Тренто 24.9.1841 / Ум. 1893) ⁴	Ш
1.2	OVDJE POČIVAJU U MIRU BOŽIJEM / BUGANIK / ANGELINA / 1919 1981 / MIHAL / 1919 1983 (Здесь покоятся в мире Божьем / Буганик / Ангелина 1919 1981 Михал / 1919 1983)	Ч
1.3	ZDE ODPOČ(Í?)VA(?) F POKOJI / HAJEK JAN 1853 + 1930 / HAJEK KATEŘINA 1856 + 1931 / SIN / HAJEK OKTAVIJAN 1883 + 1965 (Здесь покойся в мире / Гаек Ян 1859 + 1930 / Гаек Катержина 1856 + 1931 / сын / Гаек Октавиан 1883 + 1965)	МБ
1.4	ТУТ СПОЧИВАЮТ У МИРІ БОЖІМ / ДУДЧАК / ЕВКА / 1908 – / ИВАН / 1902–1979 / СПОМЯНИК ПІДНЕСЛИ СИНІ І ДОНЬКІ	Д

Билингвальные надписи и использование инографических систем

Антропонимы могут быть частью двуязычных надписей, а также быть записанными при помощи различных графических систем. Наибольшую вариативность демонстрируют эпитафии с украинских кладбищ. Наблюдается много случаев, когда украинская стандартная кириллическая графика не используется, по всей видимости, потому, что она незнакома ни заказчику, ни исполнителю надписи. Так, в Пряворе и в Церовлянах были обнаружены эпитафии на украинском языке, но в сербской кириллической графике – примеры (2.4), (2.6), о чем свидетельствует использование буквы И в соответствии с І в украинском. Кроме того, надписи на украинском могут быть выполнены сербской/хорватской латиницей, как на кладбище в Лишне (2.1), (2.2). При этом в (2.1) на украинском написана лишь первая часть эпитафии, информация о жертвователях приводится на сербском/хорватском языке. Редкий пример использования польской латиницы для записи эпитафии на украинском языке обнаружился в старой части кладбища в Лишне (2.3). Относится она к первому поколению переселенцев из Галиции, для которых, по всей видимости, языком письменности был польский, со временем польский язык был вытеснен из этой сферы сербским/хорватским, что и отражает мемориальный языковой ландшафт. В (2.5) наблюдается взаимодействие

украинской и сербской кириллической графики: наряду с формами, содержащими І (СТЕФАНІЯ), находим примеры с И (ВИЧНАЯ), тогда как во всех остальных случаях отмечено написание ВІЧНА. Эпитафия (2.4) из села Церовляны примечательна тем, что она выполнена сербской кириллицей с использованием букв из латиницы, например BAREK, ШТЕФАНА, JÁNTINÁ; замене подвергаются кириллические Н – N и Р – R, тогда как І используется и в сербской кириллице⁵. Помимо этого, данная надпись демонстрирует процессы языкового заимствования: из сербского языка заимствуется слово *захвала* – благодарность (ср. укр. *вдячність*).

2.1	TUT SPOČIVAE / SALJI METRO / 1917–1996 / SPOMEN ZAHVALNOSTI PODIŽU / KĆERKE, ZETOVI I UNUČADI (Тут покоїтся / Салий Метро (Дмитрий) / 1917–1996 / Памятник благодарности возводят / дочери, зятья и внуки)	Л
2.2	BANĐAK / MIHAJLO / 1898–1996 / VIČNAJA PAMNJAT (Банджак / Михайло / 1899–1996 / Вечная память)	Л
2.3	IN / TU SPO / CZYWA ? / R PJR / JOZEF BANDZAK / SYN JAKUBA / UPO / KOJI / WSJA / RO / KU / 1919 (Здесь по/коится Раб Божий (?) / Йозеф Банджак / сын Якуба / упо/коил/ся го/да / 1919)	Л
2.4	BAREK / ПАВЛО / 1894 1943 / В ЗАХВАЛИ ВИД / СЕНИВ / ШТЕФАНА И JÁNTINÁ (Ц) (Варек / Павло / 1894 1943 / в благодарность (заимствование из серб. <i>захвала</i> – благодарность) от / сыновей / Штефана и / Янтина (Антон))	Ц
2.5	ГАРАСИМОВ / СТЕФАНІЯ / 1920–2006 / ТОМ В ЕДМОНТОН (в Эдмонтон) / ПЕТРО / 1925–2001 / МИХАЙЛО / 1917–1988 / ФУНДАТОРІ: ДІТЕ / ВИЧНАЯ ПАМЯТ	ТР
2.6	ТУ ПОЧЕВАЈЕ / ХЛОХОВИЧ СТАХ / 1858–1924 / ПАМЊАТНЕК ПИДНОСЕТ / СЕН МИХАЛ (Памятник возводит / сын Михал)	ПР

Передача *и/е* в украинских надписях

Написание антропонимов в той или иной графической системе или языке отражает диалектные черты переселенческого говора, а также особенности их адаптации принимающей языковой системой. Далее на конкретных примерах будут рассмотрены особенности отображения языковых явлений в контактирующих языках, связанных с вокализмом, а затем – с консонантизмом. В надписях, выполненных как в украинской, так и в сербской кириллице, отмечается вариативность в написании этимологических *и*, *е* в ударной и безударной позициях. Сами информанты признают, что выбор *и* или *е* представляет для них трудности, если они пишут по-украински (*nawčýla s'j pysáty úkrajinski, i čytáty, i tepér znáju pysáty, alé tróška múšu podúmaty, čy e, čy i, čy u* (я научилась писать по-украински, и сейчас я умею писать, но немного должна подумать, писать ли *е, і*, или *у*; Н.Б., жен., Прыявор, 71 год).

Это обусловлено фонетическими особенностями говоров исходной области переселения [9: 149]. Так, в написании *Kirélo* (3.1) находим под ударением *e* в соответствии с этимологическим *и* (ср. в (3.1) *сен* «сын», укр. син)⁶; также под ударением пишется *e* в (3.2): *Кваснэй* (укр. Квасний). С другой стороны, видим написание *e* в безударной позиции в (3.2): *Мехáйло*. В безударной позиции в соответствии с этимологическим *e* часто встречается *и*, как в надписи на кириллице, так *Стифáн* (3.3) на польской латинице *ŻTYFAN* (3.4). Можно также предположить в двух последних случаях – (3.3), (3.4) – ударение на первом слоге, тогда написание буквы *и* в этой позиции можно признать гиперкоррекцией. В ситуациях неполного владения книжной нормой, а также в условиях языковых контактов написание *и/е* часто подвержено вариативности.

3.1	ТУТ ПОЧИВАИ/Е НАДА / КИРЕЛО / С.П. СЕН НЕКОЛА (Памятник возвел сын Никола)	МБ
3.2	ТУТ СПОЧЕВАЄ / РАБ БОЖЕЙ / МЕХАЙЛО КВАСНЕЙ / 1907 24.III.1961 / СПОМЕНИК ПІДНОСЕТ /АНКА (Памятник возводит / Анка)	Л
3.3	ТУТ ПОЧИВАЄ / КАЛУШКА ВАСИЛЬ / 1888–1949 / С.П. ЗЯТЬ ІВАН ДОЧКА / КАТАРИНА СИН СТИФАН / ВУНУКИ МІХАЛО НАДА І / ПРАВУНУКА МІЛКІЦА	Л
3.4	TU SPOCZYW? / ŻTYFAN /BANDZIAK / RO / 19/03 / UR. 19/33 (Здесь покоится / Стефан / Банджяк / род. / 19/03 / ум. 19/33) ⁷	Л

Передача *у/і* в чешских надписях

В чешском языке существует две буквы, обозначающие звук [i]: *у* и *і*, выбор которых обусловлен лишь орфографией. Поскольку в сербской/хорватской графике такого различия нет и присутствует только буква *i*, сталкиваемся с написанием *i* на месте чешского орфографического *у*: *NOVOTNI* (4.1), ср. чеш. *Novotný*⁸; *ТИНІ*, ср. *Tichý* (12.7); *HORINA*, ср. *Horyna* (13.2).

4.1	NOVOTNI / FRANJO 1863–1943 / ANTONIJA 1870–1946 (Новотни / Франѣ 1863–1943 / Антония 1870–1946)	НВ
-----	---	----

Переход [t'] – [k']/ [a] – [e]

Написание женского имени НАСКЕ можно трактовать как отражение диалектных особенностей переселенческого украинского говора: переход [t'] в [k'], а также изменение [a] в [e] после мягких согласных (форма без обсуждаемых изменений НАСТЯ) [9: 149, 154].

5.1	ТУ СПОЧЕВАЈЕ / НАСКЕ КОСТЕТСКА / Р. 1908–1948 С.П. УНУК / ЈОСЕФ КОСТЕТСКИ (Памятник возводит внук / Йосеф Костетски)	Л
-----	--	---

Протезы

В эпитафии на кладбище в Церовлянах в украинской надписи был обнаружен антропоним в род. п. JANTINÁ с начальной j-протезой (исходная форма имени укр. Антін – рус. Антон). Подобные протезы характерны для исходной зоны переселения [1: 225].

6.1	BÁREK / PÁVLO / 1894 1943 / В ЗАХВА́ЛИ ВИД / СЕНИВ / ШТЕФА́НА И JÁNTINÁ (Ц) (Варек / Павло / 1894 1943 / в благодарность (заимствование из серб. <i>захвала</i> – благодарность) от / сыновей / Штефана и / Янтина)	Ц
-----	---	---

Употребление/отсутствие j в позиции между двумя гласными

В чешской орфографии произносимый интервокальный j в позициях типа *ia* [ija], *ie* [ije] не отображается в отличие от сербской/хорватской орфографии (*ija, ije*). Данное различие приводит к вариативности в написании антропонимов, содержащих указанные сочетания. В (7.1) фамилия *FIALA* написана без j, а в (7.2) – *FIJALA* – он присутствует.

7.1	KRATOCHVIL / KRATOFIL / ANTUN ADELA / R. FIALA / 1913–1987 1920–1994 / SPOMENIK PODIŽU DJECA (Кратохвил / Кратофил / Антун Адела / урож. Фиала / 1913–1987 1920–1994 / Памятник воздвигают дети)	НВ
7.2	FIJALA / LUDVIK MIKL UDOVA / FIJALA ROĐ. / JEMELKA / TEREZIJA / DUJMOVIĆ / MARIJA MIKL / KARLO ⁹ (Фиала / Лудвик Микл вдова / Фиала / урожд. Йемелка / Терезия / Дуймович Мария Микл / Карло)	НВ

Передача [d’], [t’], [c’]

Украинские звуки [d’], [t’], [c’], отсутствующие в языке южнославянских соседей, передаются в сербском и хорватском при помощи букв *ћ* (8.1), *ћ* (8.2), *ć* (8.3). При этом результат отражения [t’] и [c’] одинаковый и реализуется в одном варианте – *ћ/ć*. Уподоблению украинского [c’] сербскому *ћ* может способствовать произношение [c’] в соответствии с [c’], распространённое в местном украинском говоре и характерное для говоров исходной зоны переселения [9: 154].

8.1	ЗАВИ́БУК / МИХАИЛО / 1942–1943 / СПОМЕНИК ПОДИЖЕ / СУПРУГА ЈОВАНКА СИН СЛАВКО КЋЕРКЕ / СЛАВИЦА И ОЛГИЦА СНАЈА И УНУЧАД (Памятник возводит / супруга Йованка, сын Славко, дочери / Славица и Олгица, сноха и внуки)	Ц
8.2	SLOČUK / NATALIJA / 1936– / STJEPAN / 1932–1987 / SPOMENIK PODIŽU ? / JOSIP MARA (Слотюк / Наталия / 1936– / Стьепан / 1932–1987 / Памятник возводят ? / Йосип и Мара)	ТР
8.3	OVDE POČIVA / STEĆ IVAN / 1943–1987 / SPOMENIK PODIŽU SUPRUGA SA / DJECOM JAROSLAVOM VLADOM (Здесь покоится Стець Иван / 1943–1987 / Памятник возводят супруга с / детьми Ярославом и Владо)	Л

Передача [n'], [l']

Отражение на письме украинских мягких согласных [n'] и [l'] в кириллической графике также имеет свои особенности. В сербской кириллице для передачи этих звуков существуют буквы *љ* и *њ*. Передача мягкости в украинских антропонимах решается за счёт употребления букв *ь*, *і*, а также сербских букв *љ*, *њ*. В (9.1) сочетание [n'u] передано при помощи четырех букв: *КАНІЬУКА*, тогда как в стандартной украинской орфографии – двух: *КАНЮКА*. В (9.2) также фиксируется большее количество букв в слове с [l'], чем в стандартной украинской орфографии: *ТЕКЛЬА* – *ТЕКЛЯ*. В (9.5) находим сочетание букв *њ* и *љ* в одном антропониме: *АНЬИЛЬКА*. В сербской/хорватской латинице данные мягкие согласные обозначаются как *nj*, *lj*. В качестве примера записи чешского антропонима с обозначением мягкого [n'] таким способом приведем фамилию *VANJEK* (ср. чеш. *Vaněk*) (9.6).

9.1	ТУ СПОЧИВАЄТ / РАБ / БОЖИЙ / ПЕТРО КАНІЬУКА / 1890-19 / ВИЧНАЯ ПАМ'ЯТ	Ц
9.2	САПУН ТЕКЛЬА / 1910–1999 / ВІЧНА ІЙ ПАМ'ЯТЬ	Д
9.3	ТУТ ПОЧИВАЄ НАША ДОРОГА МАМА / МУЗИКА АНЬЕЛКА / 1920–1994 / ПАМ'ЯТНИК ПІДНОСЯТЬ ВДЯЧНІ ДІТЕ (Памятник возводят благодарные дети)	ПР
9.4	ТУ СПОЧЕВАЄ / ГАРАСИМ / НЬИМІЙ / 1862–1945 / ПАМ'ЯТНИК ПІДНОСИТ / СИН ? (Памятник возводит сын)	Л
9.5	ТУТ СПОЧИВАЄ / КАЛУШКА / АНЬИЛЬКА / 1896–1978 / С.П. ЗЯТ ІВАН ДОЧКА / КАТАРИНА УНУКІ / МІХАЛ І НАДА (Памятник возводят зять Иван, дочка / Катарина, внуки / Михал и Нада)	Л
9.6	VANJEK / OLGA / 1932–1999 / SPOMENIK PODIŽE / OBITELI VANJEK (Ванек / Ольга / 1932–1999 / Памятник воздвигает / семья Ванек)	МБ

Передача *ц/тс*

В отдельных случаях наблюдается вариативность в написании *ц/тс*. Пример (10.1) показателен тем, что здесь мы видим финали адъективных фамилий на *-а* в женском роде и на *-и* в мужском роде.

10.1	ТУ СПОЧЕВАЄ / НАСКЕ КОСТЕТСКА / Р. 1908–1948 С.П. УНУК / JOSEF KOSTETSKI (Памятник возводит внук / Йосеф Костетски)	Л
10.2	OVDE POČIVA / KOSTECKI ANKA / 1905–1989 / S.P. FETKO, STEVO, SNAHE I UNUČAD (Здесь покоится / Костецки Анка / 1905–1989 / Памятник возводят Федько, Стево, снохи и внуки)	Л
10.3	OVDE POČIVA / VASIL' KOSTECKIJ / Р. 1900–1975 / С.П. СУПРУГА АНКА СИНОВИ СНАХЕ И / УНУЧАД (Памятник возводит супруга Анка, сыновья, снохи и / внуки)	Л

Передача глухих/звонких согласных

В написании одной и той же фамилии могут фиксироваться расхождения при передаче звонких и глухих согласных. Ср. следующие примеры на латинице и на кириллице:

11.1	RIPČIN / SLAVICA / 1982–1997 / MARICA / 1982–2015 / SVIDI SE DRAGOM BOGU DA OKITI RAJ PA POZOVE / NAŠE SEKE U SVOJ ZAGRLJAJ / SPOMENIK PODIŽU ОТАС МАЈКА БРАТ I РОЂАК DRAGOLJUB (Захотелось дорогому Господу украсить рай и он позвал / наших сестер в свои объятия / Памятник возводят отец, мать, брат и родственник Драголюб)	ТР
11.2	РИБЧИН / ВАСИЛЬ / 1908 1954 / СПОМЕНИК ПОДИЖУ / СУПРУГА НАДА СА ДАНИЈЕЛОМ (Памятник возводят / супруга Нада с Даниэлем)	ТР

Передача звонкого и глухого фрикативного

Отсутствующий в сербском и хорватском фрикативный украинский [ɣ] передается при помощи букв *x* в кириллице и *h* в латинице в надписях не только на сербском и хорватском (12.1), (12.3), но также и на украинском языке (12.4), (12.5), выполненных сербской кириллицей. В примерах приводим параллельные надписи с антропонимами, содержащими звук [ɣ], на сербском и украинском языках. Так, в (12.1) находим фамилию *Хевчук*, тогда как в украинской надписи встречается форма *Гивчук*; в (12.5) отмечена фамилия *Хлохович*, тогда как в (12.6) фиксируется форма *Глогович*. Варианты произношения с [x] на месте [ɣ] распространены в местной украинской речи.

В чешском языке отсутствующий в сербском/хорватском фрикативный [ɣ] обозначается буквой *h*, а звук [x] – диграфом *ch*, отсутствующим в сербской/хорватской графике. Применительно к рассматриваемой в данной статье языковой ситуации это приводит к тому, что на месте фрикативного [ɣ] в чешских именах и фамилиях начинает произноситься [x], что никак не отражается на их графической форме. Например, фамилию *Hájek* наши информанты в большинстве случаев произносили как [xájek], однако отображение этой особенности средствами стандартной чешской графики (**Chájek*) обнаружено не было. В то же время на месте диграфа *ch* появляется *h*, что видим, например, в (12.7), а также в (13.1) – *BEDŽIH*. В (12.8) находим два примера, где в имени *MICHAL* и фамилии *KRATOCHVIL* [x] передано по-чешски стандартно диграфом *ch*. Интересно, что написание **Kratohvil* не встретилось ни разу, однако встретилась запись *Kratofil* (7.1), отражающая местный вариант произношения данной фамилии (*chv* > *f*).

12.1	ХЕВЧУК/ ЗДЕНКА 1946–2010 ПАВЛЕ 1943–20 / СПОМЕНИК ПОЖИЖУ ДЈЕЦА (Памятник воздвигают дети)	Ц
------	---	---

12.2	Тут спочиває раба божа / ГИВЧУК АНА / 1907–1972 / ПАМ'ЯТНИК ПОКЛАЛИ / СУПРУГ СИНІ ДОЧКИ НИВІСТКИ / Й ЗЬАТЬ HOLOVČUK JOSIP i MARA / 1945 – / HAVRIČUK JOSIP / 1930 – / SPOMENIK	Ц
12.3	PODIGLA PORODICA HAVRIČUK (Головчук Йосип и Мара / 1945 – / Гаврилюк Йосип / 1930 – / Памятник возвела семья Гаврилюк)	Д
12.4	ТУТ СПОЧИВАЮТ / ХУЦМАН АНАСТАЗІЯ / 1919–1979 / П.П. СУПРУГ СИН ДОЧКИ / ЗЯТЫ І УНУКИ (Д) (Памятник возвели супруг, сын, дочери, / зятья и внуки)	Д
12.5	ТУ ПОЧЕВАЄ / ХЛОХОВИЧ СТАХ / 1858–1924 / ПАМ'ЯТНЕК ¹⁰ ПИДНОСЕТ / СЕН МИХАЛ (Памятник возводит / сын Михал)	ПР
12.6	ТУТ СПОЧИВАЄ / ГЛОГОВИЧ / МАРИЯ / р. МУЗИКА / 1924–2011 / МИХАЙЛО / 1918–1989 / ПАМ'ЯТНЕК ПОСТАВЕВ / ЗАЖИТТЯ З ДОЧКОЮ АНКОМ, ЗЯТОМ І УНУКАМИ (Памятник возвел / при жизни с дочерью Анкой, зятем и внуками)	ПР
12.7	OVDJE POČIVA / JAROSLAV TIHI / 1931–1956 (Здесь покоится / Ярослав Тихи / 1931–1956)	МБ
12.8	OVDJE POČIVA U MIRU BOŽIJEM / KRATOCHVIL / MARIJA EMIL MICHAL / 1916–1985 194?–2014(?) 1908–1998 / SPOMENIK R[ODIŽE SUP]RUG / ZA ŽIVOTA I ? (Здесь покоится в божьем покое / Кратохвил / Мария Эмил Михал / 1916–1985 194?–2014(?) 1908–1998 / Памятник воздвигает супруг при жизни)	НВ

Передача *ř* в чешских надписях

В сербском и хорватском языках также отсутствует звук, обозначаемый в чешском языке буквой *ř*. Анализ эпитафий показал, что его звонкий вариант может передаваться с помощью буквы *ž*, например в имени BEDŽIH (13.1), либо сочетанием *rž* (13.2) – MARŽENKA). Такое написание в целом соответствует произношению данных звуков информантами. При этом упрощение *ř* > *ž* в сравнении с *ř* > *rž* можно объяснить позицией после согласного в первом случае и интервокальной позицией – во втором¹¹.

13.1	HAJEK / SLAVKA / BEDŽIH / -SLAVICA- -BRACO- / 1936–20 1938–2018 / S LJUBAVLJU PORODICA (Гаек / Славка / Беджих / -Славица- -Брацо- / 1936–20 1938–2018 / С любовью семья)	МБ
13.2	OBITEJ HORINA / FRANTIŠEK 1904–1905 / MARŽENKA 1905–1907 / KARLIČEK 1928–1930 / RUŽENKA 1918–1934 / STANISLAV 1879–1942 / VALERKA 1887–1939 / ANKA 1911–1976 (Семья Горина / Франтишек / Марженка / Карличек / Руженка / Станислав / Валерка / Анка ¹²)	МБ

Передача фамилий с сочетанием *CRVC*

Адаптация украинских фамилий в сербском языке, которые содержат в корне сочетание *CRVC*, происходит с заменой на слоговой плавный – *CRC*.

14.1	ТУТ СПОЧИВАЮТЬ РАБИ БОЖІ / МИХАЙЛО / КРЕЧКОВСЬКИЙ / 1904 1976 / ВІЧНА ЇМ ПАМ'ЯТЬ! ??? СИН МИХАЙЛО И СИН ВЛАДИМИР	ТР
14.2	КРЧКОВСКИ / МАРИЈА / 1924 2006 / ИВАН / ~ ЯСКО ~ / ??? 1970 / СПОМЕНИК ПОДИЖУ ЗАХВАЛНА ДІЄЦА СА ПОРОДИЦАМА (Памятник возводят благодарные дети с семьями)	ТР

Фамилии с суффиксами -ск-/-цк-

В большинстве примеров в суффиксах -ск-, -цк- украинских адъективных фамилий в кириллической графике отсутствует написание ь¹³ (ср., например, (16.1), (16.3), (16.8)). Исключения достаточно редко встречаются, что может быть объяснено ориентацией на литературную норму украинского языка. Произношение суффикса [-sk-] без смягчения свистящего характерно для переселенческого украинского говора, хотя и наблюдаются колебания [9: 154].

15.1	БАРЩЕВСЬКИЙ / ЕВА / ВОЛОДИМИР	ТР
15.2	ТУТ СПОЧИВАЮТЬ РАБИ БОЖІ / КОМАРНИЦЬКИЙ / СИДОРКО ??	ТР

Адъективные фамилии

Вариативность наблюдается и в написании украинских адъективных фамилий с этимологическим исходом на -ий. Присутствуют примеры как с -й в качестве финали (16.1), (16.3), (16.5), в сербской графике – с -j (16.6), так и без данной финали с исходом на -u/i (16.2), (16.4), (16.7). Следует отметить и морфологические особенности, связанные с фамилиями этого типа у женщин. В украинском языке используется форма с окончанием -а (как у прилагательных ж.р.), тогда как в подавляющем количестве случаев в женских фамилиях на обследуемой территории фиксируется использование варианта, характерного для мужского рода: (16.1), (16.3), (16.5), (16.6) (как в надписях на сербском/хорватском (где подобная практика считается нормой), так и в надписях на украинском). Таким образом, здесь мы видим перенесение морфологических особенностей языка доминантного окружения при адаптации женских фамилий подобного типа. Варианты с окончанием женского рода (16.8) являются исключением.

16.1	ТУТ СПОЧИВАЄ / РАЦКИЙ / МАРИЈА / 1865–1941 / ВІЧНАЯ ПАМ'ЯТЬ!	Д
16.2	РАЦКИ ВЛАДО / 195?–2014 / ПОЧИВАЈ? У МИРУ (Покойся с миром)	Д
16.3	ТУ СПОЧИВАЄ / МАСЛОВСКИЙ / ТЕКЛЯ / 1886–1969	ТР
16.4	MASLOVSKI PETAR / 1913–19??	ТР
16.5	ТУТ СПОЧИВАЄ РАБА БОЖА / ГОЛОВАТИЙ ЙОСИФА / 1910 1985 / ВІЧНАЯ ПАМ'ЯТЬ!	ТР
16.6	ТУТ СПОЧИВАЈЕ / МАРИЈА / КОВАЉИВСКИЈ / Р. 1888 1961 С.П. / СЕНЕ ДОЧКА И / НЕВИСТКЕ (Памятник возводят: сыновья, дочь и / невестки)	ПР
16.7	СЛАВКО КОВАЉЕВСКИ / 1960–1994 / СПОМЕН ПОДИЖЕ: / ПОРОДИЦА И ДРУГОВИ (Памятник возводит / семья и друзья)	ПР
16.8	ТУТ СПОЧИВАЄ РАБА БОЖА / МАРТА МАСЛОВСКА / 1911 1963	ТР

Финаль -ич/-ић в фамилиях

При передаче украинских фамилий с финалью -ич/-іч средствами сербской кириллической графики наблюдается их уподобление распространённым в южнославянском континууме фамилий с исходом на -ић. При этом в рамках одной эпитафии может встречаться вариативность, ср. (17.1).

17.1	ТУТ ПОЧЕВАЈЕ / РУДАКЕВИЋ КЛАРА / 1894–1965 / СЛАВКА / 1947–1947 / С.П. СЕН ИВАН РУДАКЕВИЧ (Памятник возводит сын Иван Рудакевич)	Л
17.2	РУДАКЕВИЧ КАТЕРИНА / 1883–1943 / ПАМ'ЯТНИК ПІДНЕСЛИ СИН ДМИТРО І СУПРУГА / АННА	Л
17.3	ТУТ СПОЧИВАЄ / РУДАКІВИЧ ¹⁴ СТЕФКА / 1908–1979 / ПАМ'ЯТНИК ПІДНОСЯТ / СУПРУГ ВАСИЛЬ, ДІТИ / ІВГЕН, / СТИФАН МАРІЯ АННА І СОФІЯ	Л
17.4	В МИРІ СПОЧИВАЮТЬ / ТУТ СПОЧИВАЄ РАБА БОЖА / АННА / РУДАКЕВИЧ / 1926–2007 / ТУТ СПОЧИВАЄ РАБ БОЖИЙ / ДМИТРО РУДАКЕВИЧ / 1923–2007 / ПАМ'ЯТНИК СПОРУДИЛИ СИНІ ДОЧКИ ЗЯТІ НЕВІСТКИ ТА УНУКИ (Памятник соорудили сыновья, дочери, зятья, невестки и внуки)	Л

Вариативность в итальянских фамилиях

Рассмотрим некоторые особенности варьирования в антропонимах на итальянском кладбище в Штиворе. Прежде всего оно касается написания удвоенных согласных, что отражает их произношение в исходном диалекте [20: 118]. Так, в (18.1) в фамилии *Andreatta* находим удвоенный согласный *t*, что может объясняться влиянием итальянской нормы, тогда как в (18.2) написано *Andreata*, а сама надпись выполнена на сербской/хорватской латинице. Варьирование возможно и в рамках одной эпитафии на одном языке, как в (18.3), где фамилия *Montibeller* пишется с одной *l* и с двумя *ll* (в сущ. *fratelo*, *sorela* вопреки итальянской норме находим написание *l* вместо *ll*).

18.1	ANNA / ANDREATTA / 1887–1967 / UD. DAL PRA ROVER / OD UNUČADI (Анна / Андреатта / 1887–1967 / замужем Даль Пра Ровер / от внуков)	Ш
18.2	ANDREATA / ANA / ROĐ. VALANDRO / 17.3.1930 – 8.11.2010 / STIVOR / PETAR / 12.5.1924 – 26.9.1994 / VJEČNO ZAHVALNI: / SINOVI, SNAHE, ZETOVI I MNOGOBROJNA / UNUČAD, PRAUNUČAD (Андреата / Ана / ур. Валандро / 17.3.1930 – 8.11.2010 / Штивор / Петар / 12.5.1924 – 26.9.1994 / Вечно благодарные: / сыновья, снохи, зятья и многочисленные / внуки, правнуки)	Ш
18.3	MONTIBELER ELIZABETA / 1921–1922 / IL SUO FRATELO E SORELA / MONTIBELLER FRANCESCO E ANTONIA / STIVOR 11.1979 (Монтибелер Элизабета / 1921–1922 / Ее брат и сестра / Монтибеллер Франческо и Антония / Штивор 11.1979)	Ш

Фиксируются различные варианты написания антропонимов с итальянским *s/ss*. Ср. (18.4) надпись на итальянском и (18.5) на хорватском. Помимо этого, обращает на себя внимание слитное и раздельное написание фамилий: *Dal Sasso – Dalšašo*.

18.4	DAL SASSO / ANDREA / 1934–2016 (Даль Сассо / Андреа / 1934–2016)	Ш
18.5	DAL SASSO SEVERINO / 1997–1998 / SPOMENIK PODIŽU: / ОТАС АНТОН, МАЈКА / ELLA, SESTRA / ANTONELA / I BRAT / GABRIJEL (Дальшашо Северино / 1997–1998 / Памятник возводят: / отец Антон, мать / Элла, сестра / Антонела / и брат / Габриэль)	Ш

Написание/отсутствие *j* в позиции между двумя гласными. В написании имени *Mario* (18.6), *Marijo* (18.7) (ср. также чешские примеры (7.1), (7.2)).

18.6	MORETI / MARIO / 1963–2002 / SPOMENIK PODIŽU MAJKA / I BRAĆA (Морети / Марио / 1963–2002 / Памятник возводят мать / и братья)	Ш
18.7	ĐURADELI / FRANJO / ANA, IVO / MARIJO (Джурадели Франё / Ана, Иво / Марийо)	Ш

Заключение

Антропонимы в составе эпитафий на кладбищах в районах компактного проживания представителей миноритарных сообществ Боснии и Герцеговины позволяют проследить, как происходит передача на письме фонетических и морфологических диалектных особенностей обсуждаемых переселенческих идиомов, какими средствами пользуются исполнители надписей, чтобы передать лингвистическую специфику в условиях отсутствия или редуцированного владения компетенцией в стандартной орфографии своих этнических идиомов (причем на протяжении довольно значимого промежутка времени: с конца XIX в. по сегодняшний день). Подобные надписи мы рассматриваем как ценный источник диалектных и контактных явлений (наряду с аудио- и видеозаписями устной речи) и прекрасный образец «наивного письма». Наличие самих этих записей является весьма важным маркером идентичности обсуждаемых сообществ, поскольку делает их присутствие видимым в мемориальном пространстве кладбищ, а отражение диалектных черт указывает на их связь с зоной исходной миграции. В перспективе авторы планируют проанализировать все составные части эпитафий на предмет их диалектной и контактной специфики.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Д – Деветина; Л – Лишня; МБ – Мачино-Брдо; НВ – Нова-Вес; ПР – Прнявор; ТР – Трнополе; Ш – Штивор; Ц – Церовляны; Ч – Челиновац.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Целью данного исследования не является определение лингвонимов и этнонимов переселенцев на момент самой колонизации. В статье используется термин «украинский» по отношению к надписям на надгробиях переселенцев из Галиции, поскольку большинство сохранившихся (или обновленных) задокументированных и анализируемых эпитафий (99%) относится ко второй половине XX в., когда в переписях (в том числе и при актуальной самоидентификации), официальных документах и названиях культурных организаций используется исключительно такое определение. Следует отметить, что данная проблема касается и других обсуждаемых народностей и миноритарных групп Боснии и Герцеговины, становление этнической идентификации которых происходит на рубеже XIX–XX – первой половине XX в.

2. О греко-католической церкви в селе Трнополе.

3. Ср. использование данного этнонима в Банате [7].

4. Надписи приводятся в оригинальном написании. Косой чертой (/) передается начало новой строки, знаком вопроса (?) неразборчивое прочтение. Отсутствие даты смерти означает, что памятник был поставлен еще при жизни. На русский язык не переводятся украинские кириллические надписи за исключением отдельных лексем. В сербских кириллических надписях переводится содержательная часть. В правом столбце указано кладбище, где был задокументирован пример. В скобках указывается перевод сокращений на русский язык.

5. Смешение кириллицы и латиницы характерно для выходцев с Волыни, которые проживают в Парагвае: ОСТАП МАРЦЕНЮК / НАРОДЕВСЯ 18 ЛЕПНЯ / 1901 РОКУ / ПОМЕР 26 СЕРПНЯ / 67 РОКУ [15: 224]. Встречаются подобные случаи и в Подляшье [3: 355].

6. При этом в безударной позиции в первом слове пишется *и*.

7. Данную надпись можно было бы интерпретировать как выполненную на польском языке. Но из-за плохой сохранности и короткой формы эпитафии утверждать это с уверенностью мы не можем.

8. Отсутствие долготы у гласных в чешских антропонимах специально не рассматривается, поскольку оно регулярно.

9. Имена на памятнике перечислены в три столбца. Для удобства чтения текст в этом примере приводится по столбцам. Конец строки в столбце

обозначается так же, как и в предыдущих примерах, косой чертой (/), конец столбца обозначается вертикальной чертой (|).

10. Данную форму следует прокомментировать отдельно, поскольку речь не идет об антропонимах, но в то же время здесь мы видим отражение важной диалектной особенности. В соответствии с сочетаниями литературного украинского *б'я, м'я*, например *пам'ят'*, *м'ясо*, в говорах юго-западного наречия встречаются формы *памн'ят'*, *мн'ясо* [1: 76]. Написание в сербской кириллице *Памн'ятнек* свидетельствует о передаче такой специфики диалекта на письме.

11. В существующей литературе, посвященной языковым ситуациям у чехов в странах бывшей Югославии, практически не находим анализ подобных изменений в произношении *ř*. «Утрату вибрации» у *ř* и переход его в *ž*, *š*, либо *rž*, *rš* лишь кратко отмечает С. Утешены, анализировавший ситуацию у чехов Крушчицы (сербский Банат) [27: 141].

12. Для облегчения чтения и в силу ограниченного объема статьи не дублируем в переводе данного примера годы жизни.

13. Отсутствие передачи мягкости на письме и написание мягкого знака после согласного в антропонимах встречается повсеместно, особенно в надписях на сербской кириллице/латинице. Ср. *Fetko* (Федько), *Jasko* (Ясько).

14. В данном случае мы наблюдаем написание *u* в ударной позиции в соответствии с этимологическим *e* (ср. РУДАКЇВІЧ – РУДАКѢВІЧ), что можно расценить как случай гиперкоррекции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атлас української мови. Т. 2: Волинь, Наддністрянщина, Закарпаття та сумжні землі / ред. кол.: Я.В. Закревська, А.М. Залеський, Н.Й. Марчук (секретар), І.Г. Матвіяс (голова), Т.В. Назарова, Н.П. Прилипка; авт. кол.: Д.Г. Бандрівський, Л.М. Григорчук, Ф.Т. Жилко, Я.В. Закревська, А.М. Залеський, Т.В. Назарова, М.М. Онишкевич, П.І. Приступа. Київ: Наукова думка, 1988. 520 с.
2. Белова О.В., Ясинская М.В. Антропонимия и топонимия в мемориальной эпиграфике Подляшья // Вопросы ономастики. 2021. Т. 18, № 1. С. 2–84. doi: 10.15826/vopr_onom.2021.18.1.002
3. Белова О.В., Ясинская М.В. Мемориальная эпиграфика польско-белорусского пограничья: коллективная память и практики коммеморации // Slavica Slovaca. 2020. Roč. 55, № 3. S. 346–358.
4. Бёрезнев В.И. Языковая ситуация у национальных меньшинств Сербии (АК Воеводина) и Боснии и Герцеговины (по материалам экспедиции 2023 г.) // Славянский мир: общность и многообразие: материалы конф. молодых ученых / отв. ред. Е.С. Узенёва, О.В. Хаванова. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2023. С. 151–158. doi: 10.31168/2619-0869.2023.2.03

5. Борисов С.А., Немчинов В.А. Особенности эпиграфики чешских надгробий на трех кладбищах в Центральной Хорватии (Меджурич, Горни-Дарувар, Каптол) // Славянский мир: общность и многообразие: материалы конф. молодых ученых / отв. ред. Е.С. Узенёва, О.В. Хаванова. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2023. С. 145–150. doi: 10.31168/2619-0869.2023.2.02

6. Борисов С.А., Пилипенко Г.П. Дискурсивные практики и метаязыковое комментирование в речи представителей национальных меньшинств Боснии и Герцеговины (на примере славянских сообществ Республики Сербской) // Южнославянский филолог. 2020. Св. 2. С. 125–156. <http://dx.doi.org/10.2298/JFI2002127B>

7. Борисов С.А., Пилипенко Г.П. Ретмі/Ретсі в румынско-сербском окружении: село Златица в Банате // Стратегии межбалканской коммуникации: Перевод. Пересказ. Умолчание / отв. ред. И.А. Седакова; ред. М.М. Макарец, Т.В. Цивьян. М.: Ин-т славяноведения РАН : Индрик, 2021. (Балканские чтения. 16). С. 49–53. doi: 10.31168/2618-8597.2021.16.07

8. Ващенко Д.Ю. Надписи на могильных плитах в хорватских селах Словакии Яровце и Чуново: специфика смешения графических систем // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2019. Т. 14, № 1-2. С. 159–173. doi: 10.31168/2412-6446.2019.14.1-2.10

9. Горбач О. Говірки й словник діалектної лексики Тербовельщини // Відбитки з «Наукових Записок» Українського Технічно-Господарського Інституту. 1971. Т. 19. С. 47–182; Т. 20. С. 148–194.

10. Дрљача Д. Колонизација и живот Пољака у југословенским земљама: од краја XIX до половине XX века. Београд: Етнографски институт САНУ, 1985.

11. Минаева А.П. «Наивная литература»: творчество и стереотипы // Традиционная культура. 2003. № 2 (10). С. 68–74.

12. Пилипенко Г.П. Украинские тексты из Боснии и Герцеговины // Исследования по славянской диалектологии. 23. Памяти Людмилы Эдуардовны Калнынь. М.: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 225–237. doi: 10.31168/2618-8589.2021.23.17

13. Пилипенко Г.П. Календарная обрядность украинцев Боснии и Герцеговины: этнолингвистический аспект // Slověne. 2020. Vol. 9, № 2. С. 338–371. doi: 10.31168/2305-6754.2020.9.2.15

14. Пилипенко Г.П. Свадебные обряды у украинцев Боснии и Герцеговины // Живая старина. 2017. № 4. С. 29–32.

15. Пилипенко Г.П. Южноволынский диалект украинского языка в Аргентине (Мисьонес): дневник переселенца из межвоенной Польши Кирилла Вознюка. М.: Индрик, 2021. 512 с.

16. Попис становништва, домаћинства и станова у Републици Српској 2013. године. Етничка/национална припадност, вјероисповијест и матерњи језик / ред. Р. Врањеш, А. Зец, Д. Мандић, Б. Радић, В. Сибиновић, Б. Станковић. Бања Лука: Републички завод за статистику Републике Српске, 2017.

17. Сикимић Б., Номаћи М. Језички пејзаж меморијалног простора вишејезичних заједница: Банатски Бугари / Палћани у Србији // Јужнословенски филолог. 2016. Св. 1–2. С. 7–31. doi: 10.2298/JFI1602007S

18. Скорвид С.С. О вариативности фамиљных именованиј потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе и в Западной Сибири // Вопросы ономастики. 2014. № 1 (16). С. 63–74.

19. Токар Т.Я. До питання розвитку лексики українських острівних говірок Боснії // Дослідження з української діалектології / отв. ред. П. Ю. Гриценко. Київ, 1991. С. 140–151.

20. Чельшева И.И. Диалекты Италии // Языки мира: Романские языки / ред. И.И. Чельшева, Б.П. Нарумов, О.И. Романова. М.: Academia, 2001. 722 с. С. 90–146.

21. Czyżewski F. Antroponimia pogrnicza polsko-wschodniostowiańskiego w świetle inskrypcji nagrobnych. Cz. 1: Słownik nazwisk. Lublin: Polihymnia, 2013.

22. Komárek K. Jazyk volyňských Čechů z hlediska nářeční sratifikace češtiny // Čeština na Volyni / red. A. Arkhahelska, O. Bláha, U. Cholodová. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2020. 193 s. S. 13–45.

23. Papež Adamič V. Od prednikov do potomcev. Slovenci v Slatini in Banjaluki: 1923–2008. Banjaluka: Društvo Slovencev Triglav, 2009.

24. Popović S. Govor dvaju čeških naselja u Bosni (Nova Ves i Mačino Brdo). Beograd: Filološki fakultet Beogradskog univerziteta, 1968.

25. Rosalio M.R. Studi sul dialetto trentino di Stivor (Bosnia). Firenze: La Nuova Italia, 1979.

26. Uherek Z. Češi v Bosně a Hercegovině: antropologické pohledy na společenský život české menšiny v zahraničí. Praha: Etnologický ústav AV ČR, 2011.

27. Utěšený S. O posrbšřování krušćické češtiny v jugoslávském Banátě // Naše řeč. 1970. Ročník 53, číslo 3. S. 138–145.

28. Vasilijević D. The current state and prospects of Ukrainian as a heritage language in elementary schools of Republika Srpska // Minority languages in education and language learning: challenges and new perspectives. Belgrade. 2017. Vol. 7. P. 163–182.

REFERENCES

1. Zakrevska, Ya.V., Zaleskiy, A.M., Marchuk, N.Y. et al. (eds) (1988) *Atlas ukrains'koi movi* [Atlas of the Ukrainian Language]. Vol. 2. Kyiv: Naukova dumka.

2. Belova, O.V. & Yasinskaya, M.V. (2021) Antroponimiya i toponimiya v memorial'noy epigrafike Podlyash'ya [Anthroponymy and Toponymy in Memorial Epigraphy of Podlasie]. *Voprosy onomastiki*. 1(18). pp. 2–84. doi: 10.15826/vopr_onom.2021.18.1.002

3. Belova, O.V. & Yasinskaya, M.V. (2020) Memorial'naya epigrafika pol'sko-belorusskogo pogranič'ya: kollektivnaya pamyat' i praktiki kommemoratsii [Memorial Epigraphic Inscriptions of the Polish-Belarusian Borderland: Collective Memory and Commemoration Practices]. *Slavica Slovaca*. 55(3). pp. 346–358.

4. Bereznev, V.I. (2023) Yazykovaya situatsiya u natsional'nykh men'shinstv Serbii (AK Voevodina) i Bosnii i Gertsegoviny (po materialam ekspeditsii 2023 g.) [The linguistic situation among the national minorities of Serbia (Autonomous Province of Vojvodina) and Bosnia and Herzegovina (based on the materials of the 2023 expedition)]. In: Uzeneva, E.S. & Khavanova, O.V. (eds) *Slavyanskiy mir: obshchnost' i mnogoobrazie* [Slavic World: Community and Diversity]. Moscow: Institute of Slavic Studies of RAS. pp. 151–158. doi: 10.31168/2619-0869.2023.2.03

5. Borisov, S.A. & Nemchinov, V.A. (2023) Osobennosti epigrafiki cheshskikh nadgrobiy na trekh kladbishchakh v Tsentral'noy Khorvatii (Medzhurich, Gorni-Daruvar, Kaptol) [Peculiarities of Epigraphy of Czech tombstones in Three Cemeteries in Central Croatia (Međuric, Gornji Daruvar, Kaptol)]. In: Uzeneva, E.S. & Khavanova, O.V. (eds) *Slavyanskiy mir: obshchnost' i mnogoobrazie* [Slavic World: Community and Diversity]. Moscow: Institute of Slavic Studies of RAS. pp. 145–150. doi: 10.31168/2619-0869.2023.2.02

6. Borisov, S.A. & Pilipenko, G.P. (2020) Diskursivnye praktiki i metayazykovoe kommentirovanie v rechi predstaviteley natsional'nykh men'shinstv Bosnii i Gertsegoviny (na primere slavyanskikh soobshchestv Respubliki Serbskoy) [Discursive Practices and Metalinguistic Comments in the Speech of Representatives of National Minorities in Bosnia and Herzegovina (the Case of Slavic Communities in the Republic of Srpska)]. *Južnoslovenski filolog*. 2. pp. 125–156. doi: 10.2298/JFI2002127B

7. Borisov, S.A. & Pilipenko, G.P. (2021) Pemi/Pemci v rumynsko-serbskom okruženii: selo Zlatitsa v Banate [Pemi/Pemci in the Romanian-Serbian environment: the village of Zlatica in Banat]. In: Sedakova, I.A., Makartsev, M.M. & Tsivian, T.V. (eds.) *Strategii mezhbalkanskoy komunikatsii: Perevod. Pereskaz. Umolchanie* [Inter-Balkan Communication Strategies: Translation. Retelling. Silence]. Moscow: Institute of Slavic Studies RAS: Indrik. pp. 49–53. doi: 10.31168/2618-8597.2021.16.07

8. Vashchenko, D.Yu. (2019) Nadpisi na mogil'nykh plitakh v khorvatskikh selakh Slovakii Yarovtse i Chunovo: spetsifika smesheniya graficheskikh sistem [The inscriptions on the gravestones in the Croatian villages of Slovakia, Chunovo, and Jarovce: The specificity of mixing graphics systems]. *Slavyanskiy mir v tret'em tysyacheletii*. 1-1(14). pp. 159–173. doi: 10.31168/2412-6446.2019.14.1-2.10

9. Gorbach, O. (1971) Govirki y slovník diyalektnoy leksiki Terebovel'shchini [Dialects and a dictionary of the dialect vocabulary of the Terebov region]. *Vidbitki z "Naukovikh Zapisok" Ukrains'kogo Tekhnichno-Gospodars'kogo Institutu*. 19. pp. 47–182; 20. pp. 148–194.

10. Drljača, D. (1985) *Kolonizatsija i život Poľaka u jugoslovenskim zemľama: od kraja XIX do polovine XX veka* [Colonization and the life of Pojaka in the Yugoslovenian land: from the edge of the 19th to the half of the 20th century]. Beograd: Etnografski institut SANU.

11. Minaeva, A.P. (2003) "Naivnaya literatura": tvorchestvo i stereotipy ["Naive literature": Creativity and stereotypes]. *Traditsionnaya kul'tura*. 2(10). pp. 68–74.

12. Pilipenko, G.P. (2021) Ukrainskie teksty iz Bosnii i Gertsegoviny [Ukrainian texts from Bosnia and Herzegovina]. *Issledovaniya po slavyanskoj dialektologii*. 23. Moscow: Institute of Slavic Studies of RAS. pp. 225–237. doi: 10.31168/2618-8589.2021.23.17

13. Pilipenko, G.P. (2020). Kalendarnaya obryadnost' ukraintsev Bosnii i Gertsegoviny: etnolingvisticheskiy aspekt [Calendrical rites of Ukrainians in Bosnia and Herzegovina: The ethnolinguistic aspect]. *Slověne*. 2(9). pp. 338–371. doi: 10.31168/2305-6754.2020.9.2.15

14. Pilipenko, G.P. (2017) Svadebnye obryady u ukraintsev Bosnii i Gertsegoviny [Wedding ceremonies among Ukrainians of Bosnia and Herzegovina]. *Zhivaya starina*. 4. pp. 29–32.

15. Pilipenko, G.P. (2021) *Yuzhnovolynskiy dialekt ukrainskogo yazyka v Argentine (Mis'ones): dnevnik pereselentsa iz mezhvoennoy Pol'shi Kirilla Voznyuka* [The South Volhynian dialect of Ukrainian in Argentina (Misiones): The diary of a settler Kirill Voznyuk from the interwar Poland]. Moscow: Indrik.

16. Vranješ, R. et al. (eds.) (2017) *Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u Republici Srpskoj 2013. godine. Etnička/nacionalna pripadnost, vjeroispovijest i maternji jezik*. Banja Luka: Republički zavod za statistiku Republike Srpske.

17. Sikimić, B. & Nomaći, M. (2016) Jezički pejzaž memorijalnog prostora višejezičnih zajednica: Banatski Bugari / Palčani u Srbiji. *Južnoslovenski filolog*. 1–2. pp. 7–31. doi: 10.2298/JFI1602007S

18. Skorvid, S.S. (2014) O variativnosti famil'nykh imenovaniy potomkov cheshskikh pereselentsev na Severnom Kavkaze i v Zapadnoy Sibiri [On the variability of the family names of Czech migrants' descendants in the Northern Caucasus and Western Siberia]. *Voprosy onomastiki*. 1(16). pp. 63–74.

19. Tokar, T.Ya. (1991) Do pytannia rozvytku leksyky ukrains'kykh ostrivnykh hovirok Bosnii. In: Gritsenko, P.Yu. (ed.) *Doslidzhennia z ukrains'koi dialektologii*. Kyiv: [s.n.]. pp. 140–151.

20. Chelysheva, I.I. (2001) Dialekty Italii [Dialects of Italy]. In: Chelysheva, I.I., Narumov, B.P. & Romanova, O.I. (eds) *Yazyki mira: Romanskie yazyki* [Languages of the World: Romance Languages]. Moscow: Academia. pp. 90–146.

21. Czyżewski, F. (2013) *Antroponimia porganicza polsko-wschodniostłowińskiego w świetle inskrypcji nagrobnych*. Vol. 1. Lublin: Polihymnia.

22. Komárek, K. (2020) Jazyk volyňských Čechů z hlediska nářeční stratifikace češtiny. In: Arkhanhelska, A., Bláha, O. & Cholodová, U. (eds) *Čeština na Volyni*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci. pp. 13–45.

23. Papež Adamič, V. (2009) *Od prednikov do potomcev. Slovenci v Slatini in Banjaluki: 1923–2008*. Banjaluka: Društvo Slovencev Triglav.
24. Popović, S. (1968) *Govor dvaju čeških naselja u Bosni (Nova Ves i Mačino Brdo)*. Beograd: Filološki fakultet Beogradskog univerziteta.
25. Rosalio, M.R. (1979) *Studi sul dialetto trentino di Stivor (Bosnia)*. Firenze: La Nuova Italia.
26. Uherek, Z. (2011) *Češi v Bosně a Hercegovině: antropologické pohledy na společenský život české menšiny v zahraničí*. Praha: Etnologický ústav AV ČR.
27. Utěšený, S. (1970) O posrbšťování krušické češtiny v jugoslávském Banátu. *Naše řeč*. 53(3). pp. 138–145.
28. Vasilijević, D. (2017) The current state and prospects of Ukrainian as a heritage language in elementary schools of Republika Srpska. *Minority Languages in Education and Language Learning: Challenges and New Perspectives*. 7. pp. 163–182.

Пилипенко Глеб Петрович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела славянского языкознания Института славяноведения Российской академии наук (Россия).

Gleb P. Pilipenko – Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Russia).

E-mail: glebpilipenko@mail.ru

Борисов Сергей Александрович – младший научный сотрудник отдела славянского языкознания Института славяноведения Российской академии наук (Россия).

Sergej A. Borisov – Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Russia).

E-mail: borisovsergius@gmail.com

УДК 81`33

UDC

DOI: 10.17223/18572685/75/17

Межкультурные особенности восприятия аффективных видео (руско-польские соответствия)

К.С. Иванкова

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: senya.gl@mail.ru

Авторское резюме

В настоящее время влияние культуры на все области человеческой жизни является неоспоримым. Культура играет большую роль в формировании нашего восприятия и выражении эмоций. Доказано, что представители различных культур одни и те же явления, предметы и образы могут воспринимать как вызывающие или не вызывающие эмоции. В статье представлено исследование восприятия аффективных видеоизображений респондентами двух близкородственных культур – поляками и русскими. Проверяется гипотеза о том, что существующие культурные отличия между русскими и поляками могут оказывать разное влияние на их восприятие и оценку видео. Также проводится межкультурное гендерное сравнение в данном аспекте. В исследовании используется метод психолингвистического анкетирования с применением приема шкалирования. Проведено сравнение оценок аффективных видео польскими и русскими респондентами по типу валентности стимула (т.е. по типу его эмоциональной оценки – отрицательной или положительной) и силе его воздействия на эмоциональное состояние. В качестве стимульного материала были использованы 20 фрагментов короткометражных мультфильмов из базы данных аффективного стимульного материала польских исследователей. В исследовании приняли участие 93 человека (34 мужчины, 58 женщин) в возрасте от 18 до 60 лет. Результаты проведённого анализа не показали значимых межкультурных различий в оценках аффективных видео по параметрам типа валентности и силы воздействия стимула. В общем респонденты одинаково оценивали аффективные видео вне зависимости от культурной локализации. Также не было найдено гендерных различий по исследу-

емым параметрам. Однако было выявлено влияние типа валентности эмоционального стимула на обработку эмоциональных единиц представителями различных культур: русские оценивали отрицательные видео выше по силе эмоционального воздействия, в отличие от поляков. Полагаем, что родство языков и близость культур обуславливают схожее восприятие и оценку эмоциональных видео.

Ключевые слова: межкультурное исследование, эмоциональность, восприятие, гендер, эмоциональная оценка, поляки и русские

Cross-cultural specificity of perception of affective videos (Russian-Polish correspondences)

Ksenia S. Ivankova

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: senya.gl@mail.ru

Abstract

Currently, the influence of culture in all areas of human life is undeniable. Culture plays a major role in shaping our perception and expression of emotions. It has been proven that representatives of different cultures can perceive the same phenomena, objects and images as evoking or not evoking emotions. The article focuses on the perception of affective video images by respondents of two closely related cultures – Poles and Russians. The intercultural and gender comparison by the method of psycholinguistic questioning using the scaling technique is used to test the hypothesis that the existing cultural differences between Russians and Poles may have different effects on their perception and evaluation of videos. The evaluation of affective videos by Polish and Russian respondents is compared by the type of stimulus valence (i.e. by the type of its emotional assessment – negative or positive) and the strength of its impact on the emotional state. Twenty fragments of short cartoons from the database of affective stimulus material of Polish researchers were used as stimulus material. The study involved 93 respondents (34 men, 58 women) aged 18 to 60. The analysis has not shown significant cross-cultural differences in the assessments of affective videos in terms of the type of valence and arousal. In general, respondents rated affective videos equally, regardless of cultural localization. There were also no gender differences in the studied parameters. However, the influence of the valence type of an emotional

stimulus on the processing of emotional units by representatives of different cultures has been revealed: Russians assessed negative videos higher in terms of the strength of emotional impact, unlike Poles. It is assumed that the kinship of languages and the proximity of cultures cause a similar perception and assessment of emotions.

Key words: cross-cultural study, emotionality, perception, gender, valence, arousal, Poles and Russians

Введение

Культура оказывает значительное влияние на все аспекты человеческой жизни, включая эмоциональную сферу. Межкультурные различия проявляются на вербальном и невербальном уровнях в выражении и восприятии эмоций.

Исследователи невербального эмоционального поведения отмечают межкультурные различия в использовании жестов и выражении улыбки. Например, отмечается, что жестикуляция латиноамериканцев и восточных народов более разнообразна и богата по сравнению с языком жестов европейцев [4; 10]. В англосаксонской культуре улыбка – стандартное проявление вежливости и скорее часть культуры, предписывающей нормы и правила общения, чем показатель хорошего эмоционального состояния человека, в то время как в русской культуре улыбка чаще передаёт действительные положительные эмоции человека [6; 11; 12; 32]. Для представителей японской культуры является нормой улыбаться при разговоре о смерти, болезнях и иных сложных жизненных событиях, в то время как для европейцев данные темы для общения связаны с отрицательными переживаниями и выражение улыбки на лице не оценивается как нормативное [4: 220].

Известно, что в теории паравербальной коммуникации, в которой изучаются тональные и тембровые характеристики языков, выделяются тихие и громкие культуры [4: 181]. Также в качестве национально специфического исследователями интерпретируется представление о необходимости и уместности молчания в той или иной ситуации [4: 182].

Лингвистические исследования, направленные на выявление концептуальных различий двух и более языковых систем, показывают, что языки различаются по тому, есть ли в них общий термин, обозначающий эмоции. Некоторые языки не имеют эквивалентов данного термина, а сам концепт «эмоция», подобный тому, который есть в европейских языках, в них отсутствует (например, языки Папуа-Новой Гвинеи, часть малазийских языков и др.) [25]. Что касается

самих слов-эмоций, то межкультурные исследования указывают на различный характер их соотносённости: они могут находиться в отношениях полного тождества, быть в отношениях пересечения (например, английское *jealousy* и русская *ревность* [30]) или вовсе не иметь общих точек пересечения (специфичные для данного языка и культуры понятия, например, английское *фрустрация* [24], русское *переживать* [26]). Так, писатели-транслингвы (создающие тексты на неродном языке) отмечают несколько областей напряжённости и непереводаемости концептов, когда реалии одного языка и культуры не имеют аналогов в другом [27].

На морфологическом уровне языка выявлены межкультурные различия в грамматических категориях, предпочитаемых для кодирования эмоций (в одних языках предпочтение отдаётся глаголам (русский, польский и др.), в других – прилагательным или существительным (английский, голландский и др.)) [2].

Исследователи восприятия эмоций на невербальном и вербальном материале также установили межкультурные различия. Большое количество подобных исследований связано с выявлением особенностей восприятия эмоциональных стимулов представителями западной и восточной культур [19–22]. Так, например, были обнаружены различия между японцами и американцами в восприятии эмоций при просмотре видео, в котором человек был в определённом эмоциональном состоянии. Японцы обращали внимание не только на главную фигуру на экране, но и на фоновое окружение, которое было представлено группой людей в конгруэнтном или неконгруэнтном эмоциональном состоянии. Подобного внимания к фоновому окружению (регистрировалось с помощью технологии айтрекинга) у представителей западной культуры выявлено не было [20].

В исследованиях эмоциональности выявлены различия по данному аспекту между представителями англосаксонского и славянского единств. Например, при изучении степени воздействия изображений лиц на рекламных плакатах, выражающих эмоции разной степени интенсивности, были обнаружены различия в оценках степени воздействия на эмоциональное состояние американцами и русскими. Так, изображения с низкой степенью эмоциональности, в отличие от русских, американцы оценивали ниже по степени воздействия [28].

Выявлено культурно обусловленное своеобразие в обработке эмоциональных стимулов при выполнении задачи на эмоциональное решение (*emotive decision task*) на родном и иностранном языках польско-английскими и румынско-английскими билингвами, а также доказано влияние лексической близости между первым и вторым языками на восприятие эмоциональных слов (румыны

продемонстрировали преимущества при обработке эмоциональных прилагательных на английском языке вследствие большего процента лексического сходства с английским по сравнению с польским) [15].

Стоит отметить, что вариантность в выражении и восприятии эмоций может касаться не только отдалённых культур, но и близкородственных [5; 7; 29], а также неродственных культур, имеющих тесное культурное взаимодействие на протяжении столетий [1; 3]. Доказано, например, что тюркские народы, несмотря на пребывание в близком длительном социальном и культурном контактировании с русским, сохранили своё своеобразие на когнитивном и эмоциональном уровнях [1].

Национальная специфика выражения и восприятия эмоций в менталитете родственных этносов хорошо видна на примере восточных и западных славян. Так, исследователи межкультурной коммуникации обнаруживают различия между польским и русским речевым этикетом, отмечая, что польские нормы вежливости в коммуникативном поведении занимают среднее положение между английской формальностью и сдержанностью и русской открытостью и эмоциональностью [5: 194].

Несмотря на родство культур и языков, а также территориальную близость двух этносов, учёные подчёркивают специфичный национальный характер каждого народа (польский «индивидуализм» и русские «соборность, коллективизм, общинность» [5]), который в том числе обусловлен конфессиональными различиями.

Наряду с этим присутствует некоторая двойственность в самих отношениях между двумя культурами, которая находит подтверждение также и в дискурсивных исследованиях, выявляющих характерные стереотипные представления русских относительно польского народа. Так, образ польского народа в восприятии русских, смоделированный учёными этого направления, является двойственным и противоречивым: «...на протяжении веков русские видели в поляках и близкий, и одновременно “другой” народ...» [7: 82]. Русские характеризуют, с одной стороны, польскую культуру как «нашу», «славянскую» «братскую» а с другой – как «западную» и «чужую».

В данной статье представлены результаты исследования влияния близкородственных культур поляков и русских на эмоциональную сферу жизни этих народов. Для нас представляет большой интерес, как скажется отмеченная двойственность в соотношении двух славянских культур на характере восприятия эмоциональных стимулов: будут ли преобладать различия в их оценке или мы получим в большей степени тождественные данные.

Отметим также, что культурное влияние (относительно эмоциональной сферы в том числе) также сказывается и на формировании в об-

шестве гендерных стереотипов, ценностей и убеждений [8; 9], которые могут проявляться в межэтнической вариативности в выражении и восприятии эмоций внутри этноязыкового сообщества. Например, в исследовании расово-этнических гендерных особенностей восприятия эмоциональных стимулов было обнаружено, что, по сравнению с белыми американцами, темнокожие имели более выраженную реакцию вегетативной системы на эмоциональные ситуации, что в большей степени было проявлено у афроамериканских мужчин [31].

Тем не менее работы, посвящённые изучению гендерных межкультурных особенностей восприятия эмоциональных стимулов, практически отсутствуют. Большая часть работ в данном аспекте посвящена либо гендерным исследованиям в рамках одного этноса [13; 14; 16–18], либо изучению межэтнических отличий, но без фокусировки на гендер [15; 19–22; 28]. Между тем мы считаем значимым включение также и гендера в фокус нашего исследования как ещё одну характеристику межкультурных различий.

Польскими исследователями были выявлены различия между полами в оценках аффективных видео [23]. Мы решили сравнить оценки, данные польскими (имеется открытый доступ к базе данных) и русскими респондентами.

Таким образом, цель нашего исследования – выявить межкультурные особенности в оценках аффективных видео (поляками и русскими), а также получить данные о межкультурных гендерных особенностях в оценках этих стимулов. Гипотеза заключается в том, что существующие культурные отличия между русскими и поляками могут оказывать различное влияние на восприятие и оценку ими эмоциональных видео. Кроме того, мы также предполагаем, что могут быть обнаружены межкультурные гендерные различия по данному параметру.

Материал и метод исследования

В исследовании был использован метод психолингвистического анкетирования с применением приёма семибального шкалирования Ликерта.

В качестве стимульного материала послужили 20 фрагментов короткометражных мультфильмов длительностью по 1,5 мин каждый (10 с положительной и 10 с отрицательной эмоциональной оценкой) из базы данных аффективного стимульного материала («Supplementary material A: Audio-video stimuli»), который использовали польские учёные в своём исследовании [23]. Видеостимулы не содержали вербальной информации (ни аудиальной, ни визуальной), но имели звуковое сопровождение (инструментальная музыка).

Проект исследования был одобрен Этическим комитетом Томского государственного университета. Перед началом экспериментальной сессии респонденты заполняли форму мотивированного согласия, представленную в онлайн-форме через систему гугл-анкет. В любой момент участник эксперимента при необходимости мог завершить прохождение анкетирования, не дожидаясь его окончания без объяснения причины. Все респонденты прошли эксперимент до конца.

Дизайн и процедура эксперимента

Респондентам предлагалось проранжировать стимулы по семи-балльной шкале Ликерта по типу валентности от оцениваемого положительно в высокой степени (1 балл) до отрицательного в высокой степени (7) и по силе воздействия на эмоциональное состояние от вызывающего чувство комфорта и расслабленности (1) до вызывающего чувство напряжения и дискомфорта (7). Всего было составлено 2 анкеты, по одной на каждую группу стимулов соответственно. К каждой анкете прилагалась инструкция с правилами её заполнения.

Респонденты

В исследовании приняли участие 93 человека (34 мужчины, 58 женщин) в возрасте от 18 до 60 лет, преимущественно студенты Томского государственного университета, а также волонтеры, привлекаемые из социальных сетей филологического факультета. Участие в эксперименте респондентам не оплачивалось.

Так как мы сравнивали оценки изображений русскими и поляками, то опишем кратко также и респондентов, принявших участие в пополнении этой базы данных. В польскую базу данных аффективных видео вошли оценки 56 человек (28 женщин, 28 мужчин) в возрасте 20–26 лет, студенты факультета английского языка университета Адама Мицкевича в городе Познань. За участие в эксперименте студентам начисляли дополнительные баллы к зачёту по специальной дисциплине.

Результаты

Всего было собрано 3 720 наблюдений, все данные вошли в анализ. Так как в польской базе данных представлены только средние значения для каждого видеостимула и не представлен весь массив полученных данных, мы поступили аналогичным образом и усреднили оценки для каждого видео (в общем а также отдельно по мужчинам и женщинам). Таким образом, нами сравнивались средние значения

оценок носителей русского и польского языков для установления того, какое влияние на них оказывают эмоциональные видео. По нашему предположению, статистически значимая разница между оценками в указанных группах будет свидетельствовать о разнице в оценках и восприятии этих единиц. Анализ проводился с применением программного обеспечения R (версия 4.3.2) и среды разработки RSTUDIO.

На первом этапе были проанализированы все оценки видео русскими и поляками. Мы применили статистический непараметрический критерий Манна–Уитни для установления различий между двумя независимыми выборками, так как характер распределения оценок в этих группах был негауссовским. Статистический анализ оценок по параметрам «валентность» и «воздействие» не выявил значимых межкультурных различий. Оценки русских и поляков были идентичными по обоим параметрам.

Далее было проведено сравнение оценок отрицательных и положительных стимулов по каждому параметру. Анализ оценок выявил статистически значимые различия в восприятии отрицательных видео по параметру сила воздействия ($P < 0,05$).

На диаграмме (рис. 1) отображён характер распределения оценок в этой группе стимулов.

На оси ординат представлена шкала от 1 до 7, согласно которой респонденты оценивали видеостимулы (при построении графика для удобства визуализации мы использовали значения 0–8, поэтому на рисунке присутствуют данные значения). Распределение полученных

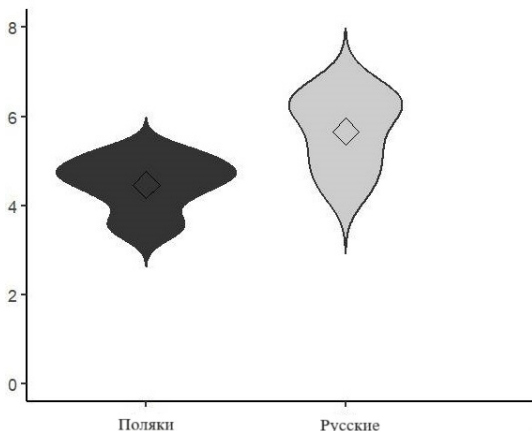

Рис. 1. Распределение оценок отрицательных видео, данных польскими и русскими респондентами, по параметру сила воздействия на эмоциональное состояние

оценок видео представлено на оси абсцисс. Как видно на диаграммах, значимая разница в оценках видео с отрицательным типом валентности достигалась за счёт того, что русские оценивали эти стимулы выше по силе воздействия на их эмоциональное состояние, в отличие от поляков.

На втором этапе нашего анализа мы сравнили оценки видео русскими и польскими мужчинами и женщинами. Для выявления различий в исследуемых группах здесь был также использован критерий Манна–Уитни. Значимых различий в оценках видео по гендерному признаку не было установлено ($P > 0,05$). На рис. 2 и 3 представлены графики, отображающие характер распределения полученных оценок по обоим параметрам.

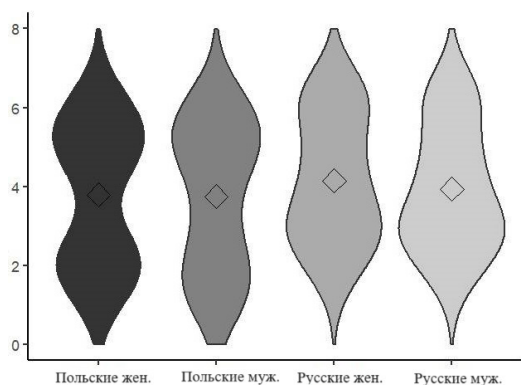

Рис. 2. Распределение оценок видео, данных польскими и русскими мужчинами и женщинами, по параметру тип валентности стимула

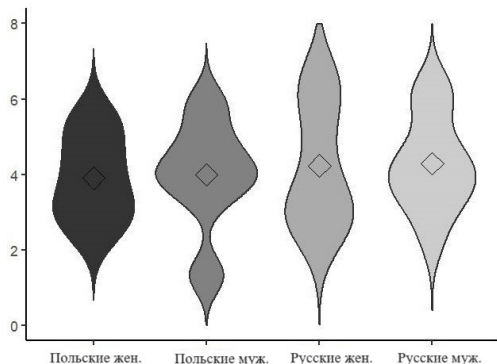

Рис. 3. Распределение оценок видео, данных польскими и русскими мужчинами и женщинами, по параметру сила воздействия

Так, на рис. 2 видно, что различия между польскими и русскими мужчинами и женщинами в оценках видео по параметру валентность минимальны (фигуры, отображающие характер оценок, практически идентичны).

На рис. 3 изображены различные фигуры, которые показывают, что характер распределения оценок между русскими и польскими мужчинами и женщинами внутри данной группы имеет отличия. В целом можно наблюдать, что русские мужчины и женщины использовали больший диапазон для оценивания видео по степени воздействия по сравнению с поляками. Также видна гендерная разница в оценках по данному параметру между польскими мужчинами и женщинами и русскими мужчинами и женщинами, однако статистически значимой разницы между русскими и польскими женщинами и русскими и польскими мужчинами выявлено не было.

Заключение

Таким образом, результаты проведённого анализа не показали значимых межкультурных различий в оценках аффективных видео по параметрам тип валентности и сила воздействия стимула. В общем респонденты одинаково оценивали аффективные видео, вне зависимости от культурной локализации. Также не было выявлено гендерных различий в оценках аффективных видео по обоим параметрам.

Однако было обнаружено влияние типа валентности эмоционального стимула на обработку эмоциональных единиц представителями различных культур: русские оценивали отрицательные видео выше по силе эмоционального воздействия, в отличие от поляков.

Следовательно, наша гипотеза о том, что культурные отличия между поляками и русскими повлекут различия в восприятии этими народами эмоциональных видео, подтверждается частично, так как значимая разница была получена только на материале с отрицательным типом валентности. Можно заключить, что родство языков и близость культур обуславливают схожее восприятие и оценку эмоциональных видео.

Для верификации полученных результатов мы считаем необходимым проведение новой серии экспериментов с использованием более разнообразного по форме и содержанию эмоционального материала (слов, видео, изображений и пр.) с учётом типа его валентности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева А.В. Восприятие эмоциональной лексики первого и второго языков в условиях языкового контактирования (тюркско-русский херитажный билингвизм) // Русин. 2022. Т. 70. С. 254–267. doi: 10.17223/18572685/70/15

2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996. 411 с.
3. Владимирова В.Е., Резанова З.И., Коршунова И.С. Отражение этноязыкового контактирования в языковом сознании: влияет ли билингвизм на субъективные оценки перцептивной семантики? // Русин. 2022. Т. 70. С. 214–231. doi: 10.17223/18572685/70/12
4. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. М.: Наука, 1980. 266 с.
5. Коженевска-Берчинска И. Межкультурная коммуникация в свете польского и русского речевого этикета // Вестник РУДН. 2014. № 4. С. 188–197.
6. Ларина Т.В. A smile opens many doors: эмоции в коммуникации и переводе. Мосты // Журнал переводчиков. 2006. № 4 (12). С. 50–55.
7. Лыкошина Л.С. Польша и поляки в российском общественном дискурсе // Актуальные проблемы Европы. 2016. № 2. С. 65–84.
8. Магомедов П.Ш., Шарбузова Х.З. Кросс-культурное исследование гендерных различий в ценностях // Известия ДГПУ. 2019. Т. 13, № 4. С. 101–110. doi: 10.31161/1995-0659-2019-13-4-101-110
9. Овсяник О.А., Фарбер А.В. Кросс-культурные гендерные особенности ценностных ориентаций женщин-руководителей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2021. № 4. С. 107–116. doi: 10.18384/2310-7235-2021-4-107-116
10. Пиз А. Язык телодвижений. М.: Эксмо, 2007. 272 с.
11. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. 2-е изд. М., 2004. 352 с.
12. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М., 2008. 416 с.
13. Bianchin M., Angrilli A. Gender differences in emotional responses: A psychophysiological study // Physiology & Behavior. 2012. Vol. 105 (4). P. 925–932. doi: 10.1016/j.physbeh.2011.10.031
14. Bradley M.M., Codispoti M., Sabatinelli D. Emotion and motivation II: sex differences in picture processing // Emotion. 2001. Vol. 1(3). P. 300–319. doi: 10.1037/1528-3542.1.3.300
15. Bromberek-Dyzman K., Rafał J. Cross-linguistic differences affect emotion and emotion-laden word processing: Evidence from Polish-English and Romanian-English bilinguals // International Journal of Bilingualism. 2021. Vol. 25 (5). P. 1161–1182. doi: 10.1177/1367006920987306
16. Bychkova T., Kolosova E., Safin I. Representation of Gender Concepts in the Russian and Polish Languages // The social sciences. 2015. Vol. 10 (15). P. 562–565.
17. Codispoti M., Surcinelli P., Baldaro B. Watching emotional movies: Affective reactions and gender differences // International Journal of Psychophysiology. 2008. Vol. 69 (2). P. 90–95. doi: 10.1016/j.ijpsycho.2008.03.004
18. Fernández C.E., Pascual J., Soler J., Elices M., Portella M. Physiological responses induced by emotion-eliciting films // Applied Psychophysiology and Biofeedback. 2012. Vol. 37(2). P. 73–79. doi: 10.1007/s10484-012-9180-7

19. Kurdi B., Lozano S., Banaji R. Introducing the Open Affective Standardized Image Set (OASIS) // *Behav Res Methods*. 2017. P. 457–470. doi: 10.3758/s13428-016-0715-3

20. Lim N. Cultural differences in emotion: differences in emotional arousal level between the East and the West // *Integrative Medicine Research*. 2016. Vol. 5 (2). P. 105–109. doi: 10.1016/j.imr.2016.03.004

21. Naranowicz M., Jankowiak K., Behnke M. Mood and gender effects in emotional word processing in unbalanced bilinguals // *International Journal of Bilingualism*. 2023. Vol. 27 (1). P. 39–60. doi: 10.1177/13670069221075646

22. Masuda T., Ellsworth P.C., Mesquita B., Leu J., Tanida S., de Veerdonk E.V. Placing the face in context: cultural differences in the perception of facial emotion // *Journal of personality and social psychology*. 2008. № 94 (3). P. 365–381. doi: 10.1037/0022-3514.94.3.365

23. Matsumoto D. American-Japanese cultural differences in judgements of expression intensity and subjective experience // *Cogn. Emotion*. 1999. Vol. 13. P. 201–218. doi: 10.1080/026999399379339

24. Matsumoto D., Yoo S.H., Fontaine J. Mapping expressive differences around the world: the relationship between emotional display rules and individualism versus collectivism // *J. Cross. Cult. Psychol*. 2008. Vol. 39. P. 55–74. doi: 10.1177/0022022107311854

25. Panayiotou A. Bilingual emotions: The untranslatable self // *Estudios de Sociolinguística*. 2004. Vol. 5 (1). P. 1–19. doi: 10.1558/sols.v5i1.1

26. Pavlenko A. Emotion and emotion-laden words in the bilingual lexicon // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2008. Vol. 11 (2). P. 147–164. doi: 10.1017/S1366728908003283

27. Pavlenko A. Emotions and the body in Russian and English // *Pragmatics and Cognition*. 2002. Vol. 10 (1–2). P. 201–236. doi: 10.1075/pc.10.12.10pav

28. Dewaele J.-M. Expressing Anger in Multiple Languages // *Bilingual Minds: Emotional Experience, Expression and Representation* / ed. by A. Pavlenko. Clevedon, UK : Multilingual Matters Ltd., 2006. P. 118–151.

29. Pogosyan M., Engelmann J.B. Cultural differences in affect intensity perception in the context of advertising // *Front. Psychol*. 2011. P. 1–21. doi: 10.3389/fpsyg.2011.00313

30. Stepanova O., Coley J. Envy and jealousy in Russian and English: Labeling and conceptualization of emotions by monolinguals and bilinguals. 2006. P. 209–231. doi: 10.21832/9781853598746-010

31. Vrana S., Rollock D. The role of ethnicity, gender, emotional content, and contextual differences in physiological, expressive, and self-reported emotional responses to imagery // *Cognition and Emotion*. 2002. Vol. 16 (1). P. 165–192. doi: 10.1080/02699930143000185

32. Wierzbicka A. *Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universality*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 237. doi: 10.1017/CBO9780511521256

REFERENCES

1. Vasilyeva, A.V. (2022) Perception of the emotional vocabulary of the first and second language lexicons in the conditions of language contact (Turkic-Russian heritage bilingualism). *Rusin*. 70. pp. 254–267 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/70/15
2. Wierzbicka, A. (1996) *Yazyk. Kultura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Translated from English. Moscow: Russkie slovari.
3. Vladimirova, V.E., Rezanova, Z.I. & Korshunova, I.S. (2022) Ethno-linguistic contact as reflected in language cognition: Does bilingualism affect subjective assessments of perceptual semantics? *Rusin*. 70. pp. 214–231 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/70/12
4. Gorelov, I.N. (1980) *Neverbalnye komponenty kommunikatsii* [Nonverbal components of Communication] Moscow: Nauka.
5. Kozhenevska-Berczynska, I. (2014) Intercultural communication in the light of Polish and Russian speech etiquette. *RUDN University Press*. 4. pp. 188–197 (in Russian).
6. Larina, T.V. (2006) A smile opens many doors: emotions in communication and translation. *Bridges. Zhurnal perevodchikov*. 4. pp. 50–55 (in Russian).
7. Lykoshina, L.S. (2016) Poland and the Poles in Russian public discourse. *Aktualnye problemy Evropy*. 2. pp. 65–84 (in Russian).
8. Magomedov, P.S. & Sharbuzova, K.Z. (2019) Kross-kul'turnoe issledovanie gendernykh razlichiy v tsennostyakh [A cross-cultural study of gender differences in values]. *Izvestiya DGPU*. 13. pp. 101–110 (in Russian). doi: 10.31161/1995-0659-2019-13-4-101-110
9. Ovsyanik, O.A. & Farber, A.V. (2021) Cross-cultural gender characteristics of value orientations of women managers. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki*. 4. pp. 107–116 (in Russian). doi: 10.18384/2310-7235-2021-4-107-116
10. Piz, A. (2007) *Yazyk telodvizheniy* [Body Language]. Moscow: Eksmo.
11. Ter-Minasova, S.G. (2004) *Yazyk i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Language and Intercultural Communication]. 2nd ed. Moscow: Moscow State University.
12. Shakhovskiy, V.I. (2008) *Lingvisticheskaya teoriya emotsiy* [Linguistic theory of emotions]. Moscow: Gnozis.
13. Bianchin, M. & Angrilli, A. (2012) Gender differences in emotional responses: A psychophysiological study. *Physiology & Behavior*. 105(4). pp. 925–932. doi: 10.1016/j.physbeh.2011.10.031
14. Bradley, M.M. et al. (2001) Emotion and motivation II: sex differences in picture processing. *Emotion*– 2001. 1(3). pp. 300–319. doi: 10.1037//1528-3542.1.3.300
15. Bromberek-Dyzman, K. & Rafał, J. (2021) Cross-linguistic differences affect emotion and emotion-laden word processing: Evidence from Polish-English

- and Romanian-English bilinguals. *International Journal of Bilingualism*. 25(5). pp. 1161–1182. doi: 10.1177/1367006920987306
16. Bychkova, T. Kolosova, E. & Safin, I. (2015) Representation of Gender Concepts in the Russian and Polish Languages. *The Social Sciences*. 10(15). pp. 562–565.
17. Codispoti, M., Surcinelli, P. & Baldaro, B. (2008) Watching emotional movies: Affective reactions and gender differences. *International Journal of Psychophysiology*. 69(2). pp. 90–95. doi: 10.1016/j.ijpsycho.2008.03.004
18. Fernández, C.E., Pascual, J., Soler, J., Elices, M. & Portella, M. (2012) Physiological responses induced by emotion-eliciting films. *Applied Psychophysiology and Biofeedback*. 37(2). pp. 73–79. doi:10.1007/s10484-012-9180-7
19. Kurdi, B., Lozano, S. & Banaji, R. (2017) Introducing the Open Affective Standardized Image Set (OASIS). *Behav Res Methods*. pp. 457–470. doi:10.3758/s13428-016-0715-3
20. Lim, N. (2016) Cultural differences in emotion: differences in emotional arousal level between the East and the West. *Integrative Medicine Research*. 5(2). pp. 105–109. doi: 10.1016/j.imr.2016.03.004
21. Naranowicz, M., Jankowiak, K. & Behnke, M. (2023) Mood and gender effects in emotional word processing in unbalanced bilinguals. *International Journal of Bilingualism*. 27(1). pp. 39–60. Doi: 10.1177/13670069221075646
22. Masuda, T., Ellsworth, P.C., Mesquita, B., Leu, J., Tanida, S. & de Veerdonk, E.V. (2008) Placing the face in context: cultural differences in the perception of facial emotion. *Journal of Personality and Social Psychology*. 94(3). pp. 365–381. doi: 10.1037/0022-3514.94.3.365
23. Matsumoto, D. (1999) American-Japanese cultural differences in judgments of expression intensity and subjective experience. *Cogn. Emotion*. 13. pp. 201–218. doi: 10.1080/026999399379339
24. Matsumoto, D., Yoo, S.H. & Fontaine, J. (2008). Mapping expressive differences around the world: the relationship between emotional display rules and individualism versus collectivism. *Journal of Cross. Cult. Psychol*. 39. pp. 55–74. doi: 10.1177/0022022107311854
25. Panayiotou, A. (2004) Bilingual emotions: The untranslatable self. *Estudios de Sociolinguística*. 5(1). pp. 1–19. doi: 10.1558/sols.v5i1.1
26. Pavlenko, A. (2008) Emotion and emotion-laden words in the bilingual lexicon. *Bilingualism: Language and Cognition*. 11(2). pp. 147–164. doi: 10.1017/S1366728908003283
27. Pavlenko, A. (2002) Emotions and the body in Russian and English. *Pragmatics and Cognition*. 10(1–2). pp. 201–236. doi: 10.1075/pc.10.12.10pav
28. Pavlenko, A. (2006) *Bilingual Minds: Emotional Experience, Expression and Representation*. Clevedon, UK: Multilingual Matters Ltd. pp. 118–151.
29. Pogosyan, M. & Engelmann, J.B. (2011) Cultural differences in affect intensity perception in the context of advertising. *Front. Psychol*. 2. pp. 1–21. doi: 10.3389/fpsyg.2011.00313

30. Stepanova, O. & Coley, J. (2006) *Envy and jealousy in Russian and English: Labeling and conceptualization of emotions by monolinguals and bilinguals*. In: Pavlenko, A. (ed.) *Bilingual Minds: Emotional Experience, Expression, and Representation*. Bristol, Blue Ridge Summit: Multilingual Matters.

31. Vrana, S. & Rollock, D. (2002) The role of ethnicity, gender, emotional content, and contextual differences in physiological, expressive, and self-reported emotional responses to imagery. *Cognition and Emotion*. 16(1). pp. 165–192. doi: 10.1080/02699930143000185

32. Wierzbicka, A. (1999) *Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universality*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 237. doi: 10.1017/CBO9780511521256

Иванкова Ксения Сергеевна – аспирант кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики Томского государственного университета (Россия).

Ksenia S. Ivankova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: senya.gl@mail.ru

УДК 811-162

UDC

DOI: 10.17223/18572685/75/18

Новообразования политической сферы в интернет-пространстве

Д. Саболова

Католический университет в Ружомбероке
Словакия, 034 01, Ружомберок, Грабовска цеста 1

E-mail: d_s@centrum.sk

Авторское резюме

Дан анализ некоторых новых лексических единиц, относящихся к политической сфере. Данная сфера привлекает большой интерес общественности, и отдельные явления комментируются не только политиками, но и не политиками. Представлена новая лексика, отражающая настроение и обстановку в современном обществе Словакии (главным образом в последнее десятилетие), причём значительная часть исследуемых новообразований, особенно единиц, образованных на базе антропонимов, относится к периоду пандемии коронавируса и вызвана критическим отношением общественности к принимаемым мерам, которые были намного строже, чем в других государствах. Новые лексические единицы своей семантикой передают меняющееся отношение к отдельным проявлениям в идеологии, политике и новой реальности. Анализируется лексика словацкого языка, причём при наличии эквивалентов словацких единиц в чешском языке, приводятся и единицы чешского языка с комментарием и примерами их употребления. Выявляются не только новые единицы, но и возможности передачи новообразований средствами русского языка. Представлены две группы таких единиц. Наименования, относящиеся к первой группе – названия, основанные на базе имён нарицательных, – в основном не представляют трудности при переводе. Проблемы возникают при передаче единиц второй группы (главным образом окказионализмов) средствами другого языка. В статье представлены возможные варианты русскоязычных эквивалентов окказиональной лексики. В результате анализа автор приходит к выводу, что при передаче такого рода новообразований необходимо учитывать контекст, в котором встречаются отдельные единицы, так как слова и выражения могут приобретать противоположное

значение. Подчёркивается также важность учёта фоновых знаний при анализе и переводе лексики.

Ключевые слова: лексическая единица, новообразование, политическая сфера, перевод, словацкий язык, чешский язык

Political neologisms in the Internet

Drahomira Sabolova

¹ Catholic University in Ružomberok
Hrabovská cesta, Ružomberok, 034 01, Slovakia
E-mail: d_s@centrum.sk

Abstract

The article analyses some new lexical units related to the politics. Since politics attracts a great deal of public interest, some phenomena are commented on not only by politicians, but also by non-politicians. The author focuses on new vocabulary that appeared to reflect the mood and situation in contemporary Slovakian society (mainly in the last decade). Most of the studied new forms, especially those formed on the basis of anthroponyms, refer to the period of the coronavirus pandemic and result from the critical attitude of the public to the measures taken (which were much stricter than in other countries). New lexical units with their semantics convey a changing attitude to separate manifestations of ideology, politics, and new reality. The author analyzes the lexicon of the Slovak language and, if there are equivalents of Slovak units in the Czech language, provides units of the Czech language with comments and examples of the use. The article discusses not only the identification of new units, but also the possibility of transferring new forms by means of the Russian language. The author identifies two groups of units: names of the first group are based on common nouns and generally are not difficult to translate. Names of the second group, mainly nonce-words, may cause problems in translation. The author comes up with possible variants of Russian-language equivalents for such nonce-words and concludes that when translating this kind of new forms, it is necessary to take into account their context, where words and expressions may acquire completely opposite meanings. The importance of taking background knowledge into account when analysing and translating vocabulary is also emphasized.

Key words: lexical unit, neologism, political sphere, translation, Slovak, Czech languages

В настоящее время большой интерес вызывает общественно-политическая сферы, отдельные вопросы которой обсуждаются на различных площадках. В процессе общения в интернет-пространстве появляются окказиональные лексические единицы, часть которых начинают употреблять в речи и другие представители общественности. Формирование такого рода единиц происходит на фоне конкретных общественно-политических событий, являясь своего рода индикатором процессов в социуме.

Целью нашего исследования является выявление новых, главным образом окказиональных лексических единиц, появившихся в речи политиков и не политиков как реакция на сложившуюся ситуацию. Актуальность исследования определяется наличием новых единиц в интернет-пространстве. Предметом исследования стали актуальные новообразования в словацком языке. В силу близости словацкого и чешского языков приведём эквиваленты словацких единиц в чешском языке. Это касается в основном наименований на базе имён нарицательных, но встречаются и сходные антропонимические названия на базе прецедентных имён. Внимание уделяется также поиску подходящего перевода отдельных единиц на русский язык. Мы согласны с мнением П. Сандрини, назвавшего профессиональный перевод межъязыковой транскультурной профессиональной коммуникацией. Он отличает это понятие от межкультурной коммуникации, характеризующейся прямым контактом между представителями разных культур. Переводчик является посредником межъязыковой коммуникации. Сандрини подчёркивает, что профессиональный перевод – это не просто перевод текстов на профессиональном языке, а интегративная часть межкультурной профессиональной коммуникации [40: 32]. Поэтому при выявлении эквивалентов отдельных единиц в другом языке необходимо знакомство с фоновыми знаниями, а в случае отсутствия аналогичного наименования в целевом языке – дополнительная информация. В статье используется семантико-словообразовательный анализ и при необходимости – мотивационный анализ. В качестве материала для анализа выступают наименования, зафиксированные в СМИ, социальных сетях, дискуссионных форумах. В нашей подборке преобладают имена существительные, которые можно разделить на две группы. С одной стороны, это лексические единицы, производящей основой которых являются имена нарицательные, с другой стороны, это единицы, возникшие на основе антропонимов. Среди новых единиц есть слова нейтральные, но большинство единиц маркирует определённую коннотацию.

К первой группе можно отнести названия политических партий. Эти названия в основном не имеют окраски, и большинство таких единиц не представляет трудности при переводе на другие языки. В качестве примера можно привести названия *Progresívne Slovensko* (Прогрессивная Словакия) и *Sme Rodina* (Мы-семья). Другие названия могут иметь расхождения при переводе. Это относится к названию партии *Smer*. В силу того что слово можно перевести как ‘курс’ или ‘направление’, мы встречаем различный перевод названия данной партии в российских СМИ, отмечен даже перевод русской аббревиатурой одного из вариантов, несмотря на то что в словацком языке такая аббревиатура не употребляется: «Победу на парламентских выборах в Словакии одержала партия “Н-СД” экс-премьера Фицо» [2]. На наш взгляд, целесообразно указывать оригинальное название и далее в тексте предложить перевод, как в примере: «Партия Smer... “Партия Направление-социальная демократия” набрала наибольшее число голосов избирателей» [1].

Вторую группу составляют единицы, отличающиеся определённой коннотацией. Так, слово *kaviareň* первоначально означало ‘кафе’. После 2000 г. слово стало употребляться в новом значении – для обозначения представителей либеральных взглядов. Причём к существительному добавляются адъективы *либеральный* или *братиславский*, так как больше всего сторонников либеральных взглядов живёт в Братиславе. Толкование этого понятия находим в примере: «Pojmom “*bratislavská kaviareň*” označujú niektorí politici skupinu ľudí, ktorá žije v hlavnom meste, vysedáva po kaviarňach a podľa nich nevie nič o skutočnom živote» (Понятие «*братиславское кафе*» используется некоторыми политиками для описания группы людей, которые живут в столице, тусуются в кафе и, по их мнению, ничего не знают о настоящей жизни) (перевод здесь и далее мой. – Д.С.) [16]¹. Другой источник указывает на склонность представителей данной группы к прогрессивизму: «*Liberálna bratislavská kaviareň* dobre vie, že svojimi neomarxistickými názormi na progresívnu úlohu práva v spoločnosti je v menšine» (Либеральное братиславское кафе прекрасно знает, что с его неомарксистскими взглядами на прогрессивную роль права в обществе оно находится в меньшинстве) [25].

Аналогичное новое значение появилось и у чешского эквивалента слова «*kaviareň*» – *kavárna*, причём используется составное наименование с прилагательным *пражский*. Онлайн-словарь содержит понятие *pražská kavárna*, обозначающее интеллектуалов из крупных городов, активно интересующихся политикой, а также отсылку к синонимичным названиям: *pravdoláskař*, *kavárnokracie* [6]. На сайте чешской газеты «*Lidovky*» высказывается мнение, что *пражское*

кафе благодаря высказываниям президента Земана, ассоциируется с кругом сторонников В. Гавела и является синонимом ранее употребляемого термина *gavelizmus* [22]. Данную единицу иллюстрируем примером: «Prezident Miloš Zeman pohrdlivě počastoval své oponenty termínem „pražská kavárna“... Co jím chtěl naznačit? Že jeho odpůrci jsou elitáři, žvanilové, intelektuálové, povaleči?» (*Президент Милош Земан пренебрежительно назвал своих оппонентов «пражским кафе». Что он имел в виду? Вероятно, то, что его оппоненты – элита, болтуны, интеллектуалы, бездельники?*) [22].

Следующее наименование появилось в 2018 г. после убийства журналиста, тогда было сформировано движение *Za slušné Slovensko*, которое организовывало протесты против правительства. Упомянутое название стало основой для композита *slušnosť*, что можно перевести как ‘приличные’ или же ‘порядочные люди’. Примеры показывают, что *приличные люди* со временем стали не очень приличными: «Agresivita *slušnosti* sa po prehre v prezidentských voľbách podľa neho vystupňovala do extrémnej podoby» (*Агрессивность «приличных людей» выросла до крайней формы после поражения на президентских выборах*) [47]. Встречается и наименование в единственном числе: «A *slušný* človek došiel ku mne a začal mi nadávať» (*И – «приличный человек» подошёл ко мне и начал меня оскорблять*) [47]. В определённой степени понятия *kaviareň* и *slušnosť* совпадают: оба относятся к представителям оппозиции премьер-министру Фицо.

Аналогичное название (к *slušnosť*) находим и в чешском языке: композит, образованный от слов *lepší* + *lidé* – *lepší lidé/lepší lidé*. Название ввёл в оборот владелец ТВ-канала, о чём свидетельствует высказывание: «*Lepeší lidé* je termín zavedený do české společenské komunikace koncem roku 2018 Jaromírem Soukupem z televize TV Barrandov» (*«Лепшолиды» или же лучшие люди – термин, введённый в чешскую общественную коммуникацию в конце 2018 г. Яромиром Соукупом с TV Barrandov*) [30]. Это название употреблял и президент Земан, характеризуя данное понятие следующим образом: «*Lepeší lidé* jsou ti, kteří se považují za něco lepšího než my ostatní a kteří nám neustále radí, co máme dělat, a kteří své názory považují za nadřazené názorům těch druhých» (*Лучшие люди – это те, кто считает себя лучше остальных, кто постоянно говорит нам, чего не следует делать, и кто ставит своё мнение выше мнения других*) [30]. Понятие частично перекрывает более старый термин из аналогичного спектра – «пражское кафе». Лепшолиды – более широкий термин, чем пражское кафе, и не имеет локального значения, т. к. относится и к жителям других городов.

В связи с миграционным кризисом появилась новая единица *slniečkar*, обозначающая тех, кто приветствовал мигрантов, введе-

ние квот на их приём и мультикультурализм. На дискуссионном форуме газеты «SME» встречается следующее определение слова *slniečkar*: «*Slniečkar je človek ktorý dokáže nadávať druhým do fašistov a xenofóbov, keď si dovoľí tento odmietnuť teroristické útoky, podriaďovanie sa moslimskému právu*» (*“Солнышкар” – это человек, который может называть других фашистами и ксенофобами, когда они смеют критиковать террористические атаки, подчинение мусульманскому праву*) [42]. Исходя из приведённого определения данного слова, можно предположить, что автором цитируемого высказывания является сторонник Фицо. Другое толкование представлено в блоге оппозиционной газеты «DennikN»: «*Slovo “slniečkár”, alebo “pravdoláskár”, sa stalo na Slovensku nadávkou. Označovaní sú ním tí, ktorí nezdieľajú Ficov, Kotlebov a Sulíkov negatívny postoj k prijímaniu utečencov*» (*Слово «солнышкар», или «правдоласкар» (правдолюб), стало в Словакии ругательством. Им называют тех, кто не разделяет негативного отношения Фицо, Котлебы и Сулика к приёму беженцев*) [4]. Следует добавить, что композит *pravdoláskár* заимствован из чешского *pravdoláskář* и восходит к высказыванию президента Гавела, что правда и любовь должны победить ложь и ненависть. Это подтверждает и следующая цитата: «*Slovo “slniečkar” pripomína a nahrádza slovo “pravdoláskár” používané v Česku*» (*Слово «slniečkar» напоминает и заменяет слово «pravdoláskár», используемое в Чехии*) [45].

В чешском языке используются оба вышеупомянутых новообразования. В онлайн-словаре приводится следующая характеристика слова *pravdoláskář*: «*člověk hlásící se k odkazu prvního českého prezidenta... s liberálním pohledem na svět, občas vystupující jako patetický obránce demokracie*» (*человек, придерживающийся наследия первого чешского президента... с либеральным взглядом на мир, иногда патетически выступающий в защиту демократии*) [6]. Слово *sluníčkář* и его вариант *sluníčko* (уменьшительное название солнца) характеризует сторонников мультикультурализма. Об интересе к данным единицам свидетельствует цитата: «*Výraz “sluníčkář” se v internetových diskuzích, a nejen v nich, v posledních měsících objevuje se zvyšující se frekvencí. Podle jazykovědců je to výraz pejorativní, jehož negativita se v poslední době ještě dále prohlubuje. “Sluníčkář” zřejmě částečně nahrazuje “pravdoláskáře”, domnívá se ředitel Ústavu pro jazyk český*» (*Слово «слуничкарж» в последние месяцы всё чаще появляется в интернет-дискуссиях, да и не только в них. По мнению лингвистов, это уничижительное слово, негативность которого в последнее время только усиливается. Похоже, что «слуничкарж» частично заменяет слово «правдоласкарж», – говорит директор Института чешского*

языка) [21]. К сказанному еще добавляется, кого обозначают этой номинацией: «*„Používá se to pro takové naivní, multikulti, nadšené, pozitivní osoby. Je to citově zabarvené, trochu hanlivě“, doplňuje ho Michaela Lišková z oddělení současné lexikologie a lexikografie ÚJČ*» (*«Его используют для обозначения таких наивных, мультикультурных, восторженных, позитивных людей. Оно эмоционально окрашено, несколько уничижительно», – добавляет Михаэла Лишкова из отдела современной лексикологии и лексикографии ИЧЯ*) [21].

Для обозначения избирателей, которые, не задумываясь, как овцы, следуют за «вождями», служит наименование, основанное на игре слов, т.к. гражданин по-словацки *občan*, и с заменой буквы возникает намёк на овцу, т.е. поведение овцы, что иллюстрируется примерами: «*Ovčan je tvor stádovitý. Má tendenciu ochotne a hrdο nasledovať vodcu, ktorý ho vie nalákať na ľubovoľnú frázu alebo kocku cukru*» (*Овчанин – стадное существо. Он охотно и гордо следует за вожаком, который может заманить его любой фразой или кусочком сахара*) [28].

В чешском языке мы также встречаемся с аналогом *ovčan* (и вариант *ofčan*): «*občan, který se chová jako ovce*» (*гражданин, который ведет себя как овца*) [6]. А в блоге автора Хайзлера приводится и английский вариант: «*Ovčané, v angličtině „Sheeple“, jsou zdaleka nejpočetnější skupinou lidí. Ovčan je slušným a poslušným členem lidského společenství*» (*Овчане, что по-английски «Шипл», на сегодняшний день являются самой многочисленной группой людей. Овчанин – порядочный и послушный член человеческого общества*) [14].

Ещё одно новообразование появилось для наименования тех, кто во время пандемии ставил под сомнение меры, принимаемые со стороны государства, тех, кто распространял «конспирологические теории» – *dezolát*. Позже данное понятие распространилось на всех, кто выступал против правительства. Стоит отметить, что толкование такого существительного не содержится в толковом онлайн-словаре словацкого языка, определяется только прилагательное – ‘жалкий, отчаявшийся, безутешный’ или же ‘бедный, не соответствующий по качеству’. К сказанному добавим, что слово нелитературное, но в онлайн-словаре словацкого языка содержится парадигма склонения этого существительного (без объяснения значения). Употребление данной единицы иллюстрируем заголовком, появившимся в новостях телеканала: «*Dezoláti v uliciach, hlásal titulok k reportáži na Markíze*» (*Дезоляты на улицах, гласил заголовок к репортажу «Маркизы»*) [41]. Далее в онлайн-газете сообщается о том, что это выражение стало появляться во время пандемии: «*Slovo dezolát sa v našom slovníku začalo objavovať počas pandémie ako hanlivé a pejoratívne označenie ľudí, ktorí sú povedzme nedostatočne mentálne zdatní, veria konšpiračným*

teóriám”, vysvetľuje novinárka a pedagogička Terézia Rončáková» (*Слово «дезолят» стало появляться в нашем лексиконе во время пандемии как оскорбительное и уничижительное обозначение людей, «которые, скажем так, недостаточно умственно развиты, которые верят в теории заговора», – объясняет журналист и педагог Терезия Рончакова*) [41]. Скандал разразился, когда в социальной сети бывший министр обороны Словакии опубликовал фотографию с надписью *Словакам и дезоле вход воспрещён*: «Na fotografii Nad' pózuje s ministerkou obrany ČR Janou Černochovou v českom pohostinstve, prstami na pravej ruke ukazuje symbol V a v ľavej ruke drží tabuľku s podstavcom, na ktorej je napísané: “Slovákum a dezolé vstup zakázán»» (*На фотографии Надь позирует с министром обороны Чехии Яной Черноховой в одном из чешских трактиров, пальцы его правой руки указывают символ V, а в левой он держит табличку с надписью “Словакам и дезоле вход воспрещен”*) [9].

Довольно большую часть новообразований представляют единицы, основанные на антропонимах. Они формируются для обозначения характеристики правления или реализуемых шагов того или иного деятеля. Функционируют как дериваты, так и композиты, преобладающее большинство такого рода единиц имеет негативную коннотацию.

Среди дериватов выделяются слова, образованные при помощи суффикса -izmus (-изм): «“Bol to *ficizmus*, predtým *mečiarizmus*, pred tým *komunizmus*. Každý autoratívny režim, by mal končiť na izmus”, povedal Kňažko, ktorý však zrejme “zabudol” na *dzurindizmus*, ktorého bol sám súčasťou v rokoch 1998–2002, keď pôsobil ako minister kultúry SR. *Dzurindizmus* sa vyznačoval škandalóznym privatizovaním strategických podnikov do zahraničných rúk» (*«Это был фицизм, до этого – мечьяризм, до этого – коммунизм. Каждый авторитарный режим должен заканчиваться измом», – заявил Княжко, который, однако, видимо, «забыл» о дзуриндизме, частью которого он сам был в 1998–2002 годах, когда занимал пост министра культуры СР. Дзуриндизм характеризовался скандальной приватизацией стратегических предприятий в иностранные руки*). Исходя из позиции автора, данные «измы» обладают негативной коннотацией [15].

Выдающейся личностью в своё время был В. Гавел, ставший первым президентом после 1989 г. В настоящее время появляется все больше критических замечаний по поводу его деятельности, что иллюстрируется примерами со словом *havlizmus*. Номинацию стал употреблять В. Клаус, который сменил Гавела на посту президента: «Václav Havel a jeho špecifická ideológia, pre ktorú nemám lepší názov než *havlizmus*, bol absolútne iný svet... Bolo to extrémne ľavičiarstvo» (*Вацлав Гавел и его особая идеология, для которой у меня нет лучшего названия, чем гаве-*

лизм, – это совершенно другой мир... Это была крайняя левизна) [46]; «Havlizmus nebol schopný vytvoriť politickú programovú alternatívu... Bol schopný búrať, nie tvoriť» (*Гавелизм не смог создать политическую программную альтернативу... Он был способен разрушать, а не создавать*) [19]. Критику по поводу сторонников политики Гавела находим и в высказываниях чешского политолога П. Друлака: «Havlizmus sa však vymyká svojou dokonalou servilitou voči mocnému spojencovi a pripravenosťou morálne vyzdvihovať aj americkú reálpolitiku» (*Гавелизм, однако, выделяется своим беспредельным раболепием перед могущественным союзником и готовностью морально превозносить даже американскую реальную политику*) [8].

Встречаются и другие дериваты: существительное *havloid* – уничижительное обозначение сторонников Гавела, которыми иногда иронически называют себя как раз сами сторонники Гавела (в таком случае коннотация положительная), и адъектив *posthavlistický*. Данные единицы функционируют в высказываниях: «Prominentný havloid Saša Vondra bije na poplach, politika EÚ zruinuje európsky priemysel a vyvolá obrovské sociálne nepokoje» (*Видный гавлоид Саша Вондра бьет тревогу: политика ЕС разрушит европейскую промышленность и вызовет огромные социальные волнения*) [7]; «Neuspela posthavlistická pražská kaviareň» (*Постгавелистское пражское кафе потерпело крах*) [23].

Данные единицы изначально появились в чешском языке, причем следует отметить, что в социальной сети «Фейсбук» находим страницу под названием *Havloid*, которая объединяет «havloidy a pravdolásky» (*гавлоидов и правдолюбков*) на двух колёсах, т. е. байкеров [10], но новообразование встречается и в высказываниях политиков, общественных деятелей: «Havloid je dneska pejorativní označení» (*Гавлоид сегодня является уничижительным названием*) [29]; «V mojím zemi se dokonce odkaz Václava obrátil v opak. Slova jako havloid, sluníčkář, pravdolásky nezastírají svůj pejorativní náboj» (*В моей стране наследие Вацлава даже превратилось в противоположное. Такие слова, как «гавлоид», «слуничкарь», «правдолюб», не скрывают своего уничижительного заряда*) [5]; «S Milošem mě spojil havlistický režim, říká Klaus v rozhovoru MF DNES» (*Гавелистский режим свёл меня с Милошем, – говорит Клаус в интервью газете MF DNES*) [20].

Примером сложения могут служить композиты, представленные ниже. Первые из них образованы на основе фамилии политика Фицо и слова *vláda* (правительство), а также *volič* (избиратель): «Získala Ficovláda väčšinu? (Получило ли Фицоправительство большинство?) [44]. В следующем предложении содержится определение слова *ficovolič*: «Najprv, pre účely tohto textu, definícia slova “ficovolič”: Volič Smeru, Hlasu, alebo pridruženej populistickej dcérskej spoločnosti»

(Сначала для целей данного текста дадим определение слову «фицоизбиратель»: избиратель «Смера», «Голоса» или связанной с ними популистской дочерней компании) [31]. Появился и композит *fícovoličstvo*, вторую часть которого представляет собирательное наименование для избирателей: «Tvrdím, že nezanedbateľnú časť *fícovoličstva* tvorí skupina, ktorá sa jedného dňa presunie na opačný breh» (Я утверждаю, что немалая часть фицоизбирателей – это группа, которая однажды переберётся на противоположный берег) [31].

Довольно много новых единиц соотносится с именем бывшего премьер-министра Игоря Матовича. Одним из них является композит, образованный от усечённой основы фамилии (*Matovič*) и глагола *mrdať* (вульгарное обозначение для полового акта) – *Matomrd*. В качестве иллюстрации приведём цитату из социальной сети, в которой, исходя из контекста, эту лексему можно перевести как ‘ублюдок’. В данном случае не имеется в виду сам политик, а сторонники, одобряющие его указы, довольно жёсткие правила во время пандемии: «Treba presnejšie definovať zákaz... aby som nedaťbože neporušila niečo a nejaký *matomrd* ma nenahlásil» (Нужно более точно определить запрет... чтобы не нарушить что-нибудь и чтобы какой-нибудь ублюдок не донёс на меня) [12]. Аналогичным образом возникло и слово *Matopič*, вторую часть которого составляет основа вульгарного названия женского полового органа и *Matovičok* (*Matovič* + *novičok*). В этом случае новообразование называет именно политика: «*Matopič* vyzval pozitívnych... zostráňte doma v poctivej korónaténe» (Идиот Матович призвал людей с положительным коронастетом... сидите дома на честном коронакарантине) [33]; «tak práve teraz označil *matovičok* na TA3 vedenie Slovenskej lekárskej komory ako “bludárov”» (так вот, только что этот Матовичок на ТА3 назвал руководство Словацкой медицинской палаты «бредовым») [36].

Схожесть корня наименования фамилии политика с корнем слова *zmätok* (хаос) и *romätený* (сумасшедший) послужила базой для формирования единиц *zMätovič/Zmatkovič*, *romätovič/Pomatovič*, что обнаруживаем в контексте: «poskaľal to *zMätovič* (все испортил Матович-Хаосович) [34]; «*Zmatkovič*, ktorý sa ani včera neudržal aby si nepoplakal ...hajde sa liečiť do Pezinka» (Хаосович, который вчера не сдержал слёз... айда в Пезинок лечиться [34]; «*narcissimo romätovič*» (нарциссисто шизикматович) [37]; «*Pomatovič* a celá nová vláda je Pырhovo víťazstvo médií a žurnalistov» (Шизикматович и всё новое правительство – это Пыррова победа СМИ и журналистов) [37]. В вышеуказанных примерах содержится намёк на самолюбие (нарциссизм), сумасшествие премьера (ему предстоит лечение в психиатрической больнице в г. Пезинок), а также намёк на роль СМИ, приведших его к

власти (Пиррова победа). Вариант исследуемой единицы встречается и в функции адъектива: «Vidím že Pomaťovičova vláda bude mať ešte kratšie trvanie ako Radičovej/Sorošovej» (*Я вижу, что правительство Шизикматовича просуществует еще меньше, чем правительство Радичовой/Соросовой*) [37].

Междометие (*ach*) и фамилия политика лежат в основе единицы *achmatovič*: «achmatovica hneva, že aj malé deti vidia, že je debil, musí mládež dostať na svoju úroveň?» (*Ахматовича бесит, что даже маленькие дети видят, что он debil, что ж, он должен довести молодежь до своего уровня?*) [18]. Пристрастие к выступлениям перед камерами на пресс-конференциях стало мотивацией для возникновения слова *Brífingovič* (брифинг + Матович): «Chlapci a kde máte vrchného Brífingoviča? Ako to, že robíte tlačovku bez Neho?» (*Ребята, где главный Брифингович? Почему вы проводите пресс-конференцию без него?*) [39]. Зафиксированы и случаи сравнения бывшего премьера со Сталином – наименование *Brífingstalin*, или же с Гитлером – *Hitlerovič*, что иллюстрируется примерами: «Problém v našom prípade vidím v tom, že náš malý Brífingstalin si myslí, že len ON všetko najlepšie vyrieši» (*Проблема в нашем случае заключается в том, что наш маленький Брифингсталин думает, что только ОН может всё решить*) [34]; «teraz vážne premýšľam, či Hitlerovič je na práškoch alebo je spitý pod obraz boží alebo je len jednoducho je.nutý» (*теперь я всерьез задаюсь вопросом, принимает ли Гитлерович таблетки или пьян вдрызг, или же он просто чокнутый*) [17].

Следующая единица, на которую обращается внимание, – *plačkomier* (глагол *plakať* + *premiér*). Бывший премьер выступал на пресс-конференциях со слезами на глазах, поэтому его прозвали *плаксой*: «Chaos na cestách a diletantstvo cirkusvlády pod vedením plačkomiera začína byť ako permanentný stav, či pardon chcel som napísať permanentný krízový štáb» (*Хаос на дорогах и дилетантизм циркправительства под руководством плаксы-премьера становится постоянным состоянием, или, простите, я хотел сказать, постоянным кризисным штабом*) [32]. От этого существительного было образовано и прилагательное: «Plačkomiersky diletant obviňuje Pellegriniho z toho, že plačkomier nezvládol riadenie štátu» (*Плаксопремьерский дилетант обвиняет Пеллегрини в том, что он сам – плакса-премьер, тот, кто не справился с управлением государством*) [35]. На базе усечённых основ слова *psychopat* и фамилии политика Матович появилось слово *psychomat*: «aký je rozdiel medzi psychomatom a pele? – pele nie je šialený a nemá modrú knižku!» (*в чем разница между психоматом и пеле? – Пеле не сумасшедший и у него нет белого билета*) [35]. Необходимо добавить информацию о том, что Пелле – это прозвище

политика Пеллегрини, предшественника Матовича в кресле премьер-министра.

В следующем примере речь идёт о схожести корней Matovič – Matýsek (сокращенное имя ребёнка), но для адекватного объяснения необходимы и фоновые знания: «Matýsek to posral» (*Матысек все испортил*) (обделался) [34]. В данном случае это намёк на фильм, в котором героем является маленький ребёнок, и фраза *Матысек обделался* относится к нему. Данный пример отсылает к периоду неумелого правления Матовича, который не буквально «обделался», а всё испортил.

Негативное отношение «братиславского кафе» к политике Фицо и стремление во всех недостатках в обществе винить именно его, нашли отражение в новой лексеме *lebofíco* (*ибофицо*) и деривате *lebofícizmus*: «Na všetko zlo sveta majú jedinú odpoveď – lebofíco» (*На всё зло мира у них есть только один ответ – ибофицо*) [11]. На факт, что оппозиционные политики строят свою предвыборную программу на противостоянии с Фицо, указывают следующие примеры: «LeboFíco ako volebný program? Bez leboFíco to nepôjde?» (*ИбоФицо как предвыборная программа? Без ибоФицо никак нельзя?*) [3]; «Zúfalí liberáli si z lebo Fíco, lebo Smer spravili politický program, lebo nedokážu ponúknuť nič iné» (*Отчаявшиеся либералы сделали ибо Фицо, ибо Смер своей политической программой, потому что ничего другого они предложить не могут*) [43]. Частоту употребления данного наименования подчёркивает автор блога: «Už len čakám, kedy sa výraz “lebofíco” dostane do Slovníka slovenského jazyka. Neustále zdôrazňovanie lebofíca však svedčí len a len o absolútnej neschopnosti vidieť skutočné problémy Slovenska» (*Я просто жду, когда слово “ибофицо” будет включено в Словарь словацкого языка. Однако постоянный акцент на ибофицо свидетельствует лишь об абсолютной неспособности видеть реальные проблемы Словакии*) [27]. На атаки Фицо со стороны оппозиции, приведшие к покушению, обращает внимание автор статьи: «To, čo dokázala opozícia, vojde do dejín. Sústavným opakovaním refrénu “Lebo Fíco” či “Fíco do basy” dosiahli vybičovanie vášní natoľko, až niekomu preplo, a siahol po extrémnom násilí» (*То, чего добилась оппозиция, войдёт в историю. Постоянно повторяя припев «Ибо Фицо» или «Фицо в тюрьму», они сумели разжечь страсти до такой степени, что кто-то сошёл с ума и прибег к крайнему насилию*) [24]. После покушения одна из общественных деятелей высказалась, почему решила баллотироваться от партии «Смер» на выборах в Европейский парламент, не являясь членом партии: «Pýtali ste sa ma, prečo som pri strane Smer. Moja odpoveď na to je: LEBO FICO!» (*Вы спросили меня, почему я за партию Смер.*

Мой ответ на это: ИБО ФИЦО) [26]. В данном контексте «ибо фицо» имеет положительную окраску. Вышеупомянутый политик Матович обвинял во всех бедах не только Фицо, но и президента России. Он вменял в вину ему то, что из-за развязывания войны на Украине Путин украл у граждан Словакии 1 или 2 млрд евро, что нашло отражение в комментарии в социальной сети: «*Keď vymeniš repertoár Lebofisco za Leboputin*» (*Когда поменяешь репертуар и Ибофицо заменишь на Ибопутин*) [13]. Новообразование *ибофицо* стало основой для деривата *lebofícizmus*: «*a čo spájalo predošlú koalíciu? kšefty, korupcia, hlúposť, nekompetentnosť, arogancia, amaterizmus a lebofícizmus (a čo objedinovalo predýdušiu koalíciu? Biznes, korupcia, hlúposť, nekompetentnosť, vysokoмерие, дилетантство и ибофицизм)*» [38].

Для объяснения новообразования *пеллезатычка* (прозвище Пеллегрини + затычка) необходимы фоновые знания. Автор высказывания намекает на бывшего члена партии Фицо, который работал на разных постах в правительстве или парламенте, и сравнивает его с затычкой, используемой в нужных местах: «*V žumpě vznikla díрка. Tak potrebovali štuplík, takú pelleštuplík. A vždy keď vytekalo z tej žumpy, tak tam dali ten pelleštuplík*» (*В септике появилась дырочка. Поэтому им понадобилась затычка, маленькая пеллезатычка. И каждый раз, когда из септика вытекало, они клали туда пеллезатычку*) [15]. В данном примере проявляется чётко выраженный негативизм к Фицо и Пеллегрини со стороны представителя братиславского кафе – бывшего министра Княжко. Последняя из представленных единиц показывает, насколько грубым стал язык политики и политиков в Словакии, что имеет свои последствия и находит отражение в языке простых людей. И, как показали последние события, не только в языке, но и в действиях, кульминацией которых стала попытка покушения на словацкого премьер-министра (ибофицо).

В заключение можно сказать, что в лексике, относящейся к политической сфере, наблюдается продуктивный процесс словотворчества, причём превалируют единицы с негативной окраской. Новые слова, в основе которых лежат имена нарицательные, обладают большей частотностью, мы находим их в высказываниях политиков, в прессе, они переходят из речи в языковую систему. В основном это композиты и дериваты, но встречаются и семантические неологизмы (*kaviareň*). Окказионализмы на базе антропонимов превалируют в комментариях не политиков, а главным образом, в социальных сетях, на дискуссионных форумах, но, как показывает последний пример, и в речи политиков можно найти примеры использования неэтичных лексических единиц. Считаем важным фиксировать эти новообразования, т. к. они свидетельствуют о состоянии общества в настоящее

время. Слова (неологизмы и окказионализмы) с коннотацией могут представлять проблему при восприятии со стороны не носителей языка, в таких случаях необходимо привлекать фоновые знания и давать правильную оценку контекста. Недостаточная компетенция переводчика может привести к некорректному переводу, поэтому нужны дополнительные социокультурные сведения для достижения адекватности перевода.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. В данном материале, помимо высказываний автора указанной статьи, приводятся комментарии читателей. В случаях, когда речь идёт только о комментариях, в литературе не указан автор, а только название газеты и заголовок газетной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пархоменко Г.* В Словакии объявили окончательные итоги парламентских выборов. URL: <https://rg.ru/2023/10/01/v-slovakii-obiavili-okonchatelnye-itogi-parlamentskih-vyborov> (дата обращения: 20.03.2024).

2. *Пламенев И.* Партия «пророссийского» экс-премьера победила на выборах в Словакии. URL: <https://www.rbc.ru/politics/01/10/2023/6518d8489a7947199d406f2a> (дата обращения: 20.03.2024).

3. *Balaskova E. Beňová Ódorovi: LeboFico ako volebný program?* URL: <https://www.hlavnydenik.sk/2024/04/12/benova-odorovi-lebofico-ako-volebny-program> (дата обращения: 12.04.2024).

4. *Bechný Ľ.* Som slniečkar a nehanbím sa za to. URL: <https://dennikn.sk/blog/313100/som-slnieckar-a-nehانبim-sa-za-to/> (дата обращения: 25.03.2024).

5. *Český rozhlas Plus.* Plus slaví 10 let. Připomeňte si projev Pavla Rychetského nazvaný Demokracie a hodnoty dnes. URL: <https://plus.rozhlas.cz/plus-slavi-10-let-pripomente-si-projev-pavla-rychetskeho-nazvany-demokracie-a-8107734> (дата обращения: 11.11.2020).

6. *Čeština 2.0.* URL: <https://cestina20.cz/slovník/> (дата обращения: 05.03.2024).

7. *Čulen A.* Prominentný havloid Saša Vondra bije na poplach, politika EÚ zruinuje európsky priemysel a vyvolá obrovské sociálne nepokoje. URL: <https://alianciazanadelu.sk/archiv/4885> (дата обращения: 30.04.2024).

8. *Drulák P.* Návrat k Havlovi či fraška? Dedičstvo servility voči USA sa vracia do českej politiky. URL: <https://standard.sk/137510/navrat-k-havlovi-ci-fraska->

dedicstvo-servility-voci-usa-sa-vracia-do-ceskej-politiky/ (дата обращения: 30.04.2024).

9. EXTRA PLUS. Baránek posíela list Blanárovi: Naď sa dopustil nacistického konania! URL: <https://www.extraplus.sk/clanok/baranek-posiela-list-blanarovi-nad-sa-dopustil-nacistickeho-konania> (дата обращения: 30.04.2024).

10. Facebook. Havlroids. URL: <https://www.facebook.com/havlroids> (дата обращения: 30.04.2024).

11. Facebook. LBlaha. URL: https://www.facebook.com/LBlaha/posts/2535487410023156?_tn_=K-R (дата обращения: 02.02.2020).

12. Facebook. Ingrid.Radosovska. URL: https://www.facebook.com/ingrid.radosovska/?locale=en_GB (дата обращения: 04.12.2021).

13. Facebook. Teraz alebo nikdy. Keď vymeniš repertoár Lebofíco za LeboPutin. URL: <https://www.facebook.com/watch/?v=1022221481705000> (дата обращения: 14.04.2024).

14. Hajzler T. Ovčané a ti ďalší občané. URL: <http://blog.tomashajzler.com/clanek/ovcane-a-ti-dalsi-obcane> (дата обращения: 30.04.2024).

15. HD. Kňazko by na protestujúcich použil silu. «Malo to vyzeráť ako v Nemecku!». URL: <https://www.hlavnydenik.sk/2020/12/22/knazko-by-na-protestujucich-pouzil-silu-malo-to-vyzerat-ako-v-nemecku> (дата обращения: 30.04.2024).

16. Hilbertová M. Ako volila «bratislavská kaviareň»? URL: <https://blog.sme.sk/hilbertova/politika/ako-volila-bratislavska-kaviaren> (дата обращения: 25.03.2024).

17. HS. Premiér vystúpil v mimoriadnom prejave k testovaniu: «Pozývam vás, podťe. Máme obrovskú šancu týmto naším slovenským unikátnym liekom vykročiť v ústrety slobode». URL: <https://www.hlavnespravy.sk/premier-pozval-ludi-na-testovanie-hovori-o-pokuse-predist-lockdownu/2334232> (дата обращения: 31.10.2020).

18. HS. Ministerstvo školstva predstavilo v 80-stranovom dokumente redukciu učíva. URL: <https://www.hlavnespravy.sk/ministerstvo-skolstva-vedy-vyskumu-sportu-predstavilo-redukciu-uciva-urcilo-i-styri-hlavne-vzdelavacie-oblasti/2141150> (дата обращения: 28.04.2020).

19. IDNES. Havel bol reformný komunista, tvrdí Klaus. URL: <https://hnonline.sk/svet/569249-havel-bol-reformny-komunista-tvrdi-klaus> (дата обращения: 30.04.2024).

20. IDNES. S Milošem mě spojil havlistický režim, říká Klaus v rozhovoru MF DNES. URL: https://www.idnes.cz/zpravy/domaci/rozhovor-byvaly-prezident-vaclav-klaus-mf-dnes.A180118_205801_domaci_mpl (дата обращения: 11.01.2024).

21. IDNES. Sluníčkář je nový pravdoláskař. Zda je to jen móda, experti neodhadnou. URL: https://www.idnes.cz/zpravy/domaci/slunickar-je-novy-pravdolaskar.A150716_091217_domaci_zt (дата обращения: 25.03.2024).

22. *Joch R.* Pražská kavárna: symbol, nebo nadávka? URL: https://www.lidovky.cz/ceska-pozice/prazska-kavarna-symbol-nebo-nadavka.A141228_161158_pozice-tema_houd (дата обращения: 25.04.2024).

23. *Kerný D.D.* Českí voliči pochovali zamat i havlismus. URL: <https://snn.sk/news/ceski-volici-pochovali-zamat-i-havlismus/> (дата обращения: 25.04.2024).

24. *Klivanec M.* Chystá sa štátny prevrat? Ľudské hyeny hodujú na zranenom Ficovi. URL: <https://www.hlavnespravy.sk/chysta-sa-statny-prevrat-ludske-hyeny-hoduju-na-zranenom-ficovi/3493202> (дата обращения: 15.05.2024).

25. *Králik P.* Zápas o Ústavný súd by mal byť stretom konzervatívcov a liberálnej kaviarne, tvrdí Peter Tomeček z Národnej koalície. URL: <https://www.hlavnydenik.sk/2019/01/22/zapas-o-ustavny-sud-by-mal-byt-stretom-konzervativcov-a-liberalnej-kaviarne-tvrdi-peter-tomecek-z-narodnej-koalicie> (дата обращения: 25.04.2023).

26. *Laššáková L.* Lebo Fico! URL: <https://veci-verejne.sk/judita-lassakova-lebo-fico/> (дата обращения: 15.05.2024).

27. *Michal M.* LeboFico. URL: https://michalm.blog.pravda.sk/2023/09/27/lebofico/?utm_source=pravda&utm_medium=hp-box&utm_campaign=shp_rightbox (дата обращения: 27.09.2023).

28. Nesyklopedia. URL: <https://nesyklopedia.org/wiki/Ovčan> (дата обращения: 25.03.2024).

29. Parlamentní listy. Pavel Rychetský lamentoval: Humanita se vytratila. Havloid je dneska pejorativní označení. URL: <https://www.parlamentnilisty.cz/arena/monitor/Pavel-Rychetsky-lamentoval-Humanita-se-vytratila-Havloid-je-dneska-pejorativni-oznaceni-603025> (дата обращения: 30.04.2024).

30. Politický slovník. URL: <https://www.politicky-slovník.cz/politicke-mysleni/lepsolidi-z-prazske-kavarny/> (дата обращения: 23.03.2024).

31. *Pollák M.* Dnes ficovolič, zajtra človek pri zmysloch. URL: <https://blog.sme.sk/martinpollak/politika/dnes-ficovolic-zajtra-clovek-pri-zmysloch> (дата обращения: 12.04.2024).

32. Pravda. Dopravná katastrofa na Slovensku, kontroly sa podľa Matoviča vymkli z rúk. URL: https://debata.pravda.sk/debata/548026-doprava-na-vstupe-do-bratislavy-skolabovala-tvorila-sa-niekoľkohodinove-kolony/?zobrazenie=zatvorene_vlakna&zoradenie=od_najnovsieho (дата обращения: 09.04.2020).

33. Pravda. Dva dni na testy. Všetkých otestovať nestihnú. URL: https://debata.pravda.sk/debata/567406-dva-dni-na-testy-vsetkych-otestovat-nestihnú/?view_mode=vlakna&ordering=od_najnovsieho&strana=5 (дата обращения: 31.10.2020).

34. Pravda. Kto to pokašlal, pán premiér? URL: https://debata.pravda.sk/debata/548132-kto-to-pokaslal-pan-premier/?view_mode=vlakna&ordering=od_najnovsieho&strana=2 (дата обращения: 04.09.2020).

35. Pravda. Rakúsko zostrí režim na hraniciach so Slovenskom, opatrovatelky pustia. URL: <https://debata.pravda.sk/debata/548266-rakusko-pritvrdi-na-hraniciach-so-slovenskom-chce-potvrdenie/> (дата обращения: 31.10.2020).

36. Pravda. Zvrat v zákaze vychádzania: S negatívnym testom budeme slobodní. URL: https://debata.pravda.sk/debata/567140-zvrat-v-zakaze-vychadzania-s-negativnym-testom-budeme-slobodni/?view_mode=vlakna&ordering=od_najnovsieho&strana=5 (дата обращения: 31.10.2020).

37. Pravda. Matovič pritvrdil: Pellegrini mohol spáchať trestný čin, nedal Rómov do karantény. URL: https://debata.pravda.sk/debata/548173-matovic-pritvrdil-pellegrini-mohol-spachat-trestny-cin-nedal-romov-do-karanteny/?utm_source=pravda&utm_medium=hp-box&utm_campaign=shp_rightbox (дата обращения: 09.04.2020).

38. Pravda. Smer, Hlas a SNS sa dohodli, podpísali memorandum. URL: https://debata.pravda.sk/debata/684606-fico-pellegrini-a-danko-potvrdia-vznik-koalicie-podpisu-memorandum-o-porozumeni/?zobrazenie=zatvorene_vlakna&zoradenie=od_najnovsieho (дата обращения: 30.11.2023).

39. Pravda. Sulík: Bankovým odvodom sa bude určite zaoberať Koaličná rada aj vláda. URL: <https://debata.pravda.sk/debata/548177-nazivo-rokovanie-vlady-sr/> (дата обращения: 09.04.2020).

40. *Sandrini P.* Fachliche Translation // Maliszewski Julian (ed): Diskursterminologie beim Fachübersetzen und Dolmetschen. Discourse and Terminology in Specialist Translation and Interpreting. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2010. S. 31–51.

41. *Šándorová E.* Šokovaní diváci Televíznych novín: DEZOLÁTI v uliciach, hlásal titulok k reportáži na Markíze. URL: <https://www.dnes24.sk/sokovani-divaci-televiznych-novin-dezolati-v-uliciach-hlasal-titulok-k-reportazi-na-markize-422396> (дата обращения: 20.09.2022).

42. SME. Kto sú slniečkari či bratislavská kaviareň, a kde sa tieto výrazy nabrali. URL: <https://domov.sme.sk/diskusie/2945361/kto-su-slnieckari-ci-bratislavska-kaviaren-a-kde-sa-tieto-vyrazy-nabrali.html> (дата обращения: 25.03.2023).

43. SMER-SD. Zúfalí liberáli si z lebo Fico, lebo Smer spravili politický program, lebo nedokážu ponúknuť nič iné. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Ktv9lXybnO4> (дата обращения: 03.03.2024).

44. *Surovka R.* Skutočne môžu za to Ficovoliči? URL: <https://blog.sme.sk/surovka/politika/skutocne-mozu-za-to-ficovolic?ref=sekciabox> (дата обращения: 11.01.2024).

45. *Takáč P.* Slniečkár, zlatokopka a iné pseudopojmy. URL: polemag.sk/slnieckar-zlatokopka-a-ine-pseudopojmy/ (дата обращения: 25.03.2024).

46. TASR. Klaus označil Havla za extrémneho ľavičiara. URL: <https://hnonline.sk/svet/460889-klaus-oznacil-havla-za-extremneho-laviciara> (дата обращения: 30.04.2024).

47. *Uhliarik J.* Zlú skúsenosť s opozičnými «slušnosťmi» má aj Blaha, ktorý konštatuje: «Nemajú úctu k ničomu!». URL: <https://ereport.sk/zlu-skusenost-s-opozicnymi-slusnostmi-ma-aj-blaha/> (дата обращения: 25.04.2024).

REFERENCES

1. Parkhomenko, G. (2023) *V Slovačii ob'yavili okonchatel'nye itogi parlament-skich vyborov* [Slovakia announces the final results of parliamentary elections]. [Online] Available from: <https://rg.ru/2023/10/01/v-slovakii-obiavili-okonchatelnye-itogi-parlamentskih-vyborov.html> (Accessed: 20th March 2024).
2. Plamenev, I. (2023) *Partiya "prorossiyskogo" eks-prem'era pobedila na vyborakh v Slovačii* [The party of 'pro-Russian' ex-premier wins Slovak election]. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/politics/01/10/2023/6518d8489a7947199d406f2a> (Accessed: 20th March 2024).
3. Balaskova, E. (2024) *Beňová Ódorovi: LeboFico ako volebný program?* [Online] Available from: <https://www.hlavnydennik.sk/2024/04/12/benova-odorovi-lebofico-ako-volebny-program> (Accessed: 12th April 2024).
4. Bechný, L. (n.d.) *Som slniečkar a nehanbím sa za to*. [Online] Available from: <https://dennikn.sk/blog/313100/som-slnieckar-a-nehانبim-sa-za-to/> (Accessed: 25th March 2024).
5. Czech Republic. (2019) *Český rozhlas Plus: Plus slaví 10 let. Připomeňte si projev Pavla Rychetského nazvaný Demokracie a hodnoty dnes*. [Online] Available from: <https://plus.rozhlas.cz/plus-slavi-10-let-pripomente-si-projev-pavla-rychetského-nazvany-demokracie-a-8107734> (Accessed: 11th November 2020).
6. *Čeština 2.0*. [Online] Available from: <https://cestina20.cz/slovník/> (Accessed: 5th March 2024).
7. Čulen, A. (2019) *Prominentný havloid Saša Vondra bije na poplach, politika EÚ zruinuje európsky priemysel a vyvolá obrovské sociálne nepokoje*. [Online] Available from: <https://alianciazanedelu.sk/archiv/4885> (Accessed: 30th April 2024).
8. Drulák, P. (2021) *Návrat k Havlovi či fraška? Dedičstvo servility voči USA sa vracia do českej politiky*. [Online] Available from: <https://standard.sk/137510/navrat-k-havlovi-ci-fraška-dedicstvo-servility-voci-usa-sa-vracia-do-ceskej-politiky/> (Accessed: 30th April 2024).
9. EXTRA PLUS. (2024) *Baránek posíla list Blanárovi: Nad' sa dopustil nacistického konania!* [Online] Available from: <https://www.extraplus.sk/clanok/baranek-posíla-list-blanarovi-nad-sa-dopustil-nacistického-konania>. (Accessed: 30th April 2024).
10. Facebook. *Havloids*. [Online] Available from: <https://www.facebook.com/havloids> (Accessed: 30th April 2024).
11. Facebook. *LBlaha*. [Online] Available from: https://www.facebook.com/LBlaha/posts/2535487410023156?__tn__=K-R (Accessed: 2nd February 2020).

12. Facebook. *Ingrid.Radosovska*. [Online] Available from: https://www.facebook.com/ingrid.radosovska/?locale=en_GB (Accessed: 4th December 2021).
13. Facebook. (n.d.) *Teraz alebo nikdy. Keď vymeníš repertoár Lebofíco za Leboputin*. [Online] Available from: <https://www.facebook.com/watch/?v=1022221481705000> (Accessed: 14th April 2024).
14. Hajzler, T. (n.d.) *Ovčané a ti ďalší občané*. [Online] Available from: <http://blog.tomashajzler.com/clanek/ovcane-a-ti-dalsi-obcane> (Accessed: 30th April 2024).
15. HD. (2020) *Kňazko by na protestujúcich použil silu. "Malo to vyzerat ako v Nemecku!"* [Online] Available from: <https://www.hlavnydennik.sk/2020/12/22/knazko-by-na-protestujucich-pouzil-silu-malo-to-vyzerat-ako-v-nemecku> (Accessed: 30th April 2024).
16. Hilbertová, M. (2020) *Ako volila "bratislavská kaviareň"?* [Online] Available from: <https://blog.sme.sk/hilbertova/politika/ako-volila-bratislavska-kaviaren> (Accessed: 25th March 2024).
17. HS. (2020) *Premiér vystúpil v mimoriadnom prejave k testovaniu: "Požívam vás, podťe. Máme obrovskú šancu týmto naším slovenským unikátnym liekom vykročiť v ústrety slobode."* [Online] Available from: <https://www.hlavnespravy.sk/premier-pozval-ludi-na-testovanie-hovori-o-pokuse-predist-lock-downu/2334232> (Accessed: 31st October 2020).
18. HS. (2020) *Ministerstvo školstva predstavilo v 80-stranovom dokumente redukciu učiva*. [Online] Available from: <https://www.hlavnespravy.sk/ministerstvo-skolstva-vedy-vyskumu-sportu-predstavilo-redukciu-uciva-urcilo-i-styri-hlavne-vzdelavacie-oblasti/2141150> (Accessed: 28th April 2020).
19. IDNES. (2014) *Havel bol reformný komunista, tvrdí Klaus*. [Online] Available from: <https://hnonline.sk/svet/569249-havel-bol-reformny-komunista-tvrdi-klaus> (Accessed: 30th April 2024).
20. iDNES. (2018) *S Milošem mě spojil havlistický režim, říká Klaus v rozhovoru MF DNES*. [Online] Available from: https://www.idnes.cz/zpravy/domaci/rozho-vor-byvaly-prezident-vaclav-klaus-mf-dnes.A180118_205801_domaci_mpl (Accessed: 11th January 2024).
21. iDNES. (2015) *Sluníčkář je nový pravdoláskař. Zda je to jen móda, experti neodhadnou*. [Online] Available from: https://www.idnes.cz/zpravy/domaci/slunickar-je-novy-pravdolasakar.A150716_091217_domaci_zt (Accessed: 25th March 2024).
22. Joch, R. (2014) *Pražská kavárna: symbol, nebo nadávka?* [Online] Available from: https://www.lidovky.cz/ceska-pozice/prazska-kavarna-symbol-nebo-nadavka.A141228_161158_pozice-tema_houd (Accessed: 25th April 2024).
23. Kerný, D.D. (n.d.) *Čeští voliči pochovali zamat i havlizmus*. [Online] Available from: <https://snn.sk/news/ceski-volici-pochovali-zamat-i-havlizmus/> (Accessed: 25th April 2024).
24. Kluvanec, M. (2024) *Chystá sa štátny prevrat? Ľudské hyeny hodujú na zranenom Ficovi*. [Online] Available from: <https://www.hlavnespravy.sk/chysta-sa>

statny-prevrat-ludske-hyeny-hoduju-na-zranenom-ficovi/3493202 (Accessed: 15th May 2024).

25. Králik, P. (2019) *Zápas o Ústavný súd by mal byť stretom konzervatívcov a liberálnej kaviarne, tvrdí Peter Tomeček z Národnej koalície*. [Online] Available from: <https://www.hlavnydenik.sk/2019/01/22/zapas-o-ustavny-sud-by-mal-byt-stretom-konzervativcov-a-liberalnej-kaviarne-tvrdi-peter-tomecek-z-narodnej-koalicie> (Accessed: 25th April 2024).

26. Laššáková, J. (2024) *Lebo Fico!* [Online] Available from: <https://veci-verejne.sk/judita-lassakova-lebo-fico/> (Accessed: 15th May 2024).

27. Michal, M. (2023) *LeboFico*. [Online] Available from: https://michalm.blog.pravda.sk/2023/09/27/lebofico/?utm_source=pravda&utm_medium=hp-box&utm_campaign=shp_rightbox (Accessed: 27th September 2023).

28. Necyklopedia. (n.d.) *Ovčan*. [Online] Available from: <https://necyklopedia.org/wiki/Ovčan> (Accessed: 25th March 2024).

29. Rychetský, P. (2019) *Pavel Rychetský lamentoval: Humanita se vytratila. Havloid je dneska pejorativní označení*. [Online] Available from: <https://www.parlamentnilisty.cz/arena/monitor/Pavel-Rychetsky-lamentoval-Humanita-se-vytratila-Havloid-je-dneska-pejorativni-oznaceni-603025> (Accessed: 30th April 2024).

30. *Politický slovník*. [Online] Available from: <https://www.politicky-slovník.cz/politicke-mysleni/lepsolidi-z-prazske-kavarny/> (Accessed: 23rd April 2024).

31. Pollák, M. (2024) *Dnes ficovolič, zajtra človek pri zmysloch*. [Online] Available from: <https://blog.sme.sk/martinpollak/politika/dnes-ficovolic-zajtra-clovek-pri-zmysloch> (Accessed: 12th April 2024).

32. *Pravda*. (n.d.) *Dopravná katastrofa na Slovensku, kontroly sa podľa Matoviča vymkli z rúk*. [Online] Available from: https://debata.pravda.sk/debata/548026-doprava-na-vstupe-do-bratislavy-skolabovala-tvorila-sa-niekoľkohodinove-kolony/?zobrazenie=zatvorene_vlakna&zoradenie=od_najnovsieho (Accessed: 9th April 2020).

33. *Pravda*. (n.d.) *Dva dni na testy. Všetkých otestovať nestihnú*. [Online] Available from: https://debata.pravda.sk/debata/567406-dva-dni-na-testy-vsetkych-otestovat-nestihnu/?view_mode=vlakna&ordering=od_najnovsieho&strana=5 (Accessed: 31st October 2020).

34. *Pravda*. (n.d.) *Kto to pokašlal, pán premiér?* [Online] Available from: https://debata.pravda.sk/debata/548132-kto-to-pokaslal-pan-premier/?utm_source=pravda&utm_medium=hp-box&utm_campaign=shp_rightbo (Accessed: 4th April 2020).

35. *Pravda*. (n.d.) *Rakúsko zostrí režim na hraniciach so Slovenskom, opatrovatelky pustia*. [Online] Available from: https://debata.pravda.sk/debata/548266-rakusko-pritvrdi-na-hraniciach-so-slovenskom-chce-potvrdenie/?view_mode=vlakna&ordering=od_najnovsieho&strana=2 (Accessed: 31st October 2020).

36. *Pravda*. (n.d.) Zvrat v zákaze vychádzania: S negatívnym testom budeme slobodní. [Curfew reversal: With a negative test, we will be free]. [Online] Available from: https://debata.pravda.sk/debata/567140-zvrat-v-zakaze-vychadzania-s-negativnym-testom-budeme-slobodni/?view_mode=vlakna&ordering=od_najnovsieho&strana=5 (Accessed: 31st October 2020).

37. *Pravda*. (n.d.) Matovič pritvrdil: Pellegrini mohol spáchať trestný čin, nedal Rómov do karantény. [Online] Available from: https://debata.pravda.sk/debata/548173-matovic-pritvrdil-pellegrini-mohol-spachat-trestny-cin-nedal-romov-do-karanteny/?utm_source=pravda&utm_medium=hp-box&utm_campaign=shp_rightbox (Accessed: 9th April 2020).

38. *Pravda*. (n.d.) Smer, Hlas a SNS sa dohodli, podpísali memorandum. SaS: Novú koalíciu budú spájať kšefty a korupcia. [Online] Available from: https://debata.pravda.sk/debata/684606-fico-pellegrini-a-danko-potvrdivznik-koalicie-podpisu-memorandum-o-porozumeni/?zobrazenie=zatvorene_vlakna&zoradenie=od_najnovsieho (Accessed: 30th November 2023).

39. *Pravda*. (n.d.) Sulík: Bankovým odvodom sa bude určite zaoberať Koaličná rada aj vláda. [Online] Available from: <https://debata.pravda.sk/debata/548177-nazivo-rokovanie-vlady-sr/> (Accessed: 9th April 2020).

40. Sandrini, P. (2010) Fachliche Translation. In: Maliszewski, J. (ed.) *Diskursterminologie beim Fachübersetzen und Dolmetschen*. Frankfurt am Main: Peter Lang. pp. 31–51.

41. Šándorová, E. (2022) *Šokovaní diváci Televíznych novín: Dezoláti v uliciach, hlásal titulok k reportáži na Markíze*. [Online] Available from: <https://www.dnes24.sk/sokovani-divaci-televiznych-novin-dezolati-v-uliciach-hlasal-titulok-k-reportazi-na-markize-422396> (Accessed: 20th September 2022).

42. SME. (2016) *Kto sú slniečkári, či bratislavská kaviareň, a kde sa tieto výrazy nabrali*. [Online] Available from: <https://domov.sme.sk/diskusie/2945361/kto-su-slnieckari-ci-bratislavska-kaviaren-a-kde-sa-tieto-vyrazy-nabrali.html> (Accessed: 25th March 2023).

43. SMER-SD. (n.d.) *Zúfalí liberáli si z lebo Fico, lebo Smer spravili politický program, lebo nedokážu ponúknuť nič iné*. [Online] Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=Ktv9lXybnO4> (Accessed: 3rd March 2024).

44. Surovka, R. (n.d.) *Skutočne môžu za to Ficovoliči?* [Online] Available from: <https://blog.sme.sk/surovka/politika/skutocne-mozu-za-to-ficovolicifref=sekciabox> (Accessed: 11th January 2024).

45. Takáč, P. (n.d.) *Slniečkár, zlatokopka a iné pseudopojmy*. [Online] Available from: polemag.sk/slnieckar-zlatokopka-a-ine-pseudopojmy/ (Accessed: 25th March 2024).

46. TASR. (n.d.) *Klaus označil Havla za extrémneho ľavičiara*. [Online] Available from: <https://hnonline.sk/svet/460889-klaus-oznacic-havla-za-extremneho-laviciara> (Accessed: 30th April 2024).

47. Uhliarik, J. (n.d.) Zlý skúsenosť s opozičnými “slušnosťmi” má aj Blaha, ktorý konštatuje: “Nemajú úctu k ničomu!” [Online] Available from: <https://>

ereport.sk/zlu-skusenost-s-opozicnymi-slusnoludmi-ma-aj-blahu/ (Accessed: 25th April 2024).

Саболова Драгомира – доцент кафедры иностранных языков педагогического факультета Католического университета в Ружомбероке (Словакия).

Drahomira Sabolova – Catholic University in Ružomberok (Slovakia).

E-mail: d_s@centrum.sk

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русини

Основаи в 2003 в

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

2024. № 75

Республиканская общественная ассоциация «Рүсь»
(г. Кишинёв, Республика Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

– 356 стр.

Республика Молдова, г. Кишинёв, MD 2028, ул Миорица 1С, кв. 83.

E-mail: journalrusyn@rambler.ru, info@rusin.md

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>

Сайты «Международный исторический журнал "Русин"»:

<http://journals.tsu.ru/rusin>

<http://journalrusin.ru>

 www.facebook.com/groups/journalrusin

 <https://vk.com/journalrusin>

 <https://t.me/journalRusin>

Подписано к печати 30.03.2024.

Формат 60х90 ^{1/16}.

Бумага офсет № 1.

Печать офсетная.

Гарнитура «PT Sans».

Тираж 250 экз.

Заказ 53/0924.

Отпечатано в типографии «Taicom».
г. Кишинёв, ул. Александру чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.

Редакция не вступает с авторами и читателями в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня.

Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор.

При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

